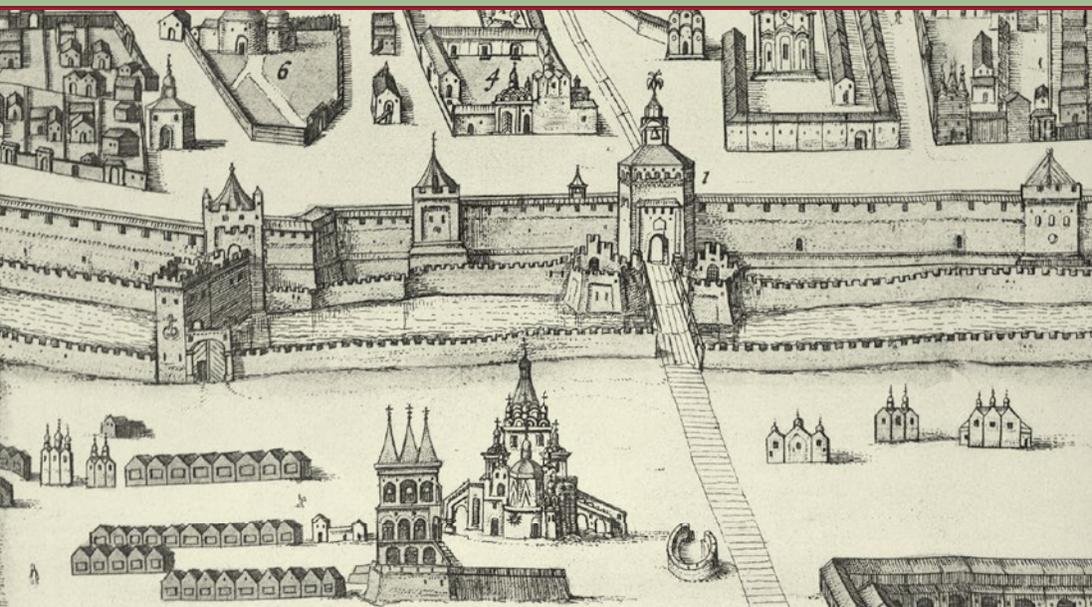

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ

Чтения памяти
И.И. Кузнецова

Выпуск 2

Министерство культуры Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный исторический музей»
Храм-музей «Покровский собор»
Подворье Патриарха Московского и всея Руси храмов в Зарядье,
что в Китай-городе г. Москвы, Русской Православной Церкви
(Московский Патриархат)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ

ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ
И.И. КУЗНЕЦОВА

Выпуск 2

*Материалы научной конференции,
посвященной 460-летию завершения строительства
и освящения собора Покрова Пресвятой Богородицы
на Рву (1555—1561) и памяти настоятеля храма,
протоиерея Иоанна Андреевича Ковалевского (1856—1921)
(Москва, 16—17 ноября 2021 г.)*

Москва
2022

УДК 347.787
ББК 85.113
А43

Ответственный редактор к.и.н. Т.Г. Сарачева
Редакторы-составители: к.и.н. Н.Н. Малышева, к.и.н. Т.Г. Сарачева

А43 Актуальные проблемы изучения и сохранения памятников архитектуры: Чтения памяти И.И. Кузнецова. Вып. 2. Материалы научной конференции. Москва, 16—17 ноября 2021 г. М., 2022. 436 с. : ил.

ISBN 978-5-89076-437-9

В сборнике представлены материалы состоявшихся в ноябре 2021 г. в Государственном историческом музее Вторых научных чтений памяти протоиерея Покровского собора (храма Василия Блаженного), историка Иоанна Иоанновича Кузнецова (1863—1923). Научная конференция была приурочена к 460-летию завершения строительства Покровского собора и столетию кончины настоятеля храма, протоиерея И.А. Ковалевского (1856—1921). Авторы статей — представители ведущих академических учреждений, музеев и вузов страны, Русской Православной Церкви, краеведы — раскрывают в своих исследованиях темы, связанные с историей Покровского собора и других церковных памятников, с сохранением культурного наследия и ролью в этом священнослужителей, изучением музейных предметов. Ряд работ является первой публикацией материалов. Дополняет сборник вышедшая в 1913 г. статья И.И. Кузнецова «Святой Прокопий Праведный, Устюжский Чудотворец. Опыт исследования Жития».

Для историков, искусствоведов, культурологов, архитекторов, реставраторов, археологов, сотрудников музеев и архивов.

УДК 347.787
ББК 85.113

На обложке: Фрагмент плана «Кремленаград». Начало 1600-х годов.

ISBN 978-5-89076-437-9

© Исторический музей, 2022
© А.Н. Белов, макет, 2022

Предисловие

Предлагаемый вниманию читателей сборник включает материалы участников Вторых научных чтений памяти протоиерея Покровского собора, историка Иоанна Иоанновича Кузнецова (1863—1923), состоявшихся 16—17 ноября 2021 г. в Государственном историческом музее*. Организованная музеем при участии Патриаршего подворья храмов в Зарядье, что в Китай-городе, научная конференция была приурочена к 460-летию завершения строительства Покровского собора и столетию кончины его настоятеля, протоиерея И.А. Ковалевского (1856—1921).

В сборник вошли статьи известных ученых и молодых исследователей — представителей ведущих академических учреждений, музеев и вузов страны, Русской Православной Церкви, краеведов. Тематика работ обширна и разнообразна: страницы жизни священнослужителей Покровского собора и их вклад в изучение его истории, исследование предметов из собрания музея «Покровский собор», в том числе с помощью естественно-научных методов, просветительская деятельность священников России, введение в научный оборот материалов новейших исследований, вопросы сохранения культурного наследия в 1920-е — 1930-е годы и в настоящее время, археологическое изучение церковных памятников. Несомненный интерес представляют исследования рукописных книг.

* Первые чтения прошли в ноябре 2019 г. См. сборник по материалам чтений: Актуальные проблемы изучения и сохранения памятников архитектуры: Чтения памяти И.И. Кузнецова. Вып. 1. Материалы научной конференции. Москва, 12—13 ноября 2019 г. М., 2020. С. 96—110. URL: <https://disk.yandex.ru/i/HAeU9XR7uvdhiw> (дата обращения: 18.04.2022 г.).

Т.Г. Берхина

Протоиерей Иоанн Ковалевский — настоятель Покровского собора в 1918—1921 гг.

Составители сборника приняли решение о публикации разбросанных по разным дореволюционным, порою малодоступным, изданиям научных работ исследователя истории Покровского собора, ученого, богослова, археолога И.И. Кузнецова. Его работы не потеряли актуальности и сегодня, они часто цитируются исследователями и существенно расширяют наши знания по истории Покровского собора, агиографии юродивых, архитектурным и историческим памятникам Москвы и России. Открывает это начинание статья «Святой Прокопий Праведный, Устюжский Чудотворец. Опыт исследования Жития», вышедшая в 1913 г. во втором выпуске «Летописного и лицевого изборника Дома Романовых».

Надеемся, что Чтения памяти И.И. Кузнецова станут регулярным, важным и значимым научным проектом музея, а настоящая книга будет полезна всем, кого интересуют вопросы изучения культовых архитектурных памятников, иконописи, агиографии, почитания юродивых в России, сакральной топографии, церковной жизни городов, реставрации и сохранности, использования и доступности храмов и монастырей, а также персоналии священнослужителей и проблемы музейного источниковедения.

Н.Н. Мальшева, Т.Г. Сарачева

В 2021 г. исполнилось 100 лет со дня кончины одного из последних настоятелей собора Покрова на Рву протоиерея Иоанна Андреевича Ковалевского (рис. 1)¹. Он посвятил служению в храме всю жизнь: в клире состоял 38 лет, 34 года был ключарем и около трех лет — настоятелем. Протоиерей Иоанн возглавил собор в очень тяжелый период осенью 1918 г. после расстрела предыдущего настоятеля — протоиерея Иоанна Восторгова² и оставался на этом посту до кончины в 1921 г.

Испытания, выпавшие ему в конце жизни, можно, следуя православной традиции, охарактеризовать как подготовку к вечности, когда душа человека страданиями «яко злато в горниле» очищается от всего ненужного. Спустя столетие, оглядывая жизненный путь протоиерея И.А. Ковалевского, мы можем назвать его жизнь и кончину исповедническими, поскольку он на каждом из своих служебных поприщ свидетельствовал о Христе, а смерть его была ускорена арестом и лишениями, пережитыми на посту настоятеля Покровского собора.

Иван Ковалевский родился в семье священника Андрея Ивановича Ковалевского и его жены Анны Ефимовны 8 октября 1856 г. и на другой же день был крещен во Введенском храме слободы Ясеновки Богучарского у. Воронежской епархии, в котором служил его отец³. Крестил его священник той же церкви Василий Акимов, воспитателями были «...священник Троицкой церкви слободы Новой Меловатки Алексей Федоров Игнатов и Валуйского уезда священника дочь Екатерина Евфимьева Костылева». Судя по отчеству, Екатерина могла быть сестрой матери новорожденного и в таком случае обе они были дочерьми священника Валуйского у. Ефима Костылева.

Рис. 1. Протоиерей Иоанн Андреевич Ковалевский. 1909 г.

В семье священника Андрея Ковалевского были еще дети, из которых известны Сергей⁴, окончивший Воронежскую семинарию и ставший священником, и дочь⁵, проживавшая в 1880-х годах с матерью. Когда Ивану Ковалевскому было около 6 лет, семья лишилась отца⁶.

Овдовев, Анна Ефимовна стала зарабатывать на жизнь тем, что пекла просфоры, получая за труд 35 руб. в год⁷. Также известно, что она жила в собственном доме на «белой» (т. е. в данном слу-

чае не церковной) земле⁸. Храм Введения, построенный в 1824 г., сохранился; в советское время он был закрыт, сейчас восстанавливается.

В 11 лет Иван Ковалевский поступил в Павловское духовное училище той же Воронежской епархии (сохранились здания училища). В разрядном списке училища за 1867 / 68 г. есть два Ивана Ковалевских⁹. «Наш» Иван 1-й числится учеником 2-го разряда в низшем отделении училища, по списку — 47-й. Среди его однокашников по училищу были Сергей Голубятников — воспитанник 1-го разряда, по списку 5-й — будущий епископ Серафим Екатеринбургский и Ирбитский¹⁰ и Василий Барбарин — ученик 2-го разряда по списку 52-й. Все трое по окончании училища в 1873 г. поступили в Воронежскую семинарию. Из всех троих Иван Ковалевский имел наименьшие успехи в науках, но и он в 1879 г. окончил учебу в семинарии с отличным поведением и оценками по всем предметам «хорошо» и «очень хорошо»¹¹.

В том же году Иван Ковалевский по собственному прошению был принят в МДА на практическое отделение¹². Вместе с ним в академию также по собственным прошениям поступили еще трое выпускников Воронежской семинарии: Владимир Тацентов¹³ (5-й по списку Воронежской семинарии и в дальнейшем 5-й по списку выпускников МДА), Василий Дикарев¹⁴ (соответственно — 6-й и 16-й) и Василий Барбарин (4-й и 9-й). На первом курсе к ним из Киевской академии был переведен еще один воронежский однокашник — студент Георгий Алферов¹⁵ (3-й и 7-й). Все они в дальнейшем успешно окончили академию.

Интересно, что летом 1882 г. трое из этих студентов — Алферов, Барбарин и Ковалевский — не явились вовремя в академию после каникул из Воронежа, представив справки о болезни от настоятелей своих приходских церквей¹⁶.

В академии из всех пяти воронежцев Иван Ковалевский также имел наименьшие успехи (по списку он в разные годы был 17—20-м). Отчасти трудности в учебе можно объяснить его бедностью: на втором и третьем курсах он обращался с прошениями: сначала о материальной помощи на квартиру и стол (получил 110 р. в год), а затем — об обучении на казенный кошт¹⁷. В ОР РГБ сохранилось его сочинение «Пастырь и пастырство в до-петровской Руси» — добротная ученическая работа¹⁸. На старших курсах он прочитал три пробные лекции¹⁹. Темы двух лекций студент Ковалевский

выбрал сам: «Источники, которыми пользовался Тит Ливий при составлении своего исторического труда “Ab urbe condita” и несамостоятельное отношение его к ним» и «Объяснение 5 главы XXI книги того же сочинения». Тема третьей лекции «О союзах, означающих причину, условие, уступление и сравнение» была назначена преподавателем. Все лекции были удостоены удовлетворительной оценки.

В документах, хранящихся в ОР РГБ, существует некоторая путаница: в 1879 г. историческое отделение XXXIV курса МДА окончил другой Ковалевский — Иван Васильевич, поступивший сюда из Волынской семинарии. В академии он написал обширную выпускную работу по истории православных общин Западной Руси. Часть его рукописи в ОР РГБ приписана Ивану Андреевичу Ковалевскому. Эта ошибка не случайна. В Западной Руси, в том числе в Воронежской епархии, в церковной среде было немало Ковалевских, и они довольно часто носили имя Иван. И в Павловском училище и в Воронежской семинарии одновременно с Иваном Андреевичем учились другие Иваны Ковалевские. В 1883 г. еще один Иван Ковалевский²⁰ закончил Киевскую духовную академию. Возможно, все эти Ковалевские происходили из родов, восходящих к одному корню — шляхетскому роду, в древности разделившемуся на православную и католическую ветви. Этот род дал немало выдающихся государственных, общественных и религиозных деятелей²¹. В духовное сословие некоторые из православных Ковалевских перешли в XVIII в.²²

По окончании академии летом 1883 г. Иван Ковалевский, как казеннокоштный студент, должен был в течение четырех лет состоять на училищной службе²³. Он написал прошение о распределении его преподавателем в Тамбовское или Ярославское духовное училище или в одну из южных губерний, ближайших к Воронежской²⁴, но с 1 ноября 1883 г. он был определен в Лысковское духовное училище Нижегородской епархии учителем русского и церковно-славянского языков²⁵. Однако он подал прошение на имя обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева и по нему был освобожден от училищной службы²⁶. Уже 22 ноября 1883 г. он был принят в Покровский собор²⁷.

В штате собора, который возглавлял протоиерей Николай Иванович Надеждин²⁸, в это время возник недостаток в кадрах²⁹: ключарь Александр Иванович Величкин³⁰, служивший здесь уже почти

20 лет, в силу возраста имел слабое здоровье, а священник Григорий Ефремович Скворцов, служивший в соборе с 1876 г.³¹, в 1883 г. перешел к церкви Троицы на Капельках³². Необходимо отметить, что бесприходный Покровский собор был не особо привлекательным для московских клириков в плане материального обеспечения: лучшим местом считался храм с большим приходом.

Иван Ковалевский был рукоположен к собору в священника 30 января 1884 г. Вскоре скончался ключарь собора священник Александр Величкин и 26 февраля 1884 г.³³ на его место был рукоположен однокашник Ковалевского по училищу, семинарии и академии Василий Барбарин³⁴, а 3 августа того же года священник Иоанн Ковалевский был назначен ключарем³⁵ и оставался на этой должности 34 года.

Обеспечение священников собора, кроме небольшого жалованья от казны, складывалось из части арендного дохода от сдаваемых помещений соборного дома, процентов с капитала собора и части дохода от богослужений (кружечного сбора). Кроме того, они обеспечивались квартирой³⁶ и определенной суммой на покупку дров³⁷. В ежегодных клировых ведомостях указано, что «...содержание причта достаточное».

Молодые священники Иоанн Ковалевский и Василий Барбарин (рис. 2)³⁸ осваивали уклад и традиции Покровского собора под руководством настоятеля протоиерея Николая Надеждина, прослужившего в нем к этому времени уже 10 лет. В 1886 г. состоялось празднование 50-летия служения протоиерея Николая Надеждина, и священник Иоанн Ковалевский, как ключарь, зачитал на этом торжестве адрес от сослуживцев, характеризующий не только самого юбиляра, но и то, как в соборе воспитывались молодые пастыри. В его речи было засвидетельствовано: «Мы начали служение св. Церкви под Вашим мудрым руководством и, можно сказать, исключительно обязаны Вам своим воспитанием в духе законности и церковного благочиния. Как истинно ревностный и рачительный служитель Церкви Христовой, любящий совершать Богослужение с возможным исполнением положенного уставом, — Вы того же требовали и от нас, сослужителей своих, в благоговейном сознании, что в Церкви Божией все должно быть „благообразно и по чину“. Ваше истинно пастырское предстояние у престола Всевышнего служило для нас назидательным примером благоговейного молитвенного настроения. ...Мы, подчиненные Вам, обязаны

Рис. 2. Священник Василий Барбарин с сыновьями. Около 1900 г.

были и всегда могли учиться от Вас строгой внимательности, исполнительности во всем и честного отношения к делу; мы всегда видели в Вас опытного и сильного руководителя, доброго и снисходительного ближайшего своего начальника, пример мудрой осторожности и непреклонной справедливости»³⁹. Все дальнейшие годы служения Иоанна Андреевича Ковалевского в соборе

подтверждают, что он стремился развивать в себе те же качества, которые имел его наставник.

По обычаю собора, священники служили ежедневно, меняясь по неделям. Настоятель нес также административную нагрузку — он был благочинным Китайского сорока. Священник И. Ковалевский, как ключарь, отвечал за ризницу и порядок в богослужении.

Семейство священника Иоанна Ковалевского, согласно клировым ведомостям, состояло из жены Евгении Сергеевны 1865 г. р.⁴⁰ и пятерых детей: Софии 1885 г. р., в 1913 г. замужем за мировым судьей⁴¹; Владимира 1886 г. р., по-видимому, рано умер⁴²; Михаила 1888 г. р., окончил философский факультет Геттингенского университета, преподавал в Московском университете⁴³; Василия 1890 г. р., окончил Московский университет, был врачом, умер в 1917 г.⁴⁴; Ивана 1893 г. р., окончил Императорское техническое училище, в 1916 г. — подпоручик инженерных войск⁴⁵, в 1919 г. — помощник машиниста паровоза⁴⁶.

В первые годы служения в соборе священник Иоанн Ковалевский посвящал свой досуг историческим трудам. Им были подготовлены и изданы работы о соборе и его святынях:

1. «Кремлевские Спасские ворота в Москве». М., 1889⁴⁷.
2. «Святые блаженные Василий и Иоанн, Христа ради юродивые, Московские чудотворцы». М., 1894 (второе издание — 1895)⁴⁸.
3. «Юродство о Христе и Христа ради юродивые восточной и русской церкви: исторический очерк и жития сих подвижников благочестия». М., 1895 (второе издание —?, третье издание — 1902). Это сочинение апологетического характера священник Иоанн Ковалевский издал в 1895 г. за собственный счет и в январе следующего года представил в Совет МДА на соискание степени магистра богословия⁴⁹.

В книге были собраны жития 20 подвижников, даны общие понятия о юродстве Христа ради, сравнительная оценка юродства по отношению к другим видам подвижничества, сделан подробный обзор святоотеческого учения о подвиге юродства⁵⁰. В дальнейшем она трижды переиздавалась до революции и несколько раз уже в наше время, что свидетельствует о ее большой востребованности и интересе к ней читателей.

Книга была одобрена Учебным комитетом при Синоде для ученических библиотек духовных семинарий, духовных училищ, монастырских и церковноприходских библиотек и была известна

не только в Москве. В 1895 г. в Воронежских епархиальных ведомостях было помещено объявление: «Новая книга „Юродство о Христе и Христа ради юродивые Восточной и Русской Церкви. Исторический очерк и Жития сих подвижников благочестия“. Цена 1 руб. с пересылкой. У автора, Москва, Пятницкая ул., дом Покровского собора, ключаря священника И. Ковалевского и у свящ. Сергия Ковалевского, слобода Раскова, Богучарского уезда»⁵¹.

Ближайший сослужитель ключаря Иоанна Ковалевского священник Василий Барбарин в 1888 г. также составил две брошюры⁵²: «Московский Покровский и св. Василия Блаженного собор: Когда, как и кем он построен. Его святыня» и «Жизнь и чудеса святых блаженных Василия (и) Иоанна, Христа ради юродивых, московских чудотворцев». Это были небольшие популярные книжечки карманного формата для широкого круга читателей ценой 5 коп., которые неоднократно переиздавались в пользу собора. Таким образом, священники Ковалевский и Барбарин шли рядом в своих трудах. При этом сравнение их сочинений и, в частности, изложения житий Василия и Иоанна блаженных показывает, что они составлялись независимо друг от друга.

С 1890 г. священник Иоанн Ковалевский начал преподавать Закон Божий в различных учебных заведениях, и это поприще заняло в его жизни важное место. На протяжении 24 лет с 1893 г. он состоял законоучителем 3-й женской гимназии ведомства учреждений императрицы Марии Федоровны на Большой Ордынке⁵³ (рис. 3); в 1897—1901 гг. — законоучителем частного коммерческого и реального училища К.К. Мазинга. Дольше всего — 27 лет с 1890 по 1917 г. — И.А. Ковалевский преподавал Закон Божий в старших классах частной женской гимназии, принадлежавшей сначала З.Д. Перепелкиной, а с 1906 г. — М.Г. Брюхоненко⁵⁴. Гимназия размещалась сначала в Большом Кисловском переулке, а затем — в новом, специально выстроенном здании в Столовом переулке. Гимназия считалась одной из самых престижных в Москве и была известна либеральными взглядами. Здесь учились Вера Холодная, Марина и Анастасия Цветаевы, Наталья Сац и Елена Дьяконова, более известная в дальнейшем как Гала Дали⁵⁵.

За законоучительство Иоанн Андреевич Ковалевский был удостоен нескольких церковных наград: в 1896 г. за усердное служение в должности законоучителя — фиолетовой бархатной камиллавки, в 1904 г., также «за законоучительство», возведен в сан протоиерея,

Рис. 3. Выпускная фотография 3-й московской женской гимназии ведомства императрицы Марии Федоровны. 1909 г.

а в 1908 г. получил орден Святой Анны 3-й степени (рис. 4, 5)⁵⁶. Также в 1887 г. за труды по епархиальному ведомству он был награжден набедренником, а в 1892 г. — бархатной фиолетовой скуфьей.

В 1891 г. в Покровском соборе сменился настоятель: после кончины протоиерея Николая Иоанновича Надеждина сюда был назначен протоиерей Константин Иоаннович Богоявленский⁵⁷, который оставался настоятелем более 20 лет. Одновременно с новым настоятелем в собор пришел священник Иоанн Иоаннович Кузне-

Рис. 4. Гимназия М.Г. Брюхоненко. Титульный лист фотоальбома

Рис. 5. Преподавательский состав гимназии М.Г. Брюхоненко. Около 1911 г.

цов (на место Василия Барбарина). Кузнецов был моложе Ковалевского и по возрасту, и по хиротонии. Вскоре он проявил себя как талантливый и энергичный исследователь истории собора, тем более, что он не был обременен большим семейством.

В 1894 г. настоятель собора протоиерей К. Богоявленский, будучи одновременно благочинным Китайского сорока, ходатайствовал о награждении священника Иоанна Ковалевского камилавкой вне очереди (межнаградной срок составлял четыре года) «...за честное служение во священстве в продолжении 10 лет и за особые труды по должности ключаря и по народному образованию»⁵⁸, но ходатайство не было удовлетворено, и священник Иоанн Ковалевский получил камилавку только в 1896 г. в соответствии с положенным межнаградным сроком⁵⁹.

В дальнейшем Иоанн Андреевич Ковалевский и Иоанн Иоаннович Кузнецов большинство церковных наград получали одновременно. В 1900 г. оба были награждены наперсным крестом, «от Синода выдаваемым»⁶⁰, а Иоанн Кузнецов одновременно получил и золотой с украшениями крест из кабинета Его Императорского Величества (что, вероятно, было связано с его историческими трудами). В 1904 г. оба священника были удостоены сана протоиерея, в 1912 г. — ордена Святой Анны 2-й степени. Оба 6 мая 1916 г. были награждены за службу по епархиальному ведомству орденом Святого князя Владимира 4-й степени.

Иоанн Ковалевский удостоился также серебряной медали на Андреевской ленте в память коронавания Николая II и вместе с И. Кузнецовым — серебряной медали на Александровской ленте в память императора Александра III. За участие с 1900 г. в беседах с народом в кафедральном Чудовом монастыре священник Иоанн Ковалевский получал в 1903 и 1904 гг. благодарности от московского митрополита Владимира. В 1904 г. эта благодарность выразилась в резолюции преосвященного: «Радуюсь успеху беседований и благодарю потрудившихся в этом деле». Кроме бесед в Чудовом монастыре, священник Иоанн Ковалевский выполнял многие другие церковные послушания. С января 1895 г. по июнь 1896 г. исполнял должность наблюдателя церковноприходских школ Китайского сорока, в 1903 г. был членом ревизионного Комитета Заиконоспасского духовного училища, в 1907 г. — членом Комиссии для производства испытаний лицам, ищущим псаломщицкой должности в сельских приходах.

В 1912 г. протоиерей Иоанн Ковалевский был назначен членом Комитета для принятия и хранения приношений на строительство храма св. благоверного князя Александра Невского в Москве в память освобождения крестьян от крепостной зависимости⁶¹ и членом комиссии по реставрации Покровского собора. В течение семи лет, с 1906 г. по 1913 г., протоиерей Иоанн был депутатом от духовного ведомства в Московском уездном земском собрании, откуда он был уволен по собственному прошению, поскольку депутат от духовенства имел мало возможностей реального участия в работе земского собрания⁶².

С декабря 1907 г. протоиерей Иоанн Ковалевский состоял уполномоченным в Московском отделении Императорского Палестинского общества. В его обязанности входило распространение сведений об обществе, организация чтений о Святой Земле, сбор членских взносов и пожертвований в пользу общества по сборным листам или квитанционным книжкам, организация кружечного сбора, а также выдача Паломнических книжек паломникам в Москве⁶³. Московское отделение общества возглавлял Московский митрополит Владимир (Богоявленский), а делопроизводителем (по выбору великой княгини Елизаветы Федоровны) стал будущий священномученик протоиерей Иоанн Восторгов. Таким образом, уже в 1907 г. протоиерей И. Ковалевский был знаком и, как уполномоченный, трудился в ИППО совместно с протоиереем Иоанном Восторговым, который в 1913 г. после кончины протоиерея Константина Богоявленского был назначен настоятелем Покровского собора. Об отношении протоиерея Иоанна Восторгова к И.А. Ковалевскому можно судить по записи, которую И. Восторгов, как настоятель собора и благочинный, сделал в клировой ведомости 1913 г., оценив поведение ключаря И. Ковалевского, как «отлично хорошее»⁶⁴. В последние годы жизни протоиерей Константин Богоявленский тяжело болел, и, по распоряжению архиерея, ключарь Иоанн Ковалевский с 1910 г. помогал ему в исполнении обязанностей настоятеля и благочинного⁶⁵. Характер послушаний, возлагавшихся священноначалием на протоиерея И. Ковалевского, свидетельствует, что епархиальное начальство, поручая ему административные дела, часто связанные с денежными вопросами, ценило в нем ответственность, аккуратность и исполнительность.

По кончине протоиерея Константина Богоявленского причт собора ожидал, что настоятелем будет поставлен Иоанн Андрее-

вич Ковалевский, но московский митрополит Макарий (Невский) по представлению обер-прокурора Синода назначил в собор протоиерея Иоанна Восторгова⁶⁶. Энергия, многосторонняя деятельность и широкая известность нового настоятеля привлекли в собор множество богомольцев, из которых в дальнейшем сформировалась община, поддерживавшая монархические взгляды Иоанна Восторгова. Древний и широко известный Покровский собор стал трибуной для его горячих проповедей, собиравших многочисленных слушателей.

В первый год настоятельства протоиерея Иоанна Восторгова, по словесному распоряжению архиерея, протоиерей Иоанн Ковалевский исполнял обязанности настоятеля и благочинного во время его командировок⁶⁷, и в целом его административная нагрузка, как ключаря, заметно выросла.

В 1914 г. исполнилось 30 лет служения И.А. Ковалевского в священном сане и в соборе, а в августе — 30 лет в должности ключаря. Никаких упоминаний о поздравлениях или наградах к этим датам найти не удалось, возможно, эти события никак не отмечались. Тем не менее, вероятно, к этим датам протоиерей Иоанн Ковалевский подарил собору комплект облачений для священника и дьякона синего цвета⁶⁸ (в разных описях эти облачения обозначены по-разному: «парчовое с золотыми цветами» и «атласное с золотыми разводами»).

С 1915 г. протоиерей Иоанн Ковалевский стал благочинным Китайского сорока⁶⁹. Это была административная должность, при назначении на которую священник становился помощником епископа в части надзора за порядком в определенном церковном округе, называемом благочинием. На эту должность назначались наиболее заслуженные священники, как правило, настоятели известных храмов. Благочинными Китайского сорока в течение 40 лет с 1873 г. по 1913 г. неизменно являлись настоятели Покровского собора⁷⁰.

Как благочинный, протоиерей Иоанн Ковалевский наблюдал, чтобы духовенство неукоснительно исполняло свои обязанности, касающиеся богослужения, распоряжения церковным имуществом и ведения метрических книг. Также благочинный имел право самостоятельно разбирать жалобы или ссоры духовенства, если они заканчивались примирением. Благочинный нес ответственность за составление в своем округе клировых ведомостей,

через него происходил сбор общеeparхиальных средств с церковью благочиния и кружечных сборов на различные церковные и епархиальные нужды. Он также участвовал в решении множества бытовых вопросов подведомственного духовенства. В то же время, благочинным самого Покровского собора остался протоиерей Иоанн Восторгов, который в 1915 г. стал также председателем Совета благочинных Москвы⁷¹.

После Февральской революции должность благочинного невольно вовлекла протоиерея Иоанна Ковалевского в общественно-политическую деятельность. Уже 3 марта 1917 г. под председательством И. Восторгова состоялись два экстренных собрания благочинных Москвы, на которых было решено вместо царской фамилии поминать «Богохранимую державу Российскую и правителей ея». Была изменена и часть тропаря Кресту: «...победы Богохранимой державе Российской и правителям ея на сопротивная даруя». Было также выработано «Постановление Московского совета благочинных относительно позиции московского духовенства в связи с Февральской революцией»⁷², в котором выражалась поддержка Временному правительству и заверения в том, что оно найдет в лице духовенства «...естественных сотрудников и пособников, конечно, не в прямой политической деятельности, а именно в охранении мира, порядка и спокойствия в общественной и государственной жизни»⁷³.

О настроениях в то время большинства клириков свидетельствует резолюция собрания московского духовенства, состоявшегося 8 марта 1917 г. в Епархиальном доме, на котором присутствовало около 800 человек: «Искренне сочувствуем народной радости и, повинясь Временному правительству, всеми зависящими от нас средствами обязуемся содействовать ему в его деятельности на благо родины»⁷⁴.

22 марта Иоанн Ковалевский с другими благочинными присутствовал на общеeparхиальном съезде духовенства⁷⁵, на котором большинством голосов было решено, что благочинные и благочиннический совет должны быть упразднены⁷⁶. Но управляющий митрополией епископ Дмитровский Иоасаф⁷⁷ не утвердил это постановление съезда и начертал следующую резолюцию: «Не могу согласиться. Институт благочинных имеет историческую давность; идея его хорошая — быть органом епископского надзора и руководства на местах. Благочинный должен быть представите-

лем духовенства у епископа, а поэтому кандидатов в благочинные избирает духовенство, а назначение зависит от епископа»⁷⁸.

Вскоре епископ Иоасаф циркулярным указом, адресованным благочинным Московской епархии, распорядился провести выборы благочинных на следующее трехлетие. Также на три года в каждом благочинническом округе выбирался следователь и Совет при благочинном в составе священника, диакона, псаломщика и мирянина. Выборщиками были священники, диаконы, псаломщики и представители от мирян округа.

В Китайском сороке выборы под председательством протоиерея Иоанна Ковалевского состоялись 1 мая 1917 г. в церкви Максима Блаженного на Варварке. В ходе голосования «закрытою баллотировкою» большинством голосов на должность благочинного Китайского сорока был вновь избран протоиерей Иоанн Андреевич Ковалевский. Следователем избрали священника Николо-Москворецкой церкви Петра Петровича Сахарова⁷⁹, а в совет при благочинном — протоиерея Николо-Мокринской церкви Ф. Борисоглебского, диакона Максимовской церкви С. Зубова и псаломщика Покровской (Георгиевской) церкви на Варварке Н. Станиславлева. Резолюцией епископа Иоасафа от 14 мая 1917 г. все избранные были утверждены в своих должностях⁸⁰.

28 июня протоиерей Иоанн Ковалевский среди других благочинных после крестного хода и литургии в Успенском соборе Кремля был представлен новому Московскому архиерею — архиепископу Тихону (Белавину). Как благочинный, протоиерей Иоанн Ковалевский постоянно сталкивался с революционными настроениями, которые широко распространялись в среде московского клира, нарушая благочиние и богослужебную дисциплину. Создавались различные союзы, в которых, например, псаломщики и дьяконы объединялись «в борьбе с иерейским гнетом»⁸¹ и требовали установить равную оплату со священниками, а группы священников требовали отменить должность настоятелей и упразднить крестные ходы. Зачастую, несмотря на назначения от благочинных, они просто не являлись к крестному ходу для несения святынь: так, 19 августа⁸² 1917 г. из назначенных на крестный ход в Донской монастырь 138 священников явились только 23 человека.

Революционно настроенное священство также потребовало удалить со всех должностей протоиерея Иоанна Восторгова и даже изгнать его из Москвы⁸³, но он оставался на должности настоятеля

Покровского собора до своей кончины, и документы свидетельствуют, что протоиерей И. Ковалевский разделял монархические и патриотические взгляды настоятеля собора⁸⁴. Тех же взглядов придерживалось большинство благочинных Москвы — умудренных жизнью пожилых и заслуженных священнослужителей.

События ноября 1917 г. окончательно разрушили привычный уклад богослужebной и административной жизни Покровского собора. Во время боев собор был поврежден при артиллерийском обстреле Кремля, на две недели богослужения в нем прекратились, а затем, по-видимому, совершались только по праздничным и воскресным дням.

Революция октября 1917 г. поставила духовенство собора на грань выживания. Здание и все имущество собора были объявлены народным достоянием, все его денежные средства и принадлежавшие ему дома были национализированы. В годы военного коммунизма была введена карточная система на питание, а духовенство собора, лишившееся основных источников дохода (жалованье, арендный доход и доход с процентных бумаг собора), существовало теперь только на пожертвования верующих⁸⁵ или помощь родных. Также повсеместно происходили уплотнения и выселения служителей культа из принадлежавших ранее церквям домов⁸⁶. С осени 1917 г. в соборе не было отопления.

В связи с повсеместными разрухой и бандитизмом остро встал вопрос сохранности ризницы и утвари собора, за которые отвечал ключарь. Церковные власти рекомендовали организовывать «...возможную охрану церквей и их достояния, в дополнение к имеющейся обычной, через церковных сторожей, охране ввиду участвовавших разбойных нападений и ограблений храмов»⁸⁷.

После выхода декрета об отделении Церкви от государства 2 февраля 1918 г. в Покровском соборе состоялось собрание богомольцев и членов причта, на котором было принято постановление: «1. Протестовать против такого несправедливого декрета и 2. Заявить, что по христианской совести верующие отказываются его исполнять»⁸⁸.

30 мая 1918 г. был арестован, а 5 сентября расстрелян настоятель собора протоиерей И. Восторгов⁸⁹, и фактическое руководство легло на старшего из священников — протоиерея Иоанна Ковалевского⁹⁰. В августе он с оставшимся причтом принимал в соборе патриарха⁹¹, служившего в день памяти блаженного Василия. В это

время для поддержания общины, сложившейся при протоиерее Иоанне Восторгове⁹², в Покровский собор третьим священником был направлен будущий священноисповедник, протоиерей Роман Иванович Медведь⁹³, возглавлявший Московское братство-союз ревнителей и проповедников Православия⁹⁴. О совершении богослужений и посещении собора многочисленными богомольцами в этот период свидетельствует духовное чадо протоиерея Романа⁹⁵, который прослужил в соборе до февраля 1919 г., а затем был переведен в церковь Алексия митрополита на Глинищах⁹⁶. Перевод по-видимому, был связан со стремлением священноначалия сохранить Братство, убрав его с Красной площади, где постоянно проходили парады, митинги, демонстрации и другие мероприятия новой власти, в более спокойное место. Из храма митрополита Алексия в Покровский собор взамен протоиерея Р. Медведя был переведен протоиерей Н.Н. Строганов⁹⁷.

Таким образом, в 1919—1921 гг. богослужение в соборе совершали три священника: протоиереи И. Ковалевский, И. Кузнецов и Н. Строганов. Всем им было уже более 60-ти лет, они были обременены болезнями, а Н. Строганов еще и проживал за городом. На них, а в особенности на настоятеля, легли обеспечение богослужения всем необходимым, охрана и поддержание порядка в богослужении.

В октябре 1918 г. вскоре после выхода декрета «О регистрации, приеме на учет и охранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» Покровский собор был поставлен на учет органами охраны памятников Наркомпроса⁹⁸.

Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины поручил надзор за памятником протоиерею Иоанну Кузнецову как специалисту по монументальной истории собора, о чем письменно уведомили причт храма⁹⁹. Первое время собор находился в юрисдикции органов охраны памятников, и взаимоотношения с новой властью строились таким образом, что протоиерей Иоанн Ковалевский, как настоятель, оставался несколько в тени протоиерея И. Кузнецова¹⁰⁰, сотрудничавшего с Отделом охраны памятников, как церковный археолог (его даже в одном из документов именуют настоятелем¹⁰¹, и на суде 1919 г. отмечалось, что собор доверен советской властью Кузнецову, и «...то доверие, которое он имел, он передоверил протоиерею Ковалевскому»¹⁰²). И в дальнейшем у священников отчасти сохранилось это разде-

ление функций: с органами охраны памятников больше общался протоиерей И. Кузнецов, а с Юридическим отделом Совдепа — настоятель протоиерей И. Ковалевский.

В декабре 1918 г. протоиерей И. Ковалевский, как настоятель и благочинный Китайского сорока, представил и, по-видимому, сдал в Юридический отдел Совдепа Городского района печати благочинного и настоятеля¹⁰⁵, а 12 мая 1919 г. он написал прошение в юротдел о возвращении печатей собора и других церквей Китай-города и в тот же день получил печать собора под расписку¹⁰⁴.

В 1919 г. патриарх дважды побывал в Покровском соборе: 7/20 июля, в день памяти преподобной Евфросинии Московской и Влахернской иконы Божией Матери (мощи прп. Евфросинии и чудотворной образ находились в Кремле, который был уже недоступен для верующих), патриарх возглавил крестный ход из Покровского собора в Марфо-Мариинскую обитель¹⁰⁵, а в день блаженного Василия 2 / 15 августа служил в соборе литургию¹⁰⁶. Протоиерей Иоанн Ковалевский встречал патриарха и сослужил ему в соответствии с должностью настоятеля собора. Также патриарх служил в соборе 15 августа 1921 г.¹⁰⁷

Наиболее исторически известным событием, связанным с настоятельством протоиерея Иоанна Ковалевского в Покровском соборе, является суд над причтом собора, состоявшийся 17 ноября 1919 г. в ходе кампании по «разоблачению» святых мощей, где причт обвинялся в антисемитской пропаганде. Поводом к возбуждению этого дела, сфабрикованного экспертом VIII отдела Наркомюста Иваном Шпицбергом¹⁰⁸, послужил донос гражданина С. от 20 октября 1919 г., в котором сообщалось, что в соборе Василия Блаженного церковный сторож показывал посетителям «...гробницу мученика Гавриила, убитого и замученного зверями евреями»¹⁰⁹. Эта «гробница» — небольшая рака с мощами отрока Гавриила Белостокского¹¹⁰, возле которой причт собора служил молебны, была привезена в 1915 г. при протоиерее Иоанне Восторгове беженцами из западных губерний, где отрок Гавриил почитался с XVIII в. как жертва ритуального убийства. По заданию заведующего VIII отделом Наркомюста П.А. Красикова в собор 26 октября были направлены проверяющие, которым сторож тоже показал «усыпальницу» святого Гавриила» и дал «погромные» объяснения¹¹¹.

Уже 29 октября были арестованы и допрошены настоятель собора И.А. Ковалевский и протоиерей И.И. Кузнецов, которые,

Рис. 6. Титульный лист брошюры «Святой отрок Гавриил: Средневековая бейлисиада». 1922 г.

по мнению следствия, и учили сторожей возводить «...кровавый навет на еврейский народ, рассказывая, что этого отрока зарезали евреями»¹¹². Кроме священнослужителей, к суду были привлечены сами сторожа — супруги Мошковы¹¹³, и староста — купец А.В. Щербаков¹¹⁴. Старосте и настоятелю вменялось также, что они платили сторожам меньше, чем было предусмотрено профессиональными ставками.

Следствие велось в ускоренном порядке. В газетах «Правда», «Московские известия», «Вечерние известия» и в журнале «Революция и церковь»¹¹⁵ вышли статьи Красикова и Шпицберга, комментировавшие процесс в пролетарском духе (рис. 6). Цели процесса

были чисто пропагандистскими: как можно более широко «разоблачить» и опорочить церковников. В задачи суда не входили закрытие собора или серьезные репрессии против его духовенства, поэтому суд, признав И.И. Кузнецова и И.А. Ковалевского виновными в антисемитской пропаганде, невнесении в описи собора мощей Гавриила Белостокского и в одурманивании несознательных масс, осудил их на пять лет лишения свободы, заменив наказание условным сроком, «...принимая во внимание преклонный возраст и болезненное их состояние, а также и то, что Советская рабоче-крестьянская власть сейчас настолько окрепла, что может считать их неопасными для Республики»¹¹⁶.

Сохранившиеся материалы следствия и суда составлены в том же духе, что и газетные публикации о ходе процесса, и имеют выраженную идеологическую направленность: некоторые формулировки слов обвиняемых явно искажены, а сами они представлены в виде, вызывающем «отталкивающее, неприятное чувство»¹¹⁷. Однако у нас нет других источников, позволяющих говорить о том, как держал себя во время процесса протоиерей И.А. Ковалевский. Следует также учесть, что содержание под арестом и суд тяжело сказались на эмоциональном состоянии и здоровье пожилых священников, а об отношении новой власти к Церкви им было уже хорошо известно.

На суде протоиерей Иоанн Ковалевский на издевательские порой вопросы обвинителя и суда старался отвечать уклончиво, ссылаясь на распоряжения иерархии и протоиерея Иоанна Восторгова, как предыдущего настоятеля, при котором мощи отрока Гавриила поступили в собор. На вопрос о том, есть ли в соборе мощи Василия и Иоанна блаженных, сослался на неведение; на вопрос, есть ли в гробнице мощи Гавриила, промолчал и заявил, что никогда не читал надписей на гробнице. Но он свидетельствовал о том, что было важным для него с точки зрения веры и совести: «...я никогда не мог говорить о человеконенавистничестве. Как пастырь, я против этого. Это не только неблагоприятно, но ведь я исполнитель заветов Христа, говорившего о любви. Я служу Христу 36 лет..., „в церкви несть эллин, или иудей, раб или свободъ, обрезанный или необрезанный“»¹¹⁸. Также, несмотря на невыгодность для себя таких показаний, он утверждал на следствии, что Иоанн Восторгов всегда придерживался строго православного учения¹¹⁹. Как смог, засвидетельствовал он на суде и без-

божие новой власти: «Если же кто и думает, что я обманщик... так что хотите, то и говорите. Просто вижу... что никакой веры в Бога уже больше нет...»¹²⁰.

Псаломщик М. Шеметов упоминал на суде о содержании проповедей протоиерея И. Ковалевского во время богослужений в соборе: «Он рассказывал народу, что пока Русь верила в Бога и в Святую Богородицу и чтит царя — было всего вдоволь. Теперь за грехи наши — Бог наказал!..»¹²¹. Хотя таких слов было тогда вполне достаточно для расстрела, амнистированные подсудимые, лишённые судом доверия рабоче-крестьянской власти, были отпущены. Суд запретил употребление тропаря и кондака отроку Гавриилу и постановил изъять его мощи.

Выйдя из заключения, протоиерей Иоанн Ковалевский распорядился 22 ноября ковчег с мощами Гавриила «...во избежание возможности обозрения его публикою»¹²² перенести в придел святого Иоанна Блаженного, а 26 ноября в присутствии И.А. Ковалевского гробница была изъята и передана в Уголовный музей при Главмилиции¹²³.

После суда соборяне начали собирать документы для передачи храма общине верующих¹²⁴, что было необходимо для сохранения богослужения, поскольку протоиерей И. Кузнецов, прежде ответственный за собор, был лишен доверия советской власти. 11 декабря 1919 г. в Совдеп была представлена опись документов на капитал, «принадлежащий Покровскому и Василия блаженного собору», подписанная причтом: протоиереями Иоанном Ковалевским, Иоанном Кузнецовым и Николаем Строгановым, дьяконами Петром Белоусовым и Иваном Недумовым, псаломщиком Алексеем Воронцовым, старостой А. Щербаковым¹²⁵.

30 декабря 1919 г. протоиерей И. Ковалевский, Александра Георгиевна Гусева¹²⁶ и староста собора Андрей Васильевич Щербаков получили доверенность, как уполномоченные от группы граждан, желающих взять в пользование собор и церковное имущество¹²⁷, и 5 января 1920 г. они же подали прошение в Организационно-учетное отделение отдела юстиции МСРиКД о передаче собора в бесплатное безвозмездное пользование¹²⁸.

В октябре 1920 г. общиной был заключен договор с Отделом по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Наркомпроса. Передача имущества состоялась 23 октября 1920 г.¹²⁹ В тексте договора указано, что было передано все здание и коло-

Рис. 7. Захоронение Ковалевских на Пятницком кладбище на Рижской. 2021 г.
Фотография автора

коляна¹³⁰. Все эти документы подписаны И.А. Ковалевским, как настоятелем собора.

Уже 29 октября Организационно-учетное отделение Юридического отдела запросило у общины регистрационные документы, а 30 ноября представителя группы верующих вызвали в отдел юстиции, что было связано с подготовкой к переоформлению

этого договора¹³¹. В октябре же протоиерей И. Ковалевский, как настоятель собора и уполномоченный общины, написал в Организационно-учетное отделение два прошения о передаче общине часовни Спасителя у Спасских ворот¹³². Их подписали члены общины, но ходатайство успеха не имело по политическим причинам — часовня находилась у главных ворот Кремля. В ходе этой переписки в феврале 1921 г. протоиерей И. Ковалевский впервые был назван не только настоятелем, но и председателем приходского совета¹³³.

25 апреля 1921 г. Организационно-учетное отделение уведомило общину, что «...ваш храм назначен для передачи группе верующих на 10 мая 1921 г., при сдаче должны присутствовать три уполномоченных группы верующих»¹³⁴. На основании той же доверенности от 30 декабря 1919 г. уполномоченные подписали описи¹³⁵, акт передачи и договор от 24 мая 1921 г. с Моссоветом в лице сотрудника органа учета Отдела юстиции Моссовета И.А. Морозова. По этому договору группа верующих принимала в бессрочное бесплатное пользование здание собора с богослужебными предметами¹³⁶. Это последние известные нам документы, подписанные протоиереем Иоанном Ковалевским. Следующий документ от 3 октября 1921 г. в деле о краже, как настоятель, подписал уже протоиерей И. Кузнецов¹³⁷.

Точная дата и обстоятельства кончины о. Иоанна Ковалевского неизвестны. Он похоронен на Пятницком кладбище на Рижской (рис. 7). Там же упокоились его сын Василий, умерший в 1917 г., и жена Евгения Сергеевна, скончавшаяся в глубокой старости в 1946 г. Могилы ухожены, и есть надежда, что откликнутся потомки.

В конце необходимо вернуться к однокашникам протоиерея Иоанна Ковалевского, рядом с которыми он начинал свой жизненный путь. Его ближайший товарищ — протоиерей Василий Барбарин, настоятель храма Всех Святых на Кулишках, скончался в декабре 1917 г. от инсульта, а учившийся с ними в училище и семинарии епископ Серафим Голубятников в марте 1917 г. открыто осудил Февральскую революцию, за что был изгнан из епархии и уволен на покой с пребыванием в московском Новоспасском монастыре. В 1918 г. монастырь был разгромлен и превращен в исправительно-трудовой лагерь. Владыка Серафим стал его первым узником. Здесь он и скончался, а по другим сведениям,

был расстрелян в 1921 г. Сам о. Иоанн Ковалевский также умер, оставаясь осужденным: он не пережил своего пятилетнего условного срока. Рассказ о нем хочется закончить его словами на суде: «Я никогда не мог говорить о человеконенавистничестве... совесть моя чиста»¹³⁸.

- ¹ Благодарю насельницу Успенского женского монастыря г. Александрова монахиню Сергию (Каламкарову) за возможность публикации фотографий (рис. 1, 3).
- ² Священномученик протоиерей Иоанн Иоаннович Восторгов (1864—1918) — выдающийся церковный и общественный деятель, духовный писатель; возглавлял причт Покровского собора с июня 1913 г. по май 1918 г.
- ³ Свидетельство о выписке из метрической книги, выданное Воронежской семинарией (ЦГА Москвы. Ф. 229. Оп. 4. Д. 1726. Л. 3). Имя дано, по-видимому, в честь деда. В честь какого святого крещен — неизвестно; ближайший по святцам — свт. Иоанн Суздальский (13 октября ст. ст.).
- ⁴ Сергей Ковалевский окончил в 1867 г. XLIII курс Воронежской семинарии по 2-му разряду 31-м, сын «Богучарского уезда слоб. Ясеновки умершаго священника Андрея». Согласно этому упоминанию, их отец умер не позднее 1867 г. (Списки воспитанников, окончивших полный курс семинарских наук в Воронежской духовной семинарии за истекшее столетие (1780—1880) // Приложение к «Воронежским епархиальным ведомостям» за 1882—1884 гг. [Сост. А.И. Николаев]. С. 611. URL: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/media/priestdb/materialattachment/attachment/de/68/de683a7e-b419-4c3b-9081-151ef55d1008.pdf> (дата обращения: 24.02.2022 г.)). Сергей Андреевич Ковалевский служил священником в Свято-Духовской церкви слободы Медовой Богучарского у., в 1892 г. переведен в Крестовоздвиженский храм слободы Расковой Богучарского у. (ВЕВ. 1892. № 23. С. 445; Там же. 1895. № 17. С. 550; Справочная книга для духовенства Воронежской епархии. Воронеж, 1900. С. 119).
- ⁵ ЦГА Москвы. Ф. 229. Оп. 4. Д. 1726. Л. 6.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же.
- ⁸ «Недвижимая собственность есть у родительницы его: дом в Воронежской губ. Богучарского уезда в слободе Ясеновке» (ГИМ. Архив отдела «Покровский собор». П-1 / 39).
- ⁹ ВЕВ. № 17. 1868. С. 544—546.
- ¹⁰ Епископ Серафим (Голубятников Сергей Георгиевич; 1856—1921) — сын священника, окончил Павловское духовное училище и Воронежскую семинарию (1879). Определен учителем Новосетинского народного училища Острогжского у. Воронежской губ., с 1880 г. — псаломщик в Донской епархии, в 1881 г. рукоположен во священника. В 1890 г. овдовел. В 1895 г. поступил в МДА. Окончив ее в 1899 г., принял постриг с именем Серафим и был назначен казначеем Чудова монастыря. В 1900 г. — настоя-

- тель Высоко-Петровского монастыря в Москве с возведением в сан архимандрита. В 1905 г. хиротонисан во епископа Можайского, викария Московской епархии; в 1908 г. — епископ Подольский и Брацлавский; в 1914 г. — епископ Екатеринбургский и Ирбитский. Публично осудил Февральскую революцию и епархиальным съездом духовенства был изгнан из епархии. Уволен на покой с пребыванием в московском Новоспасском монастыре. В январе 1918 г. монастырь был превращен в тюрьму, а епископ Серафим стал ее первым узником, где и погиб.
- ¹¹ Аттестат об окончании Воронежской семинарии (ЦГА Москвы. Ф. 229. Оп. 4. Д. 1726. Л. 2).
- ¹² Прощение от 15 августа 1879 г. (ЦГА Москвы. Ф. 229. Оп. 4. Д. 1726. Л. 1).
- ¹³ Тацентов Владимир Никанорович (1858 — не ранее 1914) — кандидат богословия, статский советник. Родился в Воронежской губ. Окончил Бирюченское духовное училище, Воронежскую духовную семинарию, МДА (1883). Защитил диссертацию «Греко-болгарская распря с точки зрения канонического права Восточной Церкви». С 1883 г. — преподаватель церковного пения, литургики, гомилетики и практического руководства для пастырей в Екатеринославской духовной семинарии. Цензор «Екатеринославских епархиальных ведомостей», автор статей на богослужебные темы (ОР РГБ. Ф. 172. К. 410. Ед. хр. 2; ЦГА Москвы. Ф. 229. Оп. 4. Д. 4263; Личный состав служащих в духовно-учебных заведениях Екатеринославской епархии. Духовная Семинария // Приложение к Екатеринославским епархиальным ведомостям. 1900. № 21. С. 5; Там же. 1906. № 24. С. 4; Сайт «Древо». URL: <https://drevo-info.ru/articles/13678836.html> (дата обращения: 24.02.2022 г.)).
- ¹⁴ Дикарев Василий Павлович (ок. 1858 — не ранее 1920) — протоиерей, сын священника. Окончил Бирюченское духовное училище, Воронежскую духовную семинарию, МДА (1883). Защитил диссертацию «История протестантской проповеди во Франции в XVII в.». Преподавал в Оренбургском, затем — в Павловском духовных училищах. В 1888 г. был рукоположен во диакона, в 1893 г. — во священника. С 1894 г. — настоятель домово́й церкви Бирюченского училища. До революции совмещал священнослужение и училищную службу. Член Совета православного братства святителей Митрофана и Тихона. С 1903 г. по 1918 г. — настоятель домово́й церкви Воронежского епархиального училища во имя Трех Святителей. В 1920-е годы упоминается как священник-обновленец Вознесенской кладбищенской церкви (ОР РГБ. Ф. 172. К. 233. Ед. хр. 14; ЦГА Москвы. Ф. 229. Оп. 4. Д. 1132; Сайт «Древо» URL: <https://drevo-info.ru/articles/24518.html> (дата обращения: 24.02.2022 г.)).
- ¹⁵ Алферов Георгий Тимофеевич (1858—1923) — сын псаломщика. Окончил Бирюченское духовное училище, Воронежскую духовную семинарию, МДА (1883). Защитил диссертацию: «Какими условиями и обязательствами ограничивается в настоящее время право владения церковной землей и др. доходными статьями?». В 1883 г. назначен законоучителем в Воронежскую мужскую прогимназию, затем — преподавателем в Воронежскую семинарию. В 1884 г. рукоположен во диакона, а вскоре —

- во священника. С 1900 г. — ключарь, с 1920 г. — настоятель Троицкого кафедрального собора г. Воронежа. Член Духовной консистории, епархиального Миссионерского совета, училищного совета и др. В 1898 г. — делопроизводитель Воронежского отделения ИППО. Представитель духовного ведомства в Городской думе, с 1912 г. — депутат Четвертой Государственной думы. Скончался 25 декабря 1923 г. (ОР РГБ. Ф. 172. К. 169. Ед. хр. 1, 2; ЦГА Москвы. Ф. 229. Оп. 4. Д. 62; ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. 8856; РГИА. Ф. 796. Оп. 436. Д. 137; *Ферронский И.Г., свящ.* Летопись Покровской церкви села Данкова Воронежского уезда. Воронеж, 2009. С. 195; Сайт «Древо» URL: <https://drevo-info.ru/articles/27077.html> (дата обращения: 24.02.2022 г.)). Расстрелян в 1919 г. по данным интернет-источника «Умолкнувшие колокола» (Новомученики Российские. Жизнеописание. М., 2002. С. 227. URL: http://www.pstbi.ccas.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/ans (дата обращения: 24.02.2022 г.)).
- ¹⁶ Справки от неявившихся по болезни 1882 г. (ОР РГБ. Ф. 172. К. 28. Ед. хр. 15. Л. 109—110, 153).
- ¹⁷ ЦГА Москвы. Ф. 229. Оп. 4. Д. 1726. Л. 6—7.
- ¹⁸ За это кандидатское сочинение, состоявшее из 500 страниц, Иван Ковалевский получил 4 балла. Оно имело следующие разделы. Часть 1. Общий характер деятельности русских пастырей. 1. Заботливость пастырей Русской Церкви об исправлении и улучшении жизни в России в древние времена. 2. Средства, которыми пастыри церкви старались влиять на древнерусское общество. 3. Попечение пастырей церкви о внутреннем благоустройстве общества в 13, 14 и 15 веках. 4. Деятельность русских пастырей в периоды: Удельной системы, Татарского порабощения, Развития Московского единовластия и утверждения его. 5. Приходские пастыри на Руси: история происхождения приходских пастырей; материальная зависимость пастырей от пасомых; отношение к приходским пастырям духовной администрации; нравственное влияние их на паству. Часть 2. 1. Усвоение русским народом аскетического направления: отсюда взгляд русского народа на пастыря; и взгляд на него высших иерархов. 2. Обрядовая религиозность древнерусского общества: взгляд народа и иерархов на пастыря; общий взгляд на пастыря народа и иерархов (ОР РГБ. Ф. 172. К. 269. Ед. хр. 3).
- ¹⁹ ЦГА Москвы. Ф. 229. Оп. 4. Д. 1726. Л. 10.
- ²⁰ Биографический словарь выпускников Киевской академии. 1819—1920 гг. К., 2015. Т. 2: К—П. С. 68.
- ²¹ Известной исторической фигурой является соратник и свояк Богдана Хмельницкого — генеральный есаул Иван Ковалевский (*Ковалевский Евграф*. Ковалевские: род за триста лет 1651—1951. Париж, [1951]).
- ²² *Ковалевский Евграф*. Ковалевские..., [1951].
- ²³ Диплом МДА (ЦГА Москвы. Ф. 229. Оп. 4. Д. 1726. Л. 12).
- ²⁴ ЦГА Москвы. Ф. 229. Оп. 4. Д. 1726. Л. 11.
- ²⁵ Послужной список (ГИМ. Архив отдела «Покровский собор». П-1 / 39). Приказ о распределении (ВЕВ. 1884. № 1. С. 11, 12).
- ²⁶ Послужной список (ГИМ. Архив отдела «Покровский собор». П-1 / 39).

- ²⁷ Клировая ведомость за 1913 г.: «Определен на должность священника к Покровскому и Василия Блаженного собору — 1883 г. ноября 22, рукоположен в сан священника к собору — 1884 г. января 30» (ЦГА Москвы. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 1. Л. 22 об.). В более ранних клировых ведомостях собора за 1884—1886 гг. вместо «определен к собору» написано «...по прошению на имя обер-прокурора Синода освобожден от училищной службы» (ГИМ. Архив отдела «Покровский собор». П-1 / 39).
- ²⁸ Протоиерей Николай Иоаннович Надеждин (1813—1890) — настоятель Покровского собора и благочинный Китайского сорока в 1873—1890 гг. См. о нем: *Берхина Т.Г.* Настоятели собора Покрова на Рву второй половины XIX в. // Актуальные проблемы изучения и сохранения памятников архитектуры: Чтения памяти И.И. Кузнецова. Вып. 1. Материалы научной конференции. Москва, 12—13 ноября 2019 г. М., 2020. С. 96—110. URL: <https://disk.yandex.ru/i/NAeU9XR7uvdhiw> (дата обращения: 24.02.2022 г.).
- ²⁹ Клировые ведомости за 1883 г.: «Место второго священника в настоящее время праздно» (ГИМ. Архив отдела «Покровский собор». П-1 / 39).
- ³⁰ Послужной список священника А. Величина: «В 1883 г. — 65 лет, сын дьячка, обучался в Московской семинарии, со степенью студента произведен во дьякона Сретенского сорока Никольской, что в Покровском, церкви — 31 генв. 1843, произведен во священника Сретенского сорока к Скорбященской церкви при смиренном и рабочем домах — 6 сент. 1859 г., принят в Покровский собор — 10 февр. 1865 г., ключарь — с 24 авг. 1874 г.» (ГИМ. Архив отдела «Покровский собор». П-1 / 39).
- ³¹ Священник Григорий Скворцов, 1831 г. р., сын священника Московской епархии, обучался в Московской семинарии. Окончил МДА по 2-у разряду, в 1854 г. определен учителем латинского и греческого языков и нотного пения в Заиконоспасское духовное училище. Возведен в степень кандидата в 1855 г., перемещен на должность учителя в Спасо-Андрониковское училище в 1859 г. В 1874 г. по прошению определен помощником инспектора Московской семинарии и произведен в священника к Николаевской при семинарии церкви с оставлением помощником инспектора. Переведен в Покровский собор в ноябре 1876 г. (ГИМ. Архив отдела «Покровский собор». П-1 / 39).
- ³² Метрические книги церкви Троицы на Капельках (ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 771. Д. 102. Л. 380).
- ³³ Послужной список за 1884 г. (в послужном списке 1887 г. карандашом указано «5 марта») (ГИМ. Архив отдела «Покровский собор». П-1 / 39).
- ³⁴ Василий Барбарин родился 25.04.1857 г. в семье дьякона Филиппа Яковлевича Барбарина, служившего в Никольской церкви с. Горелки Новохоперского у. Воронежской губ. Окончил Павловское духовное училище, Воронежскую семинарию и МДА. По собственному прошению 22 октября 1883 г. был распределен в Харьковскую семинарию преподавателем гомилетики, литургики и практического руководства для пастырей, но 10 февраля 1884 г. женился на дочери умершего московского священника Елизавете Ефимовне, урожденной Алексинской (поручителем за жениха при венчании выступал священник Покровского собора

Иоанн Ковалевский) и 26 февраля был рукоположен к Покровскому собору. В 1890 г. перешел на настоятельское место в церкви Троицы в Сыромятниках. В эти годы он стал издателем и сотрудником в журнале-газете «Друг истины», составил к нему указатель за 1880—1900 гг., опубликовал статьи против раскольников и сектантов в этом же журнале и других изданиях. С 1910 г. и до кончины — настоятель церкви Всех святых на Кулишках Ивановского сорока. Имел восемь детей. 25 лет состоял членом правления Московского епархиального свечного завода и пять из них — Председателем правления. За это время объем производства свечей вырос более, чем в два раза. В 1916 г. вышел из правления по состоянию здоровья. Умер 18 декабря 1917 г. «...от кровоизлияния в мозг». Был похоронен в Андрониковом монастыре. Могила не сохранилась (ЦГА Москвы Ф. 2122. Оп. 2. Д. 65. Л. 127 об.; Журналы Епархиального съезда депутатов духовенства Московской епархии 1916 года // МЦВ. 1917. № 3—4. Оф. отд. Приложение).

³⁵ Послужной список (ГИМ. Архив отдела «Покровский собор». П-1 / 39).

³⁶ В доме собора на Пятницкой ул., д. 18 Ковалевские прожили 30 лет в квартире на первом этаже площадью в 69 кв. саженей, а в 1914 г. после завершения строительства нового дома для причта (по соседству со старым по тому же адресу) получили квартиру в нем (ГИМ. Архив отдела «Покровский собор». П-1 / 55).

³⁷ Например, в клировой ведомости за 1913 г. указано: «Получал в год жалования от казны 57 р., за исполнение должности ключаря 120 р., как законоучитель 675 р. Процентом с капитала 42 р. 88 к., арендного дохода 1812 р. Кружечного 1404 р. 9 коп.» (ЦГА Москвы. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 1—1913 г.). За суммы, выдаваемые на покупку дров, причт расписывался в расходных книгах собора. См., напр.: Расходная книга Покровского собора за 1883—1885 гг. (ГИМ. Архив отдела «Покровский собор». П-1 / 19).

³⁸ Благодарю правнука протоиерея В.Ф. Барбарина — Валерия Алексеевича Барбарина за возможность публикации фотографии.

³⁹ Пятидесятилетний юбилей о. протоиерея Покровского собора Н.И. Надеждина // МЦВ. 1886. № 36. С. 537.

⁴⁰ Клировая ведомость 1913 г. (ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 772. Д. 307). Вдова И.А. Ковалевского скончалась в 1946 г., похоронена на Пятницком кладбище на Рижской.

⁴¹ Дочь протоиерея И.А. Ковалевского вышла замуж за Николая Андреевича Попова — сына протоиерея Ахтырской кладбищенской церкви г. Вятки Андрея Попова. Николай Андреевич получил юридическое образование в Московском университете и в 1908—1910 гг. служил присяжным поверенным Казанской судебной палаты в г. Вятке, где у семьи родилось двое детей: 11.12.1908 г. сын Николай — его крестными записаны сам протоиерей И.А. Ковалевский и его жена Ольга Сергеевна (ГАКО. Ф. 237. Оп. 226. Д. 678. Л. 311 об. — 312); 14.01.1910 г. сын Кирилл — его крестными стали жена И.А. Ковалевского и его сын Михаил, числившийся в то время студентом Геттингенского университета (ГАКО.

Ф. 237. Оп. 226. Д. 678. Л. 552 об. — 553). Внук И.А. Ковалевского Кирилл Николаевич Попов (14 / 27.01.1910—23.06.1994) был в 1940-х — 1980-х годах преподавателем МВТУ им. Баумана. Погребен в той же могиле, что и протоиерей Иоанн Андреевич Ковалевский на Пятницком кладбище на Рижской. Там же похоронены его жена и сын — Николай Кириллович Попов (1942—2007) — правнук И.А. Ковалевского, также преподаватель МВТУ. Сведения о крещении внуков протоиереем И.А. Ковалевским в Вятке ставят вопрос о посещении им этого города. Имеющиеся данные для уверенного подтверждения недостаточны: в клировой ведомости есть подпись Ольги Сергеевны Ковалевской, а Иоанн Андреевич и Михаил Иванович вполне могли быть записаны крестными заочно.

⁴² Упоминается в 1885 г. (ГИМ. Архив отдела «Покровский собор». П-1 / 39). В ведомости 1913 г. уже не указан.

⁴³ Проверить сведения из Клировой ведомости по другим источникам не удалось; среди преподавателей университета не найден, в 1914 г. преподает в гимназии А.В. Адольфа на Никитской. В дальнейшем найден лишь как потомственный почетный гражданин, проживающий по Пятницкой ул., д. 18.

⁴⁴ Так указано на его захоронении и в послужном списке протоиерея И. Ковалевского за 1913 и 1916 гг.

⁴⁵ Клировая ведомость 1916 г. (ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 772. Д. 307).

⁴⁶ Сведения об этом содержатся в показаниях И.А. Ковалевского на суде 1919 г. (Церковники и их агенты перед народным революционным судом (Дело об антисемитской агитации в московском соборе Василия Блаженного в связи с обнаружением в нем усыпальницы «мученика Гавриила» // Революция и церковь. 1919. № 6/8. С. 65). Кроме того, в базах данных «Память народа» и музея «Дорога памяти» есть сведения (в том числе его фотография) об инженер-майоре Иване Ивановиче Ковалевском, имеющем ту же дату рождения, призванном на военную службу в Москве 14.09.1941 г. и служившем в 17-й саперной бригаде, затем — в 3-й зенитной прожекторной дивизии. Награды: медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Дата завершения службы: 21.03.1946 г. (URL: <https://pamyat-naroda.su/person/officers/12306390>; <https://1418museum.ru/heroes/10971913/> (дата обращения: 24.02.2022 г.)).

⁴⁷ Небольшая популярная брошюра. На ней указано: «Цена 20 коп., продается в Спасской часовне и в доме свящ. Ковалевского на Пятницкой улице».

⁴⁸ Ознакомиться с книгой не удалось; экземпляр находится в РНБ.

⁴⁹ Прошение в Совет МДА принять книгу «Юродство о Христе...» в качестве магистерской диссертации (ЦГА Москвы. Ф. 229. Оп. 4. Д. 1726. Л. 13). Ни отзывом, ни производством по возведению И.А. Ковалевского в степень магистра не обнаружено. В изданном в 1914 г. списке выпускников МДА Иван Андреевич Ковалевский указан как магистрант, а в материалах суда 1919 г. упоминается, что он имеет степень магистра.

⁵⁰ Тема юродства на рубеже XIX—XX вв. привлекала особое внимание в церковной и в светской среде. Например, в Покровском соборе неизвестный жертвователю вносил средства на создание придела в честь юроби-

вого Николая Кочанова (Приходно-расходные книги Покровского собора. 1913—1915 гг. // ГИМ. Архив отдела «Покровский собор». П-1 / 34).

51 ВЕВ. 1 сентября 1895. № 17. С. 550.

52 Василий Барбарин указан как составитель. Отмечалось, что брошюры написаны на основе книг Л.Е. Белянкина, изданных в 1860-х годах: «Исторические записки и сведения о Покровском и св. Василия Блаженного соборе, в столичном граде Москве, основанные на верных фактах и почерпнутые из достоверных источников». М., 1867; «Сказание о жизни и чудесах св. Блаженного Василия Христа ради Юродивого, Московского чудотворца, основанное на достоверных источниках». М., 1866; «Сказание о жизни и чудесах святого Блаж. Иоанна Христа ради Юродивого, Московского чудотворца». М., 1869.

53 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 772. Д. 307.

54 В 1911—1912 гг. в России работал французский фотограф Жюли Давид, специализировавшийся на издании выпускных гимназических альбомов. Такой альбом был им изготовлен и для гимназии М.Г. Брюхоненко. В нем среди фотографий преподавателей есть два законоучителя-священника: один из них протоиерей Иоанн Ковалевский, другой — священник Павел Иванович Парусников. Судя по нескольким признакам (И.А. Ковалевский старше на девять лет, имеет к этому времени наградной Павловский наперсный крест, а Парусников — простой Николаевский), протоиерей Иоанн Ковалевский — слева. Вскоре фотография И.А. Ковалевского обнаружилась на общем фото выпускниц и преподавателей 3-й женской гимназии ведомства императрицы Марии за 1909 г., второй изображенный на фотографии законоучитель — священник ц. Спаса Преображения на Песках Николай Иванович Луневский (Вся Москва. М., 1909. Стб. 283).

55 В 1908 г. преподаватель русского языка этой гимназии Ю.А. Веселовский издал небольшой сборник сочинений воспитанниц 5-го класса «Первые шаги», где были и сочинения на тему «Характеристика современной гимназистки». Эти сочинения демонстрируют, как далеки были воспитанницы гимназии от религии и как, по-видимому, непросто было преподавать им Закон Божий. Сочинение гимназистки Н. Виноградовой единственное из опубликованных в сборнике имело религиозную направленность. Она сожалела, что «...мировоззрение теперешних гимназисток (в большинстве) не ясно, в религиозных и нравственных понятиях их — большая путаница и шатание, в умственном отношении — увлечение новыми веяниями». Она отмечала: «...можно поразиться — с каким равнодушием и даже пренебрежением многие нынешние гимназистки относятся к своим религиозным обязанностям. Но на самом деле в большинстве это „безбожие“, это неверие — напускное, по моде, от легкомысленного доверия к первой попавшейся в руки брошюре или книжке, от желания казаться „современной“, „не отсталой“. Наряду с этими заявлениями о своем „неверии“ многие остаются верующими». Ее рассуждения в этом сборнике были подвергнуты Веселовским критике и даже осмеяны: «Автор очень неприязненно относится к некоторым гимназисткам, которых называет „неверующими“ ...все сочинение являет-

ся сплошной путаницей понятий» (Первые шаги: Сборник учениц 5-го класса женской гимназии М.Г. Брюхоненко. М., 1908. С. 21—23, 25—27).

56 Благодарю руководителя Музея истории «Связь поколений» ГБОУ «Школа № 2123 имени Мигеля Эрнандеса» (110-я школа) педагога-организатора Марину Львовну Рыжикову за возможность публикации фотографий из альбома 1911 г.

57 Протоиерей Константин Иоаннович Богоявленский (1841—1913) — настоятель Покровского собора и благочинный Китайского сорока в 1891—1913 гг. См. о нем: Берхина Т.Г. Настоятели собора Покрова на Рву второй половины XIX в. // Актуальные проблемы изучения и сохранения памятников архитектуры: Чтения памяти И.И. Кузнецова. Вып. 1. Материалы научной конференции. Москва, 12—13 ноября 2019 г. М., 2020. С. 96—110. URL: <https://disk.yandex.ru/i/HAeU9XR7uvdhiw> (дата обращения: 24.02.2022 г.).

58 ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 763. Д. 39. Л. 28.

59 В те же 1891—1896 гг. священник Иоанн Кузнецов получал награды без соблюдения межнаградного срока: 1891 г. — набедренник, 1894 г. — скуфья, 1896 г. — Библия, 1898 г. — камиллавка (Послужной список за 1913 г. // ЦГА Москвы. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 1).

60 Здесь и далее о наградах и церковных послушаниях см.: Клировые ведомости (ЦГА Москвы. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 1. Л. 22 об. — 1913 г.; Ф. 203. Оп. 722. Д. 302. Л. 25 об. — 1916 г.).

61 Комитет располагался в Чудовом монастыре, его возглавлял наместник монастыря епископ Серпуховской Арсений (Жадановский).

62 Основными вопросами, которые рассматривали на земских собраниях, были устройство и материальное содержание дорог, больниц, школ и т. п. В 1908 г. протоиерей Иоанн Ковалевский единственный раз выступил в прениях об оплате труда законоучителей земских училищ // Журналы Московского уездного земского собрания за 1908 г. с приложениями. М., 1908. С. 23, 24.

63 Руководящие правила для действия отделов Императорского Православного Палестинского общества. СПб., 1901. С. 12, 23, 27, 29, 33, 34, 67, 68.

64 ЦГА Москвы. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 1. Л. 22 об. — 1913 г.

65 Там же.

66 Там же. Л. 19 об.

67 Там же. Л. 23 об.

68 Облачения синего или голубого цвета надеваются в Богородичные праздники, в том числе на престольный праздник собора — Покров Божией Матери. Это облачение использовалось клиром собора вплоть до его закрытия (Инвентарная опись музея Покровского собора. 1923 г. № 834: «синего атласа с золотыми разводами» // ГИМ. Архив отдела «Покровский собор». П-4 / 3; «синей парчи с золотыми цветами» (ЦГА Москвы. Ф. 1215. Оп. 3. Д. 18. Л. 38 об.). Оно было оставлено общине для временного пользования после закрытия собора («синего атласа с золотыми разводами») (ГИМ. Архив отдела «Покровский собор». П-4 / 6; ЦГА Москвы Ф. 1215. Оп. 3. Д. 18. Л. 154).

- 69 Указ № 9087 Московской духовной консистории от 22 мая 1915 г. (ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 722. Д. 302. Л. 25 об. — 1916 г.).
- 70 По кончине протоиерея Константина Богоявленского благочинным Китайского сорока был назначен протоиерей Петр Алексеевич Смирнов из храма Святителя Николая у Москворецких ворот, умерший в 1915 г.
- 71 Благочинный с 7 января 1915 г. (ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 722. Д. 302—1916 г.).
- 72 Православная Москва в 1917—1921 годах. Сборник документов и материалов. М., 2004. С. 22, 23.
- 73 Там же.
- 74 Там же. С. 23.
- 75 Протоиерей Иоанн Ковалевский должен был участвовать и во многих других собраниях духовенства: собраниях законоучителей, многочисленных собраниях духовенства своего благочиния. Уведомления обо всех этих и многих других собраниях и их постановления также рассылались через благочинных.
- 76 К 14 апреля все благочинные московских храмов, за исключением протоиерея Воздвиженского и о. Вишнякова, подали в Консисторию заявления о сложении с себя своих обязанностей, будучи оскорбленными в нападениях на них со стороны съезда духовенства и мирян (Московский листок. 1917. 14 апреля). Однако, как видно из документов, они продолжили исполнять свои обязанности.
- 77 Архиепископ Иоасаф (Каллистов Павел Дмитриевич) родился в 1850 г. в с. Скоробогатове Макарьевского у. Костромской губ. в семье пономаря Благовещенской церкви Димитрия Каллистова. Окончил Костромскую духовную семинарию, в 1876 г. — Санкт-Петербургскую духовную академию и был определен преподавателем в Литовскую духовную семинарию, а в 1890 г. — законоучителем Варшавского Александринско-Мариинского девичьего института и настоятелем институтской церкви. С 1902 г. назначен кафедральным протоиереем Варшавского Свято-Троицкого собора и цензором Холмско-Варшавского епархиального вестника. С 1902 г. благочинный, затем — член консистории и с 1906 г. — председатель епархиального училищного совета. В 1912 г. овдовел, был пострижен в монашество с именем в честь святителя Иоасафа Белгородского, возведен в сан архимандрита, 9 декабря 1912 г. хиротонисан во епископа Новогеоргиевского, викария Варшавской епархии. Во время Первой мировой войны эвакуирован из Варшавы. С марта 1917 г. — епископ Дмитровский, временно управляющий Московской епархией, при этом за ним было оставлено управление Варшавской епархией. Воздерживался от критики Временного правительства, призывал духовенство не затрагивать в проповедях политические вопросы. Публично осудил деятельность протоиерея Иоанна Восторгова. Призывал проводить молебны в дни новых праздников, например, 1 мая: «Примем на будущее время за правило быть всегда с народом и в радостях, и в печалях, в соответствии с этим будем служить торжественные литургии и молебствия... во дни народных праздников, имеющих быть в будущем». После избрания 21 июня 1917 г. на Московскую кафедру архиепископа Тихона (Белавина) Иоасаф стал его викарием и ближайшим по-

- мощником. 16 января 1918 г. назначен архиепископом Коломенским и Можайским, патриаршим наместником, управляющим Патриаршей областью. С 11 октября 1919 г. — архиепископ Крутицкий с оставлением полномочий патриаршего наместника. 25 декабря 1919 г. был арестован вместе с другими членами Высшего Церковного Управления, в январе 1920 г. освобожден. Скончался 3 февраля 1920 г. и был похоронен в московском Богоявленском монастыре, в трапезной левого придела Казанского (нижнего) храма. Чин отпевания архиепископа Иоасафа возглавил патриарх Тихон.
- 78 Православная Москва..., 2004. С. 54.
- 79 Настоятель Покровского собора с 1923 по 1929 г.
- 80 Дело об избрании духовенством благочинного, духовного следователя и членов благочиннического совета Китайского сорока. 1917 г. (ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 763. Д. 145. Ч. 1. Л. 4, 23—29, 45—46 об.).
- 81 Православная Москва..., 2004. С. 24.
- 82 В 1590-е годы в честь победы над ханом Казы-Гиреем было установлено совершать празднование Донской иконе Божией Матери 19 августа / 1 сентября с крестным ходом из Кремля, от Успенского и Благовещенского соборов в Донской монастырь.
- 83 Восторгов был смещен с должности редактора Епархиальных ведомостей, отстранен от заведования Епархиальным домом. Был распущен возглавлявшийся им Миссионерский совет.
- 84 Об этом свидетельствуют показания на суде 1919 г., о которых будет упомянуто далее.
- 85 Согласно пункту 14 циркуляра Наркомюста по вопросу отделения Церкви от государства, опубликованного в «Известиях» от 5 февраля 1919 г., верующим не запрещалось «...производить добровольные сборы-складчины... на содержание служителей культа».
- 86 В 1919 г. протоиерей Иоанн Ковалевский по-прежнему указывал адрес проживания Пятницкая ул., д. 18.
- 87 Православная Москва..., 2004. С. 93.
- 88 Там же. С. 162.
- 89 Прихожане собора (и, вероятно, причт), наряду с другими верующими Москвы, собирали подписи о его освобождении, но эти ходатайства не имели успеха (Православная Москва..., 2004. С. 289, 290).
- 90 В августе «в виду отсутствия настоятеля» по вызову Коллегии по охране памятников искусства и старины в нее были направлены Патриаршим управлением протоиереи Ковалевский и Кузнецов (ЦГА Москвы. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 138. Л. 1). Наиболее ранний из сохранившихся документов, подписанный протоиереем Иоанном Ковалевским как настоятелем, датируется 12 октября 1918 г. (Рапорт И.А. Ковалевского и И.И. Кузнецова в Коллегию отдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины // ЦГА Москвы. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 138. Л. 25, 25 об.). Благодарю Т.Г. Сарачеву и Н.Н. Малышеву за предоставление этих сведений.
- 91 *Вострышев М.И.* Патриарх Тихон. М., 2004. С. 307.
- 92 На протяжении всей своей истории Покровский собор был неприходным. В XVIII—XIX вв. приход в Русской церкви был не столько общиной при

определенном храме, сколько государственной административно-территориальной единицей, к которой были приписаны близлежащие дворы. Священники приходских церквей осуществляли регистрацию и учет актов гражданского состояния: рождения (крещения), брака (венчания) и смерти (отпевания) своих прихожан, для чего велись специальные метрические книги (они были упразднены Декретом от 18.12.1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния»). Горожане могли, конечно, при этом посещать любой из имевшихся храмов и, несомненно, у Покровского собора была своя неформальная община более или менее постоянных богомольцев. Важную роль при образовании таких общин играли личность и духовные качества служивших в храме священников. О том, что в 1917 г. в соборе существовала неформальная община, свидетельствует пресса того времени: «...среди московских богомолков, посещающих наиболее чтимые по святыням храмы, образовался особый кружок, участницы которого называются „черными галками“ ...Любимым местопребыванием этих „галок“ является Покровский собор, где они чувствуют себя как дома...». (Цит по: Московский листок. 1917. 16 апреля // Православная Москва..., 2004. С. 42).

⁹⁵ Священноисповедник Роман Медведь 01.10.1874 г. р. окончил Холмскую духовную семинарию, Санкт-Петербургскую духовную академию и был назначен помощником инспектора, затем — инспектором Виленской духовной семинарии. В 1901 г. рукоположен ко храму Воздвижения в имении помещика Неплюева. В 1902 г. переведен к церкви Марии Магдалины в Санкт-Петербурге, а в 1907 г. — полковым священником в город Томашов Польский, в 1910 г. — настоятелем Свято-Владимирского адмиралтейского собора в Севастополе и благочинным береговых команд Черноморского флота, где служил до 1917 г. В его подчинении состояли около 150 священников. В декабре 1917 г. выехал в Москву к патриарху Тихону. Институт военного и морского духовенства был упразднен новой властью, и протоиерей Роман по благословению патриарха Тихона возглавил Братство ревнителей и проповедников Православия. Вскоре он был арестован и дважды находился под следствием, но был амнистирован за недоказанность обвинения. 1 сентября 1918 г. назначен третьим священником в Покровский и Василия Блаженного собор. Привез из Севастополя и передал в ризницу Покровского собора священные сосуды с линкора «Свободная Россия», затопленного в 1917 г. по приказу Троцкого. В дальнейшем они были изъяты (1922). 21 февраля 1919 г. переведен в церковь Алексия митрополита, что на Глинцах. В 1930 г. был арестован и осужден на 10 лет лагерей. По состоянию здоровья в 1936 г. он был освобожден. Скончался 8 сентября 1937 г., погребен в г. Малоярославце. На Юбилейном Архиерейском соборе РПЦ в августе 2000 г. был прославлен в лике новомучеников и исповедников российских; обретенные в 1999 г. мощи священноисповедника Романа почитают в храме Покрова на Лышиковой горе в Москве.

⁹⁴ Во время служения в соборе протоиерей Роман находился под следствием по делу, начатому еще в мае 1918 г., по обвинению в организации

«Братства, преследовавшего политические антисоветского характера цели, в издательстве противосоветской литературы». 27 ноября 1918 г. дело было прекращено по амнистии (*Дамаскин (Орловский), архимандрит*. Бог судил мне быть исповедником. Жизнеописание протоиерея Романа Медведя. М., 2020. С. 101, 141, 143. URL: https://fond.ru/images/PDF/Roman_Medved_m.pdf. (дата обращения: 24.02.2022 г.)).

- ⁹⁵ *Дамаскин (Орловский), архимандрит*. Бог судил..., 2020. С. 144.
- ⁹⁶ Послужной список протоиерея Романа Медведя, 1930 г. (ЦГА Москвы. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 218. Л. 1—2).
- ⁹⁷ Протоиерей Н.Н. Строганов 09.05.1861 г. р. — сын священника Николая Васильевича Строганова с. Большечева Можайского у. Окончил Заиконоспасское училище, Московскую семинарию и в 1886 г. МДА. В том же году посвящен в дьякона к церкви Николы Заяицкого, в 1887 г. утверждён в звании кандидата богословия и 14 сентября 1887 г. рукоположен в священника к московскому Архангельскому собору. В 1889 г. перемещен к церкви Грузинской Богоматери на Воронцовом поле, в 1910 г. — к церкви Алексия митрополита на Тверской. В 1919 г. переведен в Покровский собор, где оставался до его закрытия в 1929 г. Во время служения в соборе проживал по адресу: Платформа 14 верста Нижегородской ж. д., угол Центральной улицы, 3 линия, д. 59. Имел на иждивении жену Наталью Алексеевну 17.08.1860 г. р. и внучку-сироту (возможно, приемную, так как в клировой ведомости за 1916 г. детей у него не значится). Дальнейшая судьба неизвестна (ЦГА Москвы. Ф. 1371. Оп. 1. Д. 55; Ф. 229. Оп. 4. Д. 4203; Ф. 1215. Оп. 3. Д. 18).
- ⁹⁸ *Сарачева Т.Г.* Музейная летопись Покровского собора: К 90-летию открытия музея. М., 2013. С. 12.
- ⁹⁹ ЦГА Москвы. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 138. Л. 22а.
- ¹⁰⁰ Кузнецовым в этот период были подписаны описи ценных бумаг и недвижимого имущества собора, он переписывается с органами охраны памятников по поводу ремонта кровли, поврежденной обстрелом в 1917 г., и даже по разрешению Коллегии получает в декабре 1919 г. «на покрытие текущих расходов собора» с национализированной сберегательной книжки собора 2525 руб., по-видимому, истраченных причтом на ремонт (ЦГА Москвы. Ф. 1215. Оп. 3. Д. 18. Л. 71).
- ¹⁰¹ ЦГА Москвы. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 138. Л. 52.
- ¹⁰² Церковники и их агенты..., 1919. С. 73.
- ¹⁰³ 25 декабря 1918 г. юротдел Моссовета предписал всем религиозным организациям в семидневный срок сдать бланки и печати в Юридические отделы районных Совдепов. Печати должны были быть представлены при подробной описи в трех экземплярах, с оттисками печатей и штампов на ней; одна опись с распиской в приеме перечисленных в ней предметов выдавалась на руки. Описи подписывались лицами, сдающими печати. Пользование печатями, подлежащими сдаче со дня публикации предписания, воспрещалось. Виновные в неисполнении подвергались наказанию штрафом до 1000 руб. или арестом до трех месяцев (ЦГА Москвы. Ф. 1215. Оп. 3. Д. 18. Л. 84). В январе 1919 г. Юридический отдел запросил у Епар-

- химального совета списки благочинных Московских сороков с указанием их имен, фамилий и места жительства, а также всех церквей, состоящих в этих сороках, с указанием их местонахождения и снова направил благочинным требование о сдаче печатей (ЦГАМО. Ф. 66. Оп.18. Д. 60. Л. 116).
- 104 ЦГА Москвы. Ф. 1215. Оп. 3. Д. 18. Л. 82—83.
- 105 Этот крестный ход был, вероятно, также связан с годовщиной гибели великой княгини Елизаветы Федоровны, убитой 18 июля 1918 г. в г. Алапаевске.
- 106 *Вострышев М.И.* Патриарх Тихон..., 2004. С. 316.
- 107 Там же. С. 335.
- 108 О методах И. Шпицберга свидетельствуют показания обвиняемых по другому делу — Звенигородского монастыря, в котором верующие пытались препятствовать вскрытию мощей прп. Саввы Звенигородского. Во время следствия Шпицберг запугивал монахов, «...угрожал сгноить их в тюрьме». Он записывал показания подследственных собственноручно и при этом искажал их слова и не давал им прочитать протокол допроса (*Голубцов С., протодиакон.* Московское духовенство в преддверии и начале гоений 1917—1922 гг.: Церковно-общественные движения 1917—1918 гг. (Московская епархия и Синод). Антицерковные судебные процессы 1919—1922 гг. Лидеры и герои, мученики и исповедники. М., 1999. С. 75).
- 109 ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 3. Д. 739. Л. 19.
- 110 Рака была поставлена по распоряжению протоиерея И. Восторгова рядом с мощами Блаженного Василия, и перед ней служились молебны.
- 111 ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 3. Д. 739. Л. 19.
- 112 Там же.
- 113 Павел Мошков служил при соборе сторожем Спасской часовни с 1905 г. (ГИМ. Архив отдела «Покровский собор». П-1 / 31—34; 1905—1915 гг.).
- 114 Щербаков Андрей Васильевич происходил из крестьян, 1875 г. р., проживал по адресу: Софийская наб., д. 24, кв. 18 (ЦГА Москвы. Ф. 1215. Оп. 3. Д. 18. Л. 3 об.). Являлся поставщиком магазина Елисеева и владельцем рыбокопильни по адресу: Софийская наб., д. 166 (Вся Москва. М., 1909. Стб. 321; Там же, 1917. Стб. 657). Старосты собора, официально не имевшего до 1919 г. прихода, не избирались, а назначались Московской городской думой. Как сказано в показаниях старосты А.В. Щербакова на суде 1919 г., он стал старостой по личной просьбе патриарха Тихона, по-видимому, не ранее июля 1917 г. (в клировой ведомости 1916 г. значится старостой Тихонов) и оставался на этом посту до закрытия собора. В списках группы верующих состояли также его жена Анна Михайловна, 1880 г. р. и сын Иван Андреевич, 1899 г. р.
- 115 Статья И.А. Шпицберга также была издана в виде отдельной брошюры (Святой отрок Гавриил: Средневековая бейлисиада. М., 1922).
- 116 Церковники и их агенты..., 1919. С. 75.
- 117 Там же.
- 118 Там же. С. 64.
- 119 Обвинитель Красилов на суде охарактеризовал Ковалевского как «...продолжателя гнусного Восторговского религиозного шантажа» (Церковники и их агенты..., 1919. С. 73).

- 120 Церковники и их агенты..., 1919. С. 74.
- 121 Там же. С. 68.
- 122 ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 3. Д. 739. Л. 42, 47.
- 123 Там же; Церковники и их агенты..., 1919. С. 76;
- 124 Эти документы представлены по требованию Организационно-учетного отделения юстиции МСРиКД (ЦГА Москвы. Ф. 1215. Оп. 3. Д. 18. Л. 86).
- 125 ЦГА Москвы. Ф. 1215. Оп. 3. Д. 18. Л. 70.
- 126 А.Г. Гусева была вдовой арендатора части соборного дома на Васильевском спуске. После смерти мужа сама много лет продолжала его дело (Приходные книги собора // ГИМ. Архив отдела «Покровский собор». П-1/32—34). В анкете 1920-х годов указывала себя домохозяйкой на содержании детей (ЦГА Москвы. Ф. 1215. Оп. 3. Д. 18. Л. 215 об., 216).
- 127 Доверенность подписали 53 человека (ЦГА Москвы. Ф. 1215. Оп. 3. Д. 18. Л. 73—76).
- 128 ЦГА Москвы. Ф. 1215. Оп. 3. Д. 18. Л. 77, 77 об.
- 129 Расписка о получении копии акта и описи имущества, принятого общиной, от 23 октября 1920 г. подписана протоиереями И. Ковалевским и И. Кузнецовым (ГИМ. Архив отдела «Покровский собор». П-4 / 3).
- 130 Копия договора с Отделом по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Наркомпроса. В договоре сказано, что подлинник хранится в делах Отдела охраны памятников (ЦГА Москвы. Ф. 1215. Оп. 3. Д. 18. Л. 59, 59 об.).
- 131 В это время между учетным отделом и Коллегией по охране памятников велась переписка о том, где подлежит учету собор (ЦГА Москвы. Ф. 1215. Оп. 3. Д. 18. Л. 85).
- 132 ЦГА Москвы. Ф. 1215. Оп. 3. Д. 18. Л. 90, 96.
- 133 В 1917 г. на Поместном соборе Русской церкви одним из важнейших принятых документов стал новый приходской устав, в соответствии с которым при храмах началась организация приходских общин, не зависевших от прежних территориальных границ. Такая община возглавлялась приходским советом во главе с председателем. Одновременно с выборами приходского совета происходили и выборы старосты. Одна из первых таких общин была оформлена при храме Троицы в Листах 27 октября 1917 г. (ЦГА Москвы. Ф. 1786. Оп. 1. Д. 880. Л. 165 об.).
- 134 ЦГА Москвы. Ф. 1215. Оп. 3. Д. 18. Л. 102.
- 135 В договоре сказано, что к нему приложены три описи на 29 страницах. В архивном деле о Покровском соборе Административного отдела Моссовета есть три описи собора, подписанные И.А. Ковалевским: две на 10 страницах каждая и одна — на 20 страницах (ЦГА Москвы. Ф. 1215. Оп. 3. Д. 18). Вопрос о том, какие из сохранившихся описей относятся к договору 1921 г., требует дальнейшего изучения.
- 136 ЦГА Москвы. Ф. 1215. Оп. 3. Д. 18. Л. 22—24.
- 137 ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 3. Д. 99. Л. 13.
- 138 Церковники и их агенты..., 1919. С. 64.

А.П. Рахманова

«Бывают странные сближенья...»: исследования И.И. Кузнецова, посвященные святому Прокопию Устюжскому в контексте истории г. Прокопьевска Кемеровской области

В 1913 г. Иоанн Иоаннович Кузнецов, протоиерей храма Василия Блаженного, церковный историк, археолог и архивист, *начинатель* «...добросовестного, научного исследования причтами своих святынь»¹, принял активное участие в подготовке «Летописного и лицевого изборника Дома Романовых»², посвященного 300-летию царствования династии.

Вряд ли этот неутомимый исследователь знал тогда о существовании в Кузнецком уезде Томской губернии небольшого села Прокопьева. Первое упоминание о нем датируется 1724 г. Тогда в Среднем Притомье появилась деревня Монастырская, основанная выходцами с Русского Севера, патронатным святым которого был и остается до сих пор Устюжский юродивый Прокопий³.

Память о нем была крепкой, долгое время передавалась из поколения в поколение. «Великий Прокопий, ты нам после Бога второй Николай», — обращались к нему в своих молитвах сибиряки⁴. В середине XVIII в. обыватели деревни Монастырской направили в канцелярию митрополита Тобольского и Сибирского Сильвестра просьбу о возведении у них церкви во имя святого Прокопия праведного⁵. Вскоре село Монастырское стало именоваться одновременно Прокопьевским.

В конце XVIII в. здесь обнаружили залежи угля. Но разрабатываться они стали лишь в начале XX в. Значимость Прокопьевского рудника была столь велика, что горняцкая страница его истории затмила историю Прокопьевского поселения XVIII—XIX вв. Однако в 1931 г., когда принималось решение о преобразовании его в город Угленград, название осталось прежним (рис. 1). Прокопьевск стал «черной жемчужиной Кузбасса» не только в поэтическом смысле. В черте города находилось 16 угольных предприятий.

Рис. 1. Панорама рабочего поселка Прокопьевский. 1930-е годы

В 2019 г. закрылось последнее из них; свое 90-летие город с богатой шахтерской историей отметил без шахт.

Как-то пришедших в краеведческий музей на выставку «Угленград. Начало» школьников спросили, какое название им нравится больше: Угленград или Прокопьевск? И юность выбрала Прокопьевск! Так город продолжает нести память о том, кто дал ему свое имя. О том, кого, вслед за архиепископом Филаретом Гумилевским (1805—1866), протоиерей Иоанн Кузнецов считал образцом юродства в России, и кому посвятил свои исследования, вошедшие во второй выпуск «Летописного и лицевого изборника Дома Романовых» (далее — Изборник).

Предполагалось подготовить 12 выпусков данного историко-художественного издания. Но свет увидели только два. Первый был посвящен истории воцарения Романовых, второй — истокам династии (рис. 2). Главный редактор Изборника князь М.С. Путятин (1861—1938), указывая на сложность исследования истоков рода царствующего Дома, подчеркнул, что родословная бояр Романовых, «...восходя до поколения времен XIII столетия, [переходит] затем в былинные предания, где подлинные исторические истины переплетаются со сказочными вымыслами»⁶. Этому же мнению придерживался историк В.К. Трутовский (1862—1932), чья работа «Происхождение предков рода Романовых. Опыт истори-

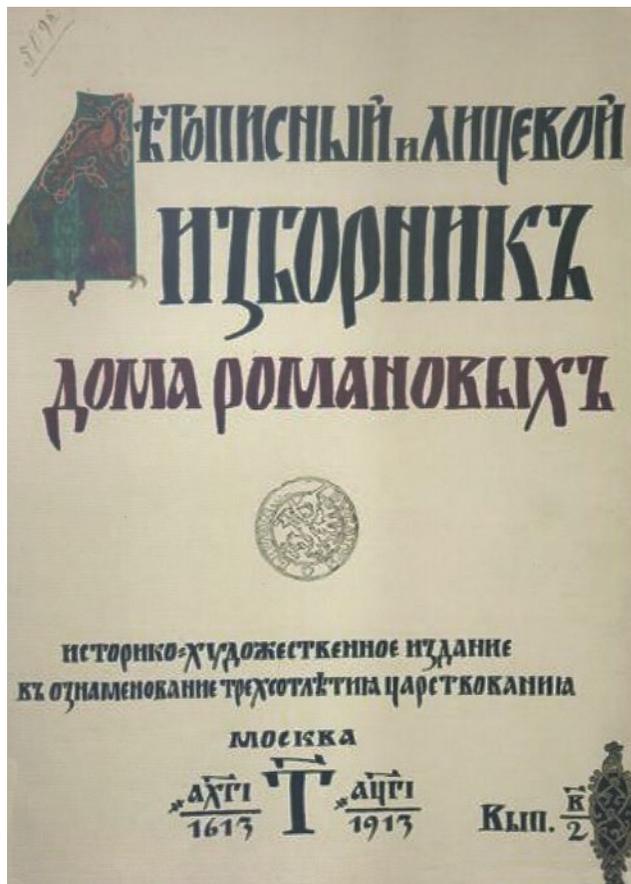

Рис. 2. Титульный лист второго выпуска «Летописного и лицевого изборника Дома Романовых». 1913 г.

ческого исследования» вошла в состав Изборника. Опираясь на источники, находящиеся тогда в научном обороте, он назвал имена родоначальников династии: вождя прусского племени Бортеве Дивона и его сына Гланды Камбилы, ставшего отцом Андрея Ивановича Кобылы — первого исторически достоверного предка дома Романовых.

«Отдаленность времен истории Рода» заставила редакцию Изборника обратиться к одному из текстов свода Житий православных святых, причем, вопреки популярному тогда мнению историка В.О. Ключевского (1841—1911) о том, что «Житие и историческая

биография смотрят на лицо прямо с противоположных сторон»⁷. Признавая Жития не только литературным, но и историческим источником, редакция решила сопоставить «...исследования о происхождении Предка Рода Романовых с исследованием о Житии современного той эпохе Святого Прокопия Устюжского»⁸, возложив эту задачу на историка И.И. Кузнецова. И не случайно! Приступая к работе, отец Иоанн писал: «Лет 15—18 тому назад, когда я работал над своей историко-агиографической монографией: „Святые блаженные Василий и Иоанн, Христа ради юродивые, Московские чудотворцы“ и, в силу этого, попутно изучал Жития других юродивых русских, мое внимание невольно тогда останавливалось на двух из них: Св. Исидоре Твердислове Ростовском и Св. Прокопии Устюжском: оба — иноземцы-пришельцы с иноверческого Запада, оба — знатного происхождения, очень богатые — приходят на Русь и принимают на себя подвиг, можно сказать, органически чуждый Западу — юродство Христа ради. Что-то необычное, неожиданное, таинственное! В особенности Св. Прокопий...»⁹.

Главной целью своей работы «Святой Прокопий праведный, Устюжский чудотворец. Опыт исследования Жития» отец Иоанн считал определение, «...насколько возможно, кто был до принятия на себя юродства бл. Прокопий... [и] ...в каком размере и какого рода биографических сведений о Св. Прокопии можно ожидать от его Жития». Он хорошо понимал, что «...надеяться встретить в этом Житии более или менее подробный и связный очерк биографии Прокопия „мирского“, жизни его до подвига — невозможно... Хронологической точности тоже нечего ждать»¹⁰. Однако даже констатируя, что «Житие в своем кратком описании жизни Прокопия до юродства ничего об его „знатном“ роде прямо не говорит...»¹¹, И.И. Кузнецов уверен, что Прокопий — не купец, а лицо «...гораздо более высокого происхождения»¹².

К такому выводу о. Иоанн пришел в результате анализа особой структурной части Жития святого Прокопия — свидетельств о его посмертных чудесах. «Позволяю себе настаивать на своем предположении, — пишет он, — имея в виду чрезвычайно характерные особенности при описании в некоторых чудесах блаженного ...его вида, в котором он являлся в видении разным получившим от него исцеления лицам. Эти особенности, записанные со слов тех исцеленных, настолько необычны и загадочны, что невольно бросаются в глаза и требуют объяснения. Насколько мне известно:

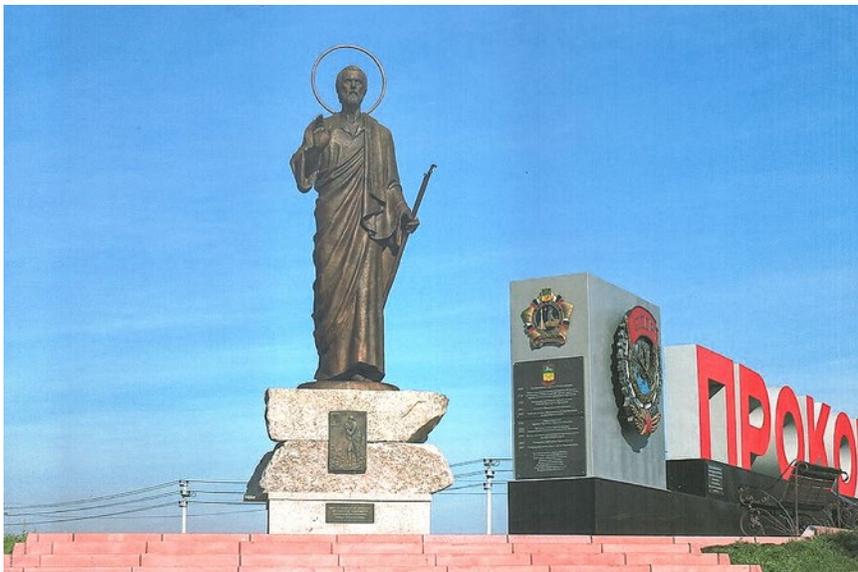

Рис. 3. К.М. Зинич. «Святой праведный Прокопий Устюжский чудотворец – духовный покровитель города Прокопьевска». 2015 г.

ни в Житиях других Свв. юродивых, ни вообще в Житиях русских Святых ни разу не встречается подобных особенностей... Из всех этих описаний можно составить общий образ, в котором по преимуществу являлся Св. Прокопий: величественный, светлости исполненный муж..., в немецкой короткой одежде..., со скипетром... в руке... Это одеяние владетельной особы... так видят его простецы, крестьяне отдаленного Севера... так являться им возжелал сам блаженный, возжелал открыть теперь свою прежнюю славу, которую на земле прикрыл своим юродством»¹³.

Данное утверждение церковного историка начала XX в. созвучно с некоторыми современными научными исследованиями русского юродства, в которых утверждается, что сказания о «нестандартных святых» и их «парадоксальной святости» со временем подверглись «...агиографической обработке в юродском ключе, которая почти полностью уничтожила их индивидуальные черты»¹⁴. Это, в частности, помогает понять своеобразие иконографии Прокопия Устюжского. Для его ранних образов характерно полное отсутствие признаков убогости, что было закреплено в Строгановском иконописном подлиннике. Но со временем более привычным

стал образ юродивого Прокопия со всеми чертами святости «...„человеков Божиих“, смиренных, в рубище одеянных и всю славу земную отметших»¹⁵.

В 2015 г. в Прокопьевске появилась двухуровневая скульптурная композиция, посвященная духовному покровителю города (рис. 3). Она отразила всю многогранность подвига святого. На литой иконе-барельефе в молитве к Богородице обращается смиренный юродивый. В монументальном фигуративе представлен «застоя» и «заборонщик»¹⁶, в руке держащий кочерги, как воин — бердыш. В 2020 г. решением городского Совета народных депутатов был принят новый герб г. Прокопьевска. Вполне предсказуемо, что гласным символом его стал образ святого Прокопия — о других заботника и старателя¹⁷ (рис. 4).

Это прекрасно иллюстрирует мысль о том, что «...к юродству приступают лишь в состоянии абсолютного совершенства»¹⁸. Именно такой путь о. Иоанн считал и сложным, и необычным. Он был убежден, что в агиобиографии Прокопия много вопросов. Ответом на один из них является историческое обозрение «О Гланде Камбиле», представленное историком Кузнецовым в Изборнике в качестве приложения.

В 1911 г. отец Иоанн обнаружил в архиве А.Н. Оленина немецкую рукопись о появлении на Руси в XIII в. одного из лидеров прусского восстания против Тевтонского ордена, бывшего властителя некой Зюдавии по имени Гланда. «Хотя рукопись, сравнительно, позднего времени и неизвестно кем и на основании каких источников составлена, — пишет он, — но уже само нахождение ее в архиве Оленина, знатока археологии и древней русской истории, притом занимавшегося вопросами, касавшимися Дома Романовых, ...заставляют с этой рукописью очень и очень считаться»¹⁹. Однако, не полагаясь только на авторитет Оленина, историк Куз-

Рис. 4. Герб г. Прокопьевска Кемеровской обл. 2020 г.

нецов подтвердил достоверность данных в рукописи своим анализом исторических документов X—XIII вв. и результатами современных ему исследований. Он определил границы Зюдавии; уточнил обстоятельства, побудившие вождя пруссов оставить родные места и сменить вероисповедание; выдвинул версию происхождения имени Андрея Кобылы; обратил внимание читателя на факт отсутствия данных как о жизни Гланды после его прибытия на Русь, так и о предках Андрея Кобылы.

При этом о. Иоанн никак не артикулировал звучащий между строк вопрос: «Не является ли бывший прусский правитель Гланда Камбила тем, кто стал русским святым Прокопием Устюжским?». Но именно ответом на него стало помещенное в Изборнике сразу после статьи И.И. Кузнецова стихотворение «Отшельник» некоего А.П. Оно повествует о молодом князе, изведавшем «тевтонского горя», приплывшем из Поморья «к берегу Руси Святой», где оставил «меч и скипетр» и «словно умер для мира»²⁰.

Содержание этого стихотворения, явно направляющего от Гланды Камбилы к Прокопию Устюжскому, отвечает следующим размышлениям отца Иоанна: «Нельзя... не отметить ...отзывчивости блаженного к призывающим неоднократно его в своих молитвах на помощь русским воинам. Всегда он как бы спешил оказать им эту помощь: Устюжская рать, ...тяжко [страдающая] от повальной „трясовицы (лихорадки) и чревной болезни“, молят Святого о помощи, и он избавляет их от болезни „в скорости“. В Польское нашествие блаженный помогает нашим войскам... разбить превосходящих их численностью поляков... Не прежний ли Прокопий — князь-воин — слышится здесь?»

А обычай блаженного сидеть на берегу Сухоны и молиться за плавающих, дабы им Бог сотворил тихое плавание — характерная черта, отмеченная Житием, не подсказывает ли она, что отечеством блаженного была страна или приморская, или вообще обильная водами и что блаженный сам близко знал опасность водной стихии и потому особенно сочувствовал плавающим?»²¹.

Возможно, о. Иоанн в будущем ответил бы на эти явно и неявно обозначенные вопросы. Ведь он планировал продолжить разговор о Гланде Камбиле. Тем более, что прокопиевскую тему продолжил в своем творчестве сотруженик по работе над Изборником художник Н.К. Рерих; увлечены ею были известные литераторы И.А. Бунин и А.М. Ремизов²². Работа над ней была продолжена ими

Рис. 5. Церковь Святого Прокопия Устюжского в Прокопьевске. 2013 г.

и после вынужденной эмиграции. А вот в России она была преврана вследствие бурных политических событий.

Словно предвидя их, и сетуя, как скоро «...изглаживаются из памяти предания старины», М.С. Путятин писал: «Окончательное решение занимающей нас задачи, по всем вероятностям, принадлежит не нам, а грядущим исследователям; мы же будем почитать себя счастливыми, если нам удастся хотя бы наметить путь приближения к правильной разгадке»²³.

Работы И.И. Кузнецова определили те направления, по которым в формате прокопиеведения работают современные филологи, искусствоведы, геологи, краеведы²⁴. И особо они значимы для прокопчан — жителей сибирского города, духовные истоки которого, возможно, были заложены в XIII в. на побережье Варяжского моря вождем прусского племени. Тем, кто закончил свою жизнь юродивым северорусского Устюга, а затем в XVI—XVIII вв. стал одним из духовных покровителей сибирских первопоселенцев (рис. 5). Значимы они потому, что не ставят жирных точек, а предполагают дальнейшее изучение истории города, в которой прокопиеведение является основой.

- ¹ *Евсеев И.Е.* Протоиерей И.И. Кузнецов «Святые блаженные Василий и Иоанн, Христа ради [юродивые], Московские чудотворцы: Историко-агиографическое исследование» // Христианское чтение. 1914. № 3. С. 408.
- ² Летописный и лицевой изборник Дома Романовых: Историко-художественное издание в ознаменование трехсотлетия царствования. М., 1913. Вып. 2.
- ³ См. изображение иконы XVI в. «Святой Прокопий, Устюжский чудотворец» в статье И.И. Кузнецова в настоящем сборнике.
- ⁴ Сказание о чудесах от иконы Всемиловитого Спаса, праведного Прокопия и преподобного Варлаама Хутынского // *Власов А.Н.* Житийные повести и сказания о святых юродивых Прокопии и Иоанне Устюжских. СПб., 2010. С. 274.
- ⁵ ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 1. Д. 1413. Л. 20—25.
- ⁶ *Путятин М.* Вступление к статье В.К. Трутовского: Происхождение предков рода Романовых // Летописный и лицевой изборник Дома Романовых: Историко-художественное издание в ознаменование трехсотлетия царствования. М., 1913. Вып. 2. С. 25.
- ⁷ *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 435.
- ⁸ *Путятин М.* Вступление к статье прот. И. Кузнецова: Святой Прокопий Праведный, Устюжский Чудотворец // Летописный и лицевой изборник Дома Романовых: Историко-художественное издание в ознаменование трехсотлетия царствования. М., 1913. Вып. 2. С. 85.
- ⁹ *Кузнецов И., прот.* Святой Прокопий Праведный, Устюжский Чудотворец. Опыт исследования Жития // Летописный и лицевой изборник Дома Романовых: Историко-художественное издание в ознаменование трехсотлетия царствования. М., 1913. Вып. 2. С. 86. См. текст статьи в настоящем издании.
- ¹⁰ Там же. С. 94, 95.
- ¹¹ Там же. С. 100.
- ¹² Там же. С. 86.
- ¹³ Там же. С. 100, 103.
- ¹⁴ *Городилин С.В.* К вопросу о формировании агиологической модели юродской святости в агиографии позднего русского Средневековья // Актуальные проблемы изучения и сохранения памятников архитектуры: Чтения памяти И.И. Кузнецова. Вып. 1. Материалы научной конференции. Москва, 12—13 ноября 2019 г. М., 2020. С. 204. URL: <https://disk.yandex.ru/i/NAeU9XR7uvdhiw> (дата обращения: 24.02.2022 г.).
- ¹⁵ *Кузнецов И., прот.* Святой Прокопий..., 1913. С. 103.
- ¹⁶ Устаревшие слова в значении «заступник» и «покровитель».
- ¹⁷ Устаревшее слово в значении «радетель».
- ¹⁸ *Иванов С.А.* Блаженные похабы. Культурная история юродства. М., 2019.
- ¹⁹ *Кузнецов И.И., прот.* О Гланде Камбиле по рукописи № 878 с картами Балтийского Поморья // Летописный и лицевой изборник Дома Романо-

- вых: Историко-художественное издание в ознаменование трехсотлетия царствования. М., 1913. Вып. 2. С. XII.
- ²⁰ *А.П.* Отшельник // Летописный и лицевой изборник Дома Романовых: Историко-художественное издание в ознаменование трехсотлетия царствования. М., 1913. Вып. 2. С. 106.
- ²¹ *Кузнецов И., прот.* Святой Прокопий..., 1913.
- ²² *Бунин И.А.* Стихотворение «Святой Прокопий» (1916); *Ремизов А.М.* Прозаическая миниатюра «Милый братец» (1914), повесть «Соломония» (1951); *Рерих Н.К.* Картины «Прокопий праведный за неведомых плавающих молится» и «Прокопий праведный отводит тучу каменную от Устюга Великого» (1914), литературная сказка «Сон» (1916), очерк «Метеоры» (1943).
- ²³ *Путятин М.* Вступление..., 1913. С. 86.
- ²⁴ Среди них: *Власов А.Н.* Житийные повести и сказания о святых юродивых Прокопии и Иоанне Устюжских (2010); Кто имя дал славное городу (2011); *Латынцев В.Н.* Святой предок рода Романовых (2013); *Мальцев М.Г.* Святой праведный Прокопий Устюжский — родоначальник династии Романовых: факты и вымыслы (2011); *Матхаузерова С.* (Прага). Прокопий Сазавский и Прокопий Устюжский. К одной параллели в исторической повествовательной литературе (2006); *Сорокатый В.М.* Образ Прокопия Устюжского в иконе (2003); *Флоренский П.В.* ...И каменные тучи молитвою отвел (1999) и др.

Е.М. Юхименко

Обретенная святыня, или Новый памятник в экспозиции Покровского собора

В 2018 г. на антикварном рынке появился монументальный образ Спасителя¹. По счастливой случайности он не находился в широком обороте, а был сразу приобретен известным коллекционером С.Ю. Николаевым. Станислав Юрьевич собрал прекрасную коллекцию икон в окладах стиля модерн и издал каталог своего собрания², однако мимо этого удивительного образа, гораздо более раннего, пройти не мог. По его инициативе специалисты провели реставрацию иконы, полностью удалили сплошную запись и почерневшую олифу. Икона предстала в своем первоначальном виде (рис. 1), и стало очевидно, что это не рядовой памятник, а особенный, почитаемый образ. Станислав Юрьевич обратился ко мне с просьбой провести историко-художественное исследование. Результат проведенной работы дал основание для утверждения, что эта икона является известным московским чудотворным образом.

1. На иконе представлен особый иконографический извод изображения Спасителя — так называемый Спас Москворецкий. Это оплечное изображение Христа, Его правая рука в благословляющем жесте, левая придерживает раскрытое Евангелие.

Такое название иконографический извод получил по месту нахождения изначальной почитаемой иконы Всемилостивого Спаса. Рядом с нею все было Москворецкое: Москворецкие ворота, Москворецкий мост, Москворецкая улица и, наконец, специально для нее построенная Москворецкая часовня.

Чудотворный образ Спасителя первоначально помещался, по-видимому, в специальной нише в Китайгородской стене, когда здесь были Москворецкие ворота с такими же проездами, как у Воскресенских ворот. В 1685—1689 гг. снаружи у ворот для иконы

Рис. 1. Икона «Господь Вседержитель (Спас Москворецкий)». Вторая четверть XVII в. Русский Север. Дерево, левкас, темпера. ГИМ. Дар С.Ю. Николаева

была построена деревянная часовня, тогда принадлежавшая Зосимо-Савватиевской Марчуговской пустыни близ г. Бронницы. В 1700 г. часовня была приписана к Соловецкому монастырю; в 1709 г. перенесена внутрь стен Китай-города. При Петре I она была закрыта, но в 1727 г. восстановлена. В 1765 г. часовню Все-

милостивого Спаса передали Давидовой пустыни Серпуховского уезда. В XIX в. здание было существенно перестроено, а в 1912 г. усердием благотворителей обновлен интерьер. Часовня находилась на Москворецкой ул., д. 29 — предпоследнее строение по нечетной, левой от Красной площади, стороне улицы, у Москворецкой набережной (ныне территория парка «Зарядье»). Часовню закрыли в 1920-е годы, а в 1966 г. снесли перед строительством гостиницы «Россия»³.

Икона Спасителя из часовни у Москворецкого моста входила в число шести особо почитаемых московских образов. Она считалась древней. Уточнение к этой широкой датировке внес искусствовед и исследователь русских монастырей Леонид Денисов. В специальной брошюре «Чудотворный образ Всемилоствиваго Спаса в часовне у Москворецкого моста в Москве»⁴ (рис. 2) он отметил, что «...древность этой чтимой иконы восходит не далее, как к половине XVII столетия» (т. е. к середине XVII в.)⁵. К XVII в. относил образ из часовни и такой знаток Москвы, как Михаил Иванович Александровский.

Свидетельства почитания образа и чудотворений от него собраны в брошюре 1903 г.: «В числе обретающихся в Москве великих святынь пользуется особенным благоговейным почитанием православных русских людей древний чудотворный образ Всемилоствиваго Спаса. Он находится в часовне у Москворецкого моста». Особый раздел в издании составляет подробное повествование о чудесах от образа Спаса Москворецкого: «Чудесные исцеления, полученные по молитве больных чрез чудотворный образ Всемилоствиваго Спаса»⁶. Леонид Денисов отмечал, что «...чудесные исцеления по молитве пред чудотворным образом Всемилоствиваго Спаса, находящимся в часовне у Москворецкого моста, получались верующими издавна», однако, поскольку подробных записей исцелений не велось, автор ограничился изложением «...двух официально засвидетельствованных фактов чудесных исцелений, совершившихся в недавнее время»: исцеление от глазной болезни дочери крестьянина сельца Румянцева Соколовской волости Епифанского уезда Тульской губернии Анны Капцовой в 1889 г. и от «расстройства умственных способностей» купеческой дочери Марии Сапожниковой из г. Шацка Тамбовской губернии в 1890 г. Эти два случая показывают, что слава об исцелениях от иконы выходила далеко за границы древней столицы.

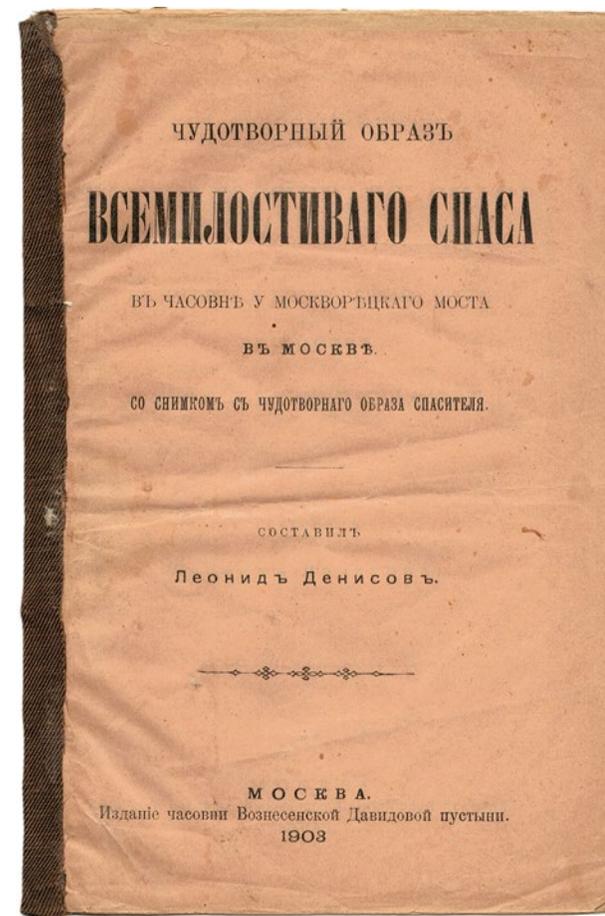

Рис. 2. Обложка брошюры «Чудотворный образ Всемилоствиваго Спаса в часовне у Москворецкого моста в Москве»

Москвичи очень почитали древнюю святыню. Ее «приглашали» на дом. Как и с Иверской иконой Богоматери из Иверской часовни у Воскресенских ворот, церковнослужители обходили с ней дома москвичей. Совершались торжественные, с крестным ходом, «перенесения» иконы в другие церкви, например, в церковь Николы в Толмачах. В брошюре 1903 г. при описании случаев чудесного исцеления, «...полученного по молитве больных чрез чудотворный образ Всемилоствиваго Спаса», указывается, что жительница г. Шацка, эпизодически проживавшая в Москве, «...слышала, что

от иконы Спасителя, находящейся в часовне, что у Москворецкого моста, неоднократно больные получали исцеления»⁷.

В конце XIX — начале XX в. с иконы, в том виде, в котором она тогда находилась (под записью, под потемневшей олифой?), выполняли списки аналойного и меньшего размера, в ряде случаев сопровождавшиеся надписью: «Чудотворный образ Спасителя, находящийся в часовне у Москворецкого моста в Москве».

2. Принадлежность иконы к определенному изводу еще не доказывала, что перед нами именно тот образ, который находился в Москворецкой часовне. Были необходимы документальные поиски. В ОПИ ГИМ, в фонде Музейного отдела Наркомпроса, удалось обнаружить акт № 462 осмотра часовни Церковной группой Художественного подотдела Московского отдела народного образования от 3 января 1921 г. В этом документе впервые были указаны краткие сведения о чудотворной иконе: «Икона Всемиловитого Спаса в серебряно-вызолоченной ризе, письма половины XVII века, размером 2¼ ар. × 1¾ арш.»⁸. Несмотря на краткость, запись содержит крайне важные сведения: датировку серединой XVII в., указание на наличие оклада-ризы и ее размеры: 160 × 124 см (1 аршин = 0,711 см).

Эти же размеры были указаны в описи часовни 1927 г., приписанной тогда к московскому Сретенскому монастырю: «Икона Всемиловитова Спаса. 2¼ ар. × 1¾ арш. (на учете в Истор. музее)»⁹. Этот документ выявлен доктором исторических наук, главным научным сотрудником Института этнологии и антропологии РАН Ириной Леонидовной Бабич, опубликовавшей в 2017 г. статью «Исчезнувшая церковная Москва (история московской часовни с чудотворной иконой Нерукотворного Спаса у Москворецкого моста)». Замечу, что предпринятые ею поиски подлинной иконы в музейных собраниях не увенчались успехом.

Икона, приобретенная С.Ю. Николаевым, имела почти идентичные (с учетом погрешности при измерении в четвертях аршина в акте 1921 г. и отсутствия оклада) размеры: 150 × 125 см.

3. На фоне исследуемой иконы заметны следы от многочисленных мелких гвоздей, которыми крепилась риза. Этот факт также совпадает с данными описания 1921 г. (в 1927 г. ризы, видимо, на иконе уже не было).

4. На иконе, ниже лика Спасителя, хорошо заметны очевидные следы ожогов, что свидетельствует о глубоком почитании этой иконы, к которой неоднократно подвешивались лампы.

5. Что касается датировки иконы, напомним, что Леонид Денисов и составители акта 1921 г. относили подлинную икону, пользуясь старой терминологией, «к половине XVII столетия», иными словами — к середине XVII в. Действительно, датировка рассматриваемого памятника не выходит за середину XVII в., прямым доказательством чему служит наличие написанного на полях текста тропаря 2-го гласа, входящего в службу Нерукотворному образу Спасителя 16 августа (старого стиля), в «дораскольной» редакции. Проведем сравнение текстов, выделив полужирным шрифтом очевидные отличия грамматических форм, появившиеся после «книжной справки» (табл. 1).

Таблица 1. Сравнительный анализ текстов тропаря

Надпись на иконе	Миней служебная, август. 1630 г.	Миней служебная, август. 1691 г.
Пречистому [Ти] образу / Поклоняемся благии, Просяще прощения прегрешением нашим, Христе Боже / Волею бо благоизволил еси взыти на крестъ. Да избавиши яже созда от работы вражия / Тем благодаряще вопием ти радости вся исполнивьи спасе нашъ.	Пречистому Ти образу поклоняемся благии, просяще прощения прегрешениемъ нашим, Христе Боже. Волею бо благоизволил еси взыти на крестъ. Да избавиши яже созда от работы вражия. Тем благодаряще вопием ти, радости вся исполнивьи, Спасе нашъ ¹⁰ .	Пречистому Твоему образу поклоняемся благий, просяще прощения прегрешений наших, Христе Боже, волею бо благоволил еси плотию взыти на крестъ, да избавиши яже создалъ еси от работы вражия Темъ благодарственно вопием ти, радости вся исполнилъ еси вся, Спасе нашъ ¹¹ .

Совершенно очевидно, что надпись на иконе дословно совпадает с печатным текстом изданий 1630 и 1646 гг. и появление подобного текста, а также вопиющего двуперстия на иконе после церковной реформы, начавшейся в 1654—1656 гг., было невозможно. Наиболее корректно датировать икону второй четвертью XVII в.

6. Последнее свидетельство о святыне относится к 15 сентября 1927 г., когда этот образ видел главный хранитель Исторического музея А.В. Орешников, записавший в своем дневнике: «Были в реставрационной мастерской (в Покровском соборе на Красной площади. — Е.Ю.), где расчищается огромный чудотворный образ Спасителя из часовни; письмо удивительное»¹².

Эта характеристика — «удивительное письмо» — вполне приложима к данному памятнику, уникальной особенностью которого

является выполненный крупной вязью богослужебный текст, занимающий почти всю площадь полей, что вместе с орнаментальными композициями, акцентирующими углы, придает иконе исключительную, редкую декоративность.

По стилистике письма икону следует отнести к творчеству северного профессионального иконописца. Северное происхождение новооткрытого образа не противоречит предположению о его возможном местонахождении в часовне у Москворецкого моста. Напомним, что первоначально эта часовня принадлежала Зосимо-Савватиевской Марчуговской пустыни. Согласно классическому справочнику П.М. Строева, пустынь была основана протопопом Благовещенского собора Московского Кремля, духовником царя Алексея Михайловича Стефаном Внифатьевым в 1653 г. в Москве у Красного Холма¹⁵ (совр. Краснохолмская наб., чуть более 2 км вниз по течению Москвы-реки от Москворецкой наб.). Как крупный жертвователь Соловецкого монастыря, Стефан Внифатьев вполне мог получить с Севера для своей обители подобный монументальный образ. Обращает на себя внимание тот факт, что в 1700 г. и сама Марчуговская пустынь, и часовня у Москворецкого моста были приписаны к Соловецкому монастырю.

Таким образом, существуют достаточные основания утверждать, что новообретенная икона «Господь Вседержитель» (Спас Москворецкий) и есть тот самый чтимый образ, которой находился в часовне у Москворецкого моста.

Результаты проведенного исследования внесли коррективы в дальнейшую судьбу иконы: С.Ю. Николаев принял исключительно благородное решение сделать эту святыню доступной для всех. С благодарностью заметим, что щедрые дарения коллекционер делал и ранее: в 2017 г. им был передан в Исторический музей редкий живописный портрет старообрядческого инок Павла Белокриницкого третьей четверти XIX в.¹⁴; в 2019 г. Ярославскому художественному музею — комплекс творческих материалов художника, историка искусства и музейного работника Петра Ивановича Нерадовского (1875—1962), включающий 14 его акварелей и рисунков, документы, семейные фотографии дореволюционного и советского периодов, фотоальбом работ художника, находящихся в разных музеях, и гипсовый бюст — всего около 30 предметов.

Первоначально владелец хотел передать икону Русской Православной Церкви. Однако по ряду причин это намерение не реа-

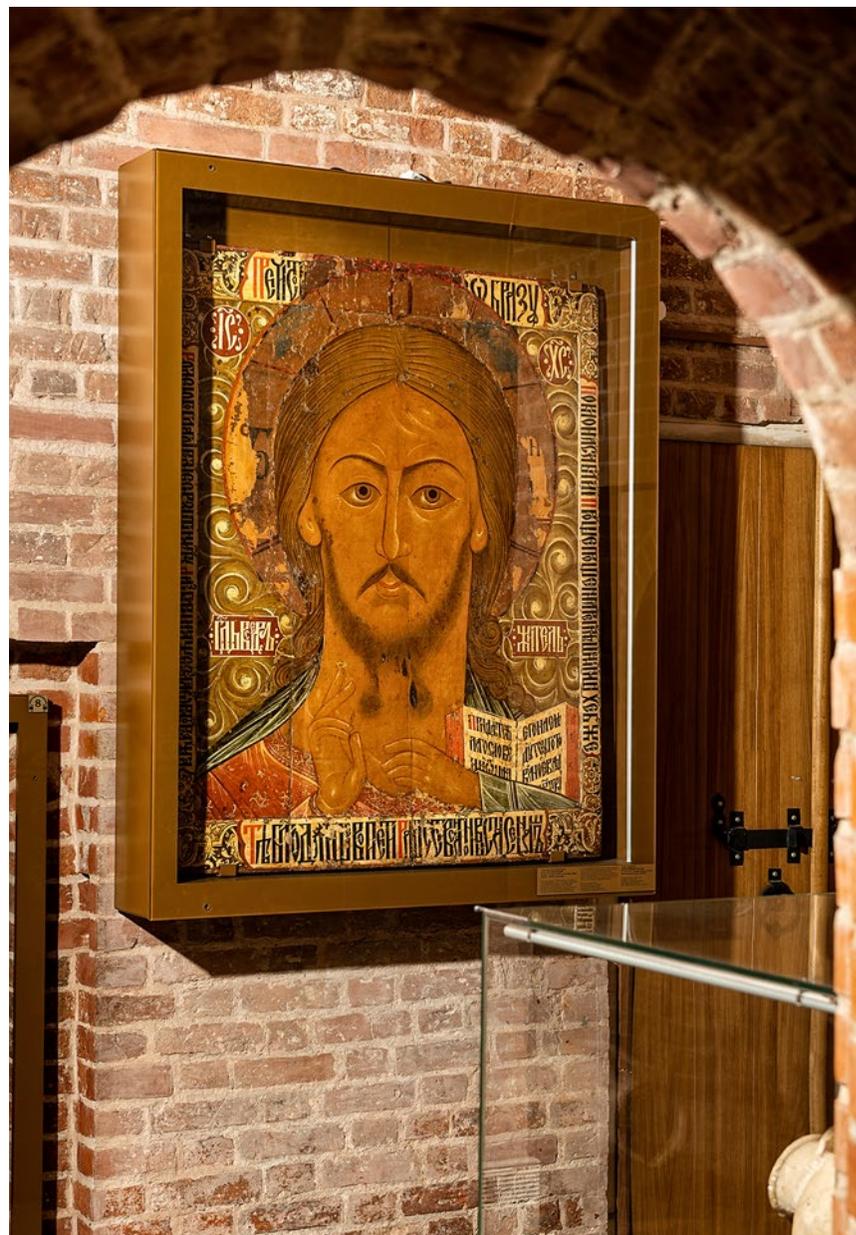

Рис. 3. Икона «Господь Вседержитель (Спас Москворецкий)» в экспозиции музея «Покровский собор»

лизовалось. И тогда я, с учетом желаний владельца, предложила компромиссный вариант: передать икону в дар Государственному историческому музею с условием помещения ее на постоянное хранение в Покровский собор — одновременно музей и действующий храм, рядом с которым когда-то располагалась Москворецкая часовня. Эта идея и воплотилась в жизнь¹⁵. Вместе с заведующей музеем «Покровский собор» Т.Г. Сарачевой, активно поддержавшей этот план, для иконы было найдено замечательно подходящее место — на нижнем этаже храма, на южной стене, обращенной в сторону Москвы-реки, и в непосредственной близости от действующей церкви святого Василия Блаженного. На средства С.Ю. Николаева изготовлен специальный киот, в котором ныне находится икона (рис. 3).

В престольный праздник 14 октября 2019 г. в Покровском соборе состоялась тожественная церемония передачи иконы в дар Историческому музею. На ней были озвучены слова благодарности Патриарха Московского и всея Руси Кирилла в адрес дарителя «...за то, что святыня нашего народа, нашей Церкви возвращена на свое историческое место, и верующие люди имеют сегодня возможность молиться перед этим Спасом Москворецким, который, по преданию, был чудотворным, и от него люди по молитве получали очень много исцелений». Директор Государственного исторического музея А.К. Левыкин подчеркнул особое значение этого дара для музея, в стенах которого почитаемая икона, что подтвердил опыт прошедших двух лет, стала доступна и верующим, и всем, кто интересуется отечественной историей и культурой.

¹ Первую публикацию памятника см.: Юхименко Е.М. Обретенная святыня: Дар С.Ю. Николаева Государственному историческому музею // Собрание. М., 2019. № 9. С. 42–51.

² Предметом специального интереса собирателя являются иконы русского модерна; каталог коллекции опубликован в 2016 г. (Горшкова В.В., Игошев В.В., Юхименко Е.М. Идеальный образ русского модерна: Иконы в окладах из собрания С.Ю. Николаева. М., 2016. 463 с.).

³ Указатель церквей и часовен Китай-города. М., 1916. С. 27; Паламарчук П.Г. Сорок сороков. М., 1994. Т. 2: Москва в границах Садового кольца. С. 73, 74; Бабич И.Л. Исчезнувшая церковная Москва (история московской часовни с чудотворной иконой Нерукотворного Спаса у Москворецкого моста) // Исторический журнал: Научные исследования. М., 2017. № 1. С. 154–162.

- ⁴ Чудотворный образ Всемилоствигаго Спаса в часовне у Москворецкого моста в Москве / Сост. Леонид Денисов. М., 1903.
- ⁵ Там же. С. 5.
- ⁶ Там же. С. 9–15.
- ⁷ Там же. С. 13.
- ⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 1232. Л. 4.
- ⁹ ЦГАМО. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 219. Л. 18. Описание была составлена при передаче часовни в Сретенский монастырь 25 мая 1927 г.
- ¹⁰ Миняя служебная, август. М., 1630. Л. 266 об., 287, 287 об. Тот же текст читался и во втором издании 1646 г. (Л. 267 об., 286).
- ¹¹ Миняя служебная, август. М., 1691. Л. 196.
- ¹² Орешников А.В. Дневник. 1915–1933. М., 2011. Кн. 2: 1925–1933. С. 217. Благодарю заведующего отделом ОПИ ГИМ А.Г. Юшко за помощь в поиске этой цитаты.
- ¹³ Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей Российской Церкви. СПб., 1877. Стб. 247.
- ¹⁴ Публикацию портрета см.: От Аввакума до Агафьи. Наследие старообрядчества: Каталог выставки / Науч. ред. и сост. Е.М. Юхименко. М., 2021. С. 256, 258. Кат. № 267.
- ¹⁵ Памятник поступил по договору пожертвования от 23.09.2019 г. в фонд отдела древнерусской живописи Исторического музея: ГИМ 115645. И VIII 6741. ГК 21098598.

Т.Ю. Облицова

Заметки к образу «Сопрестолие» из придела святого Василия Блаженного Покровского собора

В 2021 г. отделом древнерусской живописи Исторического музея была поставлена на учет икона на стекле, хранившаяся в Покровском соборе (рис. 1). Ее центральная и правая части с неровным обломом имеют размер 111 × 80 см и содержат фрагмент композиции «Сопрестолие», или «Триипостасное Божество»; такое название восходит к стихире восьмого гласа на Великой вечерне Пятидесятницы. Согласно этой иконографии, посередине изображен Крест Господень, над ним в облаках — образ Духа Святого в виде голубя в сиянии славы, на троне — благословляющий обеими руками Бог Отец с вписанным в нимб треугольником. Слева от Креста сохранился фрагмент фигуры Бога Сына (колени, левая рука) и спинка трона. Левая часть композиции утрачена. Поверхность оборотной стороны загрязнена; на лицевой стороне — значительные утраты красочного слоя. Живопись фрагментарно сохранилась на левой кисти и на одеждах Бога Отца, по кромке облаков и в сиянии вокруг голубя.

В 1990-е годы было сделано фото¹ этой иконы (рис. 2), имевшей тогда лучшую, чем сейчас, сохранность: не нем видна утраченная ныне часть с изображением фигуры Иисуса Христа (от ног по пояс), который держит в руках развернутый свиток с текстом: «Вся мне предана суть Отцем Моим: и никтоже знает, токмо Сын» (Мф 11:27).

Книга расхода Покровского собора за 1897 г. содержит запись: «Живописцу Александру Яковлеву Загребневу отдано за написание вновь иконы Святой Троицы на стекле, что в алтаре на горнем месте храма св. Василия Блаженного, и за позолоту рамы сей иконы — девяносто пять рублей [роспись] Загребневъ [Загребнивъ] получил»².

Рис. 1. Икона «Сопрестолие». 1897 г. Фотография. 2021 г.

Рис. 2. Икона «Сопрестоліе». 1897 г. Фотография. 1990-е годы

Судя по записи, образ «Святой Троицы» был заказан иконописцу для изготовления взамен утраченного, возможно, за ветхостью или непригодного по эстетическим соображениям. Когда был исполнен предыдущий образ, пока не установлено. Известно, что в 1862 г., во время очередной переделки внутри алтаря придела святого Василия Блаженного, длившейся с 5 июля по 2 августа, была выполнена на стекле и вставлена в центральный оконный проем «...прозрачная картина Спасителя, сидящего на престоле»³. Тогда же «в окне» придела святого Иоанна Блаженного была «...вставлена прозрачная икона „Видение преподобному Сергию Чуд[отворцу] Богоматери“»⁴.

Заказ был сделан во время масштабной реставрации собора конца XIX в., когда закупались стекла для окон Покровского собора в магазине Северного стекольного промышленного общества (в доме Алексева на Лубянской площади)⁵. В рамках этой реставрации кардинальным изменениям подвергся интерьер церкви святого Василия Блаженного⁶.

Изображение на иконе получено с помощью аэрографии (напылением по трафарету) с последующим акцентированием рисунка и прохождением мягкой широкой кистью⁷. Перед пульверизацией масляной краской прозрачное стекло матировали для лучшего сцепления с инертной поверхностью, на которую нанесли клеевой состав с добавлением белка животного происхождения. Ныне существующий тонкий, фрагментарно размытый живописный слой с пылевым загрязнением не позволяет в точности определить степень осыпания краски.

Первые шаги по технико-технологическому исследованию образа из Покровского собора сделаны в 2021—2022 гг. в лаборатории физико-химических исследований (ФГБНИУ «ГосНИИР») под руководством И.Ф. Кадиковой и при участии С.А. Писаревой, проанализировавшей пробы пигмента. Они взяты с пяти участков, в местах, где пигменты оказались наиболее сохранившимися: темно-синий (гиматий Иисуса Христа и сфера), темно-зеленый (гиматий Бога Отца), коричневый (лик и кисть Саваофа). Они показали традиционный для подобного красочного слоя набор: использовались берлинская лазурь, красная охра и сажа (для темно-синего); берлинская лазурь, желтая и красная охра, диоксид кремния, кальцит, желтый кадмий (для темно-зеленого); красная, желтая, коричневая охры, гематит, кальцит, диоксид кремния, гипс в форме дигидрата (для коричневого). Присутствие в художественных красках небольшого количества желтого кадмия (в качестве основы) характерно для поздней живописи; оно получает распространение с 1840-х годов⁸.

Была ли техника, в которой выполнен образ «Сопрестоліе», авторской или лишь частично экспериментаторской, возможно определить только после изучения произведений, выполненных в том же жанре, и других икон на стекле из Покровского собора, что остается нерешенной задачей.

Работы по стеклу — большой пласт древнерусского и церковного искусства позднего времени. Традиция использования

стекла — уникального материала, привлекающего своей светонепрозрачностью и прозрачностью, словно развеществляющей предмет, — восходит к раннехристианским предметам погребального и литургического назначения. Стекло также использовали в мозаике и в витражах. Несмотря на запрет изготовления икон на стекле, высказанный Максимом Греком⁹ после VII Вселенского собора (не возбранявшим, однако, работы с этим материалом), их продолжали писать¹⁰. Это касается как малых форм — панагий конца XV — первой половины XVII в., выполненных в технике «эгломизе»¹¹, — так и крупных.

К последним относится, вероятно, самая ранняя из алтарных икон на стекле в России — запрестольный образ «Воскресший Христос», созданный в 1843 г. по рисунку Г.М. фон Гесса для Исаакиевского кафедрального собора г. Санкт-Петербурга. Очевидным образом это событие легитимизировало поставление в новых или уже существующих православных соборах алтарных образов на стекле. Письменные документы эпохи и архивные фото свидетельствуют о принятой и даже распространенной практике размещения таких образов в столичных и провинциальных церквях Российской империи в 1840—1890-х годах. Это могли быть как запрестольные (заалтарные) образы, так и ростовой Деисус в алтарных окнах, напоминающий фигуративные витражи костелов и базилик Западной Европы. В начале этого периода интерес к такой декорации может быть связан с реформами императора Николая I и его эстетическими предпочтениями.

Западноевропейский вкус в оформлении интерьера православного храма проявился в предпочтении создать запрестольные образы на стекле в церкви святого Александра Невского в парке «Александрия» в Петергофе (проект архитекторов К.Ф. Шинкеля, А. Менеласа, И. Шарлемана, 1833 г.; иконы на холстах Т.А. Неффа). К началу XX в. в ней существовали «...две достаточно древние иконы на стекле в окнах алтаря: около жертвенника — исцеление расслабленного при купели, а справа от запрестольного образа — икона мученицы царицы Александры с изображением орудия ее казни. Указанные изображения были вставлены после освящения храма, их происхождение — неизвестно»¹². Также в этой церкви находились исполненные в 1860-е годы художником Императорского стеклянного завода Григорием Васильевым образы на стекле в окнах-розах над дьяконскими дверями: копии картин

Т.А. Неффа «Ангел молитвы» и «Ангел у гроба Господня»¹³. В этом ряду находится интерьер церкви Тихвинской иконы Божией Матери в имении Шереметевых в с. Высоком Смоленской губ. (1867—1871 гг., архитектор Н.Л. Бенуа), рисунки для фигуративных витражей которой подготовлены архитектором совместно с художником по стеклу В.Д. Сверчковым. Витражи были изготовлены в мюнхенской мастерской.

К концу XIX в. и на рубеже веков практика использования в церковном интерьере икон на стекле утвердилась в полной мере. Известно о существовании многочисленных мастерских для изготовления цветных стекол с живописью для церквей¹⁴. Для этих целей нередко использовали листовое прозрачное стекло, которое в отличие от, например, так называемого кафедрального, не подвергалось обжигу. Особенности техники на стекольных заводах и приспособлений для росписи по стеклу в художественных мастерских, как и технология перенесения рисунка с картонов, известны в общих чертах¹⁵. Интерес к работе с материалом породил немало экспериментов, часто нежизнеспособных.

Среди ключевых примеров оформления алтарного пространства произведениями, выполненными на стекле (не сохранились), — Успенский храм Киево-Печерского подворья на Васильевском о-ве в Санкт-Петербурге, построенный архитектором В.А. Косяковым в 1895—1900 гг. (ныне подворье Оптиной пустыни). В нем находился написанный на стекле Деисус — по фигуре в рост в каждом алтарном окне.

В ряду памятников с запрестольными образами на стекле необходимо упомянуть недавно восстановленный московский храм преподобного Василия Исповедника¹⁶ (освящен в 1905 г.) с еще не раскрытой, но уже впечатляющей росписью колоссального интерьера. Его заказчик так писал о нем в дневнике: «Не теряя напрасно времени и озабочиваясь скорейшим окончанием внутренней отделки строящегося храма, а равно заготовкою всей необходимой для совершения в нем богослужения утвари и прочаго, я зимою, когда прекратилась каменная работа, заказал иконостасчику Ивану Андреевичу Соколову по рисунку архитектора Попова¹⁷, четырехъярусный золоченый иконостас во все три предела и на пилоны отдельно рамы золоченые для икон. В это же время были заказаны для всего храма иконы московскому иконописцу Феодору Андреевичу Соколову, а для горняго места в окно

главного алтаря заказана икона Спасителя, сидящего на престоле славы, на зеркальном цельном стекле художественной работы»¹⁸. Иконы Ф.А. Соколова утрачены.

За 12 лет до исполнения Александром Яковлевичем Загребневым иконы «Сопрестолие», указанной в расходной книге как «Святая Троица», была заказана икона на стекле той же иконографии для придела святого Иоанна Блаженного в Покровском соборе. Об этом свидетельствует запись в расходной книге храма, сделанная в феврале 1885 г.: «Иконописцу Василию Ивановичу Глазунову заплачено за написание иконы Святой Троицы на стекле, вставленной в окно придела Рождества Пресв. Богородицы над ракою Св. Иоанна Блаженного, двадцать рублей. ...Двадцать ру[блей] получил Василей Глазуновъ». Роспись о получении сделана неверной рукой с ошибками и пропуском букв. Кроме того, в книге указано: «За металлическую вызолоченную раму к сей иконе отдано двадцать рублей»¹⁹. Образ не сохранился²⁰, но сведения о нем позволяют судить о едином художественном решении двух нижних приделов Покровского собора.

Не исключено, что на решение установить над горним местом в приделе Василия Блаженного в Покровском соборе икону, традиционную по иконографии (Сопрестолие²¹ трактовалось как выражение эсхатологической роли Бога-Судии) и экспериментаторскую для столь ранней архитектуры Москвы по материалу и технике, повлияла также входившая в моду стилистика модерна, набравшего силу в 1890-е годы. Переосмысление устоявшихся художественных форм и приемов, сближение и слияние до эклектизма всевозможных видов и жанров искусства, интерес к материалам, их свойствам и сопоставлениям — различных видов стекла (листового, зеркального, кафедрального и т. п.), стекла и металла, стекла и вызолоченной рамы при рассчитанном оптическом эффекте от воздействия освещения, в том числе неровного света свечей в алтаре и естественного света, льющегося из больших оконных проемов, — все это вписывается в эстетику модерна.

Что касается автора этой иконы, то в томах издававшегося А.С. Сувориным справочника «Вся Москва»²² за период с 1914 по 1917 г. содержатся сведения об Александре Яковлевиче Загребневе, проживавшем в несохранившемся доме Прянишниковой на Бахметьевской улице. В 1917 г. он зарегистрирован там с Е.А. Загребневой (женой или дочерью?). Любопытно, что вблизи от этого

дома находилась мастерская Николая Яковлевича Епанечникова (ул. 1-я Мещанская, 16 и 25), участвовавшего в конце XIX — начале XX в. наряду с И.С. Чириковым и В.И. Колупаевым в конкурсах на произведение живописных работ в интерьере церкви святого Василия Блаженного и примыкающих к ней помещений Покровского собора. Ни в одной из адресных книг Александр Яковлевич не упоминается как художник или купец. О том, что он владел художественной мастерской, по крайней мере с начала 1900-х годов, сообщает косвенный источник: воспоминания Андрея Мосолова — внука художника Александра Андреевича Бузовкина (1887—1966), уроженца д. Протасово Одоевского у. Тульской губ.²³ В отрывке речь идет о том, как в 1906 г. будущий художник из Протасова оказался у Александра Яковлевича Загребнева. Это добавляет черты к портрету последнего.

¹ Фотоархив отдела древнерусской живописи ГИМ.

² ГИМ. Архив отдела «Покровский собор». П-1 / 26. Л. 125 об.

³ «Московского Покровского собора и Василия Блаженного что на Рву впредь для памяти Книга записная достопамятных вещей». Рукопись. Л. 32 об. О рукописи см.: *Малышева Н.Н., Сарачева Т.Г.* «28 лет кропотливой, подчас очень трудной по разным архивам работы»: научное наследие И.И. Кузнецова // *Кузнецов И.И.* Покровский (Св. Василия Блаженного) собор в Москве. Очерк монументальной истории собора. М., 2022. Труды ГИМ. Вып. 218. С. 403, 422, 423.

⁴ «Московского Покровского собора...». Л. 32 об.

⁵ ГИМ. Архив отдела «Покровский собор». П-1 / 43. О Северном стекольном промышленном обществе см.: ЦГИА СПб. Ф. 1348. 1894—1918; Торгово-промышленная адресная книга Москвы на 1896 / 7 г. М., 1897. С. 185.

⁶ *Кузнецов И.И.* Покровский (Св. Василия Блаженного)..., 2022. С. 231, 240, 241.

⁷ Приношу благодарность за устную консультацию сотрудникам Государственного исторического музея: заведующей отделом керамики и стекла Е.П. Смирновой и заведующей мастерской реставрации керамики Е.А. Самойловой.

⁸ *Eastaugh N., Walsh V., Chaplin T., Siddall R.* Pigment Compendium: A Dictionary of Historical Pigments. Amsterdam, 2004. P. 499.

⁹ «Писати святые иконы и вообразати, якоже и на седмом соборе святии и богоносные отцы повелеша, на всяком древе, и камени, и на столпах, и на стенах, и на сосудах церковных, иже суть крепцы существом, сиречь вещию. А на стекле святых икон не писати и не вообразати, понеже сия сокрушительна есть вещь» (*Максим Грек.* О святых иконах. XVI в. // Сочинения прп. Максима Грека в рус. пер. [Сергиев Посад], 1910. Т. 2. С. 293—299).

- ¹⁰ Успенский Л.А., Успенская Л.А. О материалах в церковном искусстве // Журнал Московской Патриархии. М., 1988. № 11. С. 20, 21.
- ¹¹ Волкова С.В. Техника «эгломизе» в памятниках древнерусского искусства // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. 1986. М., 1987. С. 330—337.
- ¹² Автономов А.А. Историко-статистическое описание Императорских придворных церквей в г. Петергофе и его окрестностях. СПб., 1888.
- ¹³ Бойцова Е.В. Готическая церковь императорской дачи «Александрия» в Петергофе // Материалы 11-й конф. «Института Петербурга» по проблемам петербурговедения. СПб., 2004.
- ¹⁴ Всероссийская промышленность и художественная выставка: Справочник. Нижний Новгород, 1896. О художественно-монументальных работах на стекле см.: Княжицкая Т.В. Витражи в православных храмах России XIX — начала XX в.: Цветное стекло в окнах и иконостасах (URL: <https://vitroart.ru/articles/articles/73/> (дата обращения 05.04.2022 г.)); Она же. Витражи Императорского Стекланного завода в XIX веке // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века. СПб., 2015.
- ¹⁵ Живопись на стекле и мозаика // Стеклозаводчик. М., 1909. № 42. «Последние по времени, уже 1930 года, искания — опыты живописи по стеклу. Почин положен И.И. Голиковым, удачно продолжен и усовершенствован П.Л. Париловым. Техника выполнения — теми же яичными красками, но представляет собою процесс, обратный обычному. Сначала наносится на стекло кистью контур рисунка, непрерывный или с разрывами, в зависимости от характера живописной задачи; вслед за ним — твореное золото, употребляемое в орнаментальной обработке живописи по лаку и другим материалам, как завершающий прием. Поверхность золота здесь естественно оказывается неполированной. Дальше появляются блики света — разбелка, оживки, движки. После этого плавями, но в обратном порядке, строится светотень, лепится изображаемый объем. Наконец форма связывается локальным, корпусно наложенным цветом, а поверх него — общим красочным фоном. Возможен и иной, более простой способ — перевод написанного обычными приемами изображения. Пишут на бумаге так, как на лаковой поверхности, включительно до штриховки твореным золотом и полировки золота зубом. Затем приклеивают плотно к поверхности стекла, написанное лицевой стороной. Когда лак окрепнет, осторожно смывают водой бумагу, грунтуют поверхность стекла с той стороны, на которую переведено изображение, черной краской — и процесс завершен. Преломление сквозь стекло такой живописи дает неожиданные и очень красивые эффекты различных планов глубины, на которых зрительно располагаются краски и золото. Золото и контур обладают тенденцией приближения к зрителю, плав и локальные цвета удаляются. Происходит зрительное разъединение цельного красочного слоя. Богатства фактурные и колористические в этом роде живописи очень велики и разнообразны. Необходимо, однако, для такого производства использование лучших сортов стекла и особо бережное обращение с материалом, быть может,

- наиболее хрупким после фарфора» (Бакушинский А.В. Искусство Палеха. М.; Л., 1934. С. 236, 237).
- ¹⁶ Петровская Е.Л. Новая деревня в Москве: Храм преподобного Василия Исповедника у Рогожской заставы. М., 2017.
- ¹⁷ Орфография источника сохранена. В конце XIX в. по проектам Александра Петровича Попова (1828—1904) было построено несколько зданий в Москве.
- ¹⁸ Бахрушин В.А. Описание построения храма св. Василия Исповедника в Москве, за Рогожской заставой, в Новой Деревне. М., 1901. С. 34, 35.
- ¹⁹ ГИМ. Архив отдела «Покровский собор». П-1 / 19. Л. 133 об.
- ²⁰ Благодарю Н.Н. Малышеву и Т.Г. Берхину, предоставивших обнаруженные архивные сведения об утраченной ныне иконе из придела святого Иоанна Блаженного.
- ²¹ О прениях на Большом Московском соборе в связи с допустимостью изображения Бога Отца, основанной на пророческих видениях, в том числе в композиции «Сопрестолие», см.: Успенский Л.А. Богословие иконы православной церкви. Переславль, 1997. Гл. XV.
- ²² Вся Москва: адресная и справочная книга на 1914 г. М., 1914. С. 248; Вся Москва: адресная и справочная книга гор. Москвы на 1915 г. М., 1915. С. 179; Вся Москва: адресная и справочная книга гор. Москвы на 1917 г. М., 1917. С. 118.
- ²³ «...дед часто ходил в Третьяковскую галерею. Там он случайно разговорился с человеком, который представился Иваном Акимовичем Быковым. Иван Акимович отнесся к юноше по-доброму, обещал в ближайшее время подыскать работу. Договорились встретиться в воскресенье в храме Христа Спасителя. Окрыленный дед прибежал туда в назначенный час, но Ивана Акимовича не было. Пропала последняя надежда. Со слезами на глазах дед продал ящик с красками, чтобы расплатиться в ночлежке. Ходить по мастерским у него не было сил. Неделя прошла как во сне. В следующее воскресенье ноги сами принесли его в храм Христа Спасителя. Иван Акимович был там. Видно было, что он чувствовал себя виноватым. Он бросился к деду и сказал, что нашел место. Почти без всякой надежды дед отправился туда. Хозяин встретил его очень грубо, но велел приходить на пробы. В результате было разрешено остаться ночевать. Так дед оказался в иконописной мастерской Александра Яковлевича Загребнева на Бахметьевской улице. Он решил держаться, чего бы это ни стоило. Перед Загребневым все стояли на цыпочках, боялись его как огня. Скоро хозяин узнал, что дед может рисовать сам, без образцов. Он переменял отношение, назначил жалованье и даже предложил жить у него: „Пока не поступишь в КЛАССЫ“» (Мосолов А.А. Художник из Щеболово: История жизни А.А. Бузовкина // Серпуховское наследие. М., 2016).

Т.Н. Лубкова, Р.А. Митоян, Т.Г. Сарачева

Парные хоругви конца XIX в. из собрания собора Покрова на Рву: химико-технологическое изучение

К началу XX столетия в соборе Покрова Пресвятой Богородицы на Рву (храме Василия Блаженного) сформировалось представительное и разнообразное по составу собрание предметов церковно-прикладного искусства. Это были вклады царей, членов их семей и состоятельных прихожан, церковная утварь и богослужебные предметы, изготовленные на «соборные суммы». В непростые для Церкви богоборческие 1920-е годы многие реликвии, выполненные из цветных и особенно драгоценных металлов, были безвозвратно утрачены, однако сохранившиеся святыни позволяют судить о том, какие высокохудожественные предметы хранились в ризнице и находились в интерьерах храма до революции. Особый интерес представляют большемерные иконы, написанные на металлической основе, оклады икон, накладки на раки упокоившихся у стен храма блаженных Василия и Иоанна, а также металлические церковные знамена — хоругви.

Наиболее раннее упоминание об изготовленных для Покровского собора двух хоругвах относится к 1813 г., причем с указанием, что они делаются «вновь», т. е. взамен бывших ранее. Известно, что в середине XIX в. было сделано еще несколько церковных знамен¹. Их количество существенно возросло на рубеже XIX—XX вв. с учреждением в Покровском соборе Общества хоругвеносцев² в 1894 г. Сделанные из разных материалов³ хоругви использовали в крестных ходах или при освящении вновь строящихся зданий (например, часовен у Спасской башни).

С открытием в Покровском соборе историко-архитектурного музея (1923) и после прекращения богослужений (1929) хоругви, как поздние предметы, нарушающие ансамбль средневекового памятника, были удалены из интерьеров⁴. Отношение к ним показало:

в 1926 г. две «медные хоругви» XIX в. обменяли на Синодик с гравюрами⁵. В начальный период формирования музейной коллекции подобные обмены с выдачей из собора поздних предметов были нередким явлением.

В конце 1920-х годов по инициативе различных организаций (Госторг, Рудметаллторг и др.) прошла вторая волна изъятия предметов из музеев. Она коснулась и Покровского собора: в 1931 г. Госфонд поставил вопрос о передаче металлических хоругвей из храма. По документам оценочной комиссии известно, что в то время в соборе находились 22 металлические хоругви; половина была передана в Трест металлолома. Остальные церковные знамена, которые удалось спасти «для антирелигиозной экспозиции», были спрятаны в фондах музея⁶. На протяжении длительного времени большинство этих предметов церковно-прикладного искусства было недоступно для специалистов и верующих⁷.

С 2011 г. началось возвращение металлических хоругвей в интерьеры храма. К 450-летию Покровского собора в нем была создана экспозиция, достойное место в которой заняли три большемерные хоругви — вклад Общества хоругвеносцев к 350-летию закладки храма. Отреставрированные церковные знамена впервые предстали во всем своем великолепии перед посетителями. Продолжением этого стало открытие церкви святого Иоанна Блаженного в 2018 г., в интерьер которой на свое историческое место возвращены две парные хоругви: «Рождество Богородицы/Святой Василий Блаженный» и «Рождество Христово/Святой Иоанн Блаженный» (рис. 1).

В процессе музеефикации⁸ церкви представилась уникальная возможность провести химико-технологическое изучение комплекса металлических предметов XIX в. Его актуальность состоит в том, что свидетельства о богослужебной утвари Покровского собора в исторических документах лаконичны. Как правило, исследователи рассматривают отдельные предметы в контексте искусствоведческих и иконографических аспектов церковно-прикладного искусства. Однако химико-технологический анализ, который позволяет существенно расширить знания о материалах и объектах эпохи позднего Средневековья и Нового времени, чаще всего остается вне поля зрения ученых. Ранее был исследован оклад фасадной иконы «Покров Пресвятой Богородицы с предстоящими Василием и Иоанном Блаженными», который в настоящее время также находится в церкви святого Иоанна Блаженного⁹. Химико-техноло-

Рис. 1. Парные хоругви в церкви святого Иоанна Блаженного после воссоздания в ней исторического интерьера в 2018 г.

гический анализ хоругвей продолжает изучение комплекса предметов этой малоизвестной церкви Покровского собора.

В 2013 г. хоругви были отреставрированы и введены в научный оборот¹⁰ (рис. 2). По мнению исследователей, они выполнены в неорусском стиле; в Инвентарной описи 1923 г. указано имя мастера — Ф.И. Пекин¹¹. Это конструктивно сложные сборные предметы, состоящие из многочисленных деталей, укрепленных на несущем стержне, который вставляли в деревянное древко¹². В центре хоругвей находятся написанные на металлических пластинах иконные изображения в квадратных рамах. Подобная основа для икононого письма приобрела популярность в конце XIX — начале XX в. Изображения обрамляет восьмиугольная металлическая пластина чеканной работы, поля которой покрыты эмалью вишневого цвета. Иконы подписные; надписи выполнены стилизованными буквами на фигурных пластинах.

Над квадратной рамой располагаются небольшие иконные изображения в круглых медальонах, окруженных эмалевым декором: на одной стороне — поясное изображение благословляющего Спасителя, на другой — поясное изображение благословляющего Бога-Отца. Венчает центральную часть хоругвей щипцовое навершие с изящной эмалевой пальметтой и с крестом. По бокам находятся дополнительные кресты на ажурном металлическом обрамлении фигурной формы. Самый большой ажурный крест, высеченный из тонкой пластины, укреплен на несущем стержне.

Несомненно, главным украшением хоругвей являются полихромные накладки разной формы, выполненные в технике выемчатой и перегородчатой эмали преимущественно красного, синего, голубого, зеленого и белого цвета. В качестве разделителей эмалевых вставок использован сканый жгут, свитый из двух тонких проволок. На углах центральной рамы расположены эффектные полусферические накладки в обрамлении восьмиконечной звезды.

Просечной металл, украшенный чеканкой и гравировкой, отличается изяществом работы, напоминая тончайшее кружево. Плавные изогнутые линии растительного декора придают нарядность и праздничность хоругвям. Благодаря этому убранству, они не выглядят тяжеловесно, несмотря на свой внушительный вес. Ажурные элементы соединены между собой для большей прочности небольшими пластинами. Некоторые крепежные детали являются результатом последующего ремонта.

Рис. 2. Общий вид хоругвей

1 – «Рождество Христово/Святой Иоанн Блаженный»;
2 – «Святой Василий Блаженный/Рождество Божией Матери»

Рис. 3. Точки анализа химического состава материалов, из которых изготовлены хоругви

1 – хоругвь № 1, сторона с изображением святого Иоанна Блаженного;
2 – хоругвь № 2, сторона с композицией «Рождество Божией Матери»

Внизу хоругвей подвешены круглые привески с нитями, составленными из мельчайшего металлического бисера. Каждая бусина спаяна из двух миниатюрных половинок, полученных штамповкой из тонкой золоченой пластины. К сожалению, часть привесок, ажурных пластин обрамления и крестов утрачена. Причем, судя по фотографии 1935 г., утраты имелись на них еще до поступления в музейный фонд и произошли, вероятно, во время крестных ходов.

Химический состав материалов, из которых изготовлены хоругвы, определен методом энергодисперсионного рентгенофлуоресцентного анализа (РФА-ЭД), который позволяет одновременно определять широкий круг элементов в поверхностном облучаемом слое, не требует специальной подготовки анализируемого материала, является неразрушающим и экспрессным. Указанные характеристики метода РФА-ЭД обуславливают его широкое применение при исследовании материалов и объектов, имеющих историческую и художественную ценность.

Для аналитического изучения использован портативный рентгенофлуоресцентный спектрометр Niton XL3t950 GOLDD (Thermo Scientific NITON Analyzers LLC, США)¹⁵. Исследованы различные элементы хоругвей: металлические детали, различные по цвету эмали, иконные изображения. Анализ эмалей и икон проводили с использованием системы фокусировки рентгеновского луча для уменьшения зоны до 3 мм (диаметр пятна измерений в стандартном режиме — 8 мм).

Необходимо отметить, что полученные результаты характеризуют состав объектов в пределах измеряемого слоя. При анализе икон результаты измерений характеризуют состав красочных слоев и металлической основы. В этой ситуации сложно определить точный химический состав красочного слоя; интерпретация также затруднена в случае использования органических пигментов, поскольку метод РФА-ЭД не позволяет определять органическую составляющую материалов.

В ходе исследования выполнены измерения обеих хоругвей с одной из сторон для каждой: со стороны изображения святого Иоанна Блаженного (хоругвь № 1) и со стороны композиции «Рождество Богоматери» (хоругвь № 2). Химический состав отдельных элементов проанализирован в 56 точках, в том числе металлических деталей — в 22, эмалей — в 12, икон — в 22 точках (рис. 3).

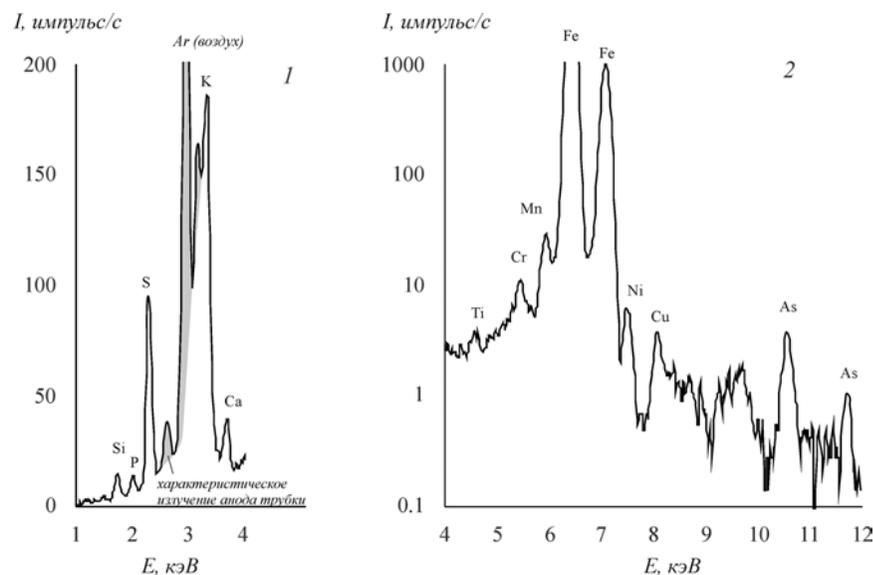

Рис. 4. Фрагмент спектров измерений несущего стержня с диагностированными пиками элементов (хоругвь № 2, II-22)
1 — при ускоряющем напряжении $U=8$ кВ, анализ легких элементов;
2 — при ускоряющем напряжении $U=50$ кВ (шкала интенсивности флуоресцентного излучения приведена в логарифмическом масштабе)

Выборочно рентгенофлуоресцентный анализ выполнен в условиях повторяемости и воспроизводимости.

Точки измерений для определения состава металлических элементов располагались на ажурном обрамлении фигурной формы и крестах, раме чеканной работы вокруг иконы и на наборных элементах на несущем стержне (19 измерений). Отдельно проанализирован несущий стержень хоругвей (2 измерения, точки I-1, II-22), а также боковой крест на хоругви № 1, изготовленный при проведении реставрационных работ в 2013 г. (I-12).

Результаты измерений металлических элементов, кроме стержня, приведены в табл. 1. Полученные данные свидетельствуют о том, что детали хоругвей выполнены из латуни, а несущий стержень — из чугуна. Основным компонентом последнего является железо, его содержание составляет 94—96%. Главными примесями выступают марганец (0,5%), фосфор (0,3%), сера и кремний (около 1% каждого элемента). В следовых количествах (0,0n%) определены хром, никель, медь, мышьяк, а также титан (рис. 4). Диагностиро-

Хоругвь	Деталь	№ точки	Содержание, %										Cu : Zn	Толщина позолоты, мкм
			Au	Ag	Cu	Zn	Fe	Mn	Ni	Pb	Sn			
№ 1, сторона с изображением святого Иоанна Благженного	Наборные элементы на несущем стержне	1-2	-	-	67,5	31,0	0,9	-	0,1	0,4	0,2	2,2	отсутствует	
		1-3	5,7	0,8	63,8	28,9	-	-	0,2	0,5	2,2	0,3		
		1-4	0,9	0,2	67,5	30,3	0,4	-	0,1	0,3	0,2	2,2	<0,1	
		1-5	5,9	1,0	63,6	29,1	-	-	-	-	0,4	2,2	0,3	
		1-6	9,1	2,0	60,4	28,2	-	-	0,1	0,2	-	2,1	0,5	
		1-7	11,3	2,6	57,2	28,0	0,1	-	0,1	0,6	0,1	2,0	0,6	
		1-8	5,9	1,1	62,0	30,6	-	-	0,1	0,2	0,1	2,0	0,3	
		1-9	7,8	2,0	59,5	30,5	-	-	0,1	0,1	0,1	1,9	0,4	
		1-12	-	-	62,5	37,3	0,1	-	-	0,1	-	-	1,7	отсутствует
		1-10	7,9	0,6	62,0	29,3	0,1	-	0,1	-	-	2,1	0,4	
		1-11	5,1	0,5	62,0	32,4	0,1	-	0,1	-	-	1,9	0,3	
		1-13	15,0	1,1	55,9	27,5	0,1	-	0,1	0,4	-	2,0	0,9	
№ 2, сторона с композицией «Рождество Божией Матери»	Наборные элементы на несущем стержне	1-14	11,5	0,7	56,3	31,2	-	-	0,2	-	1,8	0,6		
		1-18	10,3	1,1	55,9	32,1	-	-	0,2	0,4	-	1,7	0,6	
		1-2	1,8	0,2	66,8	30,2	0,5	-	0,1	0,2	0,2	2,2	0,1	
		1-3	1,0	0,1	69,2	28,6	0,4	-	0,1	0,3	0,2	2,4	<0,1	
		1-4	8,7	1,0	65,0	24,9	-	-	-	0,2	0,2	2,6	0,5	
		1-18	11,0	1,5	59,1	27,5	0,1	-	0,1	0,7	0,2	2,2	0,6	
Ажурный крест	Ажурное обрамление иконы	1-19	9,5	1,0	58,3	31,0	-	-	-	0,1	1,9	0,5		
		1-1	7,1	0,7	61,1	30,9	-	-	0,1	-	2,0	0,4		

Таблица 1. Химический состав металлов хоругвей*

* Прочерк означает, что содержание элемента ниже предела обнаружения (< 0,1%); толщина позолоты определена расчетным способом по содержанию золота.

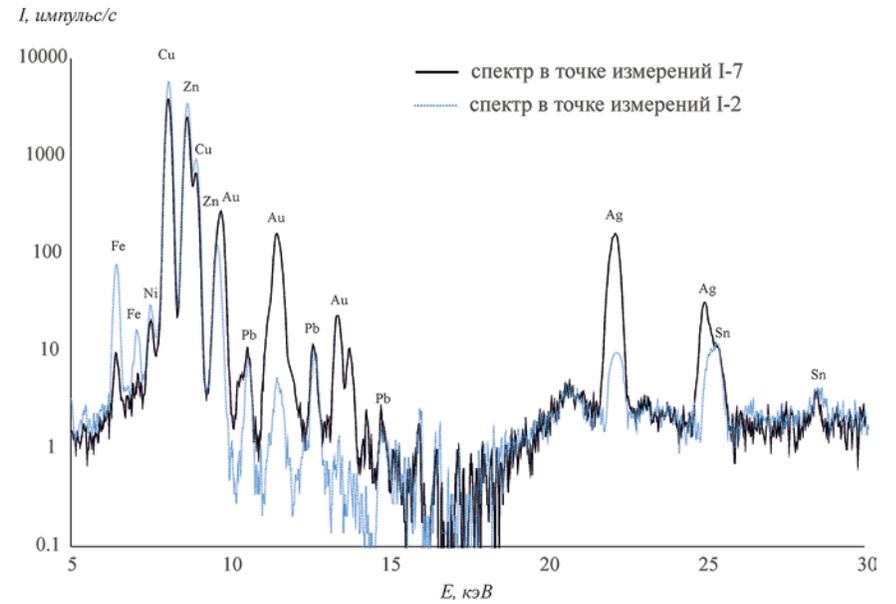

Рис. 5. Пример спектров измерений наборных элементов на несущем стержне с диагностированными пиками элементов (хоругвь № 1; шкала интенсивности флуоресцентного излучения приведена в логарифмическом масштабе)

ванные на спектрах пики калия и кальция, вероятно, связаны с загрязнением поверхности, которая специально не зачищалась непосредственно перед измерением.

Используемый метод анализа не определяет углерод, содержание которого в современных литейных чугунах составляет около 4%¹⁴. Следует отметить, что по сравнению с современными сплавами исследуемый чугун характеризуется на порядок более высоким содержанием серы, а также примесью мышьяка.

Отношение Cu:Zn в латунных деталях хоругвей варьирует в диапазоне 1,7–2,6 (в среднем 2,1), в качестве примесей присутствуют Pb, Fe, Sn, Ni (суммарно в среднем до 0,5–1%). Представленные данные характеризуют химический состав в измеряемом слое ($n=10$ мкм). В связи с этим при анализе деталей наряду с основными и примесными компонентами латуни определяется золото и серебро, присутствующие в покрытии (рис. 5).

Распределение содержаний меди и цинка в основе (нормированных без учета содержания элементов покрытия — золота и се-

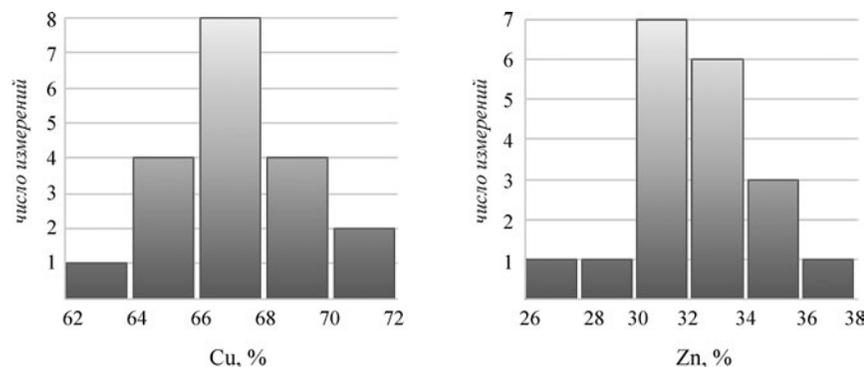

Рис. 6. Гистограммы распределения нормированных содержаний меди и цинка в латуни без учета элементов покрытия

ребра) представлено на рис. 6. Содержание меди в латуни составляет 63,1–72,0%, цинка — 27,5–36,2%, что в среднем дает $67 \pm 2\%$ и $32 \pm 2\%$ соответственно. По содержанию цинка сплав относится к α -фазе латуни, которая пластична и хорошо обрабатывается давлением в горячем и холодном состояниях¹⁵. Изготовленные при реставрации хоругви № 1 утраченные детали ажурного декора (крест и боковая часть, выпиленные из листа латуни толщиной 2 мм и затонированные под цвет золота) характеризуются повышенным относительно среднего состава исходной латуни содержанием цинка — 37% (I-12).

Высокоцинковую латунь (с содержанием цинка более 28%) изготавливали, добавляя в медь металлический цинк, полученный заводским способом. Согласно исследованиям металла меднолитой мелкой пластики, такие высокие содержания цинка характерны для предметов XVIII–XIX вв.¹⁶ Известно, что в зависимости от содержания цинка меняется цвет предметов; латунь, содержащая около 30% цинка, имеет желтую, имитирующую золото, окраску¹⁷.

Вариативное содержание золота и серебра, фиксируемое по результатам измерений деталей хоругвей совместно с компонентами латуни, обусловлено различной толщиной покрытия. В отдельных точках на латунных деталях, расположенных в нижней части несущего стержня (I-2, I-4, II-2, II-3), золото не выявлено или его содержание крайне низкое (1–2%), что указывает на утрату позолоты во время использования хоругвей. Максимальное измеренное содержание золота — 15% (I-13). Серебро опре-

делено в содержаниях 0,1–2,6%. В точке измерений, где золотое покрытие полностью утрачено (I-2), серебро не диагностируется. Содержание золота положительно коррелирует с концентрацией серебра (коэффициент корреляции Пирсона 0,62; $n=18$; критическое значение 0,47 на 5% уровне значимости), что является аргументом в пользу их совместного попадания в сплав, предназначенный для золочения латунных деталей хоругвей.

Отношение Ag: Au варьирует в диапазоне 0,06–0,25. По значению данного отношения покрытие деталей на несущем стержне и ажурного креста на хоругви № 1 (0,14–0,25; в среднем 0,2; при расчете на 100% — 17:83) отличается от покрытия остальных проанализированных элементов хоругвей (0,06–0,13; в среднем 0,1; при расчете на 100% — 9:91). Внутри выделенных групп корреляция Ag–Au более выражена: для измерений деталей на несущем стержне и ажурного креста хоругви № 1 коэффициент корреляции Пирсона 0,96 ($n=7$; критическое значение 0,75 на 5% уровне значимости); для остальных измерений — 0,85 ($n=11$; критическое значение 0,60 на 5% уровне значимости). Выявленные различия в соотношении Ag: Au для отдельных элементов хоругвей нуждаются в дополнительных исследованиях.

Присутствие серебра, отсутствие ртути, характеристические пики которой не диагностируются на рентгеновских спектрах совместно с пиками золота, указывают на электрохимический (гальванический) метод золочения — быстрый и безопасный для здоровья. Этот способ начал получать распространение в начале XIX в.¹⁸ Легирование золота другими металлами значительно расширяло возможности применения декоративной отделки, обогащающей и облагораживающей художественные и ювелирные изделия. Наиболее распространенными являются сплавы золота с серебром и медью; серебро, введенное в золото, придает ему зеленый цвет, а медь — красный. В зависимости от количества введенной лигатуры изменяется цвет и оттенок сплава¹⁹. Кроме гаммы цветов, сплавы обладают более высокой твердостью и износостойкостью по сравнению с чистым золотом. Так, введение 5% серебра в золото увеличивает микротвердость сплава в 1,4 раза, износостойкость — в 4 раза по сравнению с чистым золотом; введение 10% меди — в 1,9 и 1,4 раза соответственно²⁰.

Поскольку медь является основным компонентом латуни, диагностика ее присутствия в составе покрытия вызывает за-

труднение. Например, для сплавов с бледно-желтой и ярко-желтой окраской (состав лигатуры — 16,7% серебра, 8,3% меди; 12,5% серебра, 12,5% меди) отношение Cu:Ag составляет 0,11 и 0,17 соответственно. Даже при максимальном выявленном содержании золота 15% (I-13), соответствующем наибольшей толщине покрытия, приращение измеренных концентраций меди составит 1,7–2,5%, что укладывается в наблюдаемые вариации ее содержаний в латуни.

Следует отметить, что золотые сплавы с более высоким содержанием меди имеют красноватую окраску, не характерную для исследованных хоругвей. Кроме того, измеренное содержание меди обратно коррелирует с содержанием золота, отвечающим за толщину покрытия (коэффициент корреляции Пирсона $-0,91$; $n=18$; критическое значение $0,47$ на 5% уровне значимости), что указывает на превалирование эффекта поглощения флуоресцентного излучения меди от основы покрытием над эффектом увеличения его интенсивности за счет дополнительного содержания меди в позолоте.

Определение содержания золота позволяет оценить толщину слоя покрытия. Проведенное ранее химико-технологическое исследование оклада иконы из Покровского собора показало, что увеличение толщины позолоты h (мкм) приводит к росту измеренной концентрации золота (в %) в системе «основа-покрытие», согласно эмпирической зависимости определенного вида²¹. По результатам расчетов установлено, что сохранившаяся толщина позолоты на элементах хоругвей варьирует от $< 0,1$ до $0,9$ мкм (в среднем $0,5$ мкм).

Наряду с изучением металлических деталей хоругвей были проанализированы эмалевые вставки голубого и бирюзового цвета на крестах, венчающих киоты; фон рамы, обрамляющей иконы, залитый эмалью вишнево-бордового цвета с разделкой под шелковую ткань, похожую на муар; полихромные накладки разной формы, выполненные в технике выемчатой и перегородчатой эмали²² белого, красного, синего и зеленого цвета (рис. 3). Фрагменты спектров измерений представлены на рис. 7.

Металл, который ювелиры избирают в качестве основы для эмалирования, во многом определяет художественные достоинства изделия²³. Анализ химического состава эмалей позволяет определить элементы главных компонентов стекла (кислотных, щелочных и щелочноземельных оксидов, включая оксид свинца); вспомогательных технологических добавок, которые используют

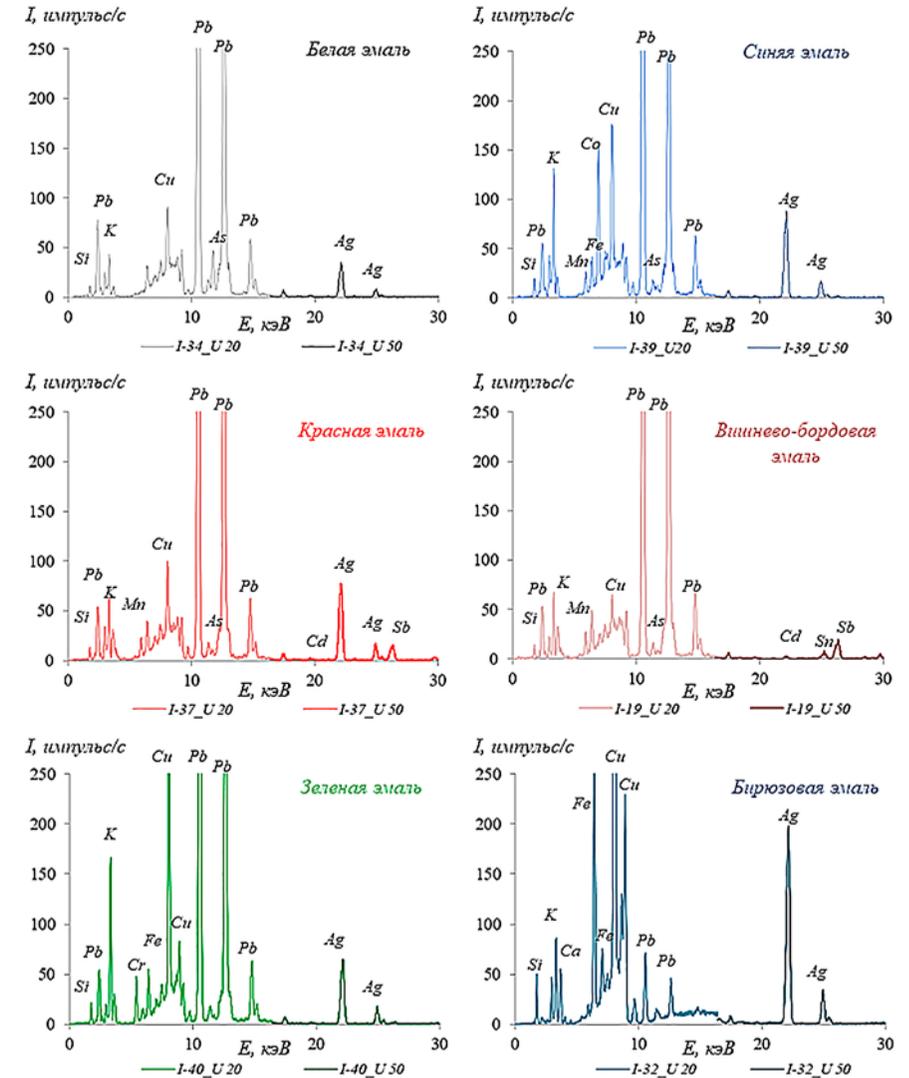

Рис. 7. Фрагменты спектров измерений эмалей при ускоряющем напряжении $U=20$ и $U=50$ кВ (присутствие Ag обусловлено попаданием скани в область измерений; пики легких элементов диагностировали при ускоряющем напряжении $U=8$ кВ)

для улучшения ряда важных физико-химических свойств стекла, ускорения его варки, обесцвечивания и глушения; а также элементы красителей (пигментов), которые применяют для получения эмалей разного цвета.

Ввиду сложного подбора стандартных образцов (в нашем распоряжении были только современные образцы) полученные данные химического состава эмалей могут рассматриваться как приближенно-количественные (табл. 2). Тем не менее, они позволяют выявить химико-технологические особенности и провести сравнительный анализ состава эмалей разного цвета.

Следует отметить, что при анализе эмалевых вставок на крестах и полихромных накладках область анализа частично захватывала сканый жгут, свитый из двух тонких проволок. Присутствие значимых содержаний серебра в результатах измерений (1,1–6,2%) указывает на материал, из которого изготовлена скань: серебро или сплав меди с серебром²⁴. Примесь цинка (до 0,2–0,4%) может быть обусловлена ювелирным припоем, который использовали для крепления сканых перегородок на основу хоругвей²⁵. Причиной высокого содержания меди по результатам анализа эмалей (до 14,8%) может являться вхождение в слой измерений материала основы эмалевых накладок. Незначительная примесь золота (0,2–0,7%) свидетельствует о том, что им покрывали накладки, на которые затем наносили эмаль.

Исследованные эмали, за исключением вставок бирюзового цвета на крестах (I-32, I-33), изготовлены на основе свинцово-силикатного стекла с добавлением оксидов калия K_2O , фосфора P_2O_5 , магния MgO и мышьяковистого ангидрита As_2O_3 (последний не используется в настоящее время в технологии приготовления стекла из-за токсичности). Содержание натрия в эмалях не определялось по причине ограничений метода; расчетное содержание Na_2O , установленное по результатам анализа, не превышает 5–10%. Следует отметить, что для основы современных ювелирных эмалей преимущественно K_2O (его содержание может составлять 6,9–15,6%, в то время как содержание Na_2O не превышает 0,8%)²⁶. В отличие от современных эмалей, в составе основы не выявлены барий и титан²⁷ (содержание элементов < 0,01%).

Свинцовое стекло обладает большой плотностью, высоким показателем преломления света и характерным «радужным» блеском,

Таблица 2. Химический состав эмалей хоругвей*

Деталь	Цвет эмали № точки анализа	Содержание, %																		
		Элементы основы и технологические добавки											Элементы красителей							
		Si	Al	Mg	Ca	K	P	As	Pb	Cd	Co	Cr	Fe	Mn	Sb	Sn	Cu	Zn	Ag	Au
Накладки разной формы	Белый I-34	11,9	1,3	7,0	-	2,0	1,1	8,8	34,9	-	-	-	-	-	-	0,9	-	1,1	0,2	
		17,8	1,3	5,3	0,3	2,9	1,4	1,7	29,2	0,02	-	-	-	0,1	0,78	1,6	-	-	2,5	0,2
	Красный I-37	I-38	18,6	1,0	3,0	0,2	2,4	2,1	1,3	15,9	-	0,25	0,1	-	0,10	-	14,8	0,1	6,2	0,7
		I-39	19,4	0,9	3,8	-	5,1	1,5	2,2	23,7	-	0,68	-	-	0,1	0,05	-	2,7	-	2,0
	Зеленый I-40	I-40	19,6	0,8	3,8	0,3	6,1	0,9	0,5	23,4	-	-	0,23	0,1	0,06	-	6,3	0,2	1,5	0,2
I-19		17,9	1,3	6,1	0,6	3,0	0,5	1,6	29,0	0,01	-	-	0,1	0,96	0,12	0,2	-	-	-	-
I-20		18,6	1,1	5,8	0,5	3,0	0,6	1,6	29,2	0,02	-	-	0,1	0,89	0,11	0,2	-	-	-	-
Фон рамы икон	II-21	18,8	1,2	6,2	0,5	2,9	0,6	1,4	30,7	0,02	-	-	0,1	0,80	0,11	0,2	-	-	-	-
	I-31	11,3	1,2	7,7	-	3,4	2,2	3,2	28,0	-	0,42	-	0,1	0,05	-	6,3	-	3,8	0,6	0,6
Кресты	II-20	12,8	1,0	6,5	0,1	2,7	1,3	3,1	30,2	-	0,40	-	-	-	-	5,9	-	5,1	0,5	0,5
	I-32	32,0	1,2	-	0,7	1,8	1,5	-	0,5	-	-	0,5	-	-	-	10,1	0,4	2,1	0,2	0,2
	I-33	29,9	0,9	-	0,5	1,4	1,8	-	3,8	-	-	0,4	-	0,10	-	11,0	0,4	2,2	0,3	0,3

* I – хоругвь № 1, сторона с изображением святого Иоанна Блаженного; II – хоругвь № 2, сторона с композицией «Рождество Божией Матерью»; Na не анализировался; содержание S не определяли ввиду спектральных интерференций из-за высоких содержаний Pb; содержание Ag и Zn, вероятно, обусловлено попаданием сканого жгута в область анализа; Cu (частично) и Au – попаданием в слой измерений материала медной подложки изделия; прочерк означает, что содержание элемента ниже предела обнаружения: Mg < 1%; Ag, As, Ca, Fe, Mn, Zn < 0,1%; Au, Sb, Sn < 0,05%; Co, Cr < 0,02%; Cd < 0,01%; содержание Ba, Tl < 0,1%; Se < 0,02% во всех проанализированных точках.

хорошими выработочными свойствами²⁸. Использование свинца в качестве легирующей добавки понижает температуру плавления стекла, что немаловажно в эмальерном деле. В стекольную массу обычно вводят ортоплюмбат свинца Pb_3O_4 (свинцовый сурик) или его двухвалентный оксид PbO (свинцовый глет). В исследованных эмалях содержание свинца варьирует в диапазоне 15,9–34,9% (в среднем 27,4%), или в расчете на PbO — 17,1–37,6% (в среднем 29,5%), что несколько ниже, чем в современных изделиях²⁹.

Содержание калия в эмалях варьирует в диапазоне 2,0–6,1% (или 2,4–7,4% в расчете на K_2O)³⁰. Возможно, введение оксида калия в стекольную массу осуществляли, добавляя поташ или содово-поташную смесь. Также содержание калия в эмалях может быть частично обусловлено введением калиевой селитры, которую использовали ранее в составе смеси для обесцвечивания стекла³¹.

Содержание магния в эмалях составляет 3,0–7,7% (или 5,0–12,9% в расчете на MgO)³². Стандартным методом введения оксида магния в стекло является использование природных материалов, чаще всего доломита $CaMg(CO_3)_2$, а также доломитизированного известняка или магнезита $MgCO_3$. Поскольку содержание кальция в эмалях на порядок и более ниже, чем магния (< 0,1–0,6%, или до 0,9% в расчете на CaO), вероятно, использовали магнезит, несмотря на то, что этот материал применяют значительно реже.

Фосфор и мышьяк являются универсальными глушителями для получения опаловых и матовых стекол и эмалей³³. Мышьяковистый ангидрит также традиционно использовали ранее для обесцвечивания стекла в сочетании с натриевой или калиевой селитрой³⁴, наряду с оксидами марганца и сурьмы. В исследованных эмалях содержание марганца не превышает 0,1%, а сурьма в значимых концентрациях находится только в эмалях вишнево-бордового и красного цвета, что указывает на роль ее соединений в качестве красителя. Концентрация фосфора составляет 0,5–2,2% (в расчете на P_2O_5 —1,2–4,9%), мышьяка — 0,5–8,8% (в расчете на As_2O_3 —0,7–11,6%).

Важным технологическим процессом является получение окрашенных эмалей с помощью введения в стекло красителей³⁵. Исследованная эмаль белого цвета (I-34) характеризуется максимальным содержанием мышьяка, используемого в качестве глушителя (8,8%, или 11,6% в расчете на As_2O_3), наибольшей концентрацией свинца (34,9%, или 37,6% в расчете на PbO) и отсутствием

элементов красителей. Пики меди на спектре измерений, соответствующие содержанию элемента 0,9%, и примесь золота (0,2%) могут быть обусловлены вхождением в слой измерений материала накладки-основы под эмаль. Несмотря на дополнительную фокусировку, в область измерений по касательной могла также частично попасть локализованная рядом эмаль синего цвета, поскольку присутствие серебра свидетельствует о дополнительном попадании сканного жгута, разделяющего эмали разного цвета.

Эмали красного и вишнево-бордового цвета (I-19, I-20, I-21, I-37) характеризуются высоким содержанием сурьмы (0,8–1,0%, в остальных эмалях < 0,1%), присутствием кадмия (0,01–0,02%) и относительно низким содержанием меди. В эмали, которой залит фон рамы вокруг иконы, содержание меди составляет 0,2%, в эмали красного цвета — 1,6%. В последнем случае, с учетом значимого количества серебра (2,5%) скани, нельзя исключать дополнительного попадания в область анализа эмали голубого цвета, локализованной рядом, а также вхождения в слой измерений материала основы.

Высокие содержания сурьмы указывают на использование в качестве красителя сульфида сурьмы (III), так называемой сурьмянистой киновари Sb_2S_3 (в природе встречается в виде минерала антимонита), присутствие коллоидных частиц которой в стекле обуславливает интенсивную красную окраску — сурьмяный рубин³⁶. Красители, содержащие коллоидные частицы сульфоселенидов кадмия, также окрашивают стекло в цвета палитры от оранжевого до темно-красного в зависимости от соотношения серы и селена. В частности, введение фазы $\alpha CdS-\beta CdSe$, где $\alpha=0,1$, $\beta=0,9$, позволяет получить ярко-алое стекло, называемое кадмиевым рубином³⁷.

При исследовании эмалей сера не определялась ввиду спектральных интерференций K_α серы и M_α свинца при высоких содержаниях последнего. Содержание селена во всех эмалях оказалось < 0,02%, однако предел обнаружения элемента в целом сопоставим с его концентрациями как красителя в стеклах (0,05% при использовании, например, селенита натрия Na_2SeO_3 для получения стекол розового цвета — розалинов)³⁸. Следует отметить, что сульфоселениды кадмия буреют в присутствии свинца; кроме того, краситель относительно неустойчив при многократном нагреве³⁹.

Олово (около 0,1%) в эмали вишневого цвета может свидетельствовать об использовании технологии получения медно-рубинового стекла. Красителем в нем является металлическая медь

в коллоидном состоянии, которая восстанавливается из ее двухвалентного оксида; в качестве восстановителя выступает метастабильный оксид олова (II) SnO. Окраска таких стекол наблюдается уже при относительно низком содержании меди (около 0,1%)⁴⁰. Известно, что стекло розового, вишневого и малинового цвета может быть получено при окрашивании коллоидными частицами металлического золота (0,01—0,03%); его называют золотым рубином. В эмалях вишневого цвета золото не обнаружено, однако предел обнаружения элемента (0,05%) несколько выше ожидаемых содержаний красителя, что не позволяет полностью исключить данный способ окрашивания.

Таким образом, на основе данных о химическом составе эмалей красного и вишнево-бордового цвета можно предположить, что для их изготовления использовалось несколько красителей: на основе сульфида сурьмы (III), сульфоселенидов кадмия, а для эмали вишнево-бордового цвета — дополнительные красители на основе коллоидных частиц металлической меди, восстановленной оксидом олова (II). Использование нескольких красителей, вероятно, было обусловлено необходимостью получения эмалей нужных оттенков. В случае с вишнево-бордовой эмалью, возможно, имело место последовательное нанесение эмалей с красителями разного типа, что позволило получить имитацию шелковой ткани. Вторичное нагревание эмали также могло способствовать приобретению эффекта наводки⁴¹.

В сколах цветной эмали, устранившихся при реставрации, была зафиксирована эмаль белого цвета, что подтверждает использование меди как металла основы под прозрачную эмаль. Состав белой эмали характеризуется минимальным содержанием фосфора (0,5—0,6% или 1,2—1,4% в расчете на P_2O_5), который, как отмечено выше, является универсальным глушителем. Вероятно, концентрация фосфора связана с попаданием в слой измерений не только цветной эмали (возможно, не содержащей фосфор), но и частично белой эмали под ней. Из-за большей толщины суммарного слоя эмали (с учетом слоя из эмали белого цвета) влияние медной основы под эмаль в данном случае минимально, что обуславливает низкое относительно прочих эмалей содержание меди по результатам измерений (0,2%).

Окраска эмалей голубого и синего цвета (I-31, I-38, I-39, II-20) обусловлена пигментами на основе соединений меди и кобальта. Содержание меди по результатам измерений эмалей составляет 2,7—14,8% (или 3,4—18,5% в расчете на CuO), кобальта — 0,25—0,68%

(или 0,32—0,86% в расчете на CoO)⁴². В эмалях прочих цветов кобальт содержится в минимальных концентрациях (< 0,02%). Содержание меди частично может быть обусловлено вхождением в слой измерений материала медной накладкой под эмаль. По сравнению с CuO оксид кобальта является значительно более сильным красителем, поэтому его вводят в гораздо меньшем количестве. В калийсодержащих стеклах использование оксида кобальта позволяет получить синее окрашивание с оттенком аквамарина⁴³.

Основным зеленым красителем является оксид хрома (III) Cr_2O_3 , который вводят, как правило, в количестве 0,1—1,5%⁴⁴. По результатам анализа эмалевых вставок зеленого цвета (I-40) содержание хрома составляет около 0,2% (или 0,3% в расчете на Cr_2O_3). В эмалях прочих цветов хром не определен. Зеленый цвет калий-свинец-силикатного стекла также может быть обусловлен введением оксида меди в количестве до 3% от массы основы⁴⁵. В нашем случае содержание меди заметно выше — 6,3% (или 7,9% в расчете на CuO). Вероятно, как и при анализе прочих эмалей, содержание меди завышено из-за материала накладкой-основы.

Эмаль бирюзового цвета на крестах, венчающих киоты, заметно выделяется по химическому составу (точки I-32, I-33). Стекло практически не содержит свинец — около 0,5% в точке I-32; более высокое содержание свинца в точке I-33, вероятно, обусловлено частичным попаданием в область анализа локализованной рядом эмали красного цвета. Содержание магния < 1% (или < 1,7% в расчете на MgO). С учетом концентраций кальция (0,5—0,7%, или 0,7—1,0% в расчете на CaO) можно предположить, что в качестве источника щелочноземельных оксидов использовали кальцит $CaCO_3$ или доломит $CaMg(CO_3)_2$. В составе эмали отсутствует мышьяк, содержание фосфора находится на уровне с прочими исследованными эмалями (1,5—1,8%, или 3,3—4,2% в расчете на P_2O_5), калия — несколько ниже (1,4—1,8%, или 1,6—2,1% в расчете на K_2O). Высокое содержание меди косвенно указывает на незначительную толщину слоя стекла, обуславливающую попадание основы в результаты измерений. Окраска эмали, вероятно, осуществлялась оксидами железа FeO и Fe_2O_3 . Эти оксиды при совместном присутствии в зависимости от соотношения окрашивают стекло в различные оттенки — от голубовато-зеленого (бирюзового) до желтовато-зеленого⁴⁶. Разительное отличие эмали по химическому составу может быть следствием ее поновления.

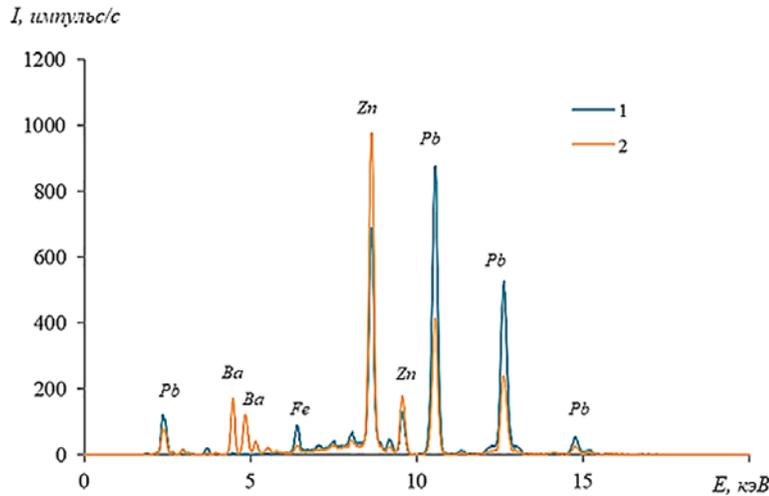

Рис. 8. Пример спектров измерений икон на хоругви № 2 в области белого красочного слоя при ускоряющем напряжении $U=20$ кВ

1 – иконное изображение в квадратной раме, композиция «Рождество Божией Матери», точка II-8; 2 – иконное изображение в круглом медальоне, точка II-17

Важнейшими элементами хоругвей являются иконы, написанные на металлических пластинах. В рамках исследования были изучены иконы в квадратных рамах с поясным изображением святого Иоанна Блаженного и композицией «Рождество Божией Матери», а также расположенные над ними небольшие иконные изображения в круглых медальонах. Следует отметить, что незначительная толщина красочного слоя, нанесенного в технике лессировки, обуславливает основной вклад в результаты измерений флуоресцентного излучения от металлической основы (табл. 3). Данный факт затрудняет диагностику используемых пигментов и позволяет уверенно говорить только о составе пигментов белого цвета (белил), которые также могли использовать как основу для других красок.

По результатам измерений во всех точках анализа установлено высокое содержание свинца (11–30% соответственно). Его присутствии однозначно указывает на использование свинцовых белил $2PbCO_3 \cdot Pb(OH)_2$, состав которых, однако, отличается для разных проанализированных элементов хоругвей (рис. 8). Так, при анализе изображений в круглых медальонах определены значимые содержания Ba (1,9–2,6%), что указывает на использование смеси

Таблица 3. Химический состав красочного слоя икон хоругвей*

Деталь	Цвет красочного слоя	Содержание, %															
		№ точки	Zn	Pb	Ba	Al	Si	K	Ca	Sr	Mg	P	Fe	Cr	Cu	Au	Ti
Изображения в медальонах	Белый	I-29	30,0	11,2	1,9	2,7	1,8	-	0,7	0,11	9,0	0,5	0,2	0,10	0,1	-	-
		II-17	26,9	12,2	2,1	1,5	1,4	-	0,5	0,13	8,3	0,5	-	0,03	-	-	-
	Красный	II-16	15,2	15,2	1,9	0,8	0,8	-	0,6	0,11	5,1	0,3	0,1	-	-	-	-
		I-30	12,5	21,2	2,6	1,7	1,3	-	0,7	0,13	7,4	0,4	0,1	-	0,1	-	-
	Синий	II-15	21,6	14,2	2,1	1,9	2,0	-	0,1	0,12	9,3	0,5	-	-	-	-	-
		II-8	18,9	29,7	0,2	2,2	1,4	-	0,5	0,01	10,2	0,7	0,4	-	0,1	-	-
	Белый	II-12	21,6	23,4	0,2	1,3	1,1	-	0,4	0,01	8,6	1,0	0,6	-	-	0,3	-
		II-13	29,7	21,0	0,2	2,4	2,0	0,1	0,8	0,01	9,6	0,4	0,8	0,04	-	0,5	-
	Серый	I-21	22,4	20,4	0,2	2,1	1,7	-	2,1	0,03	11,0	0,5	0,7	0,06	0,3	-	-
		I-22	12,7	27,7	0,3	1,9	1,8	-	2,4	0,04	9,8	0,5	0,7	0,06	0,2	-	0,1
Коричневый	I-24	23,6	17,7	0,3	1,2	1,6	0,2	3,4	0,04	5,4	0,9	1,6	-	0,2	-	-	
	I-25	17,6	24,1	0,3	2,8	2,5	0,1	1,0	0,02	8,1	0,6	1,0	0,03	0,1	-	0,1	
Изображения в квадратных рамах	Коричневый с золотым	II-6	36,8	11,6	0,2	1,0	2,1	0,1	2,7	0,03	2,3	0,2	1,2	0,12	0,1	-	0,4
		I-27	7,3	26,9	0,4	1,6	1,4	-	1,2	0,02	8,4	1,2	1,8	0,03	0,1	0,2	-
	Желтый	II-11	23,1	17,8	0,3	0,8	1,0	0,1	2,8	0,03	7,2	0,8	1,5	0,03	-	0,2	-
		II-9	30,4	19,2	0,2	1,5	1,4	0,1	1,7	0,02	8,8	0,4	1,1	0,05	0,1	-	0,1
Серо-зеленый с золотым	II-10	30,3	15,3	0,4	3,0	2,9	0,2	3,1	0,05	6,7	0,4	1,3	0,14	-	-	-	
	II-7	17,6	22,7	0,1	0,5	0,9	0,1	0,8	0,01	3,7	1,8	0,4	-	0,2	0,7	-	
Черный	I-28	18,9	17,4	0,3	2,0	2,1	0,1	2,2	0,03	7,0	1,4	2,0	0,02	0,6	-	-	
	I-23	8,9	23,8	0,4	0,3	0,4	-	2,4	0,03	-	3,6	0,6	0,06	0,1	1,1	-	
Золотой	I-26	8,8	22,3	0,4	0,3	0,5	-	3,0	0,03	-	2,9	0,6	0,07	0,1	0,9	-	
	II-14	12,2	20,3	0,4	0,6	1,5	-	2,0	0,04	-	2,5	0,9	0,06	-	1,6	-	

* I – хоругвь № 1, сторона с изображением святого Иоанна Блаженного, II – хоругвь № 2, сторона с композицией «Рождество Божией Матери»; Na не анализировался; содержание S не определяли ввиду спектральных интерференций из-за высоких содержаний Pb; прочерк означает, что содержание элемента ниже предела обнаружения: $Mg < 1\%$; Cu, Fe, K, Ti $< 0,1\%$; Au $< 0,05\%$; Cr $< 0,02\%$; содержание Cd варьирует в диапазоне 0,02–0,05% (изоморфная примесь в соединениях цинка); Mn $< 0,1\%$; Ag, Sb, Sn $< 0,05\%$; Co $< 0,02\%$ во всех проанализированных точках.

свинцовых и баритовых белил $BaSO_4$; содержание баритовых белил по результатам расчетов составляет около 15–20% (от суммарного содержания $2PbCO_3 \cdot Pb(OH)_2$ и $BaSO_4$, принятого за 100%). Добавка около 10% баритовых белил повышает эластичность и стойкость краски, но снижает ее покрывную способность, которая оказывается ниже, чем у чистых свинцовых белил⁴⁷. Содержание бария при анализе изображений святого Иоанна Блаженного и «Рождества Богоматери» не превышало 0,4%, что соответствует максимальной добавке баритовых белил 3%. Более высокие содержания стронция, также фиксируемые при анализе иконных изображений в круглых медальонах, могут быть обусловлены нахождением элемента в барите $BaSO_4$ в виде изоморфной примеси; возможно, в качестве сырья для производства баритовых белил была использована разновидность барита с высоким содержанием стронция (баритоцелестин).

Высокое содержание цинка (7–37%) при фактическом отсутствии железа в результатах измерений (< 2%) указывает на то, что в качестве основы икон использовали цинковые пластины⁴⁸, а не оцинкованное железо, широкое распространенное с середины XIX в.⁴⁹ Предположение, что содержание цинка при анализе икон обусловлено рентгенофлуоресцентным излучением от основы, подтверждает обратная корреляция с содержанием свинца — основного элемента красочного слоя (коэффициент корреляции Пирсона –0,65; $n=22$; критическое значение 0,42 на 5% уровне значимости). Кроме того, совместно со свинцовыми белилами цинковые белила⁵⁰ ZnO , промышленное производство которых началось во второй половине XIX в., не использовали (за исключением США)⁵¹.

В отдельных точках измерений иконных изображений присутствовал титан, что является следствием проведения реставрационных работ (поновление титановыми белилами TiO_2). Содержание алюминия, кремния, калия, железа может быть обусловлено использованием пигментов на основе глин, а для кальция и его изоморфной примеси стронция — извести или гипса. Присутствие кремния и калия также может указывать на применение красок на основе жидкого стекла, которые получили широкое распространение в Западной Европе и России на рубеже XIX–XX вв.⁵² Тот факт, что максимальное содержание железа (2%) установлено при анализе красок черного цвета, может свидетельствовать об ис-

пользовании черной окиси железа Fe_3O_4 , применяемой в качестве прочного пигмента с середины XIX в.⁵³ Достаточно высокое содержание магния (1,7–11%), вероятно, связано с использованием гидрата его окиси для прочного закрепления красочных слоев⁵⁴.

Диагностика источника остальных элементов, например, меди и хрома, затруднена; концентрации элементов в среднем не превышают 0,2%, поскольку основной вклад вносят материалы основы и пигменты белого цвета. По причине влияния основы во всех точках измерений был диагностирован кадмий (0,02–0,05%), являющийся изоморфной примесью в соединениях цинка.

При анализе нимбов святых на иконах выявлено золото. Его содержание также установлено при измерении на участках с изображением одеяний переливающихся цветов (коричневого, серо-зеленого с золотым). В точках исследования нимбов зафиксировано максимальное содержание фосфора при содержании магния ниже предела обнаружения (< 1%). Возможно, высокое содержание фосфора и его присутствие в значимых концентрациях в других точках измерений является следствием использования пленкообразователей, одним из видов которых являются полифосфаты⁵⁵.

Таким образом, комплексное химико-технологическое изучение двух хоругвей из интерьера церкви святого Иоанна Блаженного Покровского собора показало, что изготовление таких сложных предметов могло осуществляться только в тех мастерских, где был налажен процесс обработки различных материалов, широкий выбор которых был в распоряжении мастеров. В результате исследования определено, что основа хоругвей выполнена из высокоцинковой латуни, уточнен материал несущего стержня — чугун (ранее считалось, что он железный) и основы иконных изображений — цинковые пластины. Согласно заключению художника-реставратора И.А. Чугреевой, выполнившей реставрацию иконных изображений хоругвей, все они написаны одним мастером⁵⁶. Анализ красочных слоев выявил заметную разницу в составе больших квадратных и малых круглых изображений, которая, возможно, является следствием их исполнения в разное время.

Химический состав слоя золочения позволил определить метод, которым оно было выполнено, и выявить различия в нанесении позолоты при сравнении с ранее изученным окладом иконы⁵⁷. Гальванический способ позволял существенно сэкономить драгоценный металл по сравнению с огневым золочением более раннего

оклада (1830-е годы), что, несомненно, сказывалось на конечной стоимости изделий.

Предпринятое исследование представляет научный интерес с методологической точки зрения. Оно позволило поставить ряд вопросов, которые могут быть решены в дальнейшем. Прежде всего, они касаются интерпретации аналитических данных. Так, стало очевидным, что при определении элементного состава эмалей и красочных слоев необходимо учитывать попадание в область измерения металлических деталей или рядом находящихся эмалей и красок другого цвета. Важным результатом является выявленная разница в элементном содержании металла и эмалей при анализе подлинных и реставрированных деталей, что может быть использовано впоследствии в процессе химико-технологического изучения других предметов Нового времени.

- ¹ ГИМ. Архив отдела «Покровский собор». П-1 / 41. Л.10 об; «Московского Покровского собора и Василия Блаженного что на Рву впред для памяти Книга записная достопамятных вещей». Рукопись. Л. 28, 61. О рукописи см.: *Малышева Н.Н., Сарачева Т.Г.* «28 лет кропотливой, подчас очень трудной по разным архивам работы»: научное наследие И.И. Кузнецова // *Кузнецов И.И. Покровский (Св. Василия Блаженного) собор в Москве. Очерк монументальной истории собора.* М., 2022 // Труды ГИМ. Вып. 218. С. 403, 422, 423.
- ² *Берхина Т.Г.* Хранители царского обета. М., 2017. С. 65–67. На фотографиях начала XX в. представлены члены Общества хоругвеносцев Покровского собора с хоругвями, в том числе с сохранившимися к настоящему времени.
- ³ Основу знамени выполняли из дерева, цветного металла или бархата; иконы писали на дереве, металле или картоне.
- ⁴ *Сарачева Т.Г.* Музейная летопись Покровского собора: К 90-летию открытия музея. М., 2013. С. 26.
- ⁵ ГИМ. Архив отдела «Покровский собор». П-4 / 1.
- ⁶ *Сарачева Т.Г.* Музейная летопись..., 2013. С. 92.
- ⁷ Две металлические хоругви конца XIX в. были включены в экспозицию церкви священномученика Киприана и мученицы Иустины не позднее 1960-х годов и остаются там до настоящего времени.
- ⁸ Работы по музеефикации церкви святого Иоанна Блаженного и предшествующая этому реставрация интерьера были осуществлены Государственным историческим музеем при содействии Благотворительного фонда «Транссоюз» ОАО «РЖД».
- ⁹ *Лубкова Т.Н., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г., Хабибуллина Ю.Н.* Исследование химического состава металлического оклада иконы из собора Покрова

на Красной площади // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. М., 2020. Вып. 16. С. 263–279.

- ¹⁰ *Чугреева И.А., Малышева Н.Н.* Хоругви и предметы интерьера церкви святого Иоанна Блаженного в Покровском соборе: на пути к реставрации и восстановлению малоизвестного памятника на Красной площади // Труды ГИМ. М., 2015. Вып. 202. С. 121–128.
- ¹¹ ГИМ. Архив отдела «Покровский собор». П-4 / 10.
- ¹² Подлинные древки не сохранились.
- ¹³ Прибор состоит из источника рентгеновского излучения, детектора, управляющей электроники и электронного блока питания, скомпонованных в едином корпусе. Источником рентгеновского излучения является трубка (анод – Ag, максимальная мощность 2 Вт, подаваемое напряжение 6–50 кВ, сила тока 0–200 мкА). Применение технологии автоматического выбора фильтров первичного излучения (до 4 фильтров) оптимизирует параметры излучения для достижения максимальной чувствительности по каждому определяемому элементу (от Mg до U, от 0,001–0,01% до 100%) при времени анализа на каждом фильтре до 60 с. Для регистрации излучения используется геометрически оптимизированный дрейфовый кремниевый детектор большой площади поверхности (SDD, 25 мм²) с высокой разрешающей способностью (140 эВ на линии Fe K α) и скоростью счета до 200 000 импульсов в секунду (Спектрометры рентгенофлуоресцентные моделей NITON XL2, XL3t. Приложение к свидетельству об утверждении типа средств измерений (Регистрационный № 43722-10). ГЦИ СИ ФГУП «ВНИИМ им. Д.И. Менделеева», 2009).
- ¹⁴ ГОСТ 4832-95. Чугун литейный. Технические условия. Минск, 1995. С. 3.
- ¹⁵ *Жадан В.Т., Гринберг Б.Г., Никонов В.Я.* Технология металлов и других конструкционных материалов. М., 1970. С. 207; Промышленные цветные металлы и сплавы. М., 1974. С. 39.
- ¹⁶ *Шемаханская М.С., Дубровин А.Ф., Дубровин М.Ф., Равич И.Г.* Исследование металла древнерусской меднолитой мелкой пластики как основа ее атрибуции // Консервация и реставрация памятников истории и культуры. М., 1996. Вып. 5/6. С. 16.
- ¹⁷ *Untracht O.* Metal Techniques for Craftsmen. N.Y., 1975. P. 18.
- ¹⁸ Гальванотехника благородных и редких металлов. Л., 1970. С. 65.
- ¹⁹ Например, золотой сплав, содержащий 21,4 % серебра и 3,6 % меди, имеет бледную зеленовато-желтую окраску; 16,7 % серебра и 8,3 % меди – бледно-желтую окраску; 12,5 % серебра и 12,5 % меди – ярко-желтую окраску. Стандартное желтое золото может быть получено добавлением 5 % серебра, 2 % меди и 1,33 % цинка (*Одноралов Н.В.* Гальванотехника в декоративном искусстве. М., 1974. С. 147; Gold and Gold Alloys. Total Materia Database. Tab. 1. URL: <https://www.totalmateria.com/page.aspx?ID=CheckArticle&site=ktn&LN=FI&NM=230> (дата обращения 24.03.2022 г.)).
- ²⁰ *Буркат Г.К.* Электроосаждение драгоценных металлов. СПб., 2009. С. 108, 109.
- ²¹ *Лубкова Т.Н., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г., Хабибуллина Ю.Н.* Исследование химического состава..., 2020. С. 275.

- 22 Эмаль – легкоплавкое прозрачное или заглашенное силикатное (свинцово-силикатное) стекло, окрашенное в различные цвета оксидами металлов – наносится в порошкообразном состоянии на поверхность металлического изделия и расплавляется непосредственно на нем при нагреве; после застывания образует декоративное блестящее покрытие, обладающее красочной и защитными, антикоррозионными свойствами, что позволяет широко использовать ее в различных условиях (Техника художественной эмали, чеканки иковки. М., 1986. С. 16, 17).
- 23 Для обычных ювелирных эмалей (температура плавления до 800 °С) с глубокой древности использовали золото, серебро, медь и ее сплавы с цинком (томпак), очень редко бронзу. Золото является идеальной основой: оно практически не деформируется при нагревании и придает эмали яркость и блеск. Серебро, наоборот, деформируется, поэтому хуже удерживает эмаль. С середины XIX в. вошло в практику эмалирование железных сплавов (мягкой стали и чугуна). Пригодность того или иного металла для эмалирования определяется целым рядом свойств и прежде всего температурой плавления металла, которая должна быть выше температуры обжига эмали. Именно поэтому медь и медные сплавы, имеющие высокую температуру плавления, часто использовали для эмалирования. Кроме этого показателя, важное значение имеет способность металла сохранять цвет и блеск и просвечивать сквозь прозрачную эмаль после ее обжига. Этим свойством обладают только драгоценные металлы, так как при обжиге на них не образуется оксидных пленок и блеск сохраняется под слоем эмали. Медь и железные сплавы быстро окисляются и становятся тусклыми и темными, поэтому их используют только под глухие эмали, либо под эмаль подкладывают золотую или серебряную фольгу. Для достижения нужного эффекта на медных изделиях прозрачные эмали кладут не на их поверхность, а на слой белой эмали (Техника художественной эмали..., 1986. С. 26–29).
- 24 Точек измерения сканой проволоки недостаточно для того, чтобы определить материал, из которого она сделана. Согласно имеющимся данным, в эмальерном искусстве преимущественно использовали серебряную проволоку (Техника художественной эмали..., 1986. С. 39).
- 25 Техника художественной эмали..., 1986. С. 72.
- 26 Там же. С. 19. Табл. 1.
- 27 Там же. С. 19.
- 28 Выработочные свойства – свойства, которые проявляет материал при механической обработке (Сергеев Ю.П. Выполнение художественных изделий из стекла. М., 1984. С. 18, 32, 33).
- 29 Техника художественной эмали..., 1986. С. 19. Табл. 1.
- 30 Присутствие оксидов щелочных металлов (натрия и калия) в многокомпонентных стеклах способствует снижению вязкости расплава, температуры и времени варки стекла. Введение в состав стекла оксида калия (взамен оксида натрия) придает стеклу блеск и прозрачность, улучшает его оттенок, усиливает белизну (Сергеев Ю.П. Выполнение художественных изделий..., 1984. С. 17).

- 31 Сергеев Ю.П. Выполнение художественных изделий..., 1984. С. 23.
- 32 Оксид магния улучшает ряд важных физико-химических свойств стекла: повышает механическую прочность и химическую устойчивость стекла, понижает коэффициент расширения, уменьшает склонность стекла к кристаллизации (Сергеев Ю.П. Выполнение художественных изделий..., 1984. С. 18).
- 33 Спиридонов Ю.А., Царева Е.В. Исследование различных видов глушителей с целью создания эффекта опалесценции у эмали для драгоценных металлов // Успехи в химии и химической технологии. 2013. Т. XXVII. № 5. С. 108.
- 34 Сергеев Ю.П. Выполнение художественных изделий..., 1984. С. 23.
- 35 Различают молекулярное и коллоидное окрашивание. В первом случае оно обусловлено наличием равномерно распределенных молекул красителей, в качестве которых, как правило, используют оксиды некоторых металлов переменной степени окисления – Mn, Cr, Fe, Cu и др. Следует отметить, что в значительной степени на окрашивание стекла влияют окислительно-восстановительные процессы. В частности, оксид меди (II) окрашивает стекло в голубой и зеленовато-голубой цвет; при восстановлении до меди (I) или меди металлической стекло приобретает темно-красный цвет.
- 36 Сергеев Ю.П. Выполнение художественных изделий..., 1984. С. 29.
- 37 Там же. С. 28.
- 38 Там же. С. 27, 28.
- 39 Спиридонов Ю.А., Царева Е.В., Будько Е. Эмали по благородным металлам // Успехи в химии и химической технологии. 2010. Т. XXIV. № 6. С. 48.
- 40 Сергеев Ю.П. Выполнение художественных изделий..., 1984. С. 28.
- 41 Там же. С. 26.
- 42 Практически любое соединение кобальта, введенное в силикатное стекло, превращается в его оксид. Из природных соединений в качестве источника кобальта могли использовать его арсенаты – кобальтин CoAsS и смальтин CoAs₂ (Косолапов А.И. Естественнонаучные методы в экспертизе произведений искусства. СПб., 2015. С. 128). При молекулярном окрашивании оксидом меди краситель вводят в виде чистого CuO или же в виде порошка медного купороса CuSO₄·5H₂O, разлагающегося при нагревании (Сергеев Ю.П. Выполнение художественных изделий..., 1984. С. 26). Природными медьсодержащими пигментами, получившими широкое распространение, являются основные карбонаты меди – азурит Cu₃(CO₃)₂(OH)₂ и малахит Cu₂CO₃(OH)₂.
- 43 Сергеев Ю.П. Выполнение художественных изделий..., 1984. С. 26.
- 44 Там же. С. 27.
- 45 Там же.
- 46 Там же. С. 23, 27.
- 47 Филатов В.В. Реставрация настенной масляной живописи. М., 1995. С. 49.
- 48 Оцинкованное железо было определено ранее при визуальном осмотре в процессе реставрации (Чугреева И.А., Малышева Н.Н. Хоругви и предметы..., 2015. С. 121, 128).

- 49 Косолапов А.И. Естественные научные методы..., 2015. С. 90.
- 50 Цинковые белила имеют чистый белый, свето- и атмосферостойкий цвет; в отличие от свинцовых они не чернеют под действием сероводорода, однако медленно сохнут и легко растрескиваются; их покрывная способность значительно ниже, чем у свинцовых белил, поэтому они непригодны для многослойной живописи (Филатов В.В. Реставрация..., 1995. С. 49).
- 51 Косолапов А.И. Естественные научные методы..., 2015. С. 200.
- 52 Никитин А.М. Художественные краски и материалы. М., 2016. С. 15.
- 53 Косолапов А.И. Естественные научные методы..., 2015. С. 199.
- 54 Киплик Д.И. Техника живописи. М., 2002. С. 337.
- 55 Никитин А.М. Художественные краски..., 2016. С. 19.
- 56 Чугреева И.А., Малышева Н.Н. Хоругви и предметы..., 2015. С. 122.
- 57 Лубкова Т.Н., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г., Хабибуллина Ю.Н. Исследование химического состава..., 2020. С. 271–274.

Н.Д. Троскина

Об устройении и изменениях фигурных глав Покровского собора на Рву

В публикациях, посвященных Покровскому собору на Рву, московских путеводителях, словарях и лексиконах многие авторы связывали сооружение фигурных глав со строительством каменного храма святого Василия Блаженного в 1588 г., несмотря на отсутствие документальных подтверждений (И.Г. Гурьянов, Л.Е. Белянкин, Д.Д. Дубенский, А.М. Павлинов, И.И. Кузнецов, Ф.Ф. Горностаев, С.В. Безсонов, В.Л. Снегирев и др.)¹. М.Ф. Красовский, И.М. Снегирев, М.А. Ильин, П.Н. Максимов и Н.И. Брунов осторожно отмечали, что фигурные главы появились в конце XVI в.² П.В. Хавский утверждал, что они были устроены при государе Федоре Алексеевиче³.

Профессор Ф.Ф. Горностаев не исключал сооружения фигурных глав при строительстве собора царем Иваном IV Грозным⁴. А.И. Некрасов допускал, что «...узорчатые фигурные главы в соборе были устроены сразу», но проницательно замечал, что «...не все их типы относятся к первоначальной постройке»⁵. Архитектор-реставратор Покровского собора Н.Н. Соболев связывал появление фигурных глав с ремонтом 1586 г., последовавшим за пожаром 1583 г.⁶, сведения о котором в источниках отсутствуют. А.Л. Баталов и Л.С. Успенская отнесли их устройство «...к началу царствования Федора Иоанновича, когда новое правительство завершало неоконченные строительные мероприятия Ивана Грозного», и датировали 1584–1585 гг.⁷ Впоследствии А.Л. Баталов, подтверждая эту точку зрения, в то же время подчеркивал: «Одним из нерешенных вопросов до сих пор является датировка и происхождение формы фигурных глав собора»⁸.

А.Л. Хорошкевич считала, что у Троицкого собора «...в 1585 г. еще не было тех куполов, которые доныне поражают воображение

каждого зрителя и впервые изображены Олеарием». По ее мнению, они «...возникли в более позднее время, между Сигизмундовым планом Москвы 1610 г. и гравюрой Олеария»⁹.

Автор первой посвященной Покровскому собору монографии — Л.Е. Белянкин связывал устройство глав, покрытых железом, «...каждая разною фигурую», с пристройкой каменной церкви на месте разобранной юго-восточной части галереи «...вследствие открывшихся от гроба чудес Св. Василия Блаженного». По его мнению, это сопровождалось общим поновлением собора, названным им «первым возобновлением»¹⁰.

Первое из известных летописных свидетельств о чудотворениях Василия Блаженного в Соловецком летописце второй половины XVI в. не содержит сведений о строительстве храма в честь его почитания, сооружения раки для обретенных мощей и об устройстве фигурных глав Покровского собора: «В лето 7096 [1588] Августа в 2 день Божиим изволением в пресловущем граде Москве... явился новый великий чюдотворец Василей Нагой и простил три души, две девицы да нищего старца, и от того дни у чюдотворцова гроба великие чюдеса и прощение многим людем»¹¹. Необыкновенные главы не упоминаются в многочисленных рукописных и печатных Житиях Василия Блаженного, помещенных в агиографических и исторических сборниках¹².

Сведения о фигурных главах отсутствуют в летописных известиях о строительстве каменного храма и раки Василия Блаженного¹³. Нет упоминания о них в мемуарах Арсения Элассонского и в описании событий 2 августа Дж. Флетчером, когда «...тело его [Василия Блаженного]» было перенесено «...недавно в великолепную церковь, близ царского дворца, в Москве...»¹⁴.

Отсутствие сведений о фигурных главах, видимо, связано с представлениями об их второстепенном значении в сравнении с событиями чудотворений и благочестивыми устройствами раки мощам и храма с престолом в честь его почитания. И.И. Кузнецов отмечал, что подробности о порядке чина канонизации, совершенного 2 августа 1588 г. митрополитом Иовом, сопровождавшегося чудотворениями, освящением нового храма и перенесением мощей, остаются неизвестными¹⁵.

В настоящее время существуют две версии событий, происшедших в тот день у стен Покровского собора. И.И. Кузнецов считал, что в новопоставленный храм перенесли драгоценную раку,

которая стала надгробием над погребением Христа ради юродивого, захороненного в 1557 г. у северной стены Троицкого придела строящегося собора¹⁶. А.Л. Баталов полагает, что обретенные мощи московского нагоходца перенесли в драгоценной раке с погоста деревянной церкви, поставленной в 1557 г. «на Рву» неподалеку от Покровского собора и освященной в честь Василия Великого — небесного покровителя блаженного¹⁷. Исследователь отмечает «ментальное возведение» храма, «начатого не позднее 1587 г.»¹⁸, что очевидно было приурочено к 30-й годовщине со дня преставления чудотворца. Быстрое возведение храма он объясняет обращением царской четы к Василию Блаженному за «...разрешением уз чадородия»¹⁹. Исторический контекст событий 1586 г. позволяет расширить и дополнить представления о мотивах решения московских властей пристроить к стоявшему при въезде в Кремль Покровскому собору каменный храм в почитание местного святого.

Первое известие о сооружении фигурных глав содержится в открытом И.И. Кузнецовым Пискаревском летописце: «Во дни благочестиваго царя и великаго князя Федора Ивановича всея Руси зделаны верхи у Троицы и у Покрова на Рву розными обрасцы и железом немецким обиты...»²⁰. Второе сообщение о соборных главах, устроенных при Федоре Иоанновиче «разными обрацами»²¹, было включено в текст изразцового летописца 1683 г., который дошел до нас в нескольких списках²². Ко времени их составления Летописец имел значительные утраты плиток²³; попытки их реконструкции в 1780—1790-е годы привели к многочисленным неточностям и разночтениям.

Впервые Летописец был опубликован Л.М. Максимовичем в 1792 г.²⁴ Текст состоит из трех частей. Первая содержит сведения о начале строительства церкви Покрова повелением государя и царя Иоанна Васильевича и благословением митрополита Макария, о посвящениях ее приделов и деяниях царя в Казани. Во второй части перечислены работы, выполненные при «сыне Его» Феодоре Иоанновиче и по благословию патриарха Иоакима. Третья часть посвящена строительству у церкви Покрова восьми новых каменных церквей «...вместо деревянных, стоявших на Красной площади» по повелению государя Федора Алексеевича / Феодора Иоанновича и благословию патриарха²⁵. Упоминание во второй части текста имен царя Федора Иоанновича и патриарха Иоакима, разделенных столетием, а также титул государя царя и великого князя

Феодора Иоанновича «всеа Великия и Малыя и Белья России Самодержца», принятого со времени Алексея Михайловича, породили сомнения в правильности записей и в достоверности сведений.

Сравнивая списки, следует отметить, что текст «Надписи вокруг Покровского собора на черепице» из «Книги записной...»²⁶ отличают последовательность и точность в перечислении посвящения престолов собора, устроенных царем Иваном Грозным²⁷. Это позволяет считать его наиболее достоверным, за исключением ошибки в отчестве государя в третьей части надписи. Объединение во второй части имен Феодора Иоанновича и патриарха Иоакима находит объяснение в совпадении работ по устройству фигурных глав в 1580-е и в 1679—1684 годы. Достоверность сведений второй части Летописца о других работах 1679—1684 гг. — покрытии черепицей сводов соборной паперти и глав пристроенных церквей²⁸ — подтверждают архивные документы и натурные исследования реставраторов 1950-х годов²⁹. Включение в текст имени патриарха Иоакима повторяет общую формулу всех трех частей Летописца с упоминанием государя и патриарха.

Добавим также письменные свидетельства, отмечающие, что работы по поновлению собора после кончины государя Федора Алексеевича 28 апреля 1682 г. продолжают при патриархе Иоакиме «...по указу блаженныя памяти великого государя и великого князя Феодора Алексеевича и при великих государях Иоанне Алексеевиче и Петре Алексеевиче и сестре их великой государыне Софье по прежнему указу брата их... Государя царя Федора Алексеевича»³⁰. Титул государя царя и великого князя Феодора Ивановича «всеа Великия и Малыя и Белья России Самодержца» соответствует времени составления надписи, а не нормам XVI в. Текст второй части изразцового Летописца 1683 г. является характерным образцом компиляций с традиционным сокращением подробностей и объединением повторяющихся сведений разных лет³¹. В третьей части текста «Надписи на черепицах...» имя государя Федора Иоанновича упомянуто явно ошибочно; престолы деревянных церквей с Красной площади перенесли к Покровскому собору по указу государя Федора Алексеевича и благословиению патриарха Иоакима³².

Сообщение Пискаревского летописца об устройении фигурных глав помещено в статье «Прописано в сем летописце 93 и 4» вслед за известиями о «...проше от великого светильника и чудотворца

Василия Блаженного», учинившейся «в той год» [2 августа 1588 г.] и о том, что поставлен «...храм камен на Москве в Кремле-городе в Девичье монастыре в Вознесения», который А.Л. Баталов датирует 1588 г.³³ Эта последовательность известий, несмотря на сомнения ученого³⁴, дает основание вернуться к вопросу о том, что и третье событие — украшение Покровского собора фигурными главами — было хронологически связано с предыдущими.

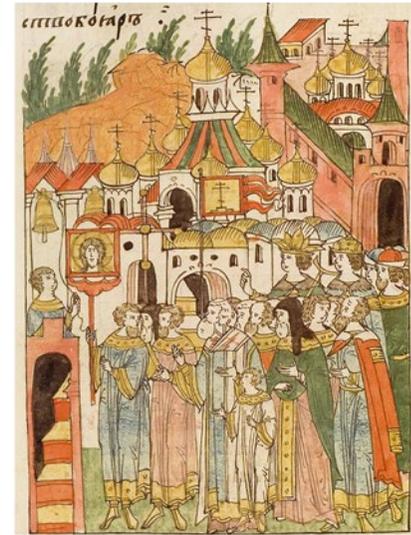
Сведения Пискаревского летописца, несмотря на позднее происхождение источника и изразцовой надписи 1683 г. по списку из «Книги записной...» о покрытии железных глав «дощатым железом разными образами» при сыне царя Ивана Грозного — благоверном царе Феодоре Иоанновиче, не противоречат, а дополняют друг друга и представляются нам надежным свидетельством времени их устройства.

Материалы письменных источников, иконографии и натуральных исследований позволяют выстроить подробную и непротиворечивую историю сооружения, ремонтов и реставрации фигурных глав Покровского собора. В ранних летописных источниках описание глав 1555—1561 гг. отсутствует. Первые представления об их форме связаны с пятью миниатюрами Синодального тома Лицевого летописного свода 1568—1578 гг.³⁵ Согласно сопроводительным текстам, на четырех из них (л. 167, 167 об., 168, 181; рис. 1; 2, 1—3) изображена предшественница каменного собора — восьмипрестольная деревянная церковь Покрова, освященная 30 сентября 1554 г.³⁶ Каменный собор «о девяти верхех» с незавершенным центральным столпом показан на пятой миниатюре (л. 448; рис. 2, 4).

Сравнивая эти пять изображений, следует отметить сходство собора на них: центральный столп под шатром, боковые столпы (приделы) под одинаковыми главами. Внимательное рассмотрение миниатюр позволяет отметить на них архитектурные формы, явно сложенные из камня. Среди них — арочная галерея первого яруса с парапетом, северный лестничный всход под щипцом на верхнюю обходную паперть (рис. 1), фрагмент верхней арочной галереи центральной церкви (рис. 2, 1), а также условно показанный каменный фасадный декор из щипцов-вимпергов, арочные кокошники, профильные импосты арок и др. Эти детали, по нашему мнению, указывают на то, что на всех листах изображена не разобранная

Рис. 1. Собор Покрова на Рву. Миниатюра Синодального тома Лицевого летописного свода. Л. 167

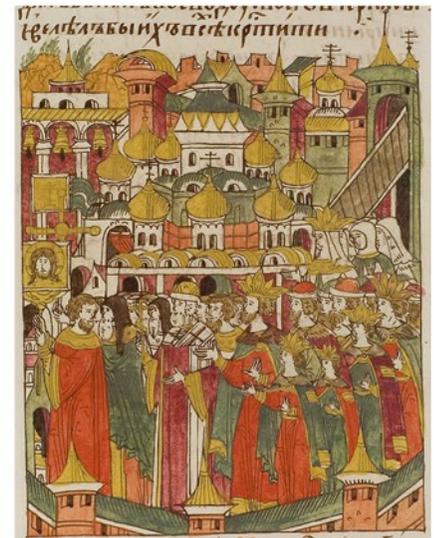
1

2

3

4

Рис. 2. Собор Покрова на Рву. Миниатюры Синодального тома Лицевого летописного свода 1 – л. 167 об.; 2 – л. 168; 3 – л. 181; 4 – л. 448

Рис. 3. Собор Покрова на Рву. Миниатюра Синодального тома Лицевого летописного свода. Л. 166

в 1555 г. деревянная церковь, а стоявший во время написания миниатюры у Фроловских ворот каменный собор. Недаром изображение уже разобранный деревянной церкви Николая Великорецкого отсутствует на л. 180 об., а ее якобы изображение с иконой Николая Вятского (рис. 2, 3) повторяет южный придел на миниатюре освящения каменных восьми «церквей новых» в 1559 г. (рис. 2, 4).

Наиболее подробно каменный собор Покрова с маленькими главками у шатра представлен на миниатюре освящения восьмипрестольной деревянной церкви (рис. 1). Эту гипотезу подтверждает условно показанная строка храмозданной надписи, появившаяся внутри шатра не ранее 1561 г. Перенесение на ранние постройки того вида, какими их видели миниатюристы в реальности, является характерной особенностью изображений архитектурных форм в Лицевом летописном своде, что неоднократно отмечали исследователи³⁷. «Верхи» Покровского собора на всех пяти листах Синодального тома имеют традиционную форму церковной главы, не отличающуюся от изображенных на них же глав Успенского собора (рис. 1; 2, 1).

Корпус миниатюры Лицевого летописного свода, связанных со строительством Покровского собора, содержащий уникальные подробности изображений архитектурных деталей собора, крепостных сооружений Московского Кремля и Китай-города, исторических личностей, кажется, иногда наделенных признаками портретного сходства, требует отдельного научного исследования. Мы же прокомментируем первую из них со сценой закладки восьмипрестольной церкви (л. 166; рис. 3). Эту многофигурную композицию с устройением мастерами основания церкви венчает панорама Московского Кремля с Успенским собором, дворцовыми палатами и крепостной стеной от Фроловских ворот до Беклемишевской башни. Снизу ее ограничивает стена Китай-города с тремя шатровыми башнями. Среди участников события автор миниатюры выделяет две повернутые друг к другу фигуры. В правой из них узнаваем государь и великий князь Иоанн Васильевич в царском пятизубчатом венце с жезлом-скипетром в руке. К нему, сняв с головы треугольный колпак с загнутым верхним концом, обращается человек, одетый на западноевропейский манер, с отложным воротником, подхваченным шнурком-завязкой. Учитывая сюжет миниатюры, в собеседнике государя логично признать руководителя строительства — летописного Барму.

Рис. 4. Рисунок Мартина Груневега. 1585 г.

Первоначальные главы Покровского собора³⁸, как принято считать, сгорели в 1571 г., когда 24 мая Девлет-Гирей «в три часа»³⁹ сжег Москву⁴⁰. Сообщение Никоновской летописи о грандиозном масштабе бедствия⁴¹ Пискаревский летописец дополняет конкретными обстоятельствами, усугубившими повреждение собора: «...пониже

Фроловского мосту против Троицы» вырвало взрывом зелья городовую стену⁴².

Следующие по времени документальные свидетельства о верхах собора относятся к 1585 г. и содержатся в сочинении М. Груневега. В дневниковой записи за январь, описывая ремонтные работы в церкви «Святой Троицы», Груневег отметил, что «...у нее новые „spitzen“», которые должны позолотить⁴³, и изобразил их над боковыми столпами⁴⁴ (рис. 4). После некоторых дискуссий А.Л. Хорошкевич перевела spitzen как шпили⁴⁵. Их форма отличается от главы Архангельского собора, зарисованной Груневегом и названной им rundel⁴⁶, т. е. куполом. Не исключено, что сооружение этих spitzen можно связать с «...началом царствования Федора Иоанновича», когда, по мнению А.Л. Баталова и Л.С. Успенской, новое правительство «...завершало неоконченные строительные мероприятия Ивана Грозного в 1584—1585 гг.»⁴⁷.

Форма завершений собора на рисунке Груневега отличается от глав, изображенных на миниатюрах Лицевого летописного свода, и от устроенных «...во дни Федора Иоанновича верхи у Троицы и у Покрова на Рву розными обрасцы», которые, по мнению А.Л. Хорошкевич, появились после 1585 г. Эти фигурные главы просуществовали недолго: согласно сообщению того же Пискаревского летописца, «...от пожара не бысть верхов на тех храмах»⁴⁸. Дата пожара в летописце не указана, но из контекста следует, что он произошел при жизни Федора Иоанновича, т. е. до 1598 г. Протоиерей Иоанн Кузнецов обоснованно полагал, что в сообщении говорится о пожаре 1595 г.⁴⁹, когда «Лета 7102 ...загореся на Москве в Китае-городе лавки. И от того выгоре весь град и церкви, и монастыри, без остатка везде»⁵⁰.

На наш взгляд, следствием этого пожара является вид собора на Годуновом⁵¹ и «Петровом»⁵² планах Москвы, а также на карте «Кремленаград»⁵³. Составители чертежа, лежащего в их основе, вместо сгоревших глав «розными образцы» показали небольшие одинаковые главы (рис. 5). Первоисточник этих карт-чертежей, изданных в 1662 г., исследователи датируют 1595—1600-ми годами, учитывая текст посвящения — «под державой царя Бориса Федоровича», — и достоверно показанные реальные особенности архитектурных сооружений того времени. Этими же особенностями наделено изображение архитектурных форм «церкви Троицы» (Покровского собора), включая такие детали, как маленькие главки в основании шатра. О тщательности работы составителей чертежа свидетельствует также изображение звонницы собора с сохранявшейся до 1817 г. оградной стеной и лестницей. Учитывая подчеркнута реальное изображение собора, форму одинаковых небольших глав над шатром и над столпами следует признать условной или появившейся в результате послепожарного ремонта. Это наблюдение не имеет прямых подтверждений, но может быть признано допустимым, так как не противоречит генезису иконографии собора и данным письменных источников.

К 1602 г. фигурные главы были возобновлены. Их описали участники датского посольства М.И. Лунд и И. Вебер: «...девять башен, крытых листовою медью и притом так искусно и разнообразно, что только дивишься»⁵⁴. Выразительную особенность этих верхов отметил шведский посланник Петр Петрей Эрлезунда: «...чрезвычайно красивой постройки церковь» крыта «...светлыми блестящими камнями»⁵⁵. Восстанавливать главы, видимо, начали годом или двумя ранее. Первые изображения глав «розными образцы» представлены на Сигизмундовом плане Москвы 1610-х годов (рис. 6, 1). Их крупные размеры узнаваемы на Несвижском плане 1611 г. (рис. 6, 2) и на плане Москвы Исаака Массы 1606 г. (рис. 6, 3). Эти картографические материалы свидетельствуют о том, что восстановленные после пожара 1595 г. главы «розными образцы» в годы Смуты не получили значительных повреждений, несмотря на разграбление собора и драгоценной раки Василия Блаженного.

Фигурные главы пострадали в 1626 г., когда 3 мая «...загорелося на Москве в городе Китае... И от того же пожару загорелось на высокой на каменной церкви лоб под железом вверху у Троицы на Рву, и оттуду, от того лба, загорелось на городе на Кремле кровля»⁵⁶.

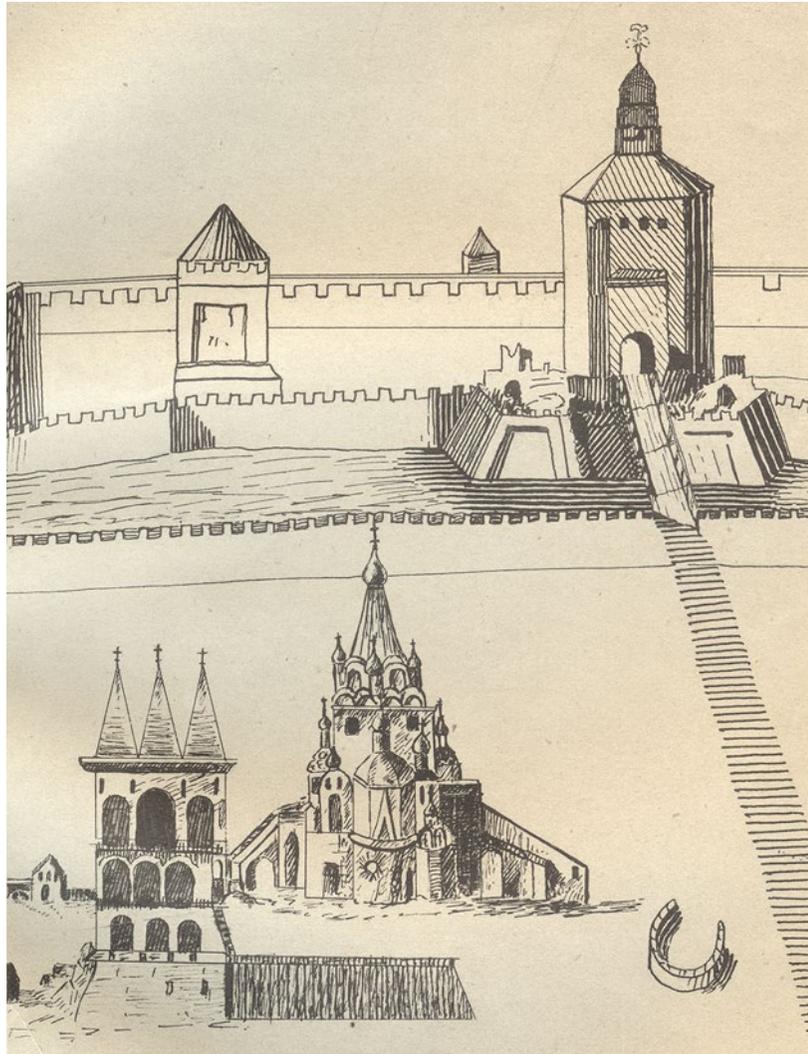

Рис. 5. Фрагмент Годунова плана Москвы. 1595–1600-е годы

Немногочисленные сведения о быстром ремонте собора, выявленные И.И. Кузнецовым, говорят о том, что повреждения были незначительными. Уже в 1627 г. последовали просьбы причтов церквей Троицы и апостола Андроника о выдаче облачений для крестных ходов и праздничных служб; в 1629 г. священники Никольской церкви ходатайствовали о выдаче материи для облачения престола⁵⁷.

Рис. 6. Собор Покрова на Рву. 1606–1611 гг.
1 – фрагмент Сигизмундова плана Москвы Л. Килиана, 1611 г.; 2 – фрагмент Несвижского плана Москвы, 1610 г.; 3 – фрагмент плана Москвы И. Массы, 1606 г.

Первые изображения восстановленного после пожара 1626 г. собора с фигурными главами известны по офортам из книги Адама Олеария «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно»⁵⁸ (рис. 7). На офорте со сценой благословения царя собор представлен с восточной стороны. Тщательно прорисованные подробности фасадного декора, совпадающие с сохраняющимися до настоящего времени, свидетельствуют о реалистичности изображения. Однако некоторые детали, например, четверики под главами малых угловых столпов на месте существующих круглых барабанов и исчезнувшие без следа арочные входы в подцерковье вызвали вопросы и различные толкования исследователей. Архитектор А.М. Павлинов считал круглые барабаны поздними, сменившими четырехгранные⁵⁹.

Очень похожий вид собора с востока представлен на офорте из альбома участника путешествия и «верного товарища» Олеа-

Рис. 7. Церковь Троицы 1633–1639 гг., офорт из издания А. Олеария 1656 г.

рия — Гартмана Грамана⁶⁰ (рис. 8). Это изображение, на первый взгляд, не отличается от офортов из изданий книги А. Олеария. Однако искусственному знатоку истории и иконографии Покровского собора отличия видны. Вместо четвериков под куполами малых угловых столпов, известных по изданным офортам и так смущавших Павлинова, показаны круглые барабаны. Они хорошо

Рис. 8. Офорт из альбома Г. Грамана. 1630-е годы

знакомы нам по рисунку И.-Р. Сторна из альбома Мейерберга 1661 г. (рис. 9, 1) и сохранились до настоящего времени.

Изображение Покровского собора из альбома Грамана представляет собой обрезанный при переплете офортный оттиск, что, к сожалению, лишило его завершения шатра. Его главным достоинством являются сохраненные гравером черты натурной зарисовки. Оно не было «...приведено в законченный вид при помощи хорошего художника», как это случилось с опубликованными офортами, что вызвало изменение формы барабанов. Дополняющий немногочисленную иконографию памятника XVI—XVIII вв. офорт существенно уточняет представление о его раннем облике. Точное воспроизведение отдельных деталей, без последующего редактирования художником и гравером⁶¹, заставляет доверительно отнестись к изображению фигурных глав, проемам цокольного яруса и исчезнувшим ступеням лестницы под южным столпом.

Подтверждение этим наблюдениям мы нашли в блестящей статье Я.Н. Щапова, посвященной альбому Г. Грамана⁶². Комментируя графическую часть, ученый писал: «Рисунки в альбome, послужившие источником для гравюр Олеария, уникальны»⁶³, и они «...очевидно более близки к рисункам, которые были их прототипами». Я.Н. Щапов считал, что в основе упомянутых двух офор-

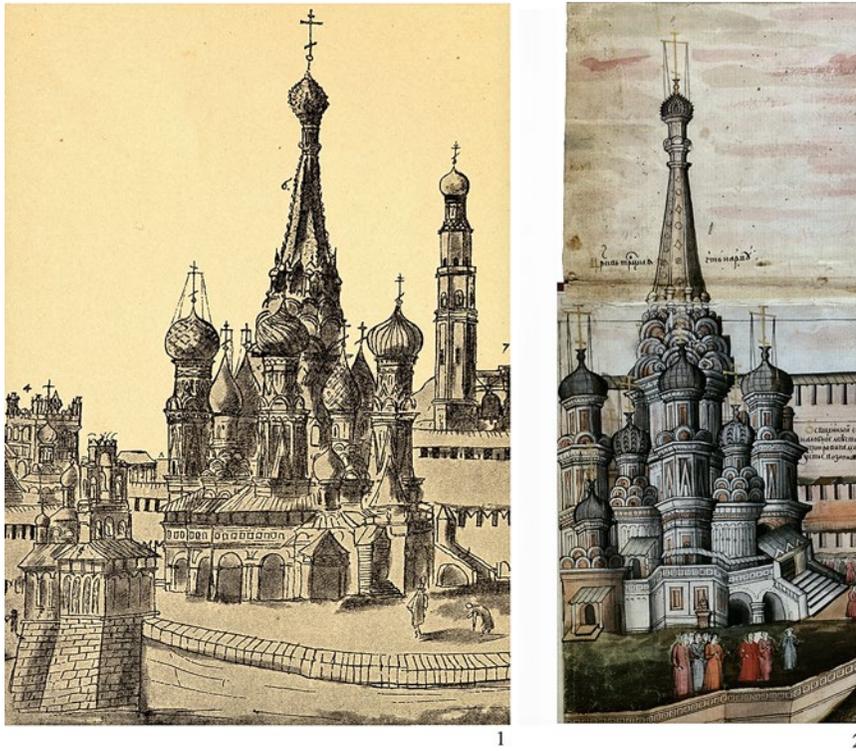

Рис. 9. Собор Покрова на Рву. 1660–1670-е годы
 1 – фрагмент рисунка И.-Р. Сторна из альбома Мейерберга, 1661 г.;
 2 – фрагмент миниатюры из «Книги об избрании на высочайший престол...»

тов лежит один рисунок⁶⁴ и справедливо приписал его авторство Олеарию. Он тонко подметил разницу в изображении главы северо-восточного придела, который ошибочно определил как «...северо-западный придел (Иоанна Милостивого)», полагая, что Олеарий изобразил собор не с востока, а с севера — со стороны Красной площади⁶⁵. На офорте особенно подробно и старательно зарисованы главы, в их «ограниченных» открытиях узнаваемы «блестящие камни», о которых писал Петр Петрей Эрлезунда.

Эти фигурные главы, имевшие, по сведениям Павла Алеппского, к 1654 г. разноцветную окраску⁶⁶, почти без изменений видны на рисунке И.-Р. Сторна из альбома А. Мейерберга «Путешествие в Московию» 1661–1662 гг.⁶⁷ (рис. 9, 1). Лишь юго-восточная глава зарисована гладкой, что, видимо, стало результатом ремонта,

во время которого изменили и формы деревянных кровель над обходной папертью. На рисунке видны не устраненные повреждения звонницы и, видимо, скатная (временная?) кровля над кокошниками церкви Василия Блаженного. Сведения о ремонте собора и его причинах остаются неизвестными, сохранились лишь известия о мастерах, возобновлявших в 1660 г. иконы⁶⁸. Тем не менее рисунок И.-Р. Сторна говорит о хорошей сохранности остальных фигурных глав, восстановленных к 1602 г. и восходящих к формам 1580-х годов.

В очередной раз главы пострадали 29 августа 1668 г.⁶⁹, но уже в следующем году был освящен придел Входа Господня в Иерусалим, а еще через год — Варлаама Хутынского и Трех патриархов⁷⁰. Следующий повредивший главы пожар произошел 20 апреля 1672 г.⁷¹ В том же году 12 июня, видимо, во время послепожарных работ, были обретыены мощи московского юродивого Иоанна Большой Колпак, ставшие второй святыней Покровского собора. Юродивый скончался 3 июля 1589 г. и был погребен, согласно его завещанию, «подле Василия Блаженного». Событие сопровождалось чудесами исцеления, за которыми последовала канонизация святого Иоанна Блаженного и устройство нового придела в юго-восточном углу галереи собора.

К этому времени относится известное изображение Покровского собора на миниатюре из «Книги об избрании на высочайший престол... Михаила Федоровича...» (рис. 9, 2). Оно имеет особое значение в иконографии собора: на нем подробно и достоверно зафиксирован облик храма накануне поновления на рубеже 1670–1680-х годов, включая детали наружного убранства шатра с фигурной главой, маленькие главки в его основании и над Входом иерусалимским приделом, наружный декор боковых столпов, галереи, кокошники церкви Василия Блаженного и т. д. Это, безусловно, не означает, что мастера 1670-х годов работали с натуры, но они, как их предшественники 1560–1570-х годов, несомненно, обращались к стоящему на Красной площади образцу. Об этом красноречиво свидетельствуют подробности наружного декора малых столпов, подтвержденные позднее раскрытиями реставраторов.

На миниатюре из «Книги...» большие и малые столпы собора завершают два вида глав, отличающиеся от фигурных верхов на офортах 1630-х годов и рисунках Сторна 1661 г., традицию которых наследует иконография собора XVIII–XX вв. (рис. 10–12).

Эта отличительная особенность изображения 1672—1673 гг., вводившая в заблуждение историков⁷² и нарушающая последовательную эволюцию формы глав, объясняется конкретными обстоятельствами. Миниатюры для книги начали писать осенью 1672 г. и завершили весной следующего года⁷³, т. е. до ремонта погоревших глав, когда изографы были вынуждены изобразить их формы и одноцветную покраску условно. В то же время, такое изображение косвенно свидетельствует о значительном обветшании глав, устроенных на рубеже 1600-х годов, претерпевших ремонты и починки после многочисленных пожаров.

О поновлении собора на рубеже 1670—1680-х годов, существенно изменившем его облик XVI в., известно из текста «Надписи на черепицах...», а также из дел Патриаршего приказа, опубликованных И.Е. Забелиным и дополненных И.И. Кузнецовым. О верхах, устроенных «разными образами», известно,

Рис. 10. Собор Покрова на Рву со стороны Красной площади. XVIII в.

1 — Ф.-В. Берхгольц. Собор Покрова на Рву. 1730—1740-е годы;

2 — Фр. Гильфердинг. Вид Красной площади и Покровского собора. 1787 г. Фрагмент;

3 — Дж. Кваренги. Покровский собор и Спасская башня. 1797 г. Фрагмент

1

2

3

Рис. 11. Фигурные главы собора Покрова на Рву. 1730—1740-е годы — 1784 г.

что в 1679 г. фигурную главу над шатром заменили гладкой «из золоченых медных досок»⁷⁴. В 1681 г. Любишко Онтифьев сделал главы над приделами Александра Свирского и Варлаама Хутынского, согласно уговору «...обрешетить под железную кровлю против обрасца». В 1683—1684 гг. появилась фигурная главка над церковью Василия Блаженного⁷⁵. Ее «...обили железом дощатым, против тех глав, что на церкви Покрова Пр. Богородицы», разобрав прежнюю деревянную конструкцию⁷⁶. Письменные сведения подтвердили натурные исследования металлических каркасов глав в 1960-е годы: на них были обнаружены клейма 1680-х годов⁷⁷. В 2000-е годы инженер Ю. Южаков продолжил изучение каркасов и установил, что все они (за исключением каркаса сгоревшей в 1737 г. южной главы) сохраняют конструкции 1680-х годов.

Эти сведения говорят о том, что работы на главах столпов проводились одновременно и были завершены в 1681 г. При их устройении «разными образами» перед мастерами стояла сложная задача повторить сохранявшиеся, но обветшавшие и поврежденные пожарами фигурные формы 1580-х / 1600-х годов и дополнить утраченные. Визуальное представление, каким образом в 1681 г. были устроены новые покрытия глав, дают их изображения с северной стороны собора на чертеже из коллекции Ф. Берхгольца и на картине Фр. Гильфердинга (рис. 10, 1, 2). Корректность этого утверждения подтверждают многочисленные архивные документы о ремонтах собора в 1688, 1727—1770-х годах.

Прошения протопопа собора Григория Михайлова⁷⁸ 1727 и 1729 гг. свидетельствуют об обветшании дощатых кровель 1688 г., сводов под ними, иконостасов и другого внутреннего убранства храма, пострадавшего от протечек⁷⁹. Починку кровель предусматривала смета архитектора И.Ф. Мичурина 1729 г. и сметный расчет 1734 г. несостоявшегося ремонта⁸⁰. В ремонтном реестре повреждений после пожара 1737 г.⁸¹, составленном священниками 29 мая, и в уточненных сметах 1738—1739 гг.⁸² с подробными описаниями необходимых починок каждого придела указаны работы и материалы для возобновления единственной сгоревшей фигурной главы — южной, «...которая от жара обвалилась»⁸³; ее назначили «...вновь сделать... в диаметре восемь аршин»⁸⁴. В контракте 1739 г. с купцом Филатом Лукиным сыном Шестаковым значилось, что он «...над церковью Чюдотворца Николая попорченную железную главу зделает против оставшихся на том соборе глав са-

мым добрым мастерством и обить железом...»⁸⁵. У главы заново устроили каркас с использованием «старого годного железа» и новое покрытие в виде выступающих рядов зигзагов. Остальные фигурные главы, как следует из упомянутых документов, ремонта не требовали и сохранили покрытия 1680-х годов. Все главы окрасили ярью-медянкой⁸⁶.

Учитывая приведенные архивные сведения, можно с уверенностью утверждать, что на чертеже 1730—1740-х годов с видом Покровского собора из коллекции Берхгольца мы видим главы 1679—1684 гг. Эти же окрашенные медянкой и не тронутые ремонтами до 1782 г.⁸⁷ главы представлены на картине Фр. Гильфердинга, фиксирующей вид собора на рубеже 1770—1780-х годов, до ремонта, начавшегося в 1782 г. (рис. 11). Историков Покровского собора не должна смущать датировка картины 1787 г., которая указывает на завершение художником работы над полотном. В 1782 г. покрытия заменили, тщательно повторив их формы. Об этом свидетельствуют подробные документы о работах и резолюции митрополита Платона, требовавшего особого внимания к «разноманерным» главам.

Согласно смете 1780 г. архитектора И.Я. Яковлева, обветшавшие покрытия соборных глав из белого луженого железа 1680-х годов было решено заменить черным железом и повторить их покраску «ярью-медянкой на масле»⁸⁸. В апреле 1782 г. митрополит Платон, руководивший ремонтом, прислал протопопу собора резолюцию: «...летом единственно приступить к поправлению девяти разноманерных глав, на них крестов и под ними шей, наблюдая: 1-е — чтоб от древности нимало не отступать, не толко в другом чем, но неже в красках, дабы не иная краска была положена, какая была, а где не было, там не класть; 2-е — делать сие под присмотром архитектора, которого от Коллегии требовать, а без него не приступать, ибо архитектура есть отменного вкуса...»⁸⁹. Эта резолюция, помимо высокой оценки митрополитом художественных достоинств необыкновенных верхов, говорит об обнаруженных на них следах «краски», «какая была» и которую следовало повторить.

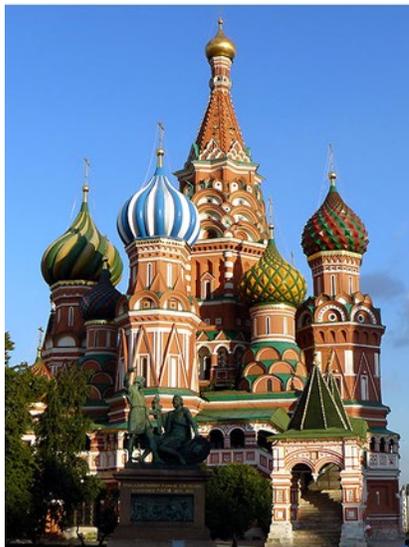
Документы сохранили редко встречающиеся сведения о приглашении для осмотра глав кузнецов-крестовщиков, покупке для них специальных лестниц, а также об участии в работах «архитекторских помощников»⁹⁰. В начале 1783 г. митрополиту Платону

прислали рапорт о завершении железных работ по «разноманерным» главам и перечень намеченных на этот год работ. Среди них, согласно смете И.Я. Яковлева, в пункте 4 значилось: «Девять глав внутри и снаружи, также кровли с покрытыми карнизами выкрасить, а шеи под главами и всю церковь до фундамента росписать по-прежнему. И по архитектурной смете на крашение глав ярию медянкою положено 450 руб...». В ответ была получена резолюция Платона: «...по 4-му пункту церковь снаружи всю раскрасить по-прежнему, но главы как красить, доложить особо». На сетования в мае протопопа собора Ивана Герасимова Харламова, что «не имеется приказа... какой краской красить главы», Платон распорядился: «Красить главы по учиненным отметкам». Эти отметки, надо полагать, включали и дополняли обнаруженные под слоем медянки следы покраски «какая была», поврежденные временем и имевшие утраты.

Вид новых многоцветных глав впервые представлен на акварели Дж. Кваренги «Покровский собор и Спасская башня» (рис. 11). Она датируется 1797 г. — временем поднесения подарочного альбома императору Павлу I. Но вид собора

1

2

Рис. 12. Собор Покрова на Рву со стороны Красной площади. Конец XIX в. — 2000-е годы
1 — И.Ф. Барщевский. Покровский собор. Фотография. 1880-е годы; 2 — Покровский собор. Фотография. 2000-е годы

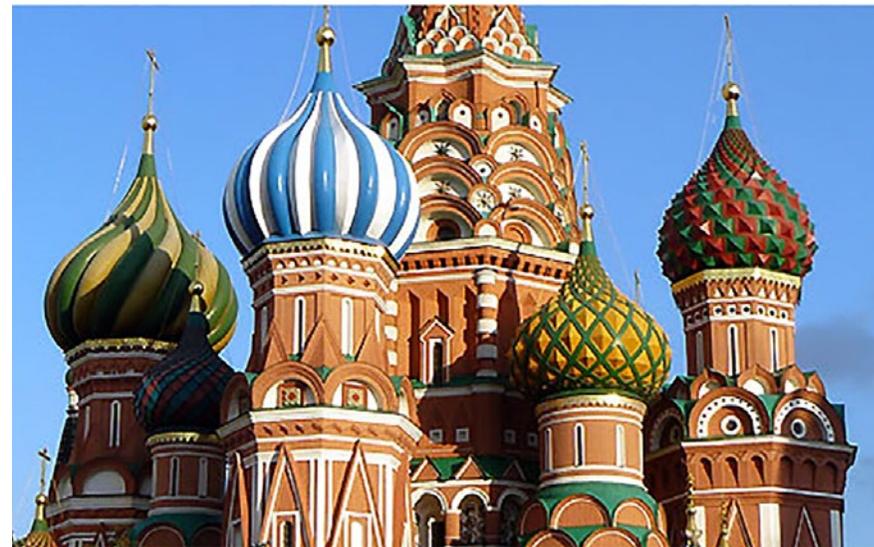

Рис. 13. Фигурные главы собора Покрова на Рву. Конец XIX в. — 2000-е годы

художник зарисовал летом 1784 г., когда вокруг него снесли старые торговые лавки, восстановленные по новому проекту уже в декабре⁹¹.

Общее цветовое решение глав, как можно судить по многочисленным иконографическим источникам, строилось на сочетании

двух из пяти цветов: зеленого, желтого, белого, голубого и красного (в одном из описаний XIX в. упомянут фиолетовый). В окраске главы церкви Василия Блаженного использовали три цвета: зеленый, белый и желтый. Возвращение митрополитом Платоном необыкновенной многоцветной окраски глав стало знаковым событием в истории Покровского собора и во многом определило его статус архитектурного символа России.

Приведенные документальные свидетельства о тщательном повторении в 1782 г. форм 1680-х годов «разными образами» подтверждает сравнение акварели Кваренги с изображениями собора Ф. Берхгольца и Фр. Гильфердинга. Заметим, что южную главу, повторившую форму 1739 г., и юго-западную главу (церкви «Варлаама Хутонского») 1681 г. мы впервые видим на круговой панораме Москвы О. Кадоля 1819—1825 гг.

Окрытия глав после 1782 г. неоднократно ремонтировали в первой половине XIX в. и полностью меняли не менее трех раз: в 1890—1900-е годы; в 1947—1948 гг. (главы больших столпов) и в 1954 г. (главы малых столпов); в 1967—1969 гг., когда кровельное железо заменили медью⁹². Как свидетельствуют письменные документы и иконография собора (включая дагерротип 1842 г.), во время ремонтов формы глав 1680-х / 1780-х годов тщательно сохраняли, за исключением южной главы (рис. 12, 13). Ее окрытие 1739 г. переделали в 1967—1969 гг., заменив выступающие ряды зигзагов вырезанными по их шаблону нижними зубцами листов, уложенных внахлест.

Наши соображения о наследовании существующими главами форм 1680-х годов, подтвержденные иконографическими источниками, дают основания для сравнения их с изображениями 1630-х годов. Это сопоставление (рис. 14) наглядно представляет изменения фигурных глав 1580 / 1600-х годов во время поновления собора в 1679—1681 гг. Рисунок окрытия главы над Троицким столпом из спиралей полувазов, поднимающихся к яблоку креста справа налево (рис. 14, А), не повторяет предшественницу, не имеет прототипа среди глав 1580-х / 1600-х годов. Оно было устроено заново. Эту главу, как наглядно видно на фотографиях (рис. 12), увеличили в размерах, видимо, отмечая и подчеркивая не только значение одного из двух главных престолов, но и расположение к тому времени в восточной части собора его главных святынь — мощей Василия и Иоанна Блаженных. Новую главу

Рис. 14. Сравнительный анализ фигурных глав Покровского собора
 А – глава восточной церкви Святой Живоначальной Троицы;
 Б – глава северо-восточной церкви Трех патриархов Константинопольских;
 В – глава юго-восточной церкви преподобного Александра Свирского;
 Г – глава северной церкви святых Киприана и Иустины;
 Д – глава южной церкви святого Николая Великорецкого;
 Е – глава юго-западной церкви преподобного Варлаама Хутынского;
 Ж – глава западной церкви Входа Господня в Иерусалим;
 З – глава северо-западной церкви святителя Григория Армянского;
 И – глава церкви святого Василия Блаженного

устроили над северо-восточным столпом (рис. 14, Б). Прежнюю «игольчатую» форму окрытия повторить не смогли, возможно, из-за значительных утрат, так как придел был поврежден в 1668 г. Ее «артишоковые» чешуйки упростили и опустили вниз. Юго-восточный столп, показанный на рисунке 1661 г. с гладкой главой, ныне венчает винтящаяся «готическая» розетка из остроконечных спиралей, закрученных слева направо (рис. 14, В). Прототипом для нее послужила розетка, изначально венчавшая восточный Троицкий столп, и, видимо, сохранявшаяся до переделки 1680-х годов. Северная глава (рис. 14, Г), судя по рисункам, повторила свою предшественницу. Какой в 1681 г. стала южная глава, сгоревшая в 1737 г., неизвестно; она могла повторить прежний ограненный

рисунок, как на офорте из альбома Г. Грамана. Однако известно, что ее повредил пожар 1668 г. Ее форма до переделки в 1960-е годы (рис. 14, Д) позволяет осторожно отметить отдаленное сходство с окрытием главы над шатром на опубликованном офорте Олеария. Вместе с тем, судя по рисунку Сторна, в 1661 г. она уже имела несколько иной вид.

Форма окрытий западных глав с трех- и четырехгранными «пирамидками» (рис. 14, Е–З) уверенно говорит о том, что они повторили прежние формы 1580-х / 1600-х годов. Косвенным подтверждением этого является фигурная глава над приделом Василия Блаженного, в которой мастера XVII в., не имея образца, не смогли достичь виртуозной сопряженности деталей, присущих главам 1580-х / 1600-х годов, и лишь механически повторили мотивы дуг и «пирамидок» (рис. 14, И).

Общая композиция новых фигурных глав в 1681 г. сложилась не сразу. Об этом свидетельствует любопытный документ с требованием Любишки Онтифьева дополнительной оплаты за то, что в 1681 г. главы на церквах Александра Свирского и «Варлаама Хутонского» он сделал «вдвое». Вероятно, после завершения работ упомянутые главы решили поменять местами, разобрав окрытия и собрав их на новых местах. Оплата за эту дополнительную работу последовала в 1684 г.⁹³ С большой долей вероятности можно говорить о том, что три главы (рис. 14, Г, Ж, З) занимают свои места с 1580-х / 1600-х годов.

Завершая анализ работ по главам собора, выполненных в 1680-е годы, вернемся к тексту второй части «Надписи на черепицах...». И.И. Кузнецов справедливо заметил, что она сообщает о них «в довольно неясных выражениях» и предложил три варианта «чтения». По нашему мнению, бесспорным выглядит «чтение», которое исследователь, расставив знаки препинания, характеризует как «грамматически вполне естественное и правильное»⁹⁴: «... по благословию святейшаго Иоакима Патриарха Московского и всея русии та церковь починена, и расписана колокольня и главы железныя, и покрыты дощатым железом разными образами и полужены, церкви и паперти покрыты черепицею». В этом тексте перечислены: починка церкви [собора], расписание колокольни и железных глав, которые были покрыты дощатым железом «разными образами и полужены», а паперти собора и вновь пристроенные церкви — черепицей. И.И. Кузнецов отверг

этот вариант «чтения», рассуждая, что «...если главы были расписаны, то для чего было их делать из дощатого железа и лужеными», и приведя в доказательство одноцветную покраску условных глав на миниатюре в «Книге об избрании на царство...»⁹⁵. Подтверждением верности отвергнутой гипотезы является наказ митрополита Платона 1782 г., который продолжил традицию, упомянутую Павлом Алеппским: «...от древности... не отступать... в красках, дабы не иная краска была положена, какая была».

Сопоставление иконографических и текстовых источников позволяет сделать вывод о том, что уникальные фигурные главы, устроенные после 1585 г., просуществовали до пожара 1595 г. и были восстановлены к 1602 г. Судя по картографическим материалам, они пережили Смуту, во время пожара 1626 г. получили повреждения и были починены в 1627—1629 гг. Формы глав 1600-х годов, видимо, близкие к первоначальной редакции 1580-х годов или ее повторившие, представлены на офортах А. Олеария и рисунке И.-Р. Сторна, где юго-восточная глава показана гладкой. Во время поновления собора на рубеже 1670—1680-х годов, последовавшего за чередой пожаров 1668 и 1672 гг., над столпами устроили новые главы «разными образами» и гладкую золоченую главу над шатром. Из восьми новых фигурных окрытий четыре (три западных и северная) главы повторили формы 1580-х / 1600-х годов. Пятая, юго-восточная глава воспроизвела в уменьшенном размере винтящуюся розетку восточного столпа. Восточную и северо-восточную главы устроили заново. Форму южной главы 1681 г. установить не удалось; самые ранние из известных изображений фиксируют ее вид после ремонта 1739 г. Новый ансамбль завершений Покровского собора дополнили фигурной главой над церковью Василия Блаженного, поставленной в 1683—1684 гг. Анализ «Надписи на черепицах...» 1683 г., письменных документов 1782—1783 гг. и акварели Дж. Кваренги позволяет уверенно говорить о том, что фигурные главы при поновлении собора на рубеже 1670—1680-х годов получили многоцветную окраску. Эти главы «разными образами» (за исключением сгоревшей в 1737 г. южной), окрашенные ярью-медянккой в 1739 г., сохранялись до 1782 г., когда их окрытие «жестью с опайкой» заменили черным железом, тщательно повторив формы 1680-х годов и форму восстановленной в 1739 г. южной главы. В 1783 г. их окрасили «по учиненным отметкам» на основании следов многоцветной покраски, сохранившихся под слоем

яри-медянки. В этой редакции окрытия фигурных глав сохраняются до настоящего времени, за исключением южной главы, рисунок которой изменили в 1967—1969 гг.

Проанализированные источники не содержат данных о датировке фигурных глав и лишь свидетельствуют о том, что первые главы «розными обрасцы» были устроены между 1586 и 1595 гг. Однако их уникальная форма, запечатленная на офорте из альбома Г. Грамана, не имеющая аналогий в отечественной и мировой архитектуре, позволяет высказать ряд соображений для уточнения времени их сооружения. Изошренная форма глав, демонстративно и назидательно увенчавших величественный собор, возносившийся над панорамами Московского Кремля и Китай-города⁹⁶, безусловно, указывает на исключительность события, которое стало причиной внезапной замены новых «spitzen» 1585 г. главами «розными обрасцы». В указанные годы это могло быть только учреждение патриаршества — важнейшее церковно-политическое событие в истории Русской Церкви и Московского государства XVI в. С подготовкой к нему К.Ю. Ерусалимский связал прославление Василия Блаженного 2 августа 1588 г., отмеченное строительством храма в почитание нового угодника и строительством раки⁹⁷. Канонизация местночтимого святого, воплощавшая одно из основных прав автокефальной митрополии, стала одним из центральных сюжетов замысла московских властей. Составленные ко дню прославления тексты Жития вкратце и первого Похвального слова Василию Блаженному⁹⁸, служили прославлению и церковному поминанию нового святого, которого Господь даровал в «доказательство избранности и превосходства русского православия»⁹⁹. К этим событиям, на наш взгляд, было приурочено и благоукрашение Покровского собора необыкновенными главами, которое, без сомнения, было наделено московскими властями чертами манифестации, исполненной глубокого религиозного и политического замысла¹⁰⁰. В Житии вкратце сказано, что Василий Блаженный «...восия на земли яко солнце, пресветлыми чудесы просвещая весь мир...», а царь Феодор «...оусердно истинным желанием радуясь и веселясь созда церковь и изрядно оукраши благолепием, яко солнечных луч блещущихся над гробом ж святого иде же

лежат мощи его пресветлоцелительныя»¹⁰¹. Эти слова об изрядном благолепном украшении, на наш взгляд, трудно не соотносить с описаниями глав Покровского собора, крытых «светлыми блестящими камнями» и «листовой медью и притом так искусно и разнообразно, что только дивишься».

Греческая миссия во главе с вселенским константинопольским патриархом Иеремией II прибыла в Москву 13 июля¹⁰². Пришествие Иеремии фактически накануне торжеств 2 августа московские власти восприняли «Божиим промыслом по велицей и неизреченней милости божий, и пречистей богородицы всего христианства заступницы, и великих чудотворцов молитвами», о чем запишут в грамоте в феврале 1592 г.¹⁰³ Однако неизвестно, стали ли свидетелями канонизации Василия Блаженного участники миссии константинопольского патриарха. Сведения об этом не зафиксировали ни документы Посольского приказа, ни мемуары Арсения Элассонского, ни рукописи XVII в., в основе которых лежали протографы о патриаршем поставлении. Но самый строгий надзор за греками на Рязанском подворье¹⁰⁴ не мешал им слышать, как «...дни и ночи напролет звонили соборные колокола, возвещавшие о чудесах по молитвам Василия Блаженного»¹⁰⁵.

Начало подготовки к устройению патриаршества было положено обещанием антиохийского патриарха Иоакима в 1586 г. посоветоваться о патриаршем поставлении со всеми вселенскими патриархами¹⁰⁶. По словам Н.В. Сеницыной, московские власти, готовясь к учреждению патриаршества, «...должны были продемонстрировать представителям вселенского патриарха зрелость и авторитет Русской церкви, ее верность традициям православия, ее святость, иконопочитание, чудотворения»¹⁰⁷.

Следует отметить, что источники, связанные с учреждением патриаршества¹⁰⁸, не содержат упоминаний о Покровском соборе на Рву и его фигурных главах. Однако, судя по описаниям торжественных церемоний, собору в них было отведено важное место — он встречал торжественные въезды на ослати константинопольского патриарха Иеремии II в Кремль. Под его стенами происходило первое явление новопоставленного патриарха городу и миру во главе величественного шествия на ослати вокруг Кремля 26 января. С «приготовленной» у собора «скамеицы» перед иконой Спаса на Фроловских воротах Иов читал молитву о граде, благоугодии земли, укреплении царя, даровании ему мирного

царства и покорении «вся языки иже бранем хотящаа»¹⁰⁹. Второе шествие Иова со всем «освященным собором» 28 января также начиналось и завершилось под стенами собора. Накануне Иеремия II, символически наделяя Иова харизмой вселенского патриарха, прислал ему своего осыля со словами: «...Господине мои Иев патриарх моля создателю и пречистой Богородице со оружием Христа Бога нашего, сииреч со крестом и святою водою, сед на сие осля и ехал около града болшого нового каменного царя Града и прообразовал Христа истинного Бога нашего...»¹¹⁰. Эти подробности церемониалов также косвенно указывают на то, что благоуукрашению собора, где находилась главная святыня — «пресветлоцелительные» мощи нового угодника, московские власти придавали особое значение.

Успех презентации московскими властями духовного и политического авторитета Московского царства, явленного в дни поставления патриарха, выражены словами вселенского патриарха Иеремии в Уложенной грамоте: «...твое же, о, благочестивый царю, Великое Росийское царствие, Третьей Рим, благочестием всех превзыде». Формула «Великое Росийское царствие, Третьей Рим» стала, по мнению Н.В. Сеницыной, результатом эволюции идеи псковского старца Филофея 1523 г.¹¹¹ Сомнение в этой прямой взаимосвязи неоднократно высказывал А.В. Усачев¹¹². К.Ю. Ерусалимский, убедительно опровергая рецепцию идеи Филофея в концепцию Третьего Рима 1580-х годов, отказал посланиям псковского старца в статусе учения и связал их с конкретной ситуацией при дворе Василия III¹¹³.

Можно предположить, что формула Уложенной грамоты 1589 г. «Великое Росийское царствие, Третьей Рим, благочестием всех превзыде», вложенная в уста патриарха Иеремией II, разрабатывалась в узком кругу и окончательно сложилась к маю 1589 г., когда ее включили в текст документа. Возможно, эта неукорененность сказалась на судьбе идеи, которую вспомнили почти через сто лет и вновь забыли. Но в 1586—1587 гг., надо полагать, она отражала замысел и цель московских властей, с какими они приступали к подготовке учреждения патриаршества. В январе 1589 г. статус «Великое Росийское царствие, Третьей Рим» был явлен впечатляющими церемониями патриаршего поставления и артефактами, представляющими величие и благочестие царственного города.

С идеей старца Филофея «Москва — Третий Рим» А.Л. Баталов связывает грандиозный программный цикл росписей Грановитой палаты и Святых сеней¹¹⁴. Его создание ученый, как и И.Е. Забелин, относит к концу 1580-х годов. «В Грановитой палате», — пишет А.Л. Баталов, — роспись приобретает лаконичность официального документа, излагающего уже устоявшуюся концепцию происхождения, преемственности ее окончательного оформления в государственную доктрину»¹¹⁵. Сложная иконография стенописей, известная по описи, составленной Симоном Ушаковым и Клементьевым в 1672 г.¹¹⁶, также была результатом трудов московских книжников и интеллектуалов 1580-х годов. На стенах палаты были представлены сюжеты с разделением Вселенной римским императором Августом между братьями и наделением сродника Пруса землями на Висле и Немане; венчанием на царство Владимира Мономаха митрополитом Неофитом по благословению Константина Мономаха, разделением св. Владимиром городов между сыновьями и др. Тема преемственности власти от Рюрика к царю Федору Иоанновичу была развернута в княжеском цикле. Там же над тронном государя была помещена подпись: «В Руси самодержавное царское жезлоправление начася от Рюрика, вже приде из Варяг со двема братома своима и с роды, иже бе от племени Прусова. Прус же брат от племени бысть единоначалствующаго на земли Римскаго Кесаря Августа...». На сводах располагались композиции сотворения мира и Божественного покровительства государю, являвшемуся главным защитником древней христианской веры. История Иосифа Прекрасного воплощала идеал чистоты, целомудрия; притча о праведном и неправедном судии была посвящена теме нравственного образа царя.

Органичной частью этой концепции государственной власти стали настенные росписи парадной палаты царицы Ирины, посвященные «различным образцам благочестия» православных властодержательниц и раскрывающие «идеальный образ православной царицы»¹¹⁷. А.Л. Баталов связывает их иконографию с «...переосмыслением статуса государыни в иерархии государственной власти». Стенописи были исполнены одновременно с росписями Грановитой палаты. В этой обновленной «передней избе» царица Ирина принимала патриархов Иеремию и Иова¹¹⁸. С приданием «царственного достоинства» государыне и желанием укрепить позиции царицы Ирины после попытки в 1586 г. развести ее

с царем¹¹⁹ А.Л. Баталов связывает строительство в 1588 г. Вознесенского собора — новой усыпальницы великих княгинь и цариц. В его облике были подчеркнута повторены архитектурные формы царского некрополя — Архангельского собора¹²⁰.

Среди грандиозных мероприятий московских властей 1580-х годов следует отметить строительство новых каменных городских стен, вдоль которых 28 января 1589 г. шествовал на осляти константинопольского патриарха Иеремии новопоставленный патриарх Московский Иов. В Житии Федора Иоанновича возведенные стены «...величества ради и красоты проименова... Царьград»¹²¹. Б.А. Успенский отмечал: «Москва получает патриарха как Царствующий Град... характерно в том смысле, что, начиная с Бориса Годунова, Москва называется Царьградом»¹²².

Если наши предположения о связи иконографии росписей Грановитой и царицыной палат с учреждением патриаршества верны, то они свидетельствуют о беспрецедентном масштабе духовных и философских ресурсов, воплощенных в том числе в архитектурных и художественных формах, привлеченных для подготовки и проведения торжеств в январе 1589 г. Он демонстрирует значение, придававшееся московскими властями установлению патриаршества. Идейные основы прославления нового угодника с демонстрацией избранности и превосходства русского православия определили и облик Покровского собора, который, получив необыкновенные главы, стал воплощением представлений о Третьем Риме.

Безусловно, подготовка важнейшего церковно-политического события, помимо государственных мероприятий, была поддержана актами личного благочестия близких к трону людей, осведомленных о планах учреждения патриаршества уже в 1586 г. Об этом красноречиво свидетельствует присутствие бояр Дмитрия и Бориса Годуновых среди ктиторов строительства новых церквей, перечисленных в статье Пискаревского летописца; «Прописано в сем летописце 93 и 4». Можно предположить, что этот «список храмов 1586 г.» был связан именно с устройением патриаршества. Замысел их строительства, растянувшегося во времени, сходен с замыслом устройства драгоценных раков великим светильникам, претворявшемся в последующие годы.

Попытку уточнения атрибуции списка 1586 г. предпринял П.А. Раппопорт, предполагавший, что сооружения указаны со-

здателем Пискаревского летописца в хронологическом порядке¹²³. Необходимо отметить, что повеление Федора Иоанновича об устройении драгоценных раков — благоуукрашение уже созданных и сооружение новых, — являясь актом благочестия и прославления духовных богатств «Великого Российского царствия», также могло входить в программу подготовки учреждения патриаршества. Эта гипотеза об устройении раков не противоречит, а дополняет сложившееся представление об этом повелении как о молении о «разрешении уз чадородия», которое стало таким актуальным в 1586 г.

Вопрос о круге памятников, связанных с учреждением патриаршества, до сих пор не стал предметом исследований историков архитектуры и древнерусского искусства. Его постановка выявит влияние церковно-политических идей этого крупнейшего события на архитектурно-художественную практику 1580—1600-х годов и послужит уточнению датировок памятников архитектуры, произведений иконописи, монументального и декоративно-прикладного искусства, рукописей и т. п.

Учреждение патриаршества, по нашему мнению, является ответом на вопрос А.Л. Баталова «...почему через четверть века появляется замысел создания подобных, не имеющих каких-либо аналогов луковичных глав, соответствующих особенностям архитектуры собора, — намеренной изошренности его декора и конструкций»¹²⁴.

Необыкновенные блестящие главы, венчавшие архитектурную доминанту Покровского собора при въезде в Кремль, визуально воплощали слова государя Федора Иоанновича, адресованные патриарху Иеремии в грамоте 1592 г.: «...в нашем великом Российском государстве, в царствующем граде Москве... Христовою благодатию святая наша Хрестьянская греческая вера яко солнце под небесем сияет, благочестивыя луча во всю вселенную испускает, и неверующих душа просвещает, и от тьмы на свет обращает...»¹²⁵.

Это символическое значение фигурных завершений (рис. 15) тонко уловил и выразительно описал архитектор Ф.Ф. Горностаев, реконструируя облик Покровского собора: «Восстанавливая мысленно первичный вид Покровского собора, не имевшего ни раскраски, и ни крытой галереи и крылец, восстанавливая полностью то основание, с которого открыто возвышались столпы престолов,

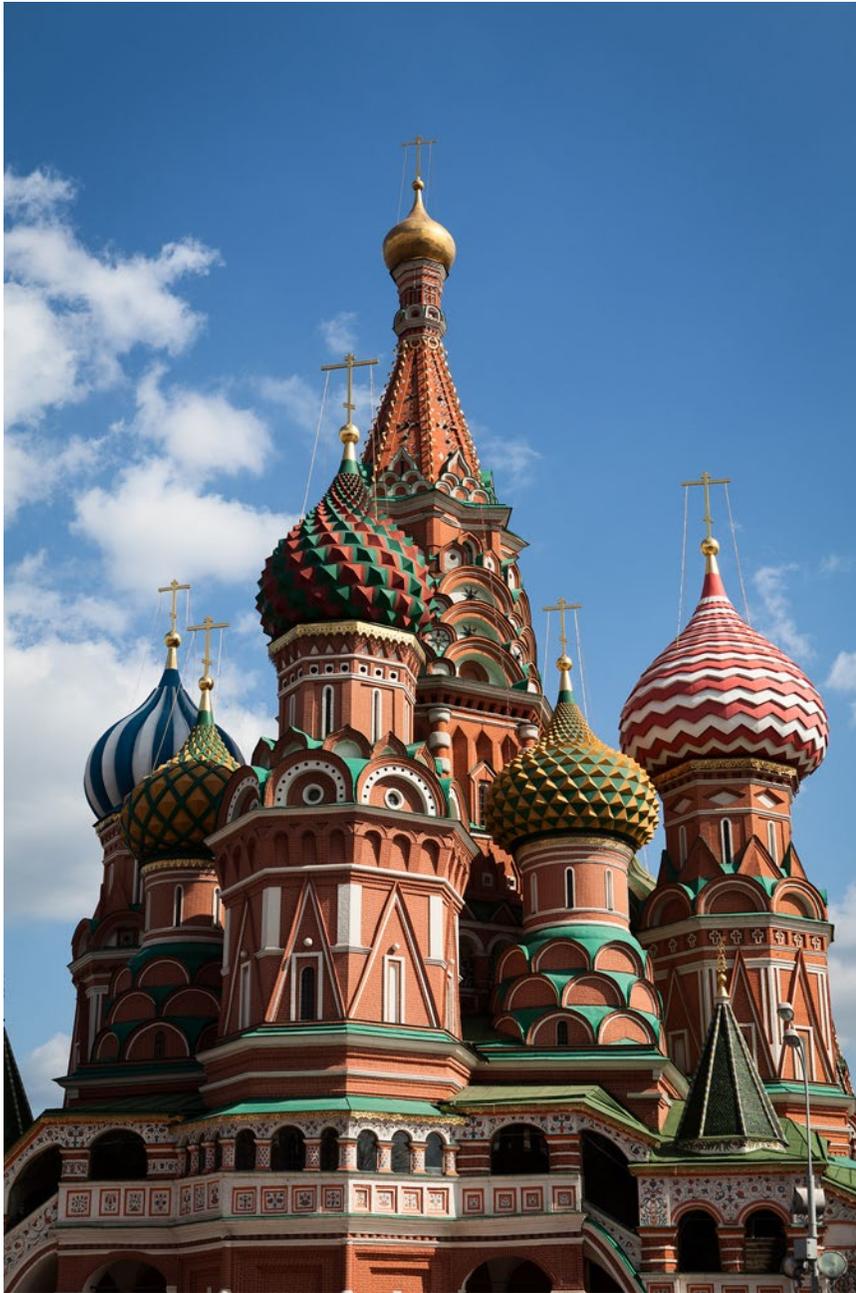

Рис. 15. Главы Покровского собора. Современный вид

соединенные в своеобразную группу, лучезарно блестящую своими куполами, мы восстановим тот идеал небесной славы и торжества, которым „царственная Москва“ как бы создала апофеоз своего искусства»¹²⁶.

- ¹ Москва, или Исторический путеводитель по знаменитой столице Государства Российского. М., 1827—1831. С. 285; *Белянкин Л.Е.* Исторические записки и сведения о Покровском и св. Василия Блаженного соборе, в столичном граде Москве, основанные на верных фактах и почерпнутые из достоверных источников. М., 1867. С. 4, 66; Памятники древнего русского зодчества, снятые на месте и изданные при Московском дворцовом училище директором оного, профессором архитектуры С. Петербургской Императорской Академии Художеств Федором Рихтером. М., 1851. Тетр. II. С. 1; *Павлинов А.М.* История русской архитектуры. М., 1894. С. 145; *Кузнецов И.И.* Покровский (Св. Василия Блаженного) собор в Москве. Святые Василий и Иоанн, Христа ради Юродивые. Лобное место. М., 1900. С. 9; *Он же.* Покровский (Св. Василия Блаженного) собор в Москве. Очерк монументальной истории собора. М., 2022. Труды ГИМ. Вып. 218. С. 30, 31, 63, 85, 92, 93; *Горностаев Ф.Ф.* Столпообразные храмы // *Грабарь И.Э.* История русского искусства. СПб., [б. г.]. Т. 2. С. 46; *Безсонов С.В.* Из истории переделок и реставраций храма Василия Блаженного // *Архитектура СССР.* 1938. № 1. С. 82; *Снегирев В.Л.* Памятник архитектуры храм Василия Блаженного. М., 1953. С. 80.
- ² *Красовский М.Ф.* Очерк истории Московского периода древнерусского церковного зодчества. М., 1911. С. 166; *Снегирев И.М.* Памятники московской древности. М., 1842—1845. С. 343; *Ильин М.А., Максимов П.Н., Косточкин В.В.* Каменное зодчество эпохи расцвета Москвы. Шатровое зодчество XVI века // *История русского искусства.* М., 1955. Т. III. С. 448; *Брунов Н.И.* Храм Василия Блаженного. Покровский собор. М., 1988. С. 241, 242.
- ³ *Хавский П.В.* Московский Покровский собор, называемый церковью Василия Блаженного // *Сын Отечества.* 1839. Т. 12. С. 66—69.
- ⁴ *Горностаев Ф.Ф.* Столпообразные храмы..., [б. г.]. С. 46.
- ⁵ *Некрасов А.И.* Очерки декоративного искусства Древней Руси. М., 1924. С. 69.
- ⁶ *Соболев Н.Н.* Проект реконструкции памятника архитектуры — храма Василия Блаженного в Москве // *Архитектура СССР.* 1977. № 2. С. 48.
- ⁷ *Баталов А.Л., Успенская Л.С.* Собор Покрова на Рву. М., 2002. С. 39, 40.
- ⁸ *Баталов А.Л.* Собор Покрова на Рву. История и иконография архитектуры. М., 2016. С. 160.
- ⁹ *Хорошкевич А.Л.* Московский Троицкий собор в 1585 г. в записках Мартина Груневега (о Венцеслава) // *Покровский собор в истории и культуре России. Материалы научной конференции, посвященной 450-летию Покровского собора (12—14 октября 2011 г., Москва).* М., 2013. С. 78—82.
- ¹⁰ В своих рассуждениях староста Покровского собора основывался на тексте изразцовой надписи 1683 г. из «Книги записной достопамятных вещей»,

- который привел не полностью, а имя патриарха Иоакима просто исправил на «Иова патриарха» (*Белянкин Л.Е. Исторические записки...*, 1867. С. 3, 4, 60). О рукописи «Книга записная...» см.: *Баталов А.Л. Собор Покрова...*, 2016. С. 271; *Малышева Н.Н., Сарачева Т.Г.* «28 лет кропотливой, подчас очень трудной по разным архивам работы»: научное наследие И.И. Кузнецова // *Кузнецов И.И. Покровский (Св. Василия Блаженного)...*, 2022. С. 422, 423.
- ¹¹ Соловецкий летописец второй половины XVI в. (ОР ГИМ. № 184. Л. 1123). Цитата дана по: *Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 201.* Позднее В.И. Корецкий обнаружил новые списки летописца (ОР РНБ. Сол. 22 / 1481). Подробнее об этом см.: *Корецкий В.И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980. М., 1981. С. 223—243.*
- ¹² *Кузнецов И.И. Святые блаженные Василий и Иоанн, Христа ради [Юродивые], Московские чудотворцы (Историко-агиографическое исследование) // Записки Московского археологического института. М., 1910. Т. VIII. С. 366, 367.*
- ¹³ «Того же году [96, т. е. 1 сентября 1587—31 августа 1588 г.]. Прояви Бог угодника своего блаженного Василия и быша от гроба ево чюдеса великия, многа множества различными недуги исцели. Царь же Федор Иванович повеле сотворити над гробом его раку серебряну и позлатити и учредити камением з жемчюги и повеле сотворити над гробом его храм каменной. И устависи празднество Августа в 2 день» (Новый летописец // ПСРЛ. М., 1910. Т. 14. С. 38; Летопись о многих мятежах и о разорении Моск. государства от внутр. и внеш. неприятелей и от прочих тогдашних времен многих случаев, по преставлении царя Иоанна Васильевича, а паче о междугосударствовании по кончине царя Федора Иоанновича и о учиненном исправлении книг в царствование благоверного государя царя Алексея Михайловича в 7163 (1655) году. Собрано из древних тех времен описаний. СПб., 1771. С. 14).
- ¹⁴ *Флетчер. Дж. О государстве Русском. М., 2002. С. 131.* Флетчер не был очевидцем события, так как въехал в Москву 25 ноября 1588 г. и описал церемонию с чужих слов (*Рогожин Н.М. Введение // Проезжая по Московии. М., 1991. С. 7).*
- ¹⁵ *Кузнецов И.И. Святые блаженные...*, 1910. С. 369, 371.
- ¹⁶ *Кузнецов И.И. Покровский (Св. Василия Блаженного)...*, 1900. С. 30; В рукописи 1919 г. он указывает две даты сооружения храма: 1588 и 1589 гг. (*Кузнецов И.И. Покровский (Св. Василия Блаженного)...*, 2022. С. 30, 63, 67, 68, 85, 92, 93).
- ¹⁷ *Баталов А.Л. Придел Василия Блаженного собора Покрова на Рву и особенности почитания святого в конце XVI в. // Вестник ПСТГУ. Сер. V: Вопросы истории и теории христианского искусства. 2011. Вып. 1 (4). С. 121—132; Туминская О.А. Изображение Святых Василия Великого и Василия Блаженного в единой иконографической композиции // Вестник ПСТГУ. Сер. V: Вопросы истории и теории христианского искусства. 2017. Вып. 26. С. 57—75.*
- ¹⁸ *Баталов А.Л. Придел Василия...*, 2011. С. 126, 128.

- ¹⁹ Житие блаженного Василия (Моск. Синод. б-ка. Чуд. Собр. № 317, ныне ОР ГИМ. Чуд. собр. № 317. Л. 100). «...вся Служба блаженному Списков № 638 и однородные ей проникнуты этими усердными молениями» (*Кузнецов И.И. Святые блаженные...*, 1910. С. 58, 371).
- ²⁰ *Кузнецов И.И. О постройке московского Покровского (Василия Блаженного) собора: Новые летописные данные // ЧОИДР. 1896. Кн. I. С. 19, 20.* С.И. Хазанова считает, что Пискаревский летописец был составлен между 1611 и 1613 гг. (*Хазанова С.И. Пискаревский летописец: Происхождение, источники, авторство. М., 2014. С. 156).* Цитируемую вставку исследователь не комментирует; сведения о строительстве Покровского собора, по ее мнению, представляют особую вставку под 7093—7094 гг., т. е. 1584—1586 гг. от Рождества Христова (*Хазанова С.И. Пискаревский летописец...*, 2014. С. 22, 23, 101—103). К.Ю. Ерусалимский отмечает, что сведения основываются «...предположительно, на частных летописных заметках второй половины XVI в.» (*Ерусалимский К.Ю. И.И. Кузнецов о Житии Василия Блаженного: проблемы текстологии и сохранности списков // Актуальные проблемы изучения и сохранения памятников архитектуры: Чтения памяти И.И. Кузнецова. Материалы научной конференции. Москва, 12—13 ноября 2019 г. М., 2020. Вып. 1. С. 54).*
- ²¹ *Белянкин Л.Е. Исторические записки...*, 1867. С. 44.
- ²² *Кузнецов И.И. Покровский (Св. Василия Блаженного)...*, 2022. С. 72, 73; *Баталов А.Л. Собор Покрова...*, 2016. С. 270—272.
- ²³ В смете архитектора И.Я. Яковлева 1780 г. отмечено: «...надпись из гончарных луженых плиток во многих местах опала и по неимению многих штук оставшая плитки за ветхостию» было приказано собрать, «...написав надпись красной меди на доске... и поставить к чтению в пристойном месте» (ГИМ. Архив отдела «Покровский собор». П-1 / 41. Л. 37 об., 38).
- ²⁴ *Максимович Л.М. Путеводитель к древностям и достопамяностям московским, руководствующий любопытствующаго по четырем частям сея столицы к дее-место-описательному познанию всех заслуживающих примечание мест и сданий, как-то: соборов, монастырей, церквей, государственных и частных заведений как старых, так и новых, с надписей и других достоверных источников собранный, и для удобнейшаго оных приисквания азбучною росписью умноженный. М., 1792. Ч. II. С. 11.*
- ²⁵ Имя патриарха не упомянуто.
- ²⁶ Частично опубликован: *Белянкин Л.Е. Исторические записки...*, 1867. С. 59, 60.
- ²⁷ *Троскина Н.Д. Собор Покрова Богородицы на Рву: ремонты и поновления 1670—1680-х годов // Архитектурное наследие. Вып. 70. СПб., 2019. С. 48, 49.*
- ²⁸ «А при сыне Его Благоверном Государе Царе и Великом Князи Федоре Иоанновиче всея Великия и Малыя и Белья России Самодержца и по благословению святейшаго Иоакима патриарха московского и всея России та церковь починена и росписана колоколна и главы железные и покрыты дощатым железом разными обрацами и полужены церкви

- и паперти покрыты черепицею» (*Белянкин Л.Е. Исторические записки...*, 1867. С. 60).
- 29 *Троскина Н.Д. Собор Покрова...*, 2019. С. 45.
- 30 *Кузнецов И.И. Покровский (Св. Василия Блаженного)...*, 2022. С. 93, 94.
- 31 *Троскина Н.Д. Собор Покрова...*, 2019. С. 55. Прим. 14.
- 32 *Белянкин Л.Е. Исторические записки...*, 1867. С. 4, 67.
- 33 *Баталов А.Л. Московское зодчество конца XVI в.: Проблемы художественного мышления эпохи. М., 1996. С. 33, 36, 56.*
- 34 *Баталов А.Л. Моление о чадородии и обетное строительство царя Федора Иоанновича // Архив архитектуры. 1994. Вып. V. С. 126. И.И. Кузнецов считал, что указание в Пискаревском летописце «Прописано в сем летописце 93 и 4» означает «...только, что известие о сделании рак взято № 611 из Летописца, начинавшегося с этих годов (по всей вероятности, это был Московский Летописец, составленный в 1593 г. при царе Федоре Иоанновиче)» (*Кузнецов И.И. Святые блаженные...*, 1910. С. 371).*
- 35 ОР ГИМ. Синодальное собрание. № 962. Л. 167: освящение восьмипрестольной церкви Покрова 30 сентября 1554 г.; л. 167 об.: о приходе к церкви митрополита Макария «со кресты» 1 октября; л. 168: пир государя с митрополитом Макарием по случаю праздника Покрова и освящения церкви; л. 181: поставление в июне 1555 г. списка чудотворной иконы Николы Вятского в новую деревянную церковь «у церкви Покрова на Рву»; л. 448: освящение 1 октября 1559 г. восьми церквей и приделов девяти-престольного собора Покрова «...в новом городе у Фроловского мосту».
- 56 *Баталов А.Л. Моление о чадородии...*, 1994. С. 126.
- 37 *Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. С. 44; Шмидт С.О. Первое упоминание об Оружейной палате и миниатюры царственной книги // Материалы и исследования. Государственные музеи Московского Кремля. М., 1976. Вып. II. С. 12, 19; Черный В.Д. Архитектурные сооружения Московского Кремля в Лицевом летописном своде XVI века // Материалы и исследования. Государственные музеи Московского Кремля. М., 1980. Вып. III. С. 19—28; Подобедава О.И. Миниатюры русских исторических рукописей: к истории русского лицевого летописания. М., 1965. С. 172.*
- 38 История изучения формы первоначальных глав подробно изложена А.Л. Баталовым, опубликовавшим графические реконструкции собора М.А. Ильина и Н.Н. Соболева (*Баталов А.Л. Собор Покрова...*, 2016. С. 160—164).
- 39 Постниковский летописец, Пискаревский летописец, Бельский летописец // ПСРЛ. М., 1978. Т. XXXIV. С. 191.
- 40 *Ерусалимский К.Ю. Крымское ханство, Речь Посполитая и Российское государство в 1524—1571 гг.: Посольская переписка из архива Великого княжества Литовского // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5. № 4. С. 866—920.*
- 41 Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. М., 2000. Т. XIII. С. 301, 302.
- 42 Постниковский летописец..., 1978. С. 191.
- 43 Мартин Груневег (отец Венцеслав): духовник Марины Мнишек. Записки о торговой поездке в Москву в 1584—1585 гг. М., 2013. С. 200.

- 44 Комментируя рисунок, А.Л. Хорошкевич пишет: «Странно представлен центральный шатер, он скорее напоминает пологий купол, на котором не маковка, но очень широкий крест». Полагаем, что вокруг шатра Груневег мог изобразить выносные строительные леса.
- 45 В 2000 г. А.Л. Хорошкевич перевела spitzen как «маковки» (*Хорошкевич А.Л. План Москвы и памятники московского церковного зодчества в Записках Мартина Груневега 1585 г. // Русское искусство Позднего Средневековья — XVI век. Тезисы международной конференции. СПб., 2000. С. 18. На научной конференции в ГИМ 13 октября 2011 г. Л.А. Беляев предложил еще один вариант перевода — «шатер» (*Хорошкевич А.Л. Московский Троицкий...*, 2013. С. 79, 80).*
- 46 Мартин Груневег..., 2013. С. 206.
- 47 *Баталов А.Л., Успенская Л.С. Собор Покрова...*, 2002. С. 39, 40.
- 48 Постниковский летописец..., 1978. С. 200.
- 49 В своем рассуждении И.И. Кузнецов исключал, что упоминаемый пожар мог относиться к 1571 г., так как собор и главы не могли оставаться без ремонта столь продолжительное время до 1580—1590-х годов (*Кузнецов И.И. Покровский (Св. Василия Блаженного)...*, 2022. С. 71, 73).
- 50 Постниковский летописец..., 1978. С. 197. Мазуринский летописец сообщает, что в 1595 г. «...выгорел Китай-город, не токмо дворы, но и в храмах каменных и в погребях все выгорело» (*Мазуринский летописец // ПСРЛ. Т. XXXI. М., 1968. С. 145*). К 1595 г. относится описание известного эпизода с «зажигалщиками московскими», которые решили поджечь Москву в разных местах, «...а самим у Троицы на Рву у Василия Блаженного грабить казну». Однако злой умысел не удался, всех участников «...переимаху и пыташа. Они в том все повинисяся. Князь Василья и Петра Байкова с сыном на Москве казнили, на Пожаре и главы их отсекоша; а иных перевесиша, а достальных по тюрьмам розослаша» (*Новый летописец...*, 1910. С. 46, 47; *Летопись о многих мятежах...*, 1788. С. 38, 39).
- О крупном пожаре в Китай-городе 1599 г. сообщает Бельский летописец: «О пожаре на Москве. В лета 7107-го на весну бысть на Москве пожар велик зело, в Китае-городе выгореша все дворы и лавки во всех рядах без остатку и на городе кровли. И не избыть в Китае ничто от того пожару ни един дом, ни церковь, ни лавка, только осталась у Варварских ворот одна тюрьма бражная» (*Постниковский летописец...*, 1978. С. 239). Однако тот пожар произошел после кончины Федора Иоанновича.
- 51 Годунов план Москвы, который легенда связывает с упомянутым на листе Федором Борисовичем Годуновым, не имеет точной датировки. Она определяется видом отдельных архитектурных сооружений. Впервые опубликован на врезке карты Руси голландским картографом Герритсом Гесселем в 1613 г. с посвящением государю Михаилу Федоровичу.
- 52 Карта «Царствующий град Москва начальный город всех Московских государств» // *Blaeu. Atlas major sive cosmographia Blaviana accuratissime describitur. Vol. II. Geographiae Blaviana...* Amsterdam, 1662. Фрагмент с видом Покровского собора опубликован И.И. Кузнецовым (*Кузнецов И.И. Покровский (Св. Василия Блаженного)...*, 1900. Рис. 6).

- 53 План Кремленаград, составленный «под державой царя Бориса Федоровича» с посвящением государю Алексею Михайловичу // *Blaeu. Atlas major sive cosmographia Blaviana accuratissime describuntur. Vol. II. Geographiae Blavianaе... Amsterdam, 1662.*
- 54 Известие о путешествии в Россию и Москву герцога Ганса Младшего Датского // ЧОИДР. М., 1867. Кн. 4. Отд. 4. С. 11, 12; Иностранцы о древней Москве (Москва XV—XVII веков). М., 1991. С. 150.
- 55 *Масса И., Петрей П.* О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 160.
- 56 Постниковский летописец..., 1978. С. 267; Новый летописец..., 1910. С. 152; Летопись о многих мятежах..., 1788. С. 338.
- 57 *Кузнецов И.И.* Покровский (Св. Василия Блаженного)..., 2022. С. 86, 87.
- 58 *Olearius A.* Offt begehrte Beschreibung der newen Orientalischen Reise... Schlesswig, 1647; *Olearius A.* Vermehrte neue Beschreibung der Moskowitzische und Persische Reise: die holsteinische Gesandtschaft 1633—1639. Schleswig, 1656.
- 59 *Павлинов А.М.* История русской архитектуры. М., 1894. С. 147. Эту ошибку Павлинов отметил Ф.Ф. Горностаев: «Четырехгранники Олеария просто изображают низы столпов» (*Горностаев Ф.Ф.* Столпообразные храмы..., [б. г.]. С. 46).
- 60 Альбом записей и рисунков, принадлежавший доктору Гартману Граману, участнику голштинского посольства в Московии и Персию в 1633—1639 гг., описанного Адамом Олеарием. Коллекция А.С. Норова (ОР РГБ. Ф. 201. № 40. Л. 236 об.). Приношу огромную благодарность В.А. Киприну, обратившему мое внимание на этот офорт.
- 61 В предисловии к изданию 1656 г. Олеарий подробно описал работу с иллюстрациями // *Олеарий А.* Описание путешествия в Московии и через Московии и Персию и обратно. СПб., 1906. С. XXII, XXIV.
- 62 *Щапов Я.Н.* Альбом Гартмана Грамана (Рукопись из собрания А.С. Норова) // Записки отдела рукописей библиотеки им. В.И. Ленина. М., 1955. Вып. 17. С. 84—98.
- 63 Я.Н. Щапову также принадлежит важное наблюдение о работе с рисунками: «Сравнение этих рисунков с гравюрами в книге Олеария показывает, что и простые и сложные композиции, изображенные на этих гравюрах, составлялись художником в том или ином сочетании из рисунков отдельных людей, зданий и других зарисовок, сделанных вместе» (*Щапов Я.Н.* Альбом Гартмана..., 1955. С. 98). Подтверждением этого является ошибка в изображении Лобного места в первом издании А. Олеария, исправленная во втором. На наш взгляд, она же говорит об использовании Олеарием камеры обскуры, которую он демонстрировал в Москве в 1646 г.
- 64 Этот вывод исследователь сделал, основываясь на совпадении двух фигур собеседников, изображенных на площадке перед собором (*Щапов Я.Н.* Альбом Гартмана..., 1955. С. 97).
- 65 «Вместо стен Китай-города на заднем плане в гравюре альбома изображен пустырь с направляющимися к церкви фигурами людей» (*Щапов Я.Н.* Альбом Гартмана..., 1955. С. 97). Ученый делает свое заключение,

- ние, несмотря на то, что на опубликованных офортах в изданиях 1647 и 1656 гг. Олеарий изображает собор на фоне Кремлевской стены с колокольней Ивана Великого.
- 66 В 1654 году Павел Алеппский описал собор как «...единственный в мире по красоте постройки и по его архитектуре и разноцветной окраске его куполов» (Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидьяконом Павлом Алеппским. М., 2005. С. 384).
- 67 Альбом Мейерберга: Виды и бытовые картины России XVII века. Рисунки Дрезденского альбома, воспроизведенные с подлинника в натуральную величину, с приложением карты пути царского посольства 1661—62 гг. СПб., 1903.
- 68 *Успенский А.И.* Царские иконописцы и живописцы XVII в. // Записки Московского археологического института. М., 1913. Т. I. С. 71.
- 69 29 августа 1668 г. «...был пожар велик, Китай-город весь горел, дворы и ряды все погорели, и на церкви Покрова Богородицы главы все горели...» (Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб., 1853. Т. V. С. 134). Подробности ремонта остаются неизвестными. В документах сохранились сведения о передаче в 1669 г. в приделы Варлаама Хутынского, Входа Господня в Иерусалим и Трех патриархов Константинопольских церковной утвари и облачений (*Кузнецов И.И.* Покровский (Св. Василия Блаженного)..., 2022. С. 90, 91).
- 70 *Кузнецов И.И.* Покровский (Св. Василия Блаженного)..., 2022. С. 86, 90, 91.
- 71 20 апреля 1672 г. «...и гостиные дворы и рыбный ряд у Москворецких ворот и Троица на Рву, все погорело» (Постниковский летописец..., 1978. С. 289); «...загорелось у Николы столпа... И загорелся на Ильинской башне шатер и перекинула на Китай-город мало не весь: ряды выгорели все без остатку до самого Белова города и гостиные дворы и рыбный ряд у Москворецких ворот и Троица на Рву, все погорело» (Мазуринский летописец..., 1968. С. 172, 173).
- 72 *Кузнецов И.И.* Покровский (Св. Василия Блаженного)..., 2022. С. 191; *Тимофеева Н.Н.* История глав Покровского собора // Труды ГИМ. М., 1997. Вып. 98. С. 32, 33.
- 73 *Бобровницкая И.А.* Царь Михаил Федорович и Книга об избрании на царство // Книга о избрании на превысочайший престол Великого Российского царства великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича, всея Великия России самодержца. М., 2014. С. 8—10.
- 74 *Кузнецов И.И.* Покровский (Св. Василия Блаженного)..., 2022. С. 95, 96.
- 75 Материалы для истории, археологии и статистики московских церквей, собранные из книг и дел преждебывших патриарших приказов В.И. и Г.И. Холмогоровыми, при рук. И.Е. Забелина. М., 1884. Стб. 342; *Кузнецов И.И.* Покровский (Св. Василия Блаженного)..., 2022. С. 93—95.
- 76 Материалы для истории..., 1884. Стб. 342.
- 77 *Чернышев М.Б.* Клейма на железе в русском строительстве XVII—XIX вв. М., 2007. С. 61, 141, 145, 146. Табл. 2, 13, 14; 4, 1—3, 13, 14.

- 78 Берхина Т.Г. Богослужение и духовенство собора Покрова на Рву. Синодик священно- и церковнослужителей собора Покрова на Рву // Кузнецов И.И. Покровский (Св. Василия Блаженного)..., 2022. С. 439, 456.
- 79 РГИА. Ф. 796. Оп. 8. Д. 90. Л. 1—3.
- 80 Там же. Оп. 15. Д. 258. Л. 1, 1 об., 3, 3 об.
- 81 Во время пожара «...кровли на всех 20 церквах сгорели, а в придельных четырех церквах церковная утварь и ризницы все сгорело, а во оной соборной и в прочих придельных церквах святые мощи и иконы, утварь и ризница в целости» (Скворцов Н.А. Материалы по Москве и Московской епархии за XVIII век. М., 1914. Вып. 2. С. 561).
- 82 РГАДА. Ф. 390. Оп. 1. Д. 1280. Л. 9—16 об., 68—78 об.; Ф. 1239. Оп. 3. Д. 31792. Л. 9—14, 16—17; Материалы для истории..., 1884. Стб. 345—347.
- 83 РГАДА. Ф. 390. Оп. 1. Д. 1280. Л. 71.
- 84 «На дело вышеозначенной главы, на обяание стен, на стропила и на подставы железа связнаго в добавку к старому — двести четыре пуда... Железа полоснаго на решетины и на гвозди в добавку к старому — тридцать один пуд... Железа листового трехчетвернаго в добавку к старому — сто шездесят пуд» (РГАДА. Ф. 390. Оп. 1. Д. 1280. Л. 10 об., 71, 110, 110 об.).
- 85 РГАДА. Ф. 390. Оп. 1. Д. 1280. Л. 105, 112 об.; Кузнецов И.И. Покровский (Св. Василия Блаженного)..., 2022. С. 115.
- 86 Это мнение основывается на сведениях о практике послепожарных ремонтных работ конца 1730-х годов в Москве, когда кровли красили в красный цвет, а главы — в зеленый. Подробнее о покраске глав после пожара 1737 г. см.: Троскина Н.Д. Покровский собор на Рву и митрополит Платон // Реставрация и исследование памятников культуры. М.; СПб., 2012. Вып. 5. С. 86.
- 87 Архивные источники содержат подробные материалы о ремонтных работах в соборе: в 1766 г. «внутри церкви Покрова»; об установке и починке иконостасов в церквах Покрова и Входа Господня в Иерусалим в 1770-е годы; о замене в 1772—1773 гг. деревянных кровель, устроенных в 1739 г., металлическими; о ремонте придельных церквей в 1773—1776 гг. и «возобновлении» придела Василия Блаженного с устройством новой сени и т. д. Подробнее о выполненных работах см.: Покровский собор «что на Рву». Комплексные научные исследования. Историческая справка. Гл. 2: Троскина Н.Д. История строительства, перестроек и реставрации Покровского собора на Рву в XVI—XX вв. // Архив ЦНРПМ. № 36 / 812. М., 2003. Л. 56—72.
- 88 ГИМ. Архив отдела «Покровский собор». П-1 / 41. Ед. хр. 103. Л. 20—45.
- 89 Там же. П-1 / 46. Ед. хр. 164. Л. 88.
- 90 Кузнецов И.И. Покровский (Св. Василия Блаженного)..., 2022. С. 200, 201.
- 91 Троскина Н.Д. Покровский собор..., 2012. С. 87, 88. Подробнее см.: Покровский собор «что на Рву». Комплексные научные исследования. Историческая справка. Гл. 1: Троскина Н.Д. Эволюция планировки и застройки территории вокруг собора Покрова на Рву в XVI—XX вв. М., 2001 // Архив ЦНРПМ. № 36 / 810. Л. 42—45.

- 92 Подробнее см.: Покровский собор «что на Рву»..., 2003. Л. 95—190.
- 93 Кузнецов И.И. Покровский (Св. Василия Блаженного)..., 2022. С. 94, 95, 124.
- 94 Там же. С. 74.
- 95 В этом рассуждении И.И. Кузнецов, возможно, следовал мнению И.Э. Грабаря (Грабарь И.Э. История русского..., [б. г.]. С. 205).
- 96 Фроловская башня еще не имела высокого шатра.
- 97 Ерусалимский К.Ю. Василий Блаженный // ПЭ. М., 2004. Т. VII. С. 123—131.
- 98 Кузнецов И.И. Святые блаженные..., 1910. С. 225—228.
- 99 Ерусалимский К.Ю. Василий Блаженный..., 2004. С. 123—131.
- 100 Об особом значении места у въезда в Кремль в общей топографии Москвы писали авторы «Истории русского искусства» 1950-х годов. Л.И. Лифшиц наделяет собор сакральными характеристиками: «Здание, воздвигнутое Постником и Бармой, стало реальной иконой „Земли обетованной“, местом паломничества к ее главным святыням... Органической частью той колоссальной архитектурной иконы являлось и окружающее храм пространство города — „Второго Иерусалима“» (Лифшиц Л.И. История Русского искусства. Искусство X—XVII веков. М., 2007. Т. I. С. 250).
- 101 Житие вкратце (Кузнецов И.И. Святые блаженные..., 1910).
- 102 24 июня патриарх прибыл в Смоленск «безвестно», «в суде» (Посольская книга по связям России с Грецией, православными иерархами и монастырями. 1588—1594 гг. М., 1988. С. 11; Шпаков А.Я. Государство и церковь в их взаимных отношениях в Московском государстве от Флорентийской унии до учреждения патриаршества. К., 1904. Ч. 1: Княжение Василия Васильевича Темного. С. 77; Новиков Н.Е. Иеремия II // ПЭ. М., 2009. Т. XXI. С. 296—301). 13 июля патриарха встречали в Москве «под Дорогомилевой слободой у перевозу» (Посольская книга..., 1988. С. 24, 26; РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 3; ОР ГИМ. № 703 / 978. Л. 20, 21, 23 об., 24; Шпаков А.Я. Государство и церковь в их взаимных отношениях в Московском государстве от Флорентийской унии до учреждения патриаршества. Одесса, 1912. Ч. 2: Царствование Феодора Ивановича. Учреждение патриаршества в России. С. 24). Арсений Элассонский указывает дату 11 июля (Маштафаров А.В., Флоря Б.Н. Арсений Элассонский // ПЭ. М., 2001. Т. 3. С. 442—446).
- 103 ОР ГИМ. № 703 / 978. Л. 79 об. См. также: Шпаков А.Я. Государство..., 1912. С. 138.
- 104 Ныне ул. Мясницкая, д. 3—5.
- 105 Ерусалимский К.Ю. Василий Блаженный..., 2004. С. 123—131.
- 106 ОР ГИМ. № 703 / 978. Л. 79 об. См. также: Шпаков А.Я. Государство..., 1912. С. 133, 134, 138.
- 107 Синицына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV—XVI вв.). М., 1998. С. 21.
- 108 Николаевский П.Ф. Учреждение Патриаршества в России // Христианское чтение. 1879. Ч. 2. № 11—12; Оглоблин Н. Арсений, архиепископ Элассонский, и его «Описание путешествия в Московию» // Историческая

- библиотека. СПб., 1879. № 9. С. 45—97; *Дмитриевский А.А.* Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его из русской истории по рукописи трапезундского Сумелийского монастыря. К., 1899; *Шпаков А.Я.* Государство..., 1904; *Он же.* Государство..., 1912; ОР ГИМ. № 343. Л. 725; *Лебедева И.Н.* Поздние греческие хроники и их русские и восточные переводы // Палестинский сборник. Л., 1968. Выпуск 18 (81). С. 93, 94; *Арсений, архиепископ Елассонский.* Описание путешествия, предпринятого Иеремией Вторым, патриархом константинопольским, в Московию, и учреждения московского патриаршества // Богословские труды. М., 1968. Сб. 4. С. 248—276; *Фонкич Б.Л.* Из истории учреждения патриаршества в России: Соборные грамоты 1590 и 1593 гг. // Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974. С. 251—260; *Посольская книга...*, 1988; Уложенная грамота 1589 г. // *Богданов А.П.* Русские патриархи (1589—1700). М., 1999. Т. 1. С. 88—97; *Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел.* М., 1891. Т. 2. № 59; ОР ГИМ. Синодальное собрание. № 703 / 978; *Сборник исторический.* XVII в. // ОР РНБ. Ф. 717. Оп. 945. Д. 940.
- ¹⁰⁹ ОР РНБ. Ф. 717. Оп. 945. Д. 940. Л. 91 об. — 95 об. См. также: *Шпаков А.Я.* Государство..., 1912. С. 24, 25.
- ¹¹⁰ ОР РНБ. Ф. 717. Оп. 945. Д. 940. Л. 106, 108 об. См. также: *Шпаков А.Я.* Государство..., 1912. С. 33—35.
- ¹¹¹ *Синицына Н.В.* Третий Рим..., 1998; *Корневский А.В., Пилюгин А.Ю.* Officium stratoris и «шествование на осляти»: происхождение и семантика ритуалов // Cogito. Альманах истории идей. 2012. Вып. 5. С. 235—239.
- ¹¹² *Усачев А.С.* Третий Рим или Третий Киев? (Московское царство XVI в. в восприятии современников) // *Общественные науки и современность.* 2012. № 1. С. 69—87; *Он же.* Об истории бытования идеи «Третий Рим» в России XVI в. // *Вестник ПСТГУ.* Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2015. Вып. 3 (64). С. 9—17.
- ¹¹³ *Ерусалимский К.Ю.* Третий Рим: взлет и закат апокалиптического мифа // *Mare nostrum.* Вып. 2: Море истории. М., 2021. С. 119—167.
- ¹¹⁴ *Баталов А.Л.* Московское каменное..., 1996. С. 257.
- ¹¹⁵ Там же. С. 256.
- ¹¹⁶ ОР РНБ. Q.XIII.8; *Материалы...*, 1884. Стб. 1255—1271.
- ¹¹⁷ *Баталов А.Л.* Московское каменное..., 1996. С. 262.
- ¹¹⁸ *Дмитриевский А.А.* Архиепископ Елассонский..., 1899. С. 85; *Арсений, архиепископ Елассонский.* Описание путешествия..., 1968. С. 268—270.
- ¹¹⁹ Этот сюжет был выявлен и тонко прослежен И.И. Кузнецовым, который обратил внимание на строки первой Похвалы в тексте Полного Жития блаженного: «...радуйся двоице богоизбранная (т. е. царь Федор и царица Ирина), молитвами богоблаженного Василия имеете оу себе сокровище одушевленное, во время потребы яко источник запечатленен открывается народное прельщение злаго оумышления». Если это не обычное общее место, риторическое выражение, безотносительно помещенное Списателем из какого-нибудь источника в Житие блаженного, то объяснение темного и загадочного смысла этих слов не надо ли искать в ис-

- торических обстоятельствах того времени? Не намек ли здесь на события, имевшие место почти перед самым „проявлением“ блаженного Василия? В 1586 г. митрополит Московский и всея Руси Дионисий, боярин Иван Петрович Шуйский и „...прочие от больших бояр и от вельмож Царевы Палаты, гости Московские и все купецкие люди учинили совет и укрепились между собою рукописанием бить челом царю Федору, чтоб он принял второй брак ради царского чадородия, так как царица Ирина Фед. (сестра Бориса Годунова. — *Н.Т.*) многое время неплодна и потому отпустил бы царь ее во иноческий чин“ (*Забелин И.Е.* История города Москвы. М., 1902. Ч. I. С. 444). Узнав об этом, Б. Годунов уговорил митрополита Дионисия не начинать этого дела, а против Шуйского и его единомышленников возбудить дело по обвинению их в измене и заговоре против царя... Не эти ли события разумеет под словами „народное прельщение злаго оумышления“» (*Кузнецов И.И.* Святые блаженные..., 1910. С. 370).
- ¹²⁰ *Баталов А.Л.* Московское каменное..., 1996. С. 264, 265.
- ¹²¹ Повесть о честном житии царя и великого князя Феодора Ивановича всея Руси // ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 14. Ч. 1. С. 7.
- ¹²² *Успенский Б.А.* Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998. С. 509, 510.
- ¹²³ *Раппопорт П.А.* Зодчий Бориса Годунова // *Культура древней Руси.* М., 1966. С. 218, 219.
- ¹²⁴ *Баталов А.Л.* Собор Покрова..., 2016. С. 162.
- ¹²⁵ Грамота февраля 1592 г. // *Посольская книга...*, 1988. С. 108.
- ¹²⁶ *Горностаев Ф.Ф.* Столпообразные храмы..., [б. г.]. С. 55, 56.

Т.Д. Панова

Плита из Покровского собора и загадка царского некрополя в Кремле

История Архангельского собора в Кремле, его архитектура, иконы и фрески представлены в значительном числе публикаций, как в каталогах, так и в сборниках научных статей. Меньше повезло некрополю этого храма-усыпальницы. Обобщающего труда по истории его формирования и оформления до настоящего времени нет. Лишь отдельные погребения нашли отражение в ряде статей. Но круг источников об этой усыпальнице периодически пополняется, и не только данными письменных памятников, но и материальными свидетельствами его прошлого. Сегодня есть возможность обратиться к более подробному изучению одного из захоронений Архангельского собора периода позднего Средневековья.

Речь идет о могиле старшего сына царя Ивана IV Васильевича царевича Дмитрия. Он был рожден в первом браке царя, но прожил на свете менее года и трагически погиб в 1553 г. О погребении старшего Дмитрия мы знаем немного, как, впрочем, и о его жизни. Известно, что в октябре 1552 г. царица Анастасия Романовна родила Ивану Грозному первого сына — Дмитрия. Царь Иван сообщение об этом событии получил в дороге из Казанского похода, под Владимиром: «...государь поехал на конех на Балахну к Володимерю. И тут ...приехал от его царицы Анастасии боярин Василей Юрьевич Траханиот и возвестил царю ...яже послал Бог у царицы его родися ему сын царевич Дмитрей»¹. Но прожил этот ребенок недолго, так как погиб в 1553 г.: «...месяца июня не стало царевича князя Дмитрия в объезде в Кирилловском, назад едучи к Москве; и положили его в Архаангеле в ногах у великого князя Василя Ивановича»².

Действительно, на северной стороне надгробия великого князя Василя установлена большая, красиво орнаментированная,

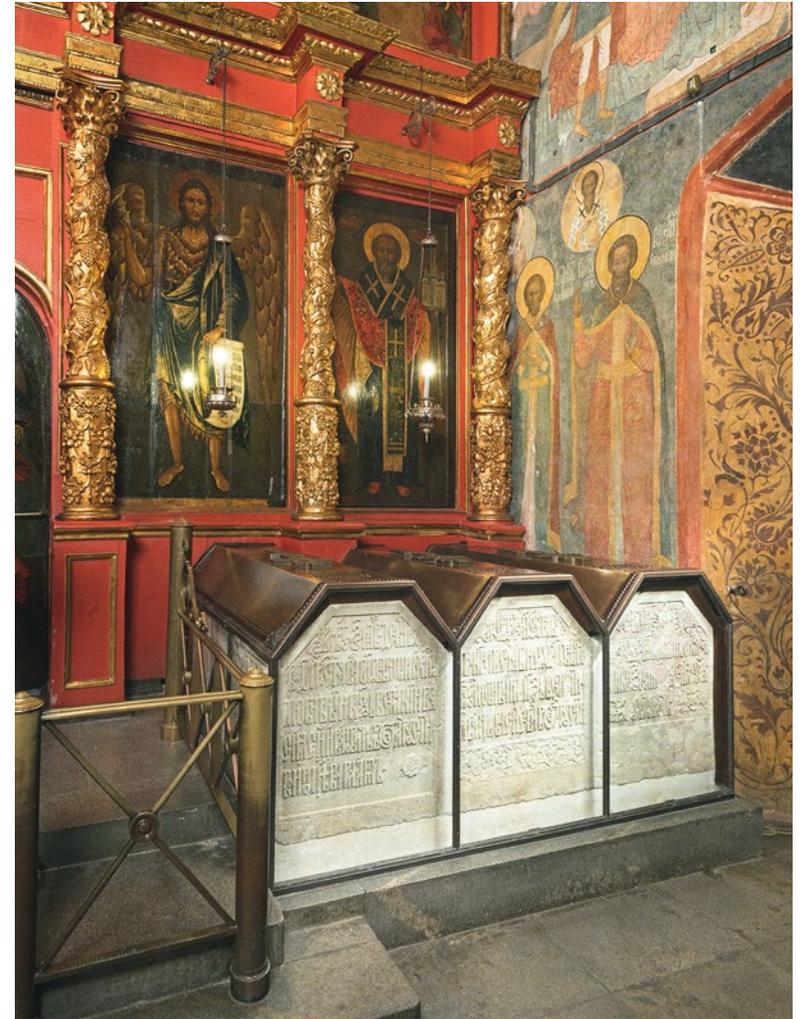

Рис. 1. Могилы великих князей Василя Темного, Ивана III и Василя III (справа налево) на солее Архангельского собора

памятная плита с надписью: «В том же гробе положен царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси сын, царевич Дмитрий, преставился в лето 7062 июня в 6 день»³.

Долгое время этими данными ограничивалась информация о захоронении старшего сына царя Ивана IV в Архангельском соборе Кремля (рис. 1, 2). И только в 2009 г. в ходе реставрации над-

Рис. 2. Памятная плита царевича Дмитрия Старшего на северной стенке надгробного памятника великого князя Василия III

гробных памятников на солее у южной двери храма ее удалось уточнить и дополнить.

После снятия металлических застекленных чехлов (установлены в 1906 г.) было частично разобрано надгробие (в западной его части) над могилой великого князя Василия III, деда царевича Дмитрия. Памятник оказался заполнен кладкой из крупных кирпичей размером $13,5 \times 8,5 \times 31,5$ см; такой кирпич использовался в постройках гоудуновского времени, в конце XVI — начале XVII в. На глубине около 1 м от верха памятной плиты царевича (установлена на северном торце надгробия Василия III) под этой кладкой был зафиксирован ряд более тонкого кирпича XVI в. ($11,0 \times 4,0 \times 22,5$ см) на известковом растворе. Сверху на этих кирпичах были хорошо видны следы воздействия огня — они сильно закопчены. Под этим рядом кирпичей обнажилась головная часть детского саркофага, содержавшего останки царевича Дмитрия⁴. Белокаменный гробик имеет антропоморфную форму с короткими (1,0—1,5 см) плечиками и закругленным оголовьем (рис. 3). Наибольшая его ширина (в плечах) — 30 см, высота в головной части — 30 см вместе с крышкой (ее толщина 8 см). Между гробиком и памятной плитой надгробия великого князя Василия расстояние составляет 38 см. Эпитафии на крышке саркофага Дмитрия нет.

Поиск аналогов гробу царевича показал, что он полностью по форме головной части совпадает с белокаменным саркофагом его сестры Евдокии, которая скончалась в 1558 г. (рис. 4). Несомненно, что оба саркофага изготовил один и тот же мастер-резчик⁵; годы смерти детей разделяют всего пять лет.

Интересные особенности выяснились при осмотре белокаменной памятной плиты царевича Дмитрия. На ее оборотной стороне размещается рисунок из врезных треугольников, характерный для намогильных плит первой половины — середины XVI в.; она ока-

Рис. 3. Головная часть белокаменного гроба царевича Дмитрия (1553 г.) под кирпичной кладкой. Фотография 2009 г.

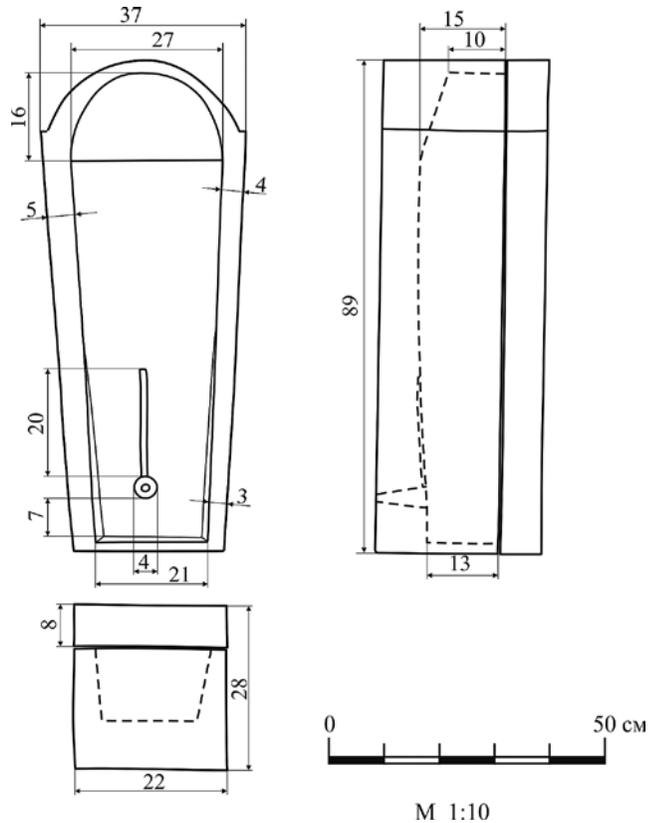

Рис. 4. Саркофаг царевны Евдокии, сестры царевича Дмитрия. 1558 г. Компьютерный рисунок Е.Ю. Бахаревой по материалам Т.Д. Пановой

залась использована вторично. Общая длина этой плиты 2,18 м, ее толщина достигает 16,0–16,5 см⁶. Памятная плита частично уходит под конструкцию иконостаса, для чего в ее восточной части сделана вырубка длиной 34,0 см и высотой 15,5 см.

На наружной стороне плиты в круглом картуше в центре в технике оброна выполнена памятная надпись, приведенная выше. По сторонам от надписи размещен резной рельефный орнамент восточного характера. Фон плиты выкрашен в два цвета — голубой (в картуше с надписью) и красноватый по сторонам от эпитафии; орнамент и надпись выделены белым цветом (рис. 2).

Полученные в ходе реставрационных работ на солее Архангельского собора сведения показывают, что саркофаг царевича

Рис. 5. Памятная плита царевича Дмитрия из собрания ГИМ. Песчаник, резьба

Дмитрия действительно был размещен в могиле великого князя Василия III, на его саркофаге, но не «в ногах»; он стоит на головной части гроба деда. Некоторое время этот детский саркофаг был обложен только рядом кладки из кирпича, и сильный пожар в Кремле, скорее всего, 21 июня 1560 г., оставил на ней свои следы. Архангельский собор серьезно пострадал в это бедствие, чем, видимо, и были вызваны ремонтные работы второй половины 1560-х годов.

Но на этом изучение погребения царевича Дмитрия Старшего не закончилось. Неожиданно выяснилось, что в фондах Государственного исторического музея (г. Москва) хранится еще одна каменная памятная плита, связанная с именем старшего сына царя Ивана Васильевича (НДмем-VII-122). Это почти прямоугольной формы плита (70 × 65 × 11,5 см), на ее внешней стороне в круглом картуше диаметром 54 см оброном выполнена надпись в пять строк (рис. 5), полностью повторяющая текст на стоящей в Архангельском соборе. Свободные углы плиты украшены резным растительным орнаментом восточного характера. Торцы плиты гладкие; в верхнем закреплены два толстых железных крюка, концы которых обрезаны (рис. 6). По своей форме и размерам плита типична для закладных памятников второй половины XVI–XVII в.,

Рис. 6. Железные крюки на верхнем торце плиты царевича Дмитрия

представленных в музейных собраниях Москвы⁷ и других городов. Но полных аналогий этой кремлевской плите в известных к настоящему времени материалах нет.

Плита выполнена из твердого камня — песчаника светло-желтого цвета. Как правило, для погребальных сооружений (плит, саркофагов) использовали исключительно более мягкий белый камень. Кстати, залежи песчаников есть в том же районе Мячково, где не одно столетие добывали для московского строительства известняк⁸. Не зафиксирован на известных в исторической литературе плитах данного типа и способ размещения текста в круглом картуше и такой способ крепления памятной плиты — в вертикальном положении на двух крюках. Закладные плиты вмуровывали в кладку стены храма, и поэтому чаще всего торцы плит обработаны плохо — их не было видно. На памятнике из собрания ГИМ нет следов раскраски, в связи с чем текст и орнамент видны плохо — они сливаются с фоном камня. Буквы надписи, а особенно орнамент, выступают незначительно. Видимо, выполнить высокий рельеф на таком твердом камне было сложно⁹.

Неизвестно, была ли использована хранящаяся в ГИМ плита — сведений об этом в письменных источниках нет. Если да, то очень короткое время. Мы можем предположить, что плита была закреплена на алтарной стене над могилой великого князя Василия III, около двери в дьяконник храма. Судя по следам огня на кирпичах, перекрывающих гробик мальчика, какое-то время надгробного памятника над этими двумя (деда и внука) захоронениями не было. Но затем, когда в Архангельском соборе могилы некро-

поля оформили однотипными, шестигранной формы в разрезе, надгробиями из кирпича, была выполнена большая белокаменная плита. Ее установили на северной стороне памятника над могилой великого князя Василия III, где она находится и сегодня (рис. 2).

Введение в научный оборот неизвестной ранее памятной плиты из Архангельского собора вносит новые данные в историю оформления могил царского некрополя в период правления Ивана IV Васильевича. Плита царевича Дмитрия Старшего из собрания ГИМ пополняет ряд памятных знаков периода позднего Средневековья, позволяющих расширить наши знания о погребальном обряде высшей знати России XVI столетия.

- ¹ Патриаршая летопись // ПСРЛ. М. 2000. Т. XIII. С. 222; Пискаревский летописец // Материалы по истории СССР. М., 1955. Вып. II. С. 72 (л. 564 об.).
- ² Патриаршая летопись..., 2000. С. 232.
- ³ Панова Т.Д. Некрополи Московского Кремля. М., 2003. С. 30. № 77.
- ⁴ Реставрация белокаменных погребальных сооружений — плиты саркофагов Василия II (А-774), две плиты саркофага Василия III (А-776), плиты саркофага Ивана III (А-775) // Отчет ГНИИР. М., 2010 (ОРПГФ МЗ МК. Ф. 20. Д. № 47. С. 11).
- ⁵ Панова Т.Д. Исследование захоронения. Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Материалы исследований. Т. 3: Погребения XVI — начала XVII века. М., 2018. Ч. 1. С. 215, 216.
- ⁶ Реставрация белокаменных..., 2010. Рис. 9, 10.
- ⁷ Левина Т.В. Белокаменное надгробие XV — начала XVIII века. Собрание музея-заповедника «Коломенское» // Русское средневековое надгробие. М., 2006. С. 98, 100, 101, 103—107.
- ⁸ Аверьянов М.Г. Верхнее и Нижнее Мячково. История сел и деревень Подмосковья XIV—XX вв. М., 1992. Вып. I. С. 113.
- ⁹ Приношу глубокую признательность сотрудникам ГИМ Ирине Анатольевне Суминой, Татьяне Григорьевне Сарачевой, Надежде Николаевне Малышевой и Марине Макаровне Шведовой, чья информация позволила увидеть и изучить неизвестный науке памятный знак с могилы царевича Дмитрия Старшего.

Н.В. Пак

Еще раз к вопросу об источниках Жития Александра Свирского: Житие Сергия Радонежского

Наиболее ранним агиографическим памятником, посвященным Александру Свирскому (†30 августа / 12 сентября 1533 г.) — основателю Троицкого монастыря на реке Свири, традиционно считается Житие, написанное по заказу митрополита Макария игуменом Иродионом в 1545 г. Первоначальная редакция Жития (Минейная) вошла в состав Успенского и Царского комплектов Великих Миней Четых под 30 августа и имела наибольшее распространение в рукописной традиции памятника¹. Вероятно, Житие было написано в преддверии прославления Александра, которое состоялось на Поместном соборе 1547 г.² Житие сохранилось в большом числе списков³ и было неоднократно использовано в качестве литературного образца и источника последующими агиографами, что говорит если не о значительном литературном мастерстве Иродиона⁴, то о соответствии его сочинения эстетическим представлениям времени⁵.

В отличие от большинства памятников славянской книжности, как правило, не содержащих сведений об авторах, в Минейной редакции называется имя агиографа в заглавии (в третьем лице) и в особой заключительной главе «О списавшемъ житие святого» (в первом лице), где перечисляются также некоторые факты его биографии, в частности, то, что он был принят в монастырь самим Александром и был им пострижен в монахи и произведен в священнический чин. Из главы «О преставлении преподобнаго Александра» известно также, что Иродион входил в число четырех кандидатов на должность игумена монастыря (вместе с Исайей, Никодимом и Леонтием), представленных Александром митрополиту Макарию. Этот факт отражен также в прощальной грамоте Александра, в которой он завещает монастырь попечению

митрополита Макария и поручает ему назначить игумена из четырех кандидатов⁶.

Принято считать, что Иродион не был непосредственным приемником Александра, поскольку в монастырских синодиках он упоминается после игуменов Исайи и Никодима⁷. И действительно, во вкладной записи Евангелия 1534 г. указывается, что игуменом в тот год в Александро-Свирской пустыни был Никодим, а Иродион, Исая и Леонтий поименованы после игумена как священники: «И положи сие Еуангелие Святеи Троице во Александрове пустыне. При игумене Никодиме. И при священницех, при священнице Родиони, и при Исае, и при Леонтеи, и при всеи братьи»⁸.

Имя Иродиона, как современника героев описанных событий, встречается в Житии Александра Свирского также в конце главы «О видении Богородицы»: «Сіе же чюдо ст҃ьи исповѣда| смиреннѣмъ мнѣ иродіѡн(ѡ).| акы ѿ иного лица глаше, а| не яко ѿ себе. того ради и| аѡнасіа себе преименова»⁹. В конце еще двух посмертных чудес читается подпись автора без имени: «и сия (ж) дивнаа и пресла|внаа ѿ оустъ еа слышахомъ| и написахо(м)» (чудо об исцеленной жене; *Син.* 997, л. 1164d), «азъ (ж) сіа слыша(х) ѿ оустъ его и| написа(х)» (чудо о некоем старце Саввати; *Син.* 997, л. 1166с).

Минейная редакция включает рассказы о посмертных чудесах, число которых в разных списках варьируется. Среди списков XVI в. выделяют группы с 11 чудесами, помещенными перед послесловием автора (Успенский список Великих Миней Четых), и с 13 чудесами, где два дополнительных чуда переписаны либо за послесловием автора (Царский список Великих Миней Четых), либо перед послесловием¹⁰. Исследователи считают первоначальным вариант с меньшим числом чудес и затрудняются установить авторство дополнительных двух, отмечая, что «[в] ...стилевом отношении два последних рассказа о чудесах ничем не выделяются, и в содержании рассказов нет таких деталей, которые бы дали основание для решения этого вопроса»¹¹.

Вероятно, вывод о первичности варианта с 11 посмертными чудесами был продиктован последовательностью появления комплектов Великих Миней Четых. Как известно, самым ранним по времени создания является Софийский комплект (до 1541 г.), куда Житие Александра Свирского не вошло; затем был переписан Успенский (до ноября 1552 г.) и самым последним — Царский. В частности, Л. Сиилин приводит следующее пояснение: «Поскольку

списки С-997 (Успенский список Великих Миней Четых. — *Н.П.*) и С-183 (Царский список Великих Миней Четых. — *Н.П.*) отличаются содержанием текста и более поздний из списков С-183 представляет собой расширенный вариант текста, ...не исключено, что С-997 вписан в состав ВМЧ в Москве на основе оригинала Иродиона, а список С-183 основывается на дополненном варианте текста, составленном, очевидно, после канонизации»¹². В поздних списках к Житию добавляются и другие чудеса, а также Видение и Похвальное слово (начало: «Память праведнику с похвалами бывает...»)¹³.

Все дополнительные статьи Минейной редакции, не читающиеся в Успенском списке Великих Миней Четых, анонимны, за исключением так называемого Видения игумену Иродиону («Сказания о явлении преподобного отца нашего Александра Свирского чудотворца и иже с ним во святых отца нашего Макария митрополита Московского и всеа Росии, како приидоша церковь святыхи святого Николы»), сохранившегося в нескольких списках XVII—XIX вв. и в синодальных изданиях Жития¹⁴. Автор Видения повествует от первого лица и называет себя Иродионом, игуменом Живоначальной Троицы, поэтому, несмотря на отсутствие ранних списков, принадлежность этой статьи авторству составителя Минейной редакции никогда не подвергалась сомнению¹⁵.

Архимандрит Макарий Веретенников связывает упоминание о травме правого глаза митрополита Макария («и око ему десное затворено бяше») с московским пожаром 1547 г. и считает эту деталь заслуживающей доверия¹⁶. Видение игумену Иродиону в таком случае следует датировать временем после 1547 г. И.Д. Соловьева отмечает сюжетную близость Видения к некоторым главам Минейной редакции и функциональный параллелизм рассказов о видениях: «Подобно тому, как закладке Троицкой и Покровской церковью предшествовали явления Святой Троицы и Богоматери, строительство Никольской церкви, согласно Сказанию (Видению игумена Иродиона. — *Н.П.*), также предварило чудесное явление основателя Свирского монастыря»¹⁷. Исследовательница предполагает, что Иродион был заказчиком и строителем Никольской церкви монастыря, возведение которой она, в свою очередь, относит к середине XVI в.¹⁸

Недавно А.Е. Соболева опубликовала третий памятник, посвященный Александру Свирскому и подписанный именем Иродиона. Это небольшой фрагмент Жития, включающий главу «Яв-

ление святого отца Александра старцу нѣкоему Фотѣю именемъ въ третьюю ночь по преставлении его» и четыре посмертных чуда¹⁹. Текст сохранился в единственном списке²⁰, написанном на бумаге третьей четверти XVI в.²¹ Первое из чудес заканчивается авторским свидетельством: «и е(ж) а(з) роди(н) слышахъ| ѿ ѿстъ самог(о) ивана дми(т)рееви(ч) то и на|писа(х)» (*Тр. 804*, л. 245).

Для истории текста Жития Александра Свирского новонайденный фрагмент представляет ценность прежде всего тем, что сообщает о событиях, не известных Минейной редакции. Явление начинается с предсмертной заповеди Александра не хоронить его до третьего дня. Исаяя, его духовный отец, не исполняет волю покойного игумена, несмотря на протесты братии. На третью ночь Александр является некоему иноку монастыря Фотию, упрекая его в нарушении заповеди. Между ними происходит следующий диалог, переданный от первого лица: «и азъ (ж) ѿбо смире(ны)|и оотѣе. е(д)ва возмог(о) ѿста своа| ѿве(р)сти и глѣи къ прп(д)бномуѿ, прѡ|сти ны ѿчѣ. я(к) не мы сътвори(м) сѣи| нѣ ѿ(ц) твои дѣ(о)в-ныи исаяа. ѿско|ри погresti тѣа. а мы пре(д) ни(м) вла(с)тѣ| ѿ се(м) не имамы. и по се(м) же прп(д)бно|му ѿцѣ глѣѣ ко мнѣ ѿ оотѣе рцы (ж)| моему ѿцѣ дѣ(о)в(н)ному исаяи. и въсемѿ ѿ х(с)ѣ бра(т)ствѿ я(к) гла ва(м) грѣ(ш)ны| але(к)са(н)дрѣ, да кѣтому ва(м) не де(р)|за(ти) таковаг(о) ѿслѣшаниа. ннѣ же| вѣ мимосе(д)ши(х) бѣ ва(с) да прости(т) ча(да) || за простыню ср(д)цѣ ваши(х)» (*Тр. 804*, л. 241 об. — 242).

Далее следуют рассказ о построении гробницы и молитвенное обращение к преподобному от лица братии. Как отмечает А.Е. Соболева, Исаяя известен Минейной редакции, а Фотий — новое имя в житийных текстах о преподобном: «Очевидно, основное послание „Явления“ — преподобный Александр будет окормлять обитель и после своей смерти. Однако, возможно, сам сюжет обусловил отсутствие текста в ЖАС (Житии Александра Свирского. — *Н.П.*) Минейной редакции: неповиновение последней воле преподобного, а через него — Богу выглядит странным и характеризует Исаяю и братию с негативной стороны»²².

Анализируя новонайденный памятник и содержащую его рукопись, А.Е. Соболева задает вопрос, «...не сохранил ли сборник тексты посмертных чудес, частично литературно обработанные игуменом Иродионом, но не включенные им по каким-либо причинам в Минейную редакцию или в комплект дополнительных посмертных чудес?»²³.

В качестве аргументов в пользу выдвинутого предположения исследовательница приводит орфографию списка, сходство записей с именем Иродиона в Минейной редакции и новонайденном фрагменте и сходство литературной манеры их авторов (насыщенность цитатами из уже известных текстов)²⁴. Предоставляя лингвистам судить о том, насколько действительно орфография списка может указывать на происхождение текста из конкретного монастыря (в данном случае Александро-Свирского), в отношении новонайденных текстов можно привести еще один существенный аргумент в пользу авторства Иродиона.

Четыре чуда, сопровождающие Явление, в единственном известном на сегодняшний день списке *Тр. 804* переписаны в виде самостоятельных статей, отдельно от собственно Жития. Второе, третье и четвертое чудеса, повествующие о спасении утопающих, не имеют типологических параллелей в Минейной редакции, которая содержит описания чудес: «...исцеление от различных болезней (слепых, расслабленных, бесноватых), способствование рождению сыновей, умножение рыб и помощь в хозяйственных делах, но не включает ни одного чуда о помощи на воде»²⁵.

А.Е. Соболевой удалось установить агиографический источник для третьего чуда, для рассказа о построении гробницы в Явлении и для небольшого фрагмента во втором чуде: им послужило Житие Зосимы и Савватия Соловецких в I Стилистической редакции²⁶. При этом составитель Минейной редакции Жития Александра Свирского, как известно, этот источник не использовал²⁷, хотя в одном из чудес старцы Зосима и Савватий являются вместе с Александром герою и совершают исцеление (чудо о некоем старце Савватии).

Что касается первого новонайденного чуда об исцелении больного, прямой его источник установлен не был, но отмечена его сюжетная близость к двум чудесам Минейной редакции: «Мотивом исцеления от иконы чудо созвучно 4-му и 5-му посмертным чудесам Минейной редакции о болящих отроках Созомоне и Аристе»²⁸. Между тем, и это чудо имеет в своей основе «литературный каркас» — совместное чудо Сергия и Никона Радонежских о Симеоне Антонове, входившее в Житие Сергия Радонежского и Житие Никона Радонежского, и оно уже называлось в числе источников Иродиона²⁹.

Зависимость Жития Александра Свирского от Жития Сергия Радонежского впервые была отмечена И.С. Некрасовым³⁰. Позднее И. Яхонтов указал ряд эпизодов Жития, практически дословно вос-

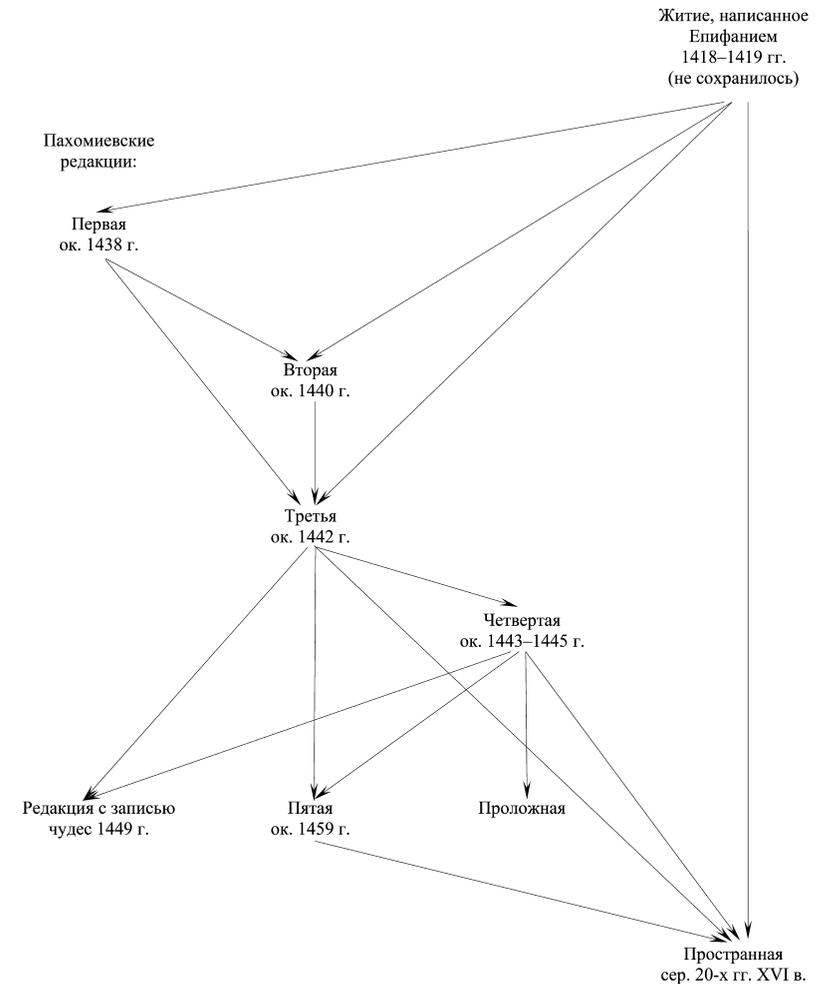

Рис. 1. Редакции Жития Сергия Радонежского, созданные до 1545 г.

производящих этот источник (в частности, «О произведении воды от горняго езера в нижнее и о поставлении мельницы» и «О видении Пресвятыя Богородицы, како явися святому на основании церкви честнаго Ея Покрова»), а также несколько других житий (Феодосия Печерского, Варлаама Хутынского и Кирилла Белозерского), послуживших источниками для Иродиона³¹. Заимствования из Жития Сергия Радонежского были обнаружены также в восьми рассказах о посмертных чудесах³². Не ставя вопрос о редакциях

выявленных источников, И. Яхонтов отметил, что три из них, в том числе Житие Сергия Радонежского, принадлежат авторству Пахомия Логофета и сделал вывод о сознательном заимствовании Иродионом из трудов его именитого предшественника³³.

Житие Сергия Радонежского И. Яхонтов цитирует по рукописи Соловецкой библиотеки № 499 (современный шифр: ОР РНБ. Ф. 717. № 499/518. 1645—1646/1647 гг.), позднее отнесенной Б.М. Клоссом к Пятой Пахомиевской редакции³⁴.

Созданные до 1545 г. редакции Жития Сергия Радонежского, которые могли быть известны игумену Иродиону³⁵, представлены на рис. 1. Всего в Минейной редакции выявлено около 25 эпизодов, построенных на заимствованиях из Жития Сергия Радонежского. Анализ заимствований из этого источника в Минейной редакции и заимствований в новонайденном чуде привел к выводу о том, что в обоих памятниках использовалась одна и та же редакция — Вторая Пахомиевская, по Н.С. Тихонравову, или Пятая Пахомиевская, по Б.М. Клоссу. В качестве иллюстраций приведем заимствованные фрагменты из глав, где различия между редакциями Жития Сергия Радонежского наиболее наглядны.

Пример 1. В главе «О послании к великому князю и о поставлении церкви» заимствование читается в самом конце, при описании строительства монастырских зданий (табл. 1).

Таблица 1. Сравнительный анализ текста Житий Сергия Радонежского и Александра Свирского (глава «О послании к великому князю и о поставлении церкви»)

Пятая Пахомиевская редакция Жития Сергия Радонежского	Житие Александра Свирского
елма же ра(з)соу(д)нѣиши пастырь и пре м(д)рыи въ добродѣтелехъ моу жь,	и потом же доброро(з) соуднѣиши пастырь, и пре моудрыи въ добродѣтелехъ моужь.
монастырь болѣши распро странивъ,	монастырь болшій распространивъ.
келїи оубо четверо образно оустрои ти повелѣ, посредѣ же цр̄квь большоу въ здвиге ѿвсюдоу видима ꙗко зрѣцало.	и кѣлїи оу бо четверо образно оустрои ти повелѣ. посредѣ же цр̄квь большоу въздвиге. ѿвсюдо видима ꙗко зрѣцало.
трапезоу же и ина елика въ потребуо братїамъ. Тр. 762, л. 84 ³⁶ .	тако жде и трапезоу и ина елика въ потребуо братїамъ. Син. 997, л. 1158d.

Этому небольшому рассказу соответствуют краткие упоминания Первой Пахомиевской и Второй Пахомиевской редакций Жития Сергия Радонежского: «сздаша (ж) и монасты(р) вели(к)| и ч(с)тнѣ. тако(ж) и келїа, и ина елика| потреба братїамъ»³⁷, «и распростириша| монастырь великъ и ч(с)тнѣ. съставиша мно|жаи келїи и иноу зданїа елика потреба братїа(м).|»³⁸. В Третьей Пахомиевской редакции повествование распространяется при помощи вставки из Жития Афанасия Афонского, источник которой установлен Б.М. Клоссом³⁹.

Заимствование из Жития Афанасия Афонского опознается в Третьей редакции только по дословной выдержке «ег(д)а| же рассѣднѣиши пастырь. прм(д)роу (sic!)»⁴⁰. Остальной отрывок представляет собой свободный пересказ источника. При включении в текст вставки было опущено сравнение церкви с оком, которое зрит всюду. Оно было заменено упоминанием величины и красоты церкви и хорошего обзора, открывавшегося благодаря выбранному для постройки месту: «цр̄квь| болшоу красною ѿвсюдоу види|мѣ» (Вифан. 92, л. 219). В Четвертой редакции это описание отредактировано: величина и красота церкви в свою очередь заменены упоминанием ее посвящения («цр̄квь| въ| имѣ живоначалнїа троїца»⁴¹) и дополнено сравнением с зеркалом («ꙗко зрѣцало»; Соф. 1248, л. 339 об.), которое могло быть взято из Первой редакции⁴².

Как отмечает Б.М. Клосс, о вставном характере фрагмента в Третьей Пахомиевской редакции свидетельствует также тот факт, «...что в нем описывается устройство общежительного монастыря, а попал он в рассказ, повествующий о периоде особножительствва Троицкой братии»⁴³.

Между Четвертой и Пятой редакциями расхождения незначительны; Редакция с записью чудес 1449 г. почти дословно повторяет текст Четвертой редакции. В ее тексте и Редакции с записью чудес 1449 г. читается «сътвори|ти» (Соф. 1248, л. 339 об.), «сътворити»⁴⁴, в Пятой — «оустроити», а также «посрѣ(д) же ихъ цр̄квь| въ| имѣ живоначалнїа троїца» (Соф. 1248, л. 339 об.), «посреди же| его цр̄квь| въ| имѣ живо|началнїа тр(о)ца» (Тр. 761, л. 50 об.), в Пятой — «посредѣ же цр̄квь| большоу въ|здвиге». В этом эпизоде Житие Александра Свирского воспроизводит текст Пятой Пахомиевской редакции.

Пример 2. В главе «Се о родителех» описание ранних аскетических подвигов Александра основывается на Житии Сергия Ра-

донежского. В аналогичных описаниях Первой и Второй Пахомиевских редакций отсутствуют слова «не бо е(с) чинъ таковымъ сего сѣлнаго дѣланіа»; в Третьей редакции им соответствует «не|оу еще чинъ. таковы(м) бо възрасть| младѣ. зѣльное воздержание имѣ|ти» (*Вифан.* 92, л. 210 об.); в Четвертой редакции и в Редакции с записью чудес 1449 г. на этом месте читается: «не бо е(с) чинъ таковымъ въздрѣжатиса» (*Соф.* 1248, л. 333 об.), «не бо е(с) чинъ таковымъ въз(д)ержатиса» (*Тр.* 761, л. 38). Далее, в Первой, Второй и Третьей редакциях отсутствуют слова «но с нами причащаиса вѣкѣ|пѣ пици, и сноу якоже и мы», в Четвертой редакции и в Редакции с записью чудес 1449 г. им соответствуют слова «нѣ съ нами причастиса пища» (*Соф.* 1248, л. 334), «но| с нами причастиса пища» (*Тр.* 761, л. 38). Наконец, ни в одной из этих редакций нет слов «и плоти воюющи». И здесь Житие Александра Свирского следует тексту Пятой Пахомиевской редакции (табл. 2).

Таблица 2. Сравнительный анализ текста Житий Сергия Радонежского и Александра Свирского (глава «Се о родителех»)

Пятая Пахомиевская редакция Жития Сергия Радонежского	Житие Александра Свирского
начать же и въз(д)рѣжатиса сѣло постомъ тѣло свое изноураа и въ вса дни единою хлѣбоу причащашеса, и се въ мѣроу нѣкако и не до сытости, дебелыа же пища весма ошаашеса, в ноци же нѣчто мало сна прѣимаше, яко дивитиса родителемъ его чю(д) номоу въз(д)рѣжанію его,	начать же и въздержатиса сило постомъ тѣло свое изнѣраа. и въ вса дни единою хлѣбоу причащашеса. и сего в мѣроу. нѣкако и не до сытости. многыа же пища весма ошаашеса. в ноци же нѣчто мало сна прѣимаше яко дивитиса родителе(м) его чюдному въздержанію его.
не бо е(с) чинъ таковымъ сего сѣлнаго дѣланіа , мѣти же его любезны ми глѣ оувѣщаваше глѣши, въз любленное мое ч(а)до почто тако съкроушашеши си тѣло не вѣ сли ли, яко многа въз(д)рѣжаніа извоу телеси наводитъ, паче же юноу ти соушоу и плоти цвѣ тоуши, и намъ симъ немалоу скорбь исходатаиствоуеши,	не бо е(с) чинъ таковымъ сего сѣлнаго дѣланіа . мѣти же его любезными глѣ оувѣща ваше глѣше. възлюбленное мое чадо. почто тако съкрѣ шашеши си тѣло. не вѣси ли яко многа въздержаніа извѣ телеси наводитъ. паче же ю ноу ти сщж. и плоти цвѣ тоуши. и намъ симъ не ма лоу скорбь исходатаиствѣ еши.

тѣмъ же ч(а)до не преслоушаша на(с), но с нами причащаиса вѣкѣ пѣ пици, и сноу якоже и мы, блѣг(а)роумныи же отрокѣ оувѣща глѣ, почто мѣти тако вѣ щашеши ми олоучаа сла(д)каго ми въз(д)рѣжаніа. егоже имоу щимъ ничтоже полезнѣиши мнѣ быти, ни бо слышахъ ро(ди) телеи чада на зло и неполезно оучашихъ. плоти бо оугажа ющіи оудалаютс(а) о ба. паче же оуному соушоу и плоти воюющи. <i>Тр.</i> 762, л. 76 об. — 78.	тѣмъ же ча(до) не преслѣ шаша на(с). но с нами прича щаиса вкоупѣ пици и сноу. якоже и мы. блѣг(а)рѣзмныи же отрокѣ оувѣща глѣ почто мѣти. тако вѣ щашеши ми олоучаа сла(д)каго ми въз держаніа. егоже имѣ щи(м) ничтоже, полезнѣише мнѣ быти. ни бо слыша(х) роди телеи чада на зло и неполѣ зно оучашихъ. плоти бо оу гож(д)ающеи. оудалаютс(а) о ба. паче же юноу сщж и плоти воюющи. <i>Син.</i> 997, л. 1144d—1145a.

Пример 3. В главе «О приходе паки Андрея Завалишина» в заимствовании из Жития Сергия Радонежского обнаруживаются слова «каково подае|ть бгѣ възданіе терпѣ|нію» из Пятой Пахомиевской редакции, которых нет в Первой; во Второй, Четвертой редакциях и Редакции с записью чудес 1449 г. им соответствуют слова «възданіе терпѣ|ніемъ» (*Син.* 169, л. 214 об.), «въ|здааніа терпені(о)м» (*Соф.* 1248, л. 341), «въ|зданіе трѣпѣ|ніе(м)» (*Тр.* 761, л. 53 об.), а в Третьей — «что| се трѣпѣ|нію възданіе» (*Вифан.* 92, л. 221). Заключительные слова этой главы «и тако вси оутве|рдишас(а) вѣроу прочее. аще и| многож(д)ы вса наход(а)ща(а) крѣ|пцѣ терпаше съ блѣгодареніемъ» точно воспроизводят текст Пятой Пахомиевской редакции, в остальных редакциях на этом месте читается другой текст (табл. 3).

Таблица 3. Сравнительный анализ текста Житий Сергия Радонежского и Александра Свирского (глава «О приходе паки Андрея Завалишина»)

Пятая Пахомиевская редакция Жития Сергия Радонежского	Житие Александра Свирского
Блѣжныи же сергіе видѣвъ	Блѣженныи же але ѣандрѣ, видѣвъ х(с)олоубива моужа вѣрж.
прослави ба, и ре(ч) братіамъ	и прослави б(а) и ре(ч) братіамъ.
видите браті е и чюдитес(а) каково подае ть бѣ въздааніе трѣпѣ нію, яко не забѣдетъ г(с)ь нищихъ съ воихъ до конца, ниже презрѣ ти имать стѣго мѣста сего нѣ коли(ж)	видѣте бра тѣи и чю(ди)тес(а) каково подае ть бгѣ възданіе терпѣ нію. ако не забудеть бгѣ нищихъ своихъ до конца. ниже презрѣ ти имать стѣго мѣста сего николи же.

и живоущи(х) в̄ немъ рабѣ своихъ мол̄ащихсѧ емоу днѣ и ношъ, и наход̄ащаѧ трѣпа щимъ с̄ вѣрою,	и живоущи(х) в̄ немъ ра бѣ своихъ мол̄ащихсѧ е моу днѣ и ношъ. и наход̄а щаѧ намъ терпа щимъ с̄ вѣрою.
и тако вси оутвердишасѧ вѣрою прочее , аще и многаж(д)ы всѧ наход̄ащаѧ крѣпцѣ терпаще с̄ бл̄годаре(н)е(м) ∴ ∼ <i>Тр. 762, л. 86—86 об.</i>	и тако вси оутве рдишасѧ вѣрою прочее . аще и многаж(д)ы всѧ наход̄ащаѧ крѣ пцѣ терпаще с̄ бл̄годареніемъ . <i>Син. 997, л. 1153а—1153б</i>

Пример 4. В главе «О произведении воды от горняго езера в нижнее» читаются слова «на приложеніе| троудолубіа ра(ди)», которые имеются только в Пятой Пахомиевской редакции Жития Сергия Радонежского (табл. 4).

Таблица 4. Сравнительный анализ текста Житий
Сергия Радонежского и Александра Свирского
(глава «О произведении воды от горняго езера в нижнее»)

Пятая Пахомиевская редакция Жития Сергия Радонежского	Житие Александра Свирского
<ω произведенӣ источника> ⁴⁵	ω прои зведеніӣ воды ѿ гор̄наго есе ра в̄ нижнее. и ω поста(в)л, ме(л)ни(ци).
	И ω сем же паки
Хошоу же вашей любви бесѣ доу прострѣти ѿ преславны хъ чудесъ каже с̄твори г(с)ъ б(г)ъ оугод- никомъ своимъ, якоже пре(д)- въспом̄ануоухомъ сего великаго пастыра̄ и доброра зсоу(д)ноую главою, еже в̄ поу стыню прішествие яко еди ному хоташоу безмо(л)- ство вати на томъ мѣстѣ	хошоу вашей любви бесѣдоу прострети ѿ преслав- ныхъ чудесъ. каже с̄твори г̄ъ б̄гъ оугоднико(м) своимъ. яко- же пред̄въспо мануоухомъ сего великаго па стыра̄ и доброра(з)- соудноую гла воу. еже в̄ поустыню прише ствіе, яко единому хота шоу безъмольствовати на томъ мѣстѣ.
	но ω сем же б̄гоу бл̄говолашоу брат̄ствѣ оумнож(д)шоусѧ,
и водѣ близоу не соущи на приложе ніе троудолубіѧ ради,	и мелницы же не соущи. на приложеніе троудолубіа ра(ди).
по се(м) же боу, бл̄говолашоу бра(т)ствѣ оумножьшоусѧ	

имѣахоу ноуж(д)оу велію ѿдале- ча водоу принос̄аще, и сеа ради вины нѣции и пороп̄таша на ст̄го, в̄скоую гл̄ще не ра(з)соуж(д)аа сѣ лъ еси на семъ мѣстѣ ѿби тели быти водѣ близъ не сѣ ши,	имѣахоу же. ноуждоу велію ω семь. яко и вѣ врема жатвы сами мел̄ах̄ѣ и сеа ра(ди) вины нѣцӣи ѿ братіи ропташа на ст̄го. в̄скоую гл̄юще не раз̄соуж(д)аа томи ши ны вѣ время се.
и с̄а многаж(д)ы и с̄в̄ доса дами гл̄хоу,	и с̄а мно гаж(д)ы и с̄в̄ досадами бл̄жнно моу глахоу.
к̄ нимъ же и ст̄ы и ѿвѣщеваше, азъ (ѡ)бо братіе единъ на семъ мѣстѣ хотѣ хъ безмо(л)ствовати, боу же и звольшоу толикоу ѿбитель въздвигнути вѣ славоу свою , про- чее же др̄зайте вѣ м̄ли твѣ своєї и не пренемогаите,	к̄ нимъ же ст̄ыи ѿвѣщеваше. азъ оубо братіе единъ на семъ мѣстѣ хотѣ хъ безмольствовати. (sic!) б̄гоу же извольшоу толикоу ѿбитель въздвигнути вѣ славоу свою . про- чее же подвизаитесѧ вѣ м̄лтвахъ ваши(х) и не пренемо гаите
	ѿставим же ω семь братіе б̄гоу ω на(с) пешисѧ.
аще бо непокоривымъ людемъ евр̄ѣискымъ	аще бо и непокоривымъ и жестосерды(м) людемъ евр̄ѣискымъ
	вѣ поу стыни пишоу неѿскоуднѣ по давъ
ѿ камене водѣ источи,	и водоу ис камене исто чи.
васъ же работающи хъ емоу	ва(с) же пр(с)но работающихъ емоу братіе,.
никакоже презритъ, и тако оутѣшаше ихъ немо щъ. <i>Тр. 762, л. 86 об. — 87.</i>	никакоже пре зрѣти не имать. и тако оутѣшаше ихъ немошь. <i>Син. 997, л. 1157а — 1157б.</i>

Кроме того, в Первой редакции словам «вѣ славоу свою» соответствуют «е(ж) прославлатисѧ ст̄ом(ѡ) имени| его» (*Тр. 746, л. 224 об.*), во Второй — «еже прославитисѧ ω не|и ст(о)моу имени его» (*Син. 169, л. 215 об.*), в Четвертой — «про|славлатисѧ ст̄мѡ его имени» (*Соф. 1248, л. 341 об.*), в Редакции с записью чудес 1449 г. — «и прославитисѧ ст̄мж е(г)и имени» (*Тр. 761, л. 55*); в Третьей редакции уточнение отсутствует.

На месте слов «и тако оутѣшаше ихъ немо|щъ» в Первой и Второй редакциях читается «и с̄а ре(к) к̄ нимъ| и ѿп̄сти ѧ кожо(д)о вѣ свою емѣ келіѡ» (*Тр. 746, л. 224 об.*), «и с̄а рекъ к̄ нимъ и ѿпоусти ѧ кожо(д)о вѣ своѧ| келіѧ» (*Син. 169, л. 215 об.*), в Третьей — «и тако| оутѣши ихъ» (*Вифан. 92, л. 222 об.*), в Четвертой и в Ре-

дакции с записью чудес 1449 г. — «и такѡ ѿпѣ|сти ихъ въ своа имь келѡ» (Соф. 1248, л. 341 об.), «и тако ѡтѣпѣсти ихъ| въ своа имь кѣльа» (Тр. 761, л. 55).

Пример 5. В отличие от рассмотренных выше эпизодов в найденном чуде об исцелении больного источник воспроизведен с многочисленными изменениями и отступлениями. Тем не менее и здесь можно указать чтения Пятой Пахомиевской редакции Жития Сергия Радонежского, которых нет в остальных версиях. Чудо о Семене Антонове имеется в Третьей, Четвертой и последующих Пахомиевских редакциях и отсутствует в Первой и Второй. Кроме того, это чудо содержится в Первой Пахомиевской (Краткой) и Второй Пахомиевской (Особой) редакциях Жития Никона Радонежского.

Только в Пятой Пахомиевской редакции встречается чтение «блж̄наго ст̄го ста|рца серг̄іа»; ему соответствуют «в чюдесѣ(х) блж̄наго серг̄іа» Третьей редакции (Вифан. 92, л. 283), «ст̄го чюдеса» Четвертой редакции (Соф. 1248, л. 371), «ст̄го чюдеса» Первой Пахомиевской редакции Жития Никона Радонежского⁴⁶, «ст̄го серг̄іа чюдеса» Второй Пахомиевской редакции Жития Никона Радонежского⁴⁷ (табл. 5); «молащюуса емоу» и «чю(д)ное посѣщеніе» в других версиях отсутствуют или заменены другим текстом.

Таблица 5. Сравнительный анализ текста Житий Сергия Радонежского и Александра Свирского (чудо об исцелении больного)

Пятая Пахомиевская редакция Жития Сергия Радонежского	Житие Александра Свирского
<ѡ семенѣ антоновѣ> ⁴⁸ Инъ нѣкыи моужь ѡ великы(х) коупецъ и славныхъ г(с)ѣствоующемоу гра(д)у москѣвъ, симеонъ имене(м) по про ре(ч)нію ст̄го серг̄іа родивьсѣ.	Чю(до) ст̄а(г) ѡца̄ але(к)са(н)дра како и(з)цѣли бо(л)наго;~ Бы(с) оубо нѣкїи ве(л)можа ѡ великоде(р)жа(в)на(г) града москвы. ива(н) имане(м) дмитр(и)еви(ч) володимерова
семоу	семѣ (ж) оубо ивану
слочисѣ въ болѣзнь велию впа сти, яко на многы днїи пици ни сна причаститисѣ, ни(ж) на одрѣ двигноутисѣ можаше,	слѣчи(с) в болѣзнь велию впа(с) ти. ја(к) на многы днїи пици ни с̄на прича(с)ти ти(с). ни(ж) на ѡ(д)рѣ двигнути(с) можаше

но по(д)роу жїе(м) и ближними обрацаемъ бываше и носимъ, и семоу бывѣшюу на много врема, въ единою (ж) ѡ нощи,	нѣ бли(ж)ними свои(ми) обрацае(м) бываше и носи(м). и сему (ж) бы(в)шу на мно(г) в̄рема въ едину (ж) ѡ ношїи ја(к) в̄ полунощи. ле жашу ему на ѡ(д)рѣ свое(м), и зило ско(р)-бѣщѣ ѡ болѣзни своеи. ја(к) не могу шу ему и ѡ(б)ратити(с), ни(ж) на ногѣ въ ста(ти) и(ли) на ѡ(д)рѣ свое(м) сѣдѣти,
пом̄аноувѣ немощныи ѡнѣ сїмеонѣ, блж̄наго ст̄го ста рца серг̄іа,	поману(в) же в̄ себѣ пре(ж)дерече(н)-ныи ива(н), блж̄наго и свѣт̄го ста(р)-ца але(к)<са(н)>дра и ре(ч)
колика исцѣленїа тво рить бѣ его ради,	ѡ koliko твори(т) бѣ исцѣленїа его ра(ди).
и начатъ моли тисѣ,	и въ змѣ свое(м) нача(т) мо(ли) ти(с).
и гл̄ати ст̄гыи серг̄іе помо си ми, избави ма ѡ болѣзни се а,	и гл̄ти прп(д)бны(и) але(к)са(н)дрѣ помози (ми). избави ма ѡ бо<лѣ>з̄ни
пом̄ани прп(д)бне, егда бѣ въ жи зни сеи, коликоу любовь и блг(д)тль ство имѣ къ родителе(м) моимъ ѡ нихъ же родих̄сѣ по пррч(с)твоу твоємѣ, и тако ѡкрѣмлаемъ есмь и доннѣ твоими млтвами, тако(ж) и ннѣ не забуди мене грѣшнаго раба сво его	
страж(д)оуща сѣло въ болѣзні сеи, сїа (ж) и ина множайшаа въ ча(с) ѡ(н) ѡ нѣ молащюуса емоу оуже вече роу глоубокоу,	сѣло страж(д)оуща. сива (ж) моления. и и на множайшаа в ча(с) ѡ(н) молащѣ(с) емѣ и оу(ж) ја(к) тмѣ в̄ нощи ве(ли)цѣ належашї
и ависѣ емоу бл̄же ныи серг̄іе, с нимъ (ж) и оучнѣкъ его прї иде, приснопоминаемыи нико нѣ, свѣтилникуу горащюу всѣмъ же в домоу его спашимъ, не мо щному (ж) видѣвшюу ст̄го прихо(д) въ свѣтлости велицѣи, и не въ даше кто ест̄, но ѡ послѣдоу ющаго емоу оучнѣка никона ра зоумѣ, яко ст̄гыи серг̄іе ест̄, сего бо никона извѣстно знааше,	и свѣти(л)нико(м) же многи(м) в̄ домѣ его горащїмъ. и суши(м) же в̄ дому его всѣмъ с̄пашимъ, и се в̄незапѣ ави(с) ему прп(д)бныи але(к)-са(н)дрѣ. ива(н) же ви(ди) к̄ себѣ ст̄го идѣща. въ свѣтло(с) ти ве(ли)це. и не въ(д)а(ш) к̄то е(с) старецѣ в̄шедыи к̄ немѣ.
хоташе (ж) в̄стати но не можаше, и ничто(ж) прогл̄ати,	и хоташе въ стати и(ли) въспроси(ти) его к̄то е(с)тъ ѡ кудѣ приде к̄ нему но ѡ радости не смѣаше.

ст̄ѣи (ж) ста бли зѣ его и знамена и кр(с)тмъ егоже ношаше въ роуцѣ свои, по се(м) же повелѣваетъ оучн̄коу своем̄ никоноу знаменати его, ико ною еже близѣ одра его стоаше, юже са(м) никонѣ н̄когда въдасть болащемоу, и тако по повелѣн̄ію ст̄го и никонѣ знамена его ико ною, та(ж) см̄ше за власы главы его и съдраша с немощнаго семоу зрацоу всю кожоу его ѿ главы и до ногу,	и прише(д) ст̄ѣи и ста бли(з) его. и гл̄ше ча(до) иване болиши ѿ(н) же ре(ч) еи г(с)и зило ст̄ражу. ст̄ѣи (ж) ре(ч) к нему то зна<е>ши ли мя. азъ <е>см̄ гр̄ш̄ныи але(к)са(н)др̄ъ све(р)ск̄іи. е(ж) ты имаши ѿ себе ѿ(б)-ра(з) мои преписа(н) и де(р)жиши ѿ себе в̄ дом̄ свое(м). и (в)з(е)м ст̄ѣи(и) ѿ(б)ра(з) на ст̄н̄ѣ оу възглави а его стоа(ш) и бл(с)ви(в) его гл̄а. а(к) се пр̄и идо(х) а(з) посети(т) тебе. и пода(л) ти е(с) ча(до) в̄сече(д)-рыи бѡ(г) еще время на пока ание и здра(в) имаши бы(ти). и ктѡ му оу(ж) л̄по ти е(с) жити съ всаки(м) ѡпа сеніе<(м)> ча(до) иване. и ѿ дш̄и своеи по печеніе им̄(ти). а (к) зе(м) ны(м) же ктѡму не ѡпра(ж)нати(с) ни жела(ти) ихъ.
и тако невидимы бы ша, сімеоноу (ж) в̄ тои ча(с) ѡщюти вшоу ѡблегчаніе болѣзни свое а, и скоро в̄ста и с̄де на одр̄ѣ свое(м). никым̄(ж) по(д)кр̄ѣпл̄аем̄, и(ж) преж(д)е двигнуотиса не могы, и въ радости мноз̄ възб̄див̄ по(д)р̄ж̄іе свое, и начат̄ испов̄ довати радостны(м) гл̄сѡ(м) и св̄тлы(м) ѡбразѡ(м) чю(д)ное пос̄щеніе стаго сергіа,	и с̄іа ре(к) невиди(м) бы(с) ст̄ѣи. ива(н) же в̄ то(и) ча(с) ѡшу(ти) в̄ себ̄ѣ ѡбле(г)чаніе болѣ(з)ни своеа. и скоро в̄ста(в). и с̄де на ѡ(д) р̄ѣ свое(м). и (в) ра(до)сти мноз̄ възбу(ди) вса сущаа в дому свое(м) жен̄ѣ и д̄ти и (в)са рабы. и нача(т) испов̄да(ти) радо стны(м) и св̄тлы(м) ѡ(б)разо(м). чю(д)ное пос̄щеніе ст̄го але(к)са(н)дра.
и въ явленіе приве(д)шаго възлюблен̄аго оучн̄ка нико на, явлен̄на сътвори zde знае мым̄ вс̄м̄, яко съпричасте н̄ въ чюдесех̄ своемоу оучт̄лю, им̄ѡ (ж) свид̄ѣла пребывшее е моу здравіе, яко не кожоу съдра ша, но болѣзнь ѡаша, еже пре(ж) не могы двигнуотиса, в̄ тои (ж) ча(с) ѿ одра в̄ставъ сътвори пат̄наде сать метан̄іи до земл̄а яко нико ли(ж) болѣвъ, въ похвалоу ст̄моу се ргію и бл̄годареніе и его пр(с)номоу оучн̄коу прп(д)бномоу ѡцѡу нико ноу съ слезами ѡблобызаа ч(с) тны х̄ иконѣ ѡбразы, и тако бы(с) здра въ испов̄доуа вс̄м̄. · <i>Тр. 762, л. 139 об. — 140 об.</i>	и (в) явле ніе приве(д) пребы(в)шее ему зд̄ра(в)е. и тако бл̄годаряще б̄га. и прп(д)бнаго ѡца але(к)са(н)-дра. а(к) млитвами е(г) и(с)ц̄ѣ леніе получи. и е(ж) а(з) род̄іѡ(н) слышах̄ ѿ ѡст̄ь самого ивана дми(т)реви(ч) то и на писа(х);~ <i>Тр. 804, л. 243—245.</i>

И. Яхонтов уже отметил, что к некоторым чудесам своего источника Иродион обращался неоднократно⁴⁹. Рассмотрим подробнее заимствования из чуда о Симеоне Антонове, которые обнаруживаются в двух главах Жития Александра Свирского: «О видении Даниила» и чуде о некоем старце Савватии.

Глава «О видении Даниила» содержит самый короткий заимствованный фрагмент. Он воспроизводит чтение чуда о Симеоне Антонове «подрожіемъ» («но подроужіемъ своимъ. или бли|жными ѡбращаемъ бываше| и носимъ», *Син. 997, л. 1158d*); в чуде о некоем старце Савватии оно заменено чтением «сердоболемъ» («но сердоболемъ своимъ и бли(ж)ними ѡбр(а)|щаемъ бываше, и носимъ», *Син. 997, л. 1166a*). В то же время чудо о некоем старце Савватии содержит два гораздо более пространных заимствования, в первом из которых имеется чтение источника «велію» («в̄ болѣзнь велію впасти», *Син. 997, л. 1166a*), замененное в главе «О видении Даниила» чтением «сило та|жью» («въ болѣзнь сило| та|жью впасти», *Син. 997, л. 1158d*). Кроме того, в чуде о некоем старце Савватии обнаруживаются заимствования не только из чуда о Симеоне Антонове, но и из чуда о Захарии Бороздине из Жития Сергия Радонежского.

Чудо о некоем старце Савватии воспроизводит чтение источника «немощныи ѡн̄» («поманувъ немощныи ѡн̄| бл̄жен̄аго и стаго старца але|сандра», *Син. 997, л. 1166a*); в новонайденном чуде оно заменено чтением «пре(ж)дерече(н)ныи ива(н)», а к причастию «поману(в)» добавлено отсутствующее в источнике уточнение «в̄ себ̄ѣ» («поману(в) же в̄ себ̄ѣ пре(ж)дерече(н)ныи ива(н), | бл̄жнаго и св̄тѡ ста(р)ца але(к)са(н)дра», *Тр. 804, л. 243 об.*). В этом чуде исключено упоминание о горящих светильниках и сне находящихся в доме людей, но в целом заимствования точнее и полнее.

Заимствования из чуда о Захарии Бороздине в новонайденном чуде также имеются и совпадают с заимствованиями в чуде о некоем старце Савватии, при этом в последнем объеме заимствований больше. Кроме того, новонайденное чудо повторяет с небольшими изменениями слова чуда о некоем старце Савватии «ст̄ѣи (ж) ре(ч) то не знаеши ли мене ча(до), азъ| есм̄ гр̄ш̄ныи але|андр̄ъ ѡц̄ѣ| твои д̄х̄овныи» (*Син. 997, л. 1166b*), литературный источник которых пока не установлен, предположительно, принадлежащих игумену Иродиону («ст̄ѣи (ж) || ре(ч) к нему то знаеши ли мя. азъ есм̄| гр̄ш̄ныи але(к)са(н)др̄ъ све(р)ск̄іи», *Тр. 804, л. 244—244 об.*),

и «прїдоша съ мною посѣтити| тебе», *Син. 997*, л. 1166b («прїидо(х) а(з) посети(т) тебе», *Тр. 804*, л. 244 об.). Отсюда следует, что непосредственными источниками новонайденного чуда об исцелении больного послужили чудо о Симеоне Антонове из Жития Сергия Радонежского и чудо о некоем старце Савватии из Минейной редакции Жития Александра Свирского.

Пример 6 представлен в табл. 6. Таким образом установлено, что Пятая Пахомиевская редакция Жития Сергия Радонежского явилась литературным источником Минейной редакции Жития Александра Свирского и первого из новонайденных чудес Александра Свирского (об исцелении больного). Подпись в конце этого чуда и общий источник памятников могут служить достаточным основанием для атрибуции найденного А.Е. Соболевой житийного фрагмента авторству игумена Иродиона. Новонайденный житийный фрагмент не имеет датировки, однако первое чудо, вероятно, было написано после чуда о некоем старце Савватии Минейной редакции, поскольку использует его текст как источник. При этом вопрос о месте новонайденного фрагмента в истории текста Жития остается открытым.

Таблица 6. Сравнительный анализ текста Жития и новонайденного чуда Александра Свирского⁵⁰

Житие Александра Свирского	Новонайденное чудо Александра Свирского
се ^м оу (ж) оубо саватию слѣчиса нѣкогда в болѣзнь велию впасти. ѡ ко на многи дни пици ни сна при частитиса. ни(ж) на ѡ (д)рѣ двиг ноутиса можаше. но сердобо лемъ своимъ и бли(ж)ними ѡ бр(а)щаемъ бываше, и носимъ. к се ^м оу (ж) и очи емоу затвориша(с) ѿ великіа болѣзни и недоуга его.	се ^м ѡ (ж) оубо ивану слѣчи(с) в болѣзнь велию впа(с) ти. ѡ (к) на многи дни пици ни сна прича(с)ти ти(с). ни(ж) на ѡ (д)рѣ двигнути(с) можаше нѣ бли(ж)-ними свои(ми) ѡ бращае(м) бываше и носи(м).
и се ^м оу бывшоу на много время. въ еди ^н оу (ж) ѿ нощеи	и се ^м у (ж) бы (в)шу на мно(г) время въ еди ^н у (ж) ѿ нощїи ѡ(к) в полунощи. ле жашу ему на ѡ (д)рѣ свое(м), и зило ско(р)бѣшѣ ѿ болѣзни своеи. ѡ(к) не могу щу ему и ѡ (б)ратити(с), ни(ж) на ногѣ въ ста(ти) и(ли) на ѡ (д)рѣ свое(м) сѣдѣти,

пома ^н оувъ немошныи ѡнѣ блженнаго и стаго старца але ѡандра. и прїиде в память грѣ хъ своихъ гла.	пома ^н у(в) же в себѣ пре(ж)-дерече(н)ныи ива(н), блжнаго и свтго ста(р)ца але(к)<са(н)>дрѣ и ре(ч)
ѡ колика исц(ѣ) ленїа твори(т) бѣ его ра(ди). и нача(т) молитиса и гла ^{ти} , стыи але ѡандрѣ помози ми избави м(а) ѿ болѣзні сеа. помани (ж) прп(до)бне егда бѣ в жизни сеи, коли кѣ любовь и блгодате(л)ство им(ѣ) ль еси к нашему сиро(т)ствоу. и тако ѡкръмлаемъ есмъ и до ннѣ твоими млтвами. та кож(д)е и ннѣ не забуди мене грѣшнаго раба своего страж(д)оуща сило в болѣзни съи.	ѡ колико твори(т) бѣ исцѣленїа его ра(ди). и въ ѡмѣ свое(м) нача(т) мо(ли) ти(с). и глѣти прп(д)бны(и) але(к)са(н)дрѣ помози (ми). избави мѡ ѿ бо<лѣ>зні сѣло страж(д)уща.
сіа же ина множаишаа в ча(с) ѡнѣ мола щоу(с) емоу и глющоу. и се (ж) оубо ѡко вечерѣ глюбокоу соущоу.	сиѡ (ж) молениѡ. и и на множаишаа в ча(с) ѡ(н) молащ(с) емѣ и оу(ж)
	ѡ(к) тмѣ в нощи ве(ли)цѣ належашї и свѣти(л)нико(м) же многи(м) в домѣ его горѣшїмъ. и суци(м) же в дому его всѣмъ спѡщи(м),
и абїе скорыи послѣшатель прї ходи(т) блженныи але ѡандрѣ. с нї мѣ (ж) прїдоша и ина два старца також(д)е столпна соуща, еди нѣ ею зосима именемъ а дроу гїи саватїи. болныи (ж) слыши(т) мѣжа прише(д) шихъ къ дверемъ ке лїа его и млтвоу сѣтворши(х) и скоро пригласивъ, амїнь. и вше(д)шоу (ж) прп(д)бномоу в келию и млтвоу паки сѣтворившѣ. також(д)е и прч(с)тои достоино е(с) весь до конца изглавѣ стѣи.	и се внезапѣ ѡви(с) ему прп(д)бныи але(к)са(н)дрѣ. ива(н) же ви(ди) к себѣ стго идѣща. въ свѣтло(с) ти ве(ли)це. и не вѣдѣ(ш) кто е(с) старецѣ вшедѣи к немѣ.
болныи (ж) <i>ѡце и хотѣше вѣста ти или зрѣти стго, но ника ко(ж) можаше. ни очима (ж) своим(а) ничто(ж) видѣше. или проглѣ ти что може(т).</i>	и хотѣше вѣ стати и(ли) вѣспроси(ти) его кто е(с)ть ѡкуда прїде к нему но ѿ радости не смѣшаше. и прише(д) стыи и ста бли(з) его.

<u>стыи</u> (ж) <u>рече</u> сава тіе болиши, <u>онъ</u> (ж) <u>ѡвѣща</u>, <u>еи</u> <u>гѣ</u> <u>зило</u> <u>страж</u>(д)оу. <u>стыи</u> (ж) бла гословивъ того и сѣде оу воз главіа его. такѡж(д)е и прише(д)ша с нимъ старца сѣдоста ѡб(а) бли(з) стго. и паки же гла болны(и) къ прп(до)- бному, кто еси ты г(с)и мои или кто еста прише(д)шїи с тобою. слышоу бо ваю стго лѣпны моужа прише(д)- ша к' мо емоу ѡбожеству.	и глшѣ ча(до) иване болиши ѡ(н) же ре(ч) <u>еи</u> <u>г(с)и</u> <u>зило</u> <u>стражу</u>.
стыи (ж) ре(ч) то не знаеши ли мене ча(до), азъ есмь грѣшныи алеѡандръ ѡцѣ твои дѡхвныи. а прише(д)- ши(и) к тебѣ съ мною, слыша ли ча(до) соловецки(х) нача(л)никъ зосима и саватїи. и сїи також(д)е прїдоша съ мною посѣтитї тебе.	стыи (ж) ре(ч) к нему то зѣнаши (sic!) ли ма. азъ <е>смь грѣшныи але(к)са(н)дръ све(р)скїи. е(ж) ты имаши ѡ себе ѡ(б)ра(з) мои пре- писа(н) и де(р)жиши ѡ себе в' домѣ свое(м). и (в)зе(м) сты(и) ѡ(б)ра(з) на стѣнѣ оу възглави его стоя(ш) и бл(с)ви(в) его гла. я(к) се прїидо(х) а(з) посети(т) тебе. и пода(л) ти е(с) ча(до) вѣсече(д) рыи бѡ(г) еще время на пока ание и здра(в) имаши бы(ти). и кѡ му оу(ж) лѣпо ти е(с) жити съ всаки(м) ѡпа сенїе<(м)> ча(до) иване. и ѡ дшїи своеи по печенїе имѣ(ти). а (к) зе(м)ны(м) же к'тому не ѡпра(ж)- нїати(с) ни жела(ти) ихъ.
ты (ж) аще хоцеши исцѣ ленїе по- лоучити. то иди в мо настырь мои, и тамо исцѣ ленїе полоучиши. <u>онъ</u> <u>(ж) рече</u> <u>г(с)и</u> аще хоцоу но не могѣ. стыи (ж) ре(ч) держай ча(до) г(с)ъ подасть ти з(д)равїе.	
и тако невидими быша.	и сї на ре(к) невиди(м) бы(с) стыи.
саватїю (ж) в тои ча(с) ѡшоутивш(ѡ) ѡблеченїе болѣзни своеа. и скоро вѣста и сѣде на ѡдрѣ своемъ никимъ(ж) по(д)крѣплѣ(м). и(ж) преж(д)е двигноутиса не могїи,	ива(н) же в'тѡ(и) ча(с) ѡщу(ти) в'себѣ ѡбле(г)чанїе болѣ(з)ни своеа. и скоро вѣста(в). и сѣде на ѡ(д)рѣ свое(м).

и тако баше в ра(до)сти мнозѣ, възбоудивъ (ж) спѡ(д)роуга свое(г) старца, и(ж) въ единой с нимъ келїи живоуща. и нача(т) испо вѣдати радостнымъ глсо(м) и свѣтлымъ образомъ чю(д)ное посѣщенїе стго алеѡандра(а). и въ явленїе приве(д)шаго воз любленною ѡцоу зосима и са ватїа. явленныи сътвори з(д)ѣ знаемымъ всѣмъ. яко сѣпричастны в чюдесѣ(х) прп(до)б ному оцоу алеѡандрѣ.	и (в) ра(до)сти мнозѣ възбу(ди) вса сушаа в дому свое(м) женѣ и дѣти и (в)са рабы. и нача(т) исповѣда(ти) радо стны(м) и свѣтлы(м) ѡ(б)разо(м). чю(д)ное по сѣщенїе стго але(к)са(н)дра. и (в) явле нїе приве(д)
имѣа свидѣла пребывшее емѣ з(д)равїе. е(ж) преж(д)е не могїи двигноутиса. и в тѣи ча(с) ѡ одра въставъ яко николи(ж) болѣ въ, в похвалоу и блѡдаренїе прп(д)бному ѡцѣ алеѡандроу. и тогда (ж) скоро по(д)щавѣса поиде въ ѡбитель стго пѣнїе блѡдарное въздавъ г(с)ви. и р(а)коу стго ч(с)тно ѡблѡбызавѣ и со многими слезами сѣдѣ аннаа чю(д)нымъ алеѡандро(м) сцѣнному сѣбороу еже на не(м) збывшася вса исповѣда.	пребы(в)шее ему здра(в)е. и тако блѡдаряше бгѣ. и прп(д)бнаѡ ѡца але(к)са(н)дра. я(к) млитвами е(г) и(с)цѣ ленїе получи.
азъ (ж) сїа слыша(х) ѡ оустѣ его и написа(х). Син. 997, л. 1165d—1166с.	и е(ж) а(з) родѡ(н) слышахъ ѡ ѡстѣ самоѡ ивана дми(т)рееви(ч) то и на писа(х);~ Тр. 804, л. 243—245.

Необходимо отметить, что новонайденный фрагмент содержит уже третье распоряжение игумена Александра о своих похоронах. Согласно Минейной редакции, на вопрос братии о месте его погребения основатель Свирского монастыря отвечает дважды. В первый раз он распоряжается с бесчестием утопить его тело в болоте: «братїе| мое грѣшное тѣло свѣжете| по нозѣ и влещѣте и в дебрь| блата, и въ м'хоу покопав'ше и ногама (ж) своима да попрѣ|те и» (Син. 997, л. 1163d). Монахи возражают, ответив, что похоронят его у Троицкой церкви в монастыре. Уступая им, Александр значительно смягчает свое распоряжение, завещая похоронить себя на монастырском кладбище: «тогда погребите| ма оу стго б'голѣпнаго х(с)ва| преѡбраженїа. идѣ(ж) вса бр(а)|тїа кладоу(т)са». Агиограф здесь поясняет: «баше же црк'ви та кромѣ монастыря| яко единою или дваши стрѣ|лити, въ ѡходнѣи поусты|ни стго тамо (ж)

и вса ѿше(д)шаа| братіа погребяхса» (Син. 997, л. 1163d). Именно это распоряжение, согласно Житию, и было исполнено.

В описанном Иродионом эпизоде Александр следует традиции предсмертных обращений подвижников к ученикам, которая восходит к древней монашеской аскетической практике⁵¹. Эта традиция в одном из вариантов реализации, а именно четвертом, предполагала отказ учеников выполнить просьбу о поругании тела учителя и некую более мягкую альтернативу первоначальному желанию или подчинение общепринятому погребальному обычаю⁵². Оба распоряжения Минейной редакции, таким образом, являются частями одного литературного сценария. Игумен Иродион, по предположению исследователей, «...либо доподлинно знал о соответствующих распоряжениях святого перед смертью, либо осознанно стремился включить его в совершенно определенную сферу аскетической практики»⁵³.

Новонайденный фрагмент содержит дополнительный запрет хоронить тело «до тре(т)ю днѣ» (Тр. 804, л. 240), не связанный с ритуальным поруганием мертвого тела, смысл которого не совсем ясен и который был нарушен духовным отцом Александра Исайей; братия на этот раз была настроена исполнить волю покойного игумена. Установить, как эта часть Жития по замыслу агиографа соотносится с изложением событий в Минейной редакции, был ли новонайденный фрагмент предназначен для первоначального текста Минейной редакции или для ее дополнения, и по какой причине так и не вошел в тиражируемый текст, предстоит в будущем.

Упоминание запрета хоронить «до трех дней» содержится также в Житии и Сказании о погребении Иоанна, Московского юродивого⁵⁴, умершего в 1589 г. и похороненного у собора Покрова на Рву (ныне известном как собор Василия Блаженного). Учитывая, что в этом храме имелся престол с посвящением Александру Свирскому⁵⁵, нельзя исключать прямое влияние новонайденного чуда Александра Свирского на Житие Иоанна Блаженного.

¹ Благодарю А.Е. Соболеву за возможность ознакомиться с полным текстом ее диссертационной работы: Соболева А.Е. Житие Александра Свирского как источник по истории русского литературного языка. Дисс. ...канд. филол. наук / Литературный институт им. А.М. Горького. М., 2013. С. 29, 30; Она же. Рукописи Жития Александра Свирского в собраниях Российской государственной библиотеки // Румянцевские

чтения-2019: Материалы Международной научно-практической конференции. М., 2019. Ч. 3. С. 53.

- 2 Соловьева И.Д. Свято-Троицкий Александро-Свирский монастырь: Художественное наследие и историческая летопись. СПб., 2008. С. 23.
- 3 По данным А.Е. Соболевой, существует около или более 300 списков (Соболева А.Е. Новонайденные ранние житийные тексты об Александре Свирском // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2020. № 2 (17). С. 293; Соболева А.Е., Соболева М.Е. Рукопись Жития Александра Свирского из собрания Покровского собора в кругу лицевых рукописей Жития // Актуальные проблемы изучения и сохранения памятников архитектуры: Чтения памяти И.И. Кузнецова. Вып. 1. Материалы научной конференции. Москва, 12–13 ноября 2019 г. М., 2020. С. 116. URL: <https://disk.yandex.ru/i/HAeU9XR7uvdhiw> (дата обращения: 24.05.2022 г.).
- 4 Дмитриева Р.П. Агиографическая школа митрополита Макария (на материале некоторых житий) // ТОДРЛ. 1993. Т. 48. С. 212.
- 5 Охотникова В.И. Житие Александра Свирского в списках XVI века // Житие Александра Свирского: Текст и словоуказатель. СПб., 2002. С. 12.
- 6 Макарий (Веретенников), игум. Преподобный Александр Свирский «новый чудотворец» — русский подвижник XVI века. К 450-летию со дня кончины // Богословские труды. 1982. Сб. 23. С. 327; ПЭ. М., 2011. Т. XXVI. С. 665.
- 7 Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877. С. 992; Охотникова В.И. Житие..., 2002. С. 11; ПЭ. М., 2011. Т. XXVI. С. 665.
- 8 Серебрякова Е.И. Евангелие Свято-Троицкого Александро-Свирского монастыря — памятник духовной культуры и искусства XVI века // Соловьева И.Д. Свято-Троицкий..., 2008. С. 177.
- 9 Житие Александра Свирского в Минейной редакции // ОР ГИМ. Синодальное собр. № 997: Великая Миния Четья (Успенский комплект), август. 1550-е гг. (до ноября 1552 г.). Л. 1143а-1168d — далее: Син. 997. Л. 1162d.
- 10 Охотникова В.И. Житие..., 2002. С. 15–17; Она же. Житие преподобного Александра Свирского // Соловьева И.Д. Свято-Троицкий..., 2008. С. 241, 242; Соболева А.Е. Житие..., 2013. С. 30, 31.
- 11 Охотникова В.И. Житие..., 2002. С. 17; Она же. Житие..., 2008. С. 242; Соболева А.Е. Житие..., 2013. С. 30.
- 12 Siilin L. Отражение графико-орфографических норм церковнославянского языка в житийной литературе второй половины XVI в. (на материале Жития Александра Свирского) // Joensuu yliopiston humanistisia julkaisuja. 2001. № 25. С. 26.
- 13 Соболева А.Е. Житие..., 2013. С. 30–43.
- 14 Siilin L. Отражение..., 2001. С. 31; Соловьева И.Д. Свято-Троицкий..., 2008. С. 24; Соболева А.Е. Житие..., 2013. С. 39, 40. Текст Видения игумену Иродиону издан: Никодим, архим. Чудеса Пр. Александра Свирского (Рук. СПб. Дух. Акад. № 276) // Олонецкие епархиальные ведомости. 1903. № 19. С. 664; Макарий (Веретенников), архим. Митрополиты Древней Руси (X–XVI века). М., 2016. С. 1106, 1107.

- 15 Л. Сиилин датирует письменную запись XVII в., считая, что рассказ о Видении Иродиона в XVI в. бытовал в монастырской среде и только в XVII в. был включен в Житие Александра Свирского (*Siiilin L.* Отражение..., 2001. С. 31).
- 16 *Макарий (Веретенников), игум.* Преподобный..., 1982. С. 329; прим. 16.
- 17 *Соловьева И.Д.* Свято-Троицкий..., 2008. С. 24.
- 18 *Соловьева И.Д.* О времени возведения Никольской церкви в новгородском Александро-Свирском монастыре // Архитектурное наследие и реставрация: Реставрация памятников истории и культуры России. М., 1992. С. 195—198; *Она же.* Свято-Троицкий..., 2008. С. 27.
- 19 *Соболева А.Е.* Новонайденные..., 2020. С. 303—306.
- 20 Житие Александра Свирского (новонайденный фрагмент). Третья четв. XVI в. // ОР РГБ. Ф. 304.1 (Главное собрание рукописей библиотеки Троице-Сергиевой лавры). № 804 — далее: *Тр. 804.* Л. 240—250. Датировка рукописи: *Соболева А.Е.* Новонайденные..., 2020. С. 291, 292.
- 21 *Соболева А.Е.* Новонайденные..., 2020. С. 291, 292.
- 22 Там же. С. 295, 296.
- 23 Там же. С. 301.
- 24 Там же. С. 300—302. В то же время, А.Е. Соболева указывает ошибки писца, свидетельствующие о том, что список *Тр. 804* представляет собой писцовую копию, а не оригинал памятника (Там же. С. 301). К ошибочным чтениям этого списка следует отнести также кириллические цифры «в» и «а» (2 и 1) во втором чуде, которые должны были служить сигналом чтецу или писцу о том, что помеченные фрагменты необходимо переставить местами (ср.: Там же. С. 302). Цифра «а» оказалась по ошибке вписана в строку в слово «легку» на место буквы «г». После восстановления правильного порядка слов текст должен читаться следующим образом: «а(к) и вѣтрѣ| по на(с) легку. и тихѣ дыхающѣ». Предложенное прочтение данной фразы подтверждается параллельным местом из четвертого чуда новонайденного фрагмента (*Тр. 804*, л. 249 об.), приведенным А.Е. Соболевой: «тако(ж) и вѣтрѣ ле(г)ку. и ти(х)ѣ дыха(ти) по на(с)» (Там же. С. 302).
- 25 Там же. С. 296.
- 26 Там же. С. 296—299.
- 27 Там же. С. 303.
- 28 Там же. С. 300.
- 29 *Пак Н.В.* Об источниках Жития Александра Свирского: глава «о списавшем житие святого» // *Slovĕne.* 2017. Т. 6. № 1. С. 360, 361; прим. 20.
- 30 *Некрасов И.* Пахомий Серб, писатель XV века. Одесса, 1871. С. 98.
- 31 *Яхонтов И.* Жития св. севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1881. С. 37—87.
- 32 Там же. С. 74—84.
- 33 Там же. С. 87.
- 34 *Клосс Б.М.* Избранные труды. М., 1998. Т. I: Житие Сергия Радонежского. С. 211.
- 35 Названия и датировки редакций, а также взаимосвязи между ними даны по Б.М. Клоссу. Далее Пахомиевские редакции Жития называются Первой, Второй, Третьей, Четвертой и Пятой соответственно.

- 36 Житие Сергия Радонежского в Пятой Пахомиевской редакции. 1460-е гг. // ОР РГБ. Ф. 304.1 (Главное собрание рукописей библиотеки Троице-Сергиевой лавры). № 762. Л. 70 об. — 148 об. — здесь и далее: *Тр. 762.* Датировка рукописи: *Клосс Б.М.* Избранные труды..., 1998. С. 207, 208.
- 37 Житие Сергия Радонежского в Первой Пахомиевской редакции. Около 1438 г. // ОР РГБ. Ф. 304.1 (Главное собрание рукописей библиотеки Троице-Сергиевой лавры). № 746. Л. 209—261 об. — далее: *Тр. 746.* Л. 220 об. Датировка рукописи: *Клосс Б.М.* Избранные труды..., 1998. С. 235.
- 38 Житие Сергия Радонежского во Второй Пахомиевской редакции. Первая четверть XVI в. // ОР ГИМ. Синодальное собр. № 169. Л. 202—237 — далее: *Син. 169.* Л. 213. Датировка рукописи: *Клосс Б.М.* Избранные труды..., 1998. С. 165, 166.
- 39 *Клосс Б.М.* Избранные труды..., 1998. С. 20; прим. 6.
- 40 Житие Сергия Радонежского в Третьей Пахомиевской редакции. 1530-е гг. // ОР РГБ. Ф. 556 (собр. Вифанской духовной семинарии). № 92. Л. 204—303 — далее: *Вифан. 92.* Л. 219. Датировка рукописи: *Клосс Б.М.* Избранные труды..., 1998. С. 169.
- 41 Житие Сергия Радонежского в Четвертой Пахомиевской редакции. Начало 1440-х гг. Л. 329—375 // ОР РНБ. Ф. 728 (Библиотека Новгородского Софийского собора). № 1248 — далее: *Соф. 1248.* Л. 339 об. Датировка рукописи: *Шубаев М.А.* Авторский вариант Жития Сергия Радонежского // ТОДРЛ. СПб., 2007. Т. 58. С. 292, 293.
- 42 Ср.: «и толико про|сія монасты(р) тѣ(и), а(к) и ѿ ины(х) странѣ желати| ѿ того ч(с)тнаго монастыра. ѿвѣхъ на еп(с)пство.| ины(х) же на игѣме(н)ство. баше бо всѣ(м) **яко зръ|цало.** и вси выдащеи и слышадѣи, ѿбои| плъзѣ прѣимахѣ» (*Тр. 746*, л. 240 об.).
- 43 *Клосс Б.М.* Избранные труды..., 1998. С. 20; прим. 6.
- 44 Житие Сергия Радонежского в Редакции с записью чудес 1449 г. // ОР РГБ. Ф. 304.1 (Главное собрание рукописей библиотеки Троице-Сергиевой лавры). № 761. 1487 г. Л. 27 об.—159 об. — далее: *Тр. 761.* л. 50 об.
- 45 В рукописи на верхнем поле.
- 46 Житие Никона Радонежского в Первой Пахомиевской (Краткой) редакции. Середина 1440-х гг. // ОР РГБ. Ф. 304.1 (Главное собрание рукописей библиотеки Троице-Сергиевой лавры). № 116. Л. 415—421 об. — далее: *Тр. 116.* Л. 420. Датировка рукописи: *Клосс Б.М.* Избранные труды..., 1998. С. 235
- 47 Житие Никона Радонежского во Второй Пахомиевской (Особой) редакции. 1450-е гг. // ОР РГБ. Ф. 304.1 (Главное собрание рукописей библиотеки Троице-Сергиевой лавры). № 763. Л. 407—415 (между л. 412 и 413 утрачены 2 листа) — далее: *Тр. 763.* Л. 413. Датировка рукописи: *Клосс Б.М.* Избранные труды..., 1998. С. 238.
- 48 В рукописи на нижнем поле.
- 49 *Яхонтов И.* Жития..., 1881. С. 80.
- 50 В таблице полужирным шрифтом выделены заимствования из чуда о Симеоне Антонове, курсивом — из чуда о Захарии Бороздине Сергия Радонежского, подчеркиванием — несовпадающие заимствования в чуде

о некоем старце Саввати и чуде об исцелении больного Александра Свирского.

- ⁵¹ Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Что стоит за отказом митрополита Константина от христианского погребения в 1159 г.? // *Ruthenica*. 2009. Т. 8. С. 9—28; *Они же*. Траектории традиции: главы из истории династии и Церкви на Руси конца XI — начала XIII века. М., 2010. С. 86—127.
- ⁵² *Они же*. Что стоит..., 2009. С. 17; *Они же*. Траектории традиции..., 2010. С. 109.
- ⁵³ *Они же*. Что стоит..., 2009. С. 22; *Они же*. Траектории традиции..., 2010. С. 123.
- ⁵⁴ Кузнецов И.И., прот. Святые блаженные Василий и Иоанн, Христа ради [Юродивые], Московские чудотворцы (Историко-агиографическое исследование) // Записки Московского археологического института. М., 1910. Т. VIII. С. 415—416, 418, 419.
- ⁵⁵ Ильин М.А. О наименовании приделов собора Василия Блаженного // Новое в археологии: Сборник статей, посвященных 70-летию Артемия Владимировича Арциховского. М., 1972. С. 292.

П.В. Островский

Служба в честь перенесения мощей преподобного Александра Свирского

Гимнографическая традиция в честь преподобного Александра Свирского представлена большим количеством списков службы на память святого 30 августа¹, появившейся в середине XVI в.² В 2019 г. А.Е. Соболева обратила внимание на неизвестный до сих пор богослужебный текст — службу на перенесение мощей преподобного Александра Свирского. Она содержится в рукописи из собрания ГИМ, фонд Покровского собора, инв. № 6—7 (далее ПС 6—7)³. На сегодня это единственный известный нам список данной службы. Современные служебные Минеи ее не знают. Настоящая статья посвящена обзору истории праздника в честь перенесения мощей, а также источников, содержания и времени создания произведения.

Преподобный Александр Свирский. Святой подвижник родился в 1448 г. в с. Мандеры недалеко от Новгорода. Юношей он отправился на остров Валаам, где в 1474 г. принял монашеский постриг. В монастыре инок жил недолго. В поисках безмолвного жития он удалился на остров, который сейчас называется Святым, где провёл в отшельничестве несколько лет. В 1485 г. святой поселился в шести верстах от реки Свирь на берегу Рошинского озера (впоследствии здесь им будет основан Свято-Троицкий монастырь, игуменом которого преподобный являлся до своей кончины в 1533 г.). Уже при жизни Александра Свирского почитали как святого. На Московском соборе 1547 г. состоялась его канонизация.

Угодник Божий прославился многими чудесами, важнейшее из которых — явление ему Святой Троицы в виде трех Ангелов⁴. Событие представляет собой исключительный случай для всей Ново-заветной эпохи, так как до этого подобным образом Бог явился лишь однажды в Ветхом Завете патриарху Аврааму (Быт. 18, 1—3). Житие

преподобного написал его ближайший ученик — игумен Иродион в 1545 г. Возможно, тот же автор составил и службу на память святого 30 августа⁵. Самый ранний на настоящий момент датированный список этой службы относится к 1553 г. (ОР ГИМ. Син. 886)⁶.

История праздника перенесения мощей. Тело святого Александра Свирского было погребено у алтаря построенной им в Свято-Троицком монастыре церкви Преображения Господня. В царствование Михаила Феодоровича Романова ветхую церковь разобрали для строительства каменного собора. При этом 17 апреля 1641 г. чудесным образом были обретены нетленные мощи подвижника, которые перенесли в стоявшую в обители церковь святителя Николая. Царь воспринял это событие как благословение своего правления. Он повелел изготовить для тела преподобного богатую серебряную, с позолотой, раку, которая 4 декабря 1644 г. была доставлена в монастырь⁷. Приехавший по этому случаю митрополит Новгородский Авфония во время вечернего богослужения накануне 5 декабря на великом славословии торжественно переложил мощи преподобного Александра из гроба в подаренную государем раку. Она была поставлена в новопостроенном Преображенском соборе.

Сказание об этом мы находим в некоторых списках Жития святого XVII—XVIII вв. (ОР РГБ. Ф. 209. № 329, XVII в.; Ф. 236. № 91, третья четверть XVII в.; Ф. 394. № 13, вторая половина XVIII в.), в том числе в рукописи ПС 6—7. Этот день (5 декабря) стал еще одной датой, когда в монастыре вспоминали память святого Александра. Вероятно, вскоре после этого события, «по горячим следам», была написана служба. Нам известен лишь один ее список в составе рукописи ПС 6—7 (л. 320—355 об.)⁸. Здесь помещены также другие произведения в честь святого: служба на преставление преподобного Александра Свирского (л. 9), его Житие (л. 68), «Сказание об обретении мощей» (л. 293), «Сказание о перенесении мощей» (л. 311), текст «О покрове преподобного» (л. 314)⁹.

Необходимо отметить, что эта рукопись уникальна еще и тем, что содержит самый ранний лицевой список Жития преподобного Александра Свирского¹⁰. Ее история удивительна. Она была написана мастером Оружейной палаты Московского Кремля Потапом Максимовым не позднее 1672 г.¹¹, после чего вложена в Александро-Свирский монастырь, где и хранилась до конца XIX в.¹². Последнее упоминание о рукописи находим в описи монастырской библиотеки, сделанной А.Е. Викторовым в 1890 г.¹³ Возможно, ру-

копись хранилась там вплоть до революции, поскольку в 1901 г. эта опись без каких-либо комментариев публикуется на страницах Олонецких епархиальных ведомостей¹⁴. В выпуске тех же ведомостей за 1912 г. в хронике архиерейского служения отмечается, что 4—5 декабря владыка совершает торжественное соборное богослужение в Александро-Свирском монастыре «...по случаю местного праздника — годовщины переложения в новую раку честных мощей преподобного Александра»¹⁵. Значит, до революции этот день помнили в обители. Возможно, служили именно эту службу в честь перенесения мощей. Хотя представляется маловероятным, чтобы за долгие годы существования праздника богослужебный текст ни разу не переписали для церковных нужд, однако никаких других списков пока найти не удалось. Вероятно, это связано с местной традицией празднования, когда службу служили только в самом монастыре, существовавшие же списки могли быть утеряны или уничтожены во время разорения обители в XX в.

В годы революции пропала и рукопись ПС 6—7. Чудесным образом она была обнаружена в 1924 г. в магазине «Международная книга» и приобретена для собрания Покровского собора, в экспозиции бывшей ризницы которого она представлена сегодня наряду с другими храмовыми реликвиями¹⁶. Таким образом, праздник перенесения мощей 5 декабря был предан забвению, и сегодня его не вспоминают даже сами насельники Александро-Свирского монастыря. В современных изданиях Жития святого это событие очень часто опускается, о существовании службы нигде раньше не говорилось.

Источники и содержание службы. Служба на перенесение мощей преподобного Александра Свирского соответствует разряду всеобщего бдения, т. е. содержит полный состав всех возможных изменяемых песнопений, включая стихиры малой вечерни и стихиры на литии. Анализ текста позволил выявить ряд источников, которыми пользовался гимнограф для составления службы. Большая часть песнопений представляет собой обработку заимствованных текстов, которая осуществляется в разной степени. Есть тексты, почти дословно скопированные автором. В первую очередь это касается канона, который, за исключением нескольких тропарей, совпадает с каноном на перенесение мощей преподобных Зосимы и Савватия Соловецких (8 августа). Источниками для большинства остальных песнопений послужили службы

иеромонаха Пахомия Логофета в честь преподобных Варлаама Хутынского (6 ноября) и Сергия Радонежского (25 сентября). Стихиры на стиховне малой и великой вечерни преподобному Варлааму послужили основой для стихир на «Господи, воззвах» и стихир на стиховне малой вечерни. Стихиры на хвалитех и две стихиры на «Господи, воззвах» великой вечерни составлены на основе заимствований из службы преподобному Сергию.

Всего два текста позаимствованы из службы на преставление самого святого Александра Свирского (30 августа) — это пространные стихиры на «Слава» и на «И ныне» литии. Данный факт говорит о том, что автор стремится составить новые, не повторяющиеся тексты в честь святого. В связи с этим он даже пользуется другими источниками. Нам известно, что отдельные тексты службы преподобным Варлааму и Сергию послужили основой для песнопений службы на преставление святого Александра (всего 13 текстов, не считая канона). Примечательно, что из них только один повторился в качестве источника для службы на перенесение мощей, в то время как в ней насчитывается 14 текстов, взятых из служб преподобным Варлааму и Сергию. Этот единственный общий текст-источник является славником на стиховне малой вечерни, в котором речь идет о раке мощей. Вероятно, именно поэтому гимнограф не может обойти стороной это песнопение.

Необходимо упомянуть еще два источника — службу преподобному Никону Радонежскому (17 ноября) и службу на перенесение мощей преподобного Иоанна Рыльского (19 октября). Из первой заимствуются две стихиры на стиховне малой и великой вечерни, из второй — две стихиры на «Господи, воззвах» великой вечерни.

Стихиры, в отличие от канона, не копируются дословно, они снабжаются авторскими вставками (порой достаточно пространными, составляющими до половины и даже более всего текста). Данные вставки отражают основные моменты события, которые раскрыты также в «Сказании о перенесении мощей». Был ли автор сам участником описываемого торжества, сказать сложно: по крайней мере, богослужебный текст не несет в себе никакой дополнительной исторической информации, которой не было бы в Сказании.

Тема перенесения и почитания мощей святого часто звучит в текстах: «Ч<ес>тныи и свѣтоносныи пр<еподо>бне александре твои праздникъ пренесенїа честныхъ мощей твоихъ, испол-

ненъ радости...»¹⁷ (стихира на «Господи, воззвах» великой вечерни, л. 326 об.), «...нынѣ притекающе к рацѣ ч<ес>тныхъ мощей твоихъ...» (стихира на литии, л. 330). Подобные выражения видим и в других стихирах.

В шести текстах находим авторские вставки, содержащие просьбу о молитве за царя, например: «...моли прилѣжно ꙗко бл<а>говѣрномуъ ц<а>рѣ нашему и великому кн<а>зѣ им<а>рѣкъ, ꙗко да твоими м<оли>твами побѣды даруетъ емѣ на враги...» (стихира на «Господи, воззвах» великой вечерни, л. 327). Имя конкретного государя — Михаила Феодоровича, который подарил раку и являлся главным организатором торжества, не называется.

Также не называется по имени и другой участник события — митрополит Авфония. Однако его роль как архиерея, который своими руками перекладывал мощи святого в новую раку, обозначена в ряде песнопений: «...и своихъ ч<ес>тныхъ мощей архіереискима дланьма пренесенїемъ, всѣхъ просвѣтилъ еси...» (стихира на «Господи, воззвах» великой вечерни, л. 326), «...и мноґоцѣлебное тѣло свое... цѣло и невредимо ѡбрѣтесѣ, и архіереискима дланьма положено бысть въ ч<ес>тней еґѡ рацѣ...» (тропарь, л. 336—336 об.).

Упоминается в тексте и храм Преображения Господня, в котором была поставлена рака: «...пренесенїе ч<ес>тныхъ мощей еґѡ празднюще, въ храмѣ хр<ис>та б<о>ґа нашего б<о>ґолѣпнаґѡ преѡбраженїа...» (стихира на «Господи, воззвах» малой вечерни, л. 322). Говорится о нетленности тела и одежд святого: «...ꙗко полагаесѣ пр<е>ч<ес>тное тѣло твое, цѣло и невредимо ничымже, и ризы твои нетлѣнны...» (стихира на литии, л. 330—330 об.). Последняя информация содержится и в «Сказании об обретении мощей преподобного Александра Свирского».

Гимнограф освещает в богослужебных текстах один яркий факт из жизни преподобного Александра Свирского — явление ему Пресвятой Троицы. Выражается это в обращениях к святому как молитвеннику за людей перед Святой Троицей: «...и ѡ насъ молисѣ ѡ рабѣхъ твоихъ с<ва>тѣи тр<ои>цѣ, спастисѣ д<у>шамъ нашим...» (славник на «Господи, воззвах» великой вечерни, л. 329), «...тѣмже с<ва>тѣи тр<ои>цѣ оугодникъ показалсѣ еси. и нынѣ молисѣ ѡ насъ...» (стихира на литии, л. 330 об.). Похожие выражения можно наблюдать в службе на преставление святого. Примечательно, что в тексте проводится сравнение преподобного Алек-

сандра с ветхозаветным патриархом Авраамом: «...и иакоже древле авраамъ пр<а>в<ед>нии, преподобне о<т>че алезандре страннолюбѣ притажал еси...» (славник на «Господи, воззвах» великой вечерни, л. 328—328 об., а также в славнике на хвалитех, л. 354). Подобного мы не встречаем в службе на 30 августа.

О времени создания службы. Некоторые замечания по поводу времени написания службы можно сделать, исходя из редакции Богородична после тропаря. Богородичны — песнопения, которые поются после стихир и тропарей на «И ныне». Чаще всего они представляют собой общеупотребительные тексты, взятые из Октоиха и помещенные в приложениях служебных Миней, Часословов, Ирмологиев. В данном случае после тропаря святому шестого гласа предлагается воскресный Богородичен того же гласа. Текст песнопения приводится полностью (в отличие от всех остальных Богородичнов этой службы, для которых, как это обычно бывает, даются только начальные слова). Он соответствует дониконовской редакции, которую можно наблюдать в печатной Минее на месяц декабрь 1645 г.¹⁸ Исправленный при патриархе Никоне текст приводим по Псалтири с Часословом 1658 г.¹⁹ (табл. 1).

Таблица 1. Сравнение текстов Богородична

ПС 6—7	Миней на декабрь, 1645 г.	Псалтирь с Часословом, 1658 г.
Иже бл<а>гословеннѣю нареки м<а>т<е>рь себѣ прииде на страсть волею своею, и восіавѣ на кр<ес>тѣ, възскати хота адама, г<лаго>ла агг<е>ломъ срадѣтиса, іакѡ ѡбрѣтеса изгибшаа драхма, иже вса м<ѡ>дрѣ оустрои выи б<о>же слава тебѣ. (л. 336 об. — 337)	Иже бл<а>гословеннѣю нареки м<а>т<е>рь себѣ, прииде на стр<ас>ть волею своею, восіавѣ на кр<ес>тѣ, възскати хота адама. глагола агг<е>ломъ, срадѣтиса, іакѡ ѡбрѣтеса изгибшаа драхма. иже вса моудрѣ оустрои выи, г<оспо>ди слава тебѣ. (л. 470 об.)	Бл<а>г<осло>веннѣю нареки твою м<а>т<е>рь, пришель еси на стр<ас>ть волнымъ хотѣнемъ, восіавѣ на кр<ес>тѣ, възскати хота адама, г<лаго>ла агг<е>ломъ срадѣтиса мнѣ, іакѡ ѡбрѣтеса погибшаа драхма. вса мѡдрѣ оустрои выи б<о>же нашѣ, слава тебѣ. (л. 532)

Сравнительный анализ показал, что текст Богородична в ПС 6—7 почти полностью совпадает с текстом в Минее 1645 г. и отличается от новой редакции. Это позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, автор при составлении службы пользовался не-

исправленными книгами. Во-вторых, служба, содержащаяся в ПС 6—7, списана с более раннего текста, поскольку использование дониконовских текстов мастерами Оружейной палаты Московского Кремля в 1660—1670-е годы (если допустить, что перед нами автограф) представляется весьма маловероятным. Таким образом, следует предполагать, что служба создана в ближайшие годы после события перенесения мощей 5 декабря 1644 г. Если, однако, автор ее жил на периферии (например, им являлся насельник Александр-Свирского монастыря), то он мог пользоваться старыми книгами и в более позднее время, когда в Москве справа уже была осуществлена. Вопрос о том, кем и где написана служба, остается открытым.

Таким образом, благодаря рукописи ПС 6—7 стала известна уникальная служба на перенесение мощей преподобного Александра Свирского 5 декабря. Подобно многим русским службам своей эпохи она была составлена при помощи заимствования из более ранних образцов, однако обнаруживает самостоятельный текст гимнографа, причем в большей степени, чем служба на преставление святого Александра 30 августа. В заключение хочется выразить надежду на восстановление забытого после революции праздника в церковном богослужебном календаре.

¹ Здесь и далее все даты указаны по старому стилю.

² Списки службы см.: Барсуков Н.П. Источники русской агиографии. СПб., 1882. С. 26; Клементьев А.К. Служба преподобному Александру Свирскому — памятник русской гимнографии XVI в. // Polata Knigopisnaia: an Information Bulletin Devoted to the Study of Early Slavic Books, Texts and Literatures. Amsterdam, 1995. Vol. 27/28. P. 147, 148.

³ Соболева А.Е., Соболева М.Е. Рукопись Жития Александра Свирского из собрания Покровского собора в кругу лицевых рукописей Жития // Актуальные проблемы изучения и сохранения памятников архитектуры: Чтения памяти И.И. Кузнецова. Вып. 1. Материалы научной конференции. Москва, 12—13 ноября 2019 г. М., 2020. С. 113. URL: <https://disk.yandex.ru/i/HAeU9XR7uvdhiw> (дата обращения: 26.02.2022 г.).

⁴ Соболева А.Е. Житие Александра Свирского как источник по истории русского литературного языка: Дисс... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2013. С. 22.

⁵ Филарет (Гумилевский), архиеп. Обзор русской духовной литературы 862—1863. СПб., 1884. С. 153.

⁶ Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1917. Отд. III. Ч. 2. С. 232.

- ⁷ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией Императорской Академии наук. СПб., 1836. Т. 3: 1613—1645. С. 474.
- ⁸ В рукописи содержатся три карандашные пагинации; расхождения между ними начинаются с л. 115; листы в статье даны по той, что расположена в левом нижнем углу листов.
- ⁹ Описание рукописи см.: *Соболева А.Е., Соболева М.Е.* Рукопись Жития Александра Свирского..., 2020. С. 112—114.
- ¹⁰ Там же. С. 111.
- ¹¹ Первые упоминания о Потапе Максимове относятся к 1661 г. (*Соболева А.Е., Соболева М.Е.* Рукопись Жития Александра Свирского..., 2020. С. 124).
- ¹² *Соболева А.Е., Соболева М.Е.* Рукопись Жития Александра Свирского..., 2020. С. 111.
- ¹³ *Викторов А.Е.* Описи рукописных собраний в книгохранилищах северной России. Издание Археологической комиссии. СПб., 1890. С. 183.
- ¹⁴ Олонецкие епархиальные ведомости. Петрозаводск, 1901 г. № 11. С. 353.
- ¹⁵ Там же. 1912 г. № 36. С. 595.
- ¹⁶ *Соболева А.Е., Соболева М.Е.* Рукопись Жития Александра Свирского..., 2020. С. 111.
- ¹⁷ Здесь и далее текст цитируется по следующим правилам: знаки ударений и придыханий не отражаются, выносные буквы внесены в строку, написания под титлом раскрываются в < >.
- ¹⁸ Минья служебная. Декабрь. 1645 г. // Собрание старопечатных книг на сайте Троице-Сергиевой Лавры. URL: <https://lib-fond.ru/lib-rgb/mk-rgb/mineya-sluzhebnaaya-dekabr-2/#image-474> (дата обращения: 26.02.2022 г.).
- ¹⁹ Псалтирь с Часословом. 1658 г. // Собрание старопечатных книг на сайте Троице-Сергиевой Лавры. URL: <https://lib-fond.ru/lib-rgb/mk-rgb/psaltir-s-chasoslovom/#image-425> (дата обращения: 26.02.2022 г.).

А.Е. Соболева, М.Е. Соболева

Миниатюристы XVII в.: какие рукописи оформлял Потап Максимов?

Настоящая статья является продолжением исследования рукописи лицевого Жития преподобного Александра Свирского из собрания Покровского собора ГИМ¹. Она носит проблемный характер и посвящена вопросам атрибуции нескольких лицевых рукописей второй половины XVII в. Ранее мы предположили, что писец Потап Максимов, называющий себя в картуше рукописи 1672 г., и Потап Максимов, указанный в картуше написанного несколькими годами позднее Ирмология 1680 г., — это один и тот же мастер Оружейной палаты². Цель нашей работы — выяснить, не участвовал ли он в оформлении других рукописей — лицевой нотной Псалтыри и Вертограда многоцветного из собрания БАН.

Объектом исследования стали четыре рукописи: 1) Житие преподобного Александра Свирского, до 1672 г. (далее — Житие), ГИМ, фонд Покровского собора, инв. № 6—7; 2) Ирмологий, 1680 г. (далее — Ирмологий), РГБ. Ф. 178, Музейное собрание, № 7753; 3) нотная Псалтирь рифмотворная³, 1687 г. (далее — Псалтирь), БАН, Петровское собрание, № 66; 4) Вертоград многоцветный⁴, конец 1670-х годов (далее — Вертоград), БАН, Петровское собрание, № 54.

Только изучение рукописей de visu позволяет атрибутировать безымянные работы из разных древлехранилищ на основании выявленного сходства в их оформлении⁵. Сложность в атрибуции вызывают особенности экспонирования и доступности рукописей. Житие Александра Свирского, как правило, экспонируется раскрытым на изысканной миниатюре о важнейшем событии Жития и православной истории — явлении Святой Троицы преподобному. Все остальное роскошное оформление рукописи остается недоступным. Между тем, ознакомление с ним, возможно, позволит

Рис. 1. Картуш с именем писца и картуш с вкладной записью. Житие. Л. 290, 1

существенно расширить круг атрибутированных рукописей, мастера которых пока анонимны. Четыре миниатюры Жития опубликованы⁶; в данной статье будет подведен итог в публикации оформления: красочной заставки и картушей рукописи.

Кратко напомним основные сведения о рукописи. Лицевое Житие преподобного Александра Свирского из собрания Покровского собора имеет ключевое значение в изучении рукописной традиции Жития и развития иконографии сюжетов. Оно написано мастером Оружейной палаты Московского Кремля Потапом Максимовым до 1672 г. по заказу известного московского дьяка Богдана Силина, возглавлявшего в 1641–1682 гг. Золотую и Серебряную палаты Оружейного приказа. Рукопись украшают четыре миниатюры в лист, различные как по качеству художественного исполнения, так и используемых материалов. Декоративное убранство также составляют старопечатные картуши с указанием

имен заказчика и исполнителя рукописи (рис. 1).

Отдельного внимания заслуживает «Сказание главам» на л. 3 перед оглавлением Жития, помещенное в стилизованную геометрическую рамку, украшенную растительным орнаментом (рис. 2). Небольшие картуши, обрамляющие основное пространство листа, заполнены переплетениями голубых, фиолетовых и алых цветов, перемежающихся с ягодами малины. Связующим звеном между разрозненными элементами выступают ромбовидные плетенки.

Подобное оформление широко применяли мастера Оружейной палаты во второй половине XVII в. Наиболее ярким примером служат титульные листы и заставки «Царских Титулярников» 1672 г. Орнаментальное обрамление миниатюр и декор рамок в исследуемых рукописях близки аналогичным украшениям в Евангелиях 1677–1678 гг. из собрания Московского Кремля (№ 15, 16 по Каталогу)⁷. Особенности отмечаются в оформлении входной рамки и миниатюры Евангелия от Луки в лицевом Евангелии 1684 г. (№ 17)⁸, писцы и оформители которого неизвестны. Однако именно эти рамки и послужили поводом для проведения данного исследования.

Ирмологий 1680 г. привлечен не случайно. Именно в его картуше на л. 2 упоминается еще раз Потап Максимов: «Книга нотнаа писаннаа въ Москвѣ при царе Феодорѣ Алексѣевичѣ въ Его Государевыхъ палатахъ и Его государственными рабы Потапкомъ Максимовымъ и Андреикомъ Михайловымъ въ лето ѳѳрпи мѣсца іюля въ Е день отъ спасительнаго же воплощеніа Бога Слова ѳаѳп года мѣсца іюля въ е день индикта г» (рис. 3). Картуш выполнен

Рис. 2. Рамка «Сказания главам». Житие. Л. 3

Рис. 3. Картуш с выходной записью. Ирмологий. Л. 2

на бумаге первой половины XVIII в.⁹, сама запись написана почерком XVIII в. и по содержанию является очевидным пересказом оригинальной. Писец XVIII в. дважды ошибается: «#ψрпи» записано, очевидно, вместо «#зрпи» (7188) и «#аѣп» вместо «#ахп» (1680). Ясно, что кириллическая цифирь, хорошо знакомая писцам XVII в., является для него непонятной. Поскольку запись не оригинальна, сравнить почерки мы не можем. Однако, похоже, что художник этого вставного листа старался передать оригинальное оформление, подражая рукописи: заставка на л. 2 удивительно близка по своему решению витой барочной заставке на л. 6 (рис. 4). Полная сохранность всей осталь-

ной рукописи указывает на, возможно, восполняющий характер вставки взамен поврежденного листа.

Лицевой Ирмологий содержит 13 миниатюр в лист, предшествующих соответствующим ирмосам. Ранее мы предположили, что над ними мог работать Потап Максимов, украшавший Житие, в пользу чего говорят особенности художественного оформления обеих рукописей: общие композиционные приемы; колористическое решение, построенное на созвучии голубых, лиловых и охристых тонов; вытянутые, моделированные крупными складками фигуры святых и т. п.

Художественными элементами, максимально близкими друг к другу в двух рукописях, являются рамки: в Житии — перед «Сказанием главам» (рис. 2); в Ирмологии — заставка к началу «Божественной литургии» на л. 125 (рис. 5, 6). Обращают на себя внимание небольшие картуши, обрамляющие основное пространство л. 125. Они заполнены переплетениями голубых, фиолетовых,

Рис. 4. Разворот с оригинальной миниатюрой псалмопевца и заставкой к псалмам. Ирмологий. Л. 5 об., 6

алых цветов с вкраплениями ягод малины, которые мы уже видели ранее. Связующим звеном между разрозненными элементами выступают знакомые плетеные узлы.

Исходя из записей в двух картушах и очевидного сходства в исполнении рамок, можно предположить, что они выполнены Потапом Максимовым. Вывод этот строится, в том числе, на следующих особенностях исполнения рукописи Жития. Прежде всего, Потапу Максимову принадлежит оформление первой части рукописи Жития (именной картуш помещен после блока житийных текстов перед второй частью рукописи с текстами об обретении мощей преподобного Александра); декоративная рамка к «Сказанию главам» открывает оглавление рукописи, которое не содержит упоминания о текстах об обретении мощей. Мы не уверены, что Потап Максимов точно написал вторую часть рукописи Жития и предполагали несколько вариантов, однако можем сказать, что сочетание его имени в картуше Ирмология 1680 г. и очевидное сходство рамок-заста-

Рис. 5. Заставка к «Божественной литургии Иоанна Златоуста». Ирмологий. Л. 125

вок свидетельствуют о том, что их автор один мастер — Потап Максимов. В качестве исполнителей Ирмология указаны два человека, и миниатюры этой рукописи также выполнены в несколько рук. Похоже, что тот же принцип работы был применен к рукописи Жития при исполнении заказа Богдана Силина.

Что мы знаем о Потапе Максимове? Приведем здесь данные из предыдущей публикации; другие достоверные сведения о нем пока не выявлены. Первое упоминание о нем в числе золотописцев Оружейной палаты относится к 1661 г.: «14—17 января 7169 (1661) г. были у книжного писма у часослова прописывали золотопи́сец Семен Сидоров, да Потап Максимов, да Наум Семенов»¹⁰. Еще известно, что в 1680 г. некий Потап Максимов входил в узкую группу писцов наречного пения при царском дворе.

В 1683 г. Потапом Максимовым «с товарищи» была подана челобитная с просьбой выплатить жалованье. В 1687 г. состав писцов изменился: из прежних был только Потап Максимов¹¹.

К сожалению, сохранились всего два известных нам подписанных списка, которые могли бы позволить выявить основную направленность и характерные черты созданных им рукописей. Однако мы обратили внимание на два кодекса, авторы которых остаются неизвестными, но также относятся к мастерам Оружейной палаты.

21—24 октября 2014 г. состоялась научная конференция «Современные проблемы археографии», посвященная 300-летию Библиотеки РАН. В рамках конференции в читальном зале отдела рукописей проходила выставка «История формирования рукописных фондов Библиотеки Российской академии наук», на которой был

Рис. 6. Миниатюра и заставка к «Божественной литургии Василия Великого». Ирмологий. Л. 514

представлен подносной экземпляр нотной «Псалтыри рифмотворной» Симеона Полоцкого. Музыка к ней сочинил выдающийся композитор конца XVII — начала XVIII в. Василий Поликарпович Титов. Обработка Титова была издана в 1687 г., этим же годом датируется сама рукопись. В рамках конференции, авторы статьи познакомились с оформлением «Псалтыри», но увидеть, вспомнить и понять, что той же рукой выполнено оформление в других рукописях, удалось только сейчас, когда изображения всех заставок одновременно оказались доступны для сравнения.

Псалтырь открывает входная миниатюра с изображением царя Давида на л. 5 об. (рис. 7), композиционное решение которой объясняется небольшим форматом (в «четверку») самого списка. Масштабная фигура Псалмопевца, расположенная в центре листа, заключена в архитектурные арки с золотыми капителями и пурпурными завесами. Сами арки окружены декоративными картушами, золотой фон которых украшен уже знакомыми нам тьюль-

Рис. 7. Входная миниатюра и выходная запись «Псалтыри рифмотворной». Л. 5 об., 6

панями, гвоздиками, ягодами малины и другими растительными мотивами. Аналогичные картуши и объединяющие их синие плетенки обрамляют следующий л. 6 с посвящением рукописи (рис. 7).

Несмотря на уменьшенный формат, нельзя не отметить близость украшений подносной Псалтыри рамкам и заставке Божественной литургии в Ирмологии, в особенности к Литургии Василия Великого. Изображение Василия Великого вписано в арку, заполненную теми же цветами и ягодами, что и картуши на соседнем листе. Подобным образом устроена композиция входной миниатюры Псалтыри. Создается впечатление, что это листы одной рукописи. Сходные растительные мотивы составляют декоративное убранство рамки на л. 5 об. Ирмология (рис. 4). В точности так же оформлена входная миниатюра и заставка к ирмосам с изображением Иоанна Дамаскина на л. 155 об., 156 Ирмология (рис. 8). Фигуры псалмопевцев Псалтыри и Ирмология тоже обнаруживают сходство в исполнении. Привлекает внимание несомненное заимствование оформления верхней рамки, центральную часть которой в обоих случаях занимает изображение гвоздики в картуше, обвитом цветами и серповидными цепями: изображение в Псалтыри на л. 6 практически дословно повторяет верхнюю часть заставки на л. 125 рукописи РГБ. Таким образом, заставку Псалтыри можно назвать «сокращенным вариантом» заставок рукописи из собрания РГБ. Вероятно, они все выполнены рукою Потапа Максимова.

Однако в исполнении рисунков Псалтыри, написанной через семь лет после Ирмология, заметен меньший профессионализм.

Рис. 8. Миниатюра и заставка к ирмосам Иоанна Дамаскина. Ирмологий. Л. 155 об., 156

Возможно, некоторая грубость и обобщенность рисунка была обусловлена срочностью заказа, так как автор спешил как можно быстрее преподнести экземпляр «...пресветлы дщери пресвѣтлаго царя, многих царствъ и княжествъ и земель государя, благовѣрных веля царевны премудры Софии Алеѳіевны повелѣніемъ: ся книга стѣго царя Дѣда, мужа избраннаго. Псалтырь вѣршами новоизданная во славу Бѣгу, днесь написанная нотами новоулѣпотствовася. Ейже премѣдрой црѣвѣ подася от Василия діака пѣвчего Титова раба их всемирнаго ... 7195 (1687 г.), месяца марта дня 29». Писцовая запись, сообщающая о выполнявших заказ мастерах, к сожалению, отсутствует.

Нами было обнаружено важное упоминание этой Псалтыри в исследовании Лидии Ивановны Сазоновой, посвященном еще одному произведению Симеона Полоцкого — Вертограду многоцветному. Рукопись Вертограда была поднесена царю Федору Алексеевичу уже после смерти Симеона Полоцкого, а в 1682 г. «взята» в хоромы царевны Софьи. В работе Л.И. Сазоновой также упомянута версия А.И. Белецкого и И.П. Еремина, что это «...под-

Рис. 9. Рамка из Вертограда многоцветного.
Л. 17

готовленная автором к печати окончательная редакция „Вертограда“»¹².

Говоря об оформлении Вертограда, исследовательница утверждает: «Несомненно, тот же самый художник участвовал в оформлении парадной рукописи „Псалтири нотной“ Симеона Полоцкого — Василия Титова, поднесенной царевне Софье Алексеевне; на л. 5 об. — миниатюра с изображением царя Давида в красках, с золотом, в растительный элемент здесь также вплетается характерный для нарядных миниатюр „Вертограда“ мотив „морошки“». На л. 5 об. и на л. 6 с посвящением книги царевне Софье — великолепная декоративная рамка, прописанная се-

ребряной краской, как на л. 17 в рукописи Вертограда»¹³ (рис. 9). Наглядных доказательств автором не приводится, вывод об одном и том же оформителе заставок разных рукописей делается на основе общего орнамента — ягод морошки (или малины, или райской ягоды), которая в целом характерна для оформления рукописей этого периода. Вертоград украшают и другие заставки (всего их 34), не столь близкие приводимым примерам и требующие отдельного изучения.

Сравнив оформление всех четырех рукописей, мы склонны согласиться с утверждением исследовательницы, поскольку близость композиционного и колористического решения, особенности прорисовки отдельных элементов (высветление лепестков цветов и листьев аканта, проработка их поверхности «жилками») отсылают нас к вышеупомянутым рисункам рукописей, автором которых был Потап Максимов. Хотя в оформлении рамки из Вертограда нет картушей и ромбовидных плетенок, это изображение особенно близко заставке из Ирмология (рис. 8): золотой фон за-

полняют та же гвоздика в центре, переплетения оранжевых, фиолетовых и синих райских цветов.

Отдельно можно говорить о близости художественного решения текстов. Необходимо отметить сходство в оформлении инициалов: немногочисленные серебряные инициалы Ирмология (л. 6, 125), стилизованные под барочные витые мраморные колонны, очерчены тонкой золотой линией. Подобный инициал мы встречаем в рукописи Жития (л. 293 об.). Буквицы в основном были прописаны золотом, иногда с подведением контура черной окантовкой, что также применяется в украшении текстов других рукописей (Вертоград, л. 17).

Таким образом, если мы все же соглашаемся с тем, что указанные заставки Вертограда и Псалтыри были выполнены одним художником, то должны сказать, что между заставками Ирмология и Псалтыри сходство еще нагляднее, а, значит, — атрибутировать этому художнику (или художникам) как минимум миниатюры и заставки к псалмам, литургиям Иоанна Златоуста и Василия Великого, ирмосам в Ирмологии 1680 г. и заставку к «Сказанию главам» в рукописи Жития. Следовательно, зная на основании писцовых записей и близости художественного и текстового исполнения писца и оформителя Ирмология и Жития преподобного Александра, мы можем объединить все четыре рукописи в круг памятников, в создании которых участвовал Потап Максимов или же его ближайшие ученики в течение 1672—1687 гг. В заключение отметим, что в связи с упомянутой в начале статьи близостью оформления этих четырех рукописей Евангелию 1684 г., возможно, было бы перспективным исследование его декора в сопоставлении с ними.

¹ Подробное описание рукописи, ее миниатюр, особенностей редакции Жития и других текстов см.: Соболева А.Е., Соболева М.Е. Рукопись Жития Александра Свирского из собрания Покровского собора в кругу лицевых рукописей Жития // Актуальные проблемы изучения и сохранения памятников архитектуры: Чтения памяти И.И. Кузнецова. Вып. 1. Материалы научной конференции. Москва, 12—13 ноября 2019 г. М., 2020. С. 111—131. URL: <https://disk.yandex.ru/i/HAeU9XR7uvdhiw> (дата обращения: 03.03.2022 г.).

² Соболева А.Е., Соболева М.Е. Рукопись Жития Александра Свирского..., 2020. С. 124.

- ³ Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР / Сост. И.Ф. Мартынов. Т. 4. Вып. 2: Стихотворения, романсы, поэмы и драматические сочинения XVII — первая треть XIX в. Л., 1980. С. 33.
- ⁴ Описание Рукописного отдела..., 1980. С. 17.
- ⁵ Сердечно благодарим зав. музеем «Покровский собор» Т.Г. Сарачеву за содействие и расположение к нашей исследовательской работе, а также фотографа ГИМ Г.Г. Сапожникова за съемку публикуемых иллюстраций.
- ⁶ Соболева А.Е., Соболева М.Е. Рукопись Жития Александра Свирского..., 2020. С. 118, 119, 122, 123.
- ⁷ Рукописные и печатные Евангелия XIII — начала XX века в собрании Музеев Московского Кремля: Каталог. М., 2019. Т. 1. С. 150—195.
- ⁸ Там же. С. 190—191.
- ⁹ Водяные знаки вставных листов л. I, 2: картуши с литерами ТФ и РФ близки к: Клепиков С.А. Филигранные на бумаге русского производства XVIII — начала XX века. М., 1978. № 537: 1728—1734 гг. Водяные знаки остальной рукописи: л. 308а, 302: герб с лилией и литерами IHS LR под крестом см.: Дианова Т.В., Костюхина Л.М. Филигранные XVII в. по рукописным источникам ГИМ: Каталог. М., 1988. № 959: 1674 г.; л. 302: литеры RC под крестом Heawood — № 2965: 1683 г.; л. 154: герб и литеры IC — соответствия в доступных альбомах не найдены.
- ¹⁰ Кочетков И.А. Словарь русских иконописцев XI—XVII вв. М., 2009. С. 830.
- ¹¹ Протопопов В.В. Нотная библиотека царя Федора Алексеевича // Памятники культуры: Новые открытия. Письменность, искусство, археология. Ежегодник, 1976. Л., 1977. С. 121, 122.
- ¹² Simeon Polockij (1629—1680). Vertograd mnogocvetnyj / Ed. by Anthony Hippisley a. Lydia I. Sazonova. With a forew. by Dmitrij S. Lichačev. Köln etc.: Böhlau, 1996—2000 (Bausteine zur slavischen Philologie u. Kulturgeschichte. Wien, 2000. Bd. 10/3. S. XLI, XLII).
- ¹³ Simeon Polockij (1629—1680). Vertograd mnogocvetnyj..., 2000. S. XLVI.

Н.Н. Малышева, Т.Г. Сарачева

Обзор коллекции фотопластинок 1920—1930-х годов из негатеки Покровского собора

История создания коллекции негативов в Покровском соборе начинается практически одновременно с официальным открытием в нем историко-архитектурного музея 21 мая 1923 г. Согласно плану деятельности, разработанному заведующим «Музеем-собором Покровским и Василия Блаженного что на Рву» Е.И. Силиным (1877—1928), в музее должны были проводиться научно-исследовательская, культурно-просветительная работа, комплектование фондов, учет, регистрация и реставрация памятников старины, а также самого здания¹.

Одними из первых было решено отреставрировать иконы «Покров Пресвятой Богородицы» XVII в. и «Троица Ветхозаветная» XVI в., которая «...особенно большое значение будет иметь для экскурсий»². В рапорте музея в Отдел музеев Главнауки от 4 июня 1923 г. сообщается: «...31 мая отпущена в Государственную Реставрационную мастерскую икона Троицы XVI века для реставрации за счет общины музея Покровского собора³ за сумму 1700 руб. Работа будет исполнена Ив. Ив. Суловым под наблюдением Г.О. Чирикова, причем будут сделаны два фотографических снимка до реставрации и по окончании»⁴. Уже в следующем году сотрудники музея начали составлять первые списки поступивших негативов.

В настоящее время в состав негатеки музея в Покровском соборе входят стеклянные и пленочные негативы. В первые десятилетия музейной деятельности в коллекцию поступали стеклянные негативы, так называемые фотопластинки. Они датируются в основном 1920—1930-ми годами, по 1940 г. включительно. Это было время кардинальных перемен во внешнем виде и интерьерах храма. В процессе реставрации и музеефикации одни элементы убранства исчезали, другие изменялись в соответствии с пред-

ставлениями о том, как выглядел собор в XVI столетии. Также — это время становления историко-архитектурного музея в стенах храма, выработки концепции экспозиционного показа. Фотографы фиксировали многие поистине революционные изменения. Единичные экземпляры фотопластинок, возможно, сделаны ранее 1920 г.; небольшая часть выполнена в 1950-е — начале 1960-х годов.

Сохранились 83 картонные коробки с негативами русского и иностранного (Англия, Австрия) производства. Размеры негативов в большинстве случаев составляют 13 × 18 см; в десяти коробках — 18 × 24 см, в одной — 13 × 9 см⁵. Всего насчитывается более 1050 экз., из них на 890 снимках запечатлен Покровский собор, на 159 — церковь Троицы в Никитниках (Грузинской иконы Божией Матери), на трех — интерьеры и иконостас церкви Петра и Павла на Торговой стороне в Новгороде⁶, на пяти — Пафнутьево-Боровский монастырь⁷. Такая представительная коллекция ни разу не становилась предметом научных исследований; публиковались лишь единичные фотографии с негативов⁸.

Большинство фотопластинок в коробках снабжены отпечатками. Их количество, сделанное с одной фотопластинки, варьируется от одного до четырех. Часть фотографий подписана, единичные датированы, что существенно упрощает атрибуцию негативов. К сожалению, по причине неудовлетворительных условий хранения в прежние годы многие фотопластинки имеют дефекты: отслоение и физические повреждения эмульсии — царапины, трещины, сколы. Часть негативов разбита на несколько фрагментов. В силу этого их сохранность вызывает определенные опасения. Чтобы защитить оригиналы от дальнейшей порчи и разрушения, было важно вывести их из повседневного обращения, получив цифровые копии, которые также существенно ускорили атрибуцию. В 2018 г. большая часть фотопластинок из этой коллекции была оцифрована⁹, а с 2020 г. начата передача негативов в отдел ИЗО ГИМ.

Основными источниками формирования этой коллекции были работы фотографов, выполнявших по заданию музея фотофиксацию «...реставрационных работ, как архитектуры, так и памятников древней живописи и прикладного искусства, ...а также фотографирование предметов музейного значения, необходимых для научной работы и экспозиции». Особо оговаривалось, что «...необходимо фотографирование до реставрации, процесс работ и по окончании работы»¹⁰.

С 1924—1925 гг. в сметах музея-собора Василия Блаженного в разделе «Расходы на научную часть» появляются пункты: «фотографирование музейных предметов» и «фотографирование реставрационных работ по архитектуре»; через год добавляется пункт «отпечатки для научных протоколов». Уже в отчете музея за 1924—1925 академический год в разделе «Расчистка и укрепление памятников древнерусского искусства» перечислены 11 отреставрированных икон, а после приведенного списка отмечено: «На все вышеуказанные работы составлены научные протоколы с фотографическими снимками: 1) до расчистки, 2) во время процесса работы и 3) по окончании расчистки». В разделе отчета «Фотографические снимки» указано: «В настоящее время фотографических снимков в Музее-Соборе имеется 85 негативов, из них: 1) с рукописей и других вещей — 20 шт.; 2) протокольных по реставрации икон — 43; 3) протокольных по реставрации архитектуры — 22. Негативы хранятся в Музее-Соборе»¹¹.

Документы из архива музея свидетельствуют, что работа с фототекой в период формирования коллекции стеклянных пластинок велась активно и систематически. Поступающие в музей негативы и отпечатки записывали в книгу № 5 «Каталог фотографического материала архива Музея-Собора Василия Блаженного и Музея-Храма Грузинской Божией Матери» от 26 сентября 1926 г., которую пока не удалось обнаружить. Кроме того, составляли опись фотоматериалов¹².

В плане работ музея на 1928—1929 академический год впервые выделен особый раздел «Фототека», в котором приводятся следующие данные: «В Музее имеются 165 негативов и по два отпечатка с них... На фототеку имеется инвентарь, каталожные карточки будут составлены в 1928—1929 году. Необходимо, кроме реставрационных протокольных снимков, зафотографировать до пятидесяти предметов экспонируемых»¹³. Во всех последующих планах работ вплоть до 1941 г. обязательно есть пункты: регистрация негативов и отпечатков в инвентарной книге и составление картотеки. В 1940 г. к этому добавляется инвентаризация негативов и сверка их с отпечатками.

На протяжении многих лет работа с фототекой входила в обязанности хранителя фондов музея Елизаветы Степановны Мосягиной (1889—1953), единственного научного сотрудника музея в первые годы его существования¹⁴ (рис. 1). В конце 1930-х годов, возможно, в связи с увеличением объема работ, к ней при-

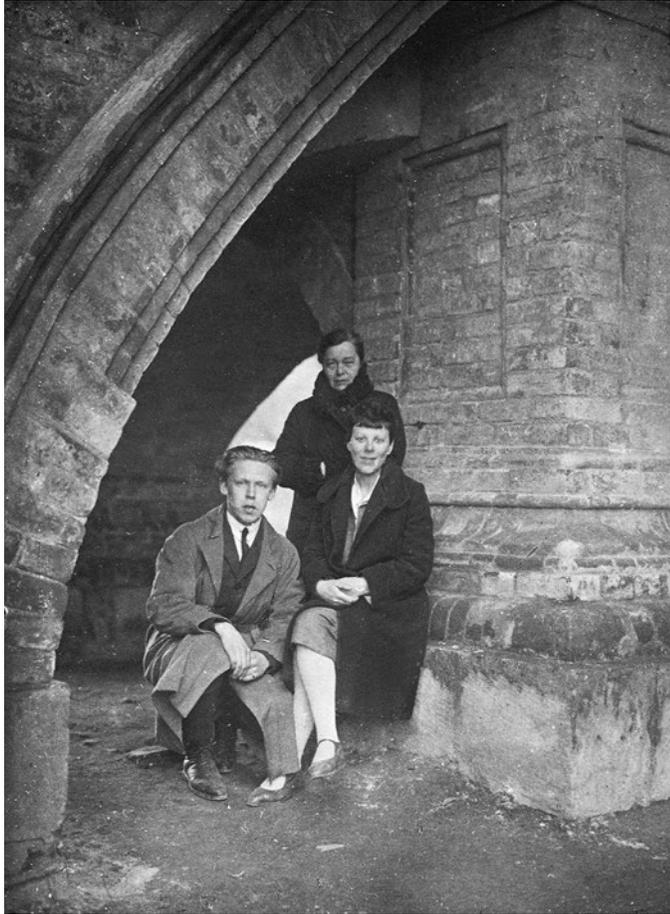

Рис. 1. Н.Н. Соболев, Е.С. Мосягина, Н.И. Турецкая под аркой крыльца Покровского собора. 1929 (1930?) г. Из личного архива Т.А. Подстаницкой

соединились научный сотрудник ГИМ Анастасия Ефимовна Пуня (1896 — после 1965)¹⁵ и О.М. Соколова. Судя по пометкам на коробках, сверка негативов периодически проводилась и во второй половине 1940-х годов, и в 1950-е годы.

Состав коллекции негативов можно разделить на несколько тематических групп. Первая, самая многочисленная группа — это снимки, сделанные в процессе реставрационных работ фасадов и интерьеров Покровского собора (609 экз., 57% стеклянных негативов). Широкомасштабные работы под руководством опыт-

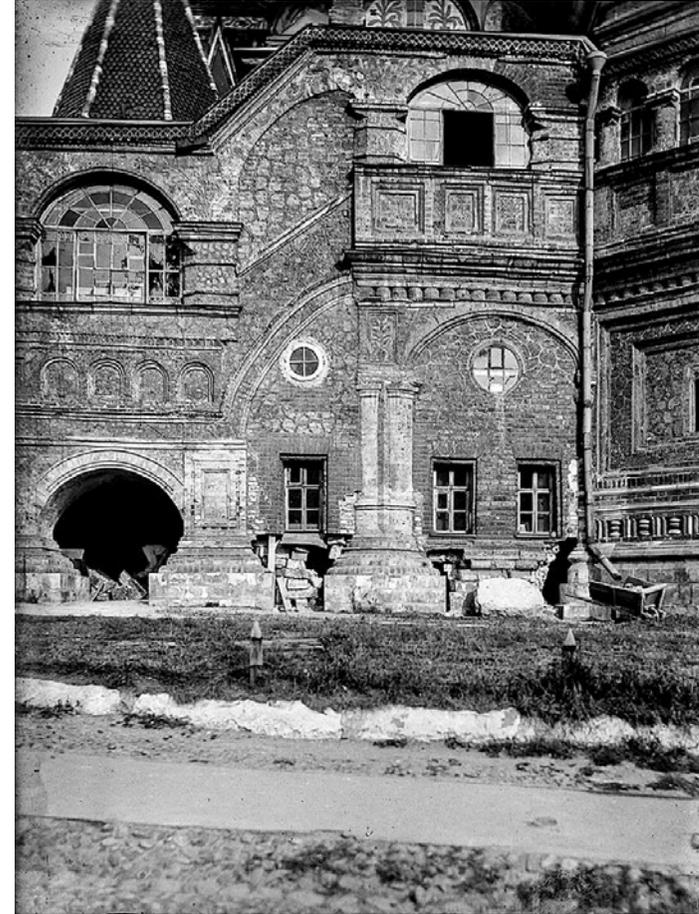

Рис. 2. Открытие арок нижней аркады на западном фасаде собора. 1927–1928 гг. Отдел ИЗО ГИМ

ного архитектора, реставратора Д.П. Сухова (1867—1958) начались сразу же после открытия музея в соборе. Количество снимков отдельных частей собора разное: так, например, хорошо документирована реставрация западного фасада на уровне первого яруса — подклета; в наличии 71 фотопластинка, в то время как по восточному фасаду сохранилось всего 3 негатива. В 1920-е годы реставрация большими площадями снаружи собора началась именно с западного фасада¹⁶. Во многих случаях это были показательные раскрытия, определявшие методику работы на других

Рис. 3. Реставрация западного портала центральной церкви Покрова. 1939 г.
Отдел ИЗО ГИМ

участках собора (рис. 2). Вероятно, этим объясняется более тщательная фотофиксация работ на западном фасаде.

Также хорошо документирована реставрация настенной живописи во внутренней галерее и на площадках второго яруса собора, осуществлявшаяся в 1930-е годы¹⁷ (рис. 3, 4). Впервые были проведены работы по воссозданию фресковой и темперной росписей XVI–XVII вв., остатки которых были обнаружены под поздними масляными записями. На многих негативах запечатлен процесс послойного выявления древних, а поэтому самых ценных,

Рис. 4. Западный портал центральной церкви Покрова после реставрации. 1939–1940 гг.
Отдел ИЗО ГИМ

по мнению реставраторов, красочных слоев (рис. 5). Особый интерес представляют негативы, показывающие исчезнувшую навсегда в ходе этих работ живопись «религиозного характера», которая диссонировала не только с создававшейся в те годы в соборе музейной экспозицией, но и в целом с советской идеологией (рис. 6). Они остаются единственным источником, позволяющим представить, как выглядело убранство храма в XIX — начале XX в. Тогда же, в 1930-е годы, реставраторы заменили фигурные оконные заполнения внешней галереи на новые, мелкорешетчатые. Ри-

Рис. 5. Раскрытие настенных росписей XVII века на своде северо-западной площадки внешней обходной галереи. 1935–1936 гг. Отдел ИЗО ГИМ

сунок прежних деревянных рам ясно прочитывается на нескольких негативах.

Реставрация церкви отражена неравнозначно. Она началась на втором ярусе в 1924–1926 гг. с церкви святого Григория Армянского и Входа Господня в Иерусалим, так как нижние приделы в то время еще использовались общиной верующих. Если по первой церкви в наличии 12 фотопластинок, то по второй — всего пять. Церкви, которые реставрировали позднее, в конце 1920–1930-х годов, — святых Александра Свирского, Варлаама Хутынского

Рис. 6. Настенные росписи на северо-западной площадке внешней обходной галереи до начала реставрации. 1936–1937 гг. Отдел ИЗО ГИМ

и Святой Живоначальной Троицы — представлены десятками снимков, показывающих все многообразие реставрационных процессов (рис. 7).

В самом начале музейной деятельности в Покровском соборе руководствовались звучавшими в среде музеевдов пафосными призывами «...восстановить всеми средствами первоначальный замысел и облик»¹⁸ памятника. Из интерьеров храма удаляли все позднее, что искажало древний облик. Со стен сбивали сюжетную роспись XIX в., выявляя под толстыми слоями штукатурки перво-

Рис. 7. Восстановление первоначальных архитектурных деталей в церкви преподобного Александра Сvirского. 1930–1932 гг. Отдел ИЗО ГИМ

зданные архитектурные детали. Стены всех пяти перечисленных выше церквей Покровского собора были выбелены. В четырех из них разобрали поздние иконостасы, место которых заняли вновь выстроенные тябловые алтарные преграды. Лишь несколько фотопластинок, ставших теперь уникальными, позволяют частично восстановить облик прежних каркасных иконостасов.

После прекращения в 1929 г. богослужений в нижних церквях Василия и Иоанна Блаженных реставраторы приступили к работам в интерьерах первого яруса. В соответствии с музейными це-

Рис. 8. «Страшный суд». Настенная роспись конца XIX – начала XX в. на паперти церкви святого Василия Блаженного. После 1929 г. Отдел ИЗО ГИМ

лями они стремились придать стенам нейтральный вид, счищая или забеливая настенные росписи. Здесь были сделаны 20 снимков до и в процессе реставрации помещений. И хотя в целом их немного, ценность их очень велика: они существенно дополняют наши знания о том, как выглядели церкви и примыкающее к ним пространство подклета до прекращения богослужений в соборе (рис. 8).

На пяти негативах представлен общий вид собора. Фотографии сделаны со стороны (со стен?) Кремля и с Красной площади; возможно, некоторые из них датируются периодом до 1920 г. (рис. 9).

Рис. 9. Западный фасад Покровского собора. До 1917? г. Отдел ИЗО ГИМ

Вторая группа фотопластинок — это снимки музейных предметов (82 экз.). Фиксировали в первую очередь те предметы, которые реставрировали. Среди них преобладают иконы, многие из которых экспонируются в настоящее время в Покровском соборе. Осуществленная вскоре после поступления предметов в музей фотофиксация, спустя более, чем 90 лет, является ценным справочным материалом для реставраторов и историков, так как дает возможность увидеть, как выглядели предметы на момент поступления, какие детали были утрачены впоследствии. В некоторых случаях на фотопластинках мы видим не сохранившиеся предметы, например, оклад иконы Николая Чудотворца с клеймами жития (рис. 10, 11).

В третью группу негативов включены материалы по истории музея (71 экз.). В ней представлены виды, интерьеры отреставрированных помещений подклета и церквей на втором ярусе храма, в которых идет процесс музеефикации: открываются временные выставки и разделы постоянной экспозиции (рис. 12). Только благодаря фотопластинкам можно понять, как выглядели первые вы-

ставки, создававшиеся в угоду широко развернувшейся по всей стране антирелигиозной кампании и приуроченные к важнейшим датам, установленным советской властью в 1920–1930-е годы. На одной из них запечатлена экскурсия в церкви Покрова Пресвятой Богородицы.

Большой тематический блок (четвертую группу) стеклянных негативов составляют снимки вспомогательных материалов для реставрации и создания экспозиций (143 экз.): газетных вырезок (судя по содержанию, использовались для антирелигиозных выставок), отзывов посетителей из Книг впечатлений Покровского собора¹⁹, этикетаж и экспликаций, планов и чертежей собора, схем архитектурных деталей и акварельных зарисовок росписей. Серия акварелей послойных расчисток живописи на фасадах выполнена во время реставрации 1954–1955 гг.²⁰ Поступлением фотопластинок с них во второй половине 1950-х годов завершилось формирование коллекции негативов на стекле в музее.

В пятую группу вошли фотопластинки, имеющие отношение к церкви Троицы в Никитниках (159 экз.). Их систематизация только начата, так как они пока не оцифрованы, что существенно затрудняет процесс аннотирования. На этих снимках зафиксирован внешний вид храма, его интерьеры, в частности настенные росписи, иконостасы, жилые и служебные помещения (рис. 13). Подавляющее большинство пластинок сделаны с великолепной коллекции икон церкви (112 экз.), причем некоторые сфотографированы не только целиком, но и фрагментарно. Среди них икона «Благовещение» с клеймами жития (отдельно сняты клейма), Владимирская икона Божией Матери «Насаждение древа Государства Российского». Сравнительный анализ негативов с иллюстрациями в издании Д.К. Тренева выявил полное сходство²¹. На ряде фотопечатков, которые сопровождают стеклянные негативы, стоит штамп: «Библиотека Д.К. Тренева. 1918 г.»; на некоторых написана дата, совпадающая с годом издания книги²².

Другой филиал Покровского собора — музей Пафнутьево-Боровского монастыря — представлен пятью негативами. На одном из них запечатлена фреска «Спаситель», на остальных — процесс реставрации фресок.

В учетной документации по музейным фондам были выявлены счета за фотосъемку (28 шт.), которые позволили установить имена фотографов, сотрудничавших с музеем-собором

Рис. 10. Икона «Святитель Николай Чудотворец с клеймами жития» после реставрации. 1925 г. Отдел ИЗО ГИМ

Василия Блаженного до потери им самостоятельности и включения в состав ГИМ. Они датируются с 4 июня 1923 г. по 16 января 1928 г. Согласно счетам, фотографы производили съемку, используя собственное оборудование и материалы, затем передавали в музей негативы и отпечатки. Самые первые снимки были сделаны А.В. Лядовым и П.А. Детиновым. В октябре 1924 г. и в июле 1927 г. два счета за четыре снимка были выписаны на имя Алексея Васильевича Федорова. В одном счете указан фотограф М.А. Сырейщиков — представитель «Фотографии С.И. Мошкова

Рис. 11. Оклад иконы святителя Николая. 1925 г. Отдел ИЗО ГИМ

и М.А. Сырейщикова» в г. Калязине Тверской губ., получивший деньги за съемку двух икон в сентябре 1924 г. Вероятно, эта работа связана с поездкой в августе 1924 г. Е.И. Силина, Н.Н. Померанцева и Д.П. Сухова, целью которой было разыскать иконы из древнего иконостаса центральной церкви собора, проданного в 1786 г. «по ветхости» в с. Свистуху Калязинского у. Старания ученых увенчались успехом: они привезли в Покровский собор две замечательные иконы середины XVI «Святой Василий Великий» и «Святой Иоанн Златоуст»²³.

Рис. 12. Раздел выставки «Покровский собор как памятник архитектурных форм и строительной техники XVI в.». 1932 г. Отдел ИЗО ГИМ

Анализ счетов показывает, что в этот период подавляющее большинство снимков (160 экз.; рис. 14) было выполнено Александром Васильевичем (по другим данным — Владимировичем) Лядовым (годы жизни неизвестны, ум. ок. 1930 г.)²⁴. Он был фотографом председателя Императорской археологической комиссии, графа А.А. Бобринского (1852—1927); с 1918 г. сотрудничал с Комиссией по сохранению и раскрытию древней живописи в России и Центральными реставрационными мастерскими. В 1918—1919 гг. выполнял съемки для академика И.Э. Грабаря. Также он принимал

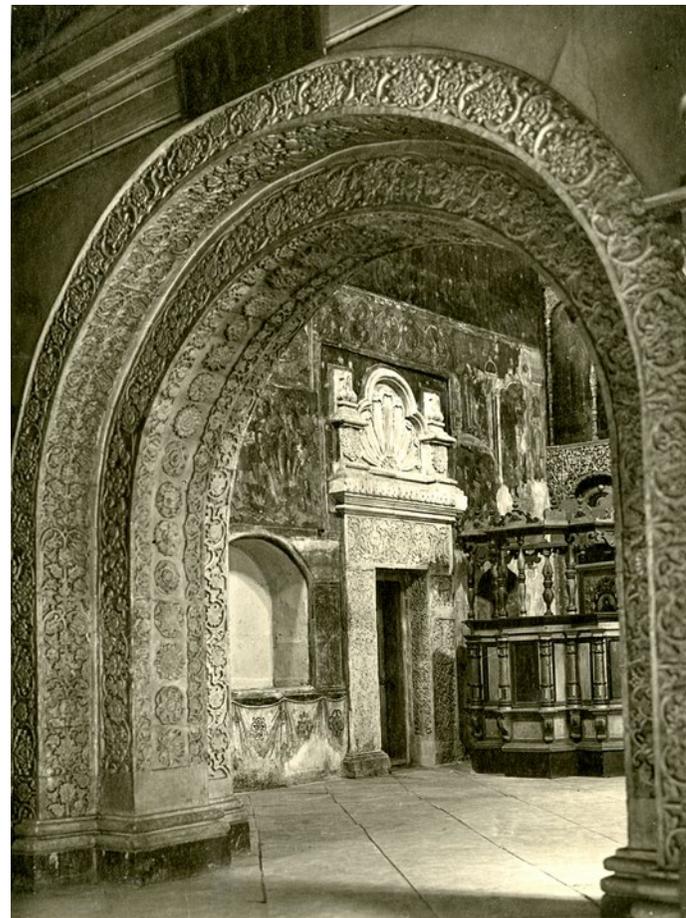

Рис. 13. Западный портал церкви Троицы в Никитниках. 1920-е гг. ГИМ. Архив отдела «Покровский собор»

участие в экспедициях Комиссии по обследованию древнерусских памятников по всей стране. Его фотографии находились в коллекции профессора искусствоведения Н.Н. Соболева (1874—1966)²⁵. На счетах указано два адреса жительства А.В. Лядова: до осени 1924 г. — Мансуровский пер., 12, позднее — Большой Знаменский пер., д. 8, кв. 3.

Сохранился счет за июнь 1923 г., выставленный П.А. Детининову за один снимок (рис. 15). Согласно справочнику А.П. Попова, фотограф Павел Агапиевич Детинин жил неподалеку от собора,

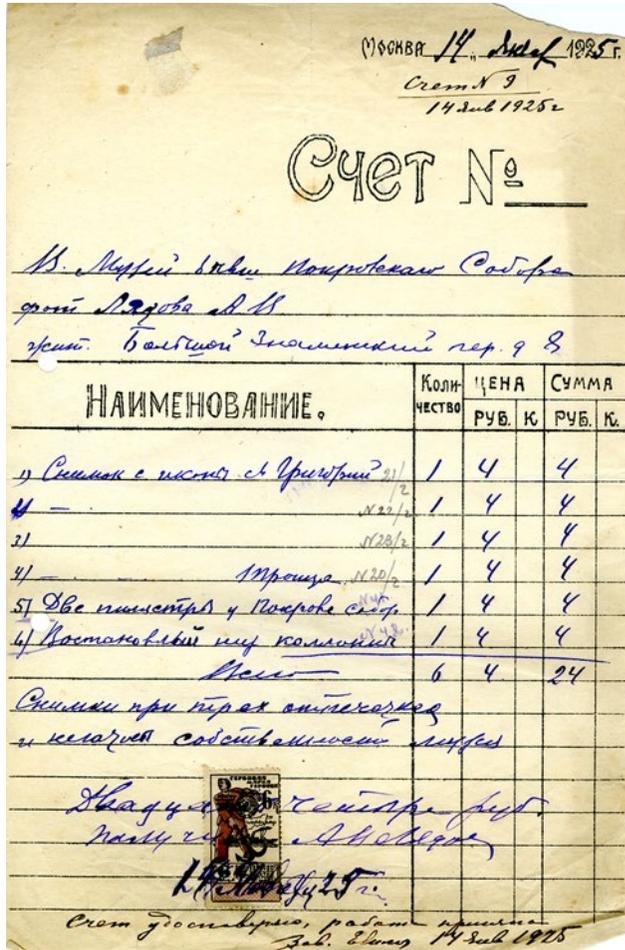

Рис. 14. Счет от фотографа А.В. Лядова. 14 января 1925 г. ГИМ. Архив отдела «Покровский собор»

на Большой Ордынке в доме Дурилина, кв. 1. С 1908 г. являлся действительным членом Российского фотографического общества. В 1914 г. был призван на военную службу. Детинев участвовал в выставке «X лет советской фотографии» (1928), на которой «экспонировал фототипии, гелиографуры и автотипии в четыре краски»²⁶. Фотограф Павел Денисов, сотрудничавшего с Историческим музеем, упоминает несколько раз в дневнике за 1921—1927 гг. известный нумизмат, многолетний сотрудник музея

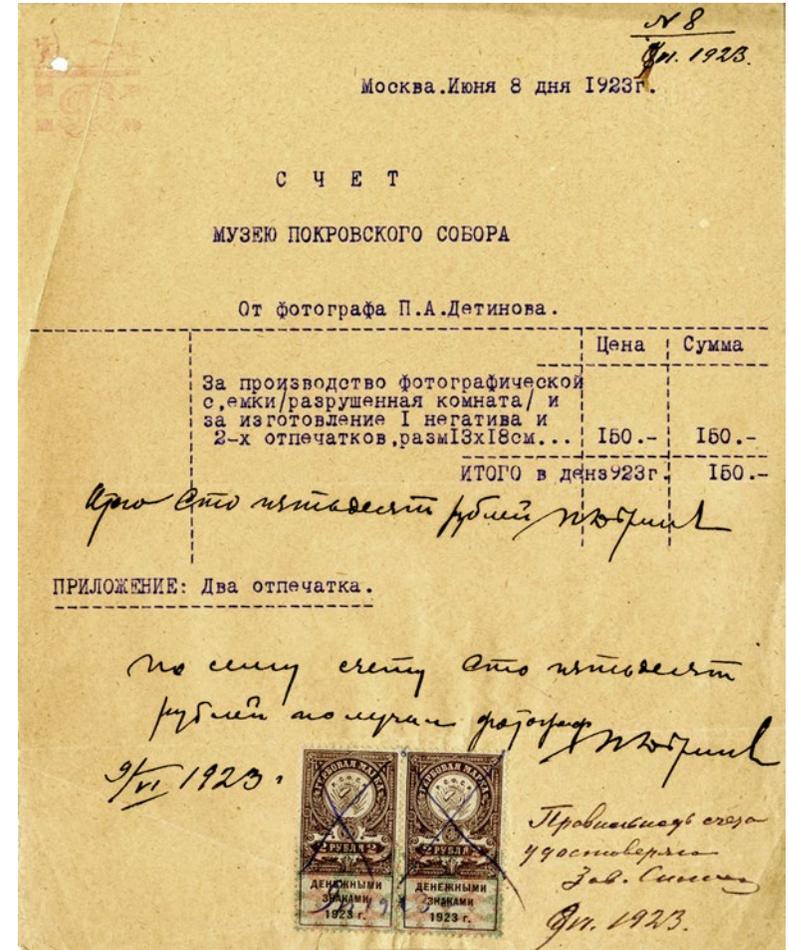

Рис. 15. Счет от фотографа П.А. Денисова. 8 июня 1923 г. ГИМ. Архив отдела «Покровский собор»

А.В. Орешников (1855—1933). Однако он указывает отчество Денисова — Агеевич, называя его в одной из записей за 12 ноября (30 октября) 1921 г. «музейским фотографом»²⁷.

Выявленные счета помогают определить авторство ряда негативов, так как в них, как правило, указаны наименования объектов съемки. Так, например, негативы и фотографии икон «Иоанн Златоуст» и «Василий Великий» с пометой «из Калязина» оплачены по счету от 16 октября 1924 г., «Николай Чудотворец с клеймами

жития» до и после реставрации и ее оклад упоминаются в счете от 22 апреля 1925 г. Оба счета выписаны на имя А.В. Лядова.

Стоимость услуг фотографов была неодинаковой. В июне 1923 г. П.А. Дединову «...за изготовление 1 негатива и 2-х отпечатков размером 13 × 18 см» было выплачено 150 руб., а А.В. Лядову — 100 руб. дензнаками 1923 г. Остальные счета относятся к периоду после денежной реформы 1922–1924 гг. Расчет с фотографами производится новыми «казначейскими билетами», введенными в оборот с начала 1924 г. В счетах четко указывалось, что «...все вышеупомянутые снимки исполнены в 3-х экз. и негатив передается в собственность заказчика». За один снимок выплачивалось четыре или пять руб., возможно, в зависимости от размера негатива; преимущественно — четыре руб. Это значительная сумма. Так, например, известно, что за проведение экскурсий в Покровском соборе в августе–сентябре 1924 г. Н.Н. Соболеву (1906–1980) в день платили два руб.²⁸ В одном из документов есть важное уточнение: «За изготовленные снимки... на своем материале», т. е. стоимость работ рассчитывалась с учетом стоимости необходимого для ее выполнения расходного материала. Из счетов мы также узнаем, что отпечатки с уже имеющихся негативов изготавливали «...для протоколов по расчистке по 50 копеек за экземпляр».

Коллекция стеклянных негативов из Покровского собора важна прежде всего как уникальный исторический источник, оценить потенциал которого в полном объеме исследователям еще только предстоит в будущем. Большое значение она имеет для проведения реставрационных работ: анализ негативов позволяет специалистам выявить изменения, внесенные в архитектурный облик памятника их предшественниками столетие назад. Практическая значимость источника выразилась в том, что единственная фотолампа иконостаса, стоявшего в церкви Иоанна Блаженного до 1935 г., а затем разобранного и не сохранившегося, позволила максимально точно воссоздать иконостас в рамках архитектурно-живописных реставрационных работ и музеефикации в этой церкви, завершившихся в 2018 г.

Рассматривая снимки фасадов и интерьеров Покровского собора, мы видим его «ожившую» историю в период от 1920-х годов до начала Великой Отечественной войны. На негативах, сделанных до начала реставрации, храм предстает таким, каким застал его настоятель собора, протоиерей И.И. Кузнецов (1863–1923).

- 1 ГИМ. Архив отдела «Покровский собор». П-5 / 1.
- 2 Сарачева Т.Г. Музейная летопись Покровского собора: К 90-летию открытия музея. М., 2013. С. 47. Икона «Троица Ветхозаветная» была помещена в 1934 г. в местный ряд тяблового иконостаса, воссозданного на XVI в. в церкви Святой Живоначальной Троицы, где находится по сей день.
- 3 Имеется в виду община верующих собора, в котором до мая 1929 г. продолжались богослужения. Ей были переданы в пользование две нижние церкви во имя Василия и Иоанна Блаженных, а также некоторые примыкающие к ним помещения. Община несла часть расходов по музею, в том числе оплачивала затраты на реставрацию экспонатов (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 630. Л. 62, 108; ГИМ. Архив отдела «Покровский собор». П-4 / 3).
- 4 ГИМ. Архив отдела «Покровский собор». П-2 / 1. Упоминание в документе фотографирования икон соответствует установкам, принятым в Центральных реставрационных мастерских. Известный ученый, искусствовед и художник И.Э. Грабарь (1871–1960), стоявший у истоков создания мастерских, отмечал, что фотофиксация каждого предмета при поступлении, в процессе и после консервационных работ является одним из обязательных условий научной реставрации и исследования произведений искусства.
- 5 Размеры пластинок 13 × 18 и 13 × 9 см варьируются в пределах нескольких миллиметров. Это связано с тем, что стеклянные пластинки 18 × 24 см разрезали на две или четыре части.
- 6 Негативы новгородской церкви были выполнены, предположительно, во время поездки сотрудников музея в Новгород и Псков для обследования средневековых церквей и их иконостасов в ходе подготовительных работ по воссозданию тябловых иконостасов в церквях Покровского собора (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 825. Л. 37; *Кызласова И.Л.* О путеводителе по Новгороду и Пскову 1926 г. и его составителях // Новгородский архивный вестник. Великий Новгород, 2009. Вып. 8. С. 93; *Сарачева Т.Г.* Музейная летопись..., 2013. С. 37–43).
- 7 При Покровском соборе существовало созданное, вероятно, в 1924 г. «Объединение архитектурных памятников XVI–XVII вв.», в которое вошли четыре музея: храма Грузинской иконы Богоматери (церкви Троицы в Никитниках), б. Александровского Успенского монастыря, Коломенское и б. Боровского монастыря. С января 1924 г. Е.И. Силин руководил одновременно музеем в Покровском соборе и музеями в Коломенском и в церкви Троицы в Никитниках. Просуществовало Объединение до 1928 г.
- 8 Впервые несколько стеклянных негативов и более 40 современных фотоотпечатков с них были представлены широкой публике на выставке «Время перемен. Покровский собор в 1920-е — 1930-е годы» в галерее Воскресенских ворот ГИМ с июля 2021 г. по январь 2022 г.
- 9 Работу выполнил заведующий фотоотделом ГИМ С.В. Милицкий, которому выражаем искреннюю благодарность. Благодарим также волонте-

- ра музея Д.А. Галкову, составившую базу данных негативов и оказавшую помощь в их оцифровке.
- 10 ГИМ. Архив отдела «Покровский собор». П-2 / 4.
- 11 Там же.
- 12 До середины 1970-х годов в составе учетной документации филиала (с 1 марта 1928 г.) ГИМ «Покровский собор» упоминается «Книга учета негативов и фотоотпечатков», по которой числится 2020 единиц хранения (ГИМ. Архив отдела «Покровский собор». П-4 / 2). В справке от 21 октября 1974 г., подготовленной заведующим филиалом А.А. Капитохиным, указано: в связи с тем, что «...до 50% записей в книге учета фотоматериалов были настолько лаконичны, что не давали зачастую почти никакого представления об экспонате ...[она] потеряла свою юридическую силу» (Там же. П-4 / 2). Согласно акту от 31 августа 1976 г., бывший зав. филиалом А.А. Капитохин передает вновь назначенной заведующим Г.И. Юровецкой фототеку филиала «...в количестве 2742 единицы хранения, состоящих из 2529 негативов и 7843 фотоотпечатков, учтенных в Книге „Каталог фотографического материала архива музея собора Василия Блаженного и музея храма Грузинской б. м.“ № 5 от 26 сентября 1926 г., и в описи фотоматериалов» (Там же. П-4 / 2). Вероятно, речь идет об «Описи фотоотпечатков и негативов из фототеки филиала ГИМ „Покровский собор“, принимаемых на ответственное хранение» старшим научным сотрудником филиала Л.С. Успенской 3 декабря 1971 г. (Там же. П-4 / 3).
- 13 ГИМ. Архив отдела «Покровский собор». П-2 / 4.
- 14 О Е.С. Мосягиной см.: ОПИ ГИМ. Ф. НВА. Оп. 1Л. Ед. хр. 79. Л. 50, 51, 54, 72; *Сарачева Т.Г. Музейная летопись...*, 2013. С. 19, 34.
- 15 Об А.Е. Пуне см.: ОПИ ГИМ. Ф. НВА. Оп. 1Л. Ед. хр. 122. Л. 75–84; *Сарачева Т.Г. Музейная летопись...*, 2013. С. 205.
- 16 История строительства, перестроек и реставрации Покровского собора на Рву в XVI–XX вв. Историческая справка. Текст. М., 2002. Гл. 2. С. 154 (Архив ЦНРПМ. Шифр 36. Инв. № 812).
- 17 Там же. С. 168–170.
- 18 *Приселков М.Д. Историко-бытовые музеи: задачи, построение, экспозиция // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков: Сборник документов и материалов. М., 2010. С. 562.*
- 19 О книгах впечатлений (отзывов) музея в Покровском соборе см.: *Сарачева Т.Г. Хранилище исторической памяти: книги отзывов музея «Покровский собор» // Уваровские чтения-XI: Музей: книга отзывов. Материалы всероссийской научной конференции, посвященной столетнему юбилею Муромского историко-художественного музея. Муром, 17–19 апреля 2019 г. Выкса, 2019. С. 68–75.*
- 20 В архиве отдела «Покровский собор» сохранились также сами акварели (Реставрация памятника архитектуры Василия Блаженного. 1954–1955. Альбом акварелей послойных расчисток живописно-декоративных росписей фасадов. М., 1956. 36 л.).
- 21 *Тренев Д.К. Памятники Древне-Русского Искусства церкви Грузинской Богородицы в Москве. М., 1903.*
- 22 Негативы вместе с фотоотпечатками из библиотеки или архива Д.К. Тренева были переданы им в музей церкви Грузинской иконы Богородицы в мае 1928 г., о чем свидетельствует запись в «Инвентарной описи поступающих вещей» музея в Покровском соборе (ГИМ. Архив отдела «Покровский собор». П-4 / 18).
- 23 *Сарачева Т.Г. Музейная летопись...*, 2013. С. 38.
- 24 Активная деятельность А.В. Лядова в Покровском соборе подтверждается сведениями, почерпнутыми из воспоминаний экскурсовода музея Натальи Исааковны Турецкой, работавшей в 1925–1929 гг.: «А Лядов, художник своего дела, снимал целые папки всех уголков собора при всяком освещении, во все времена года, не говоря о всех моментах реставрации» (ОР РГБ. Ф. 218. К. 1385. Ед. хр. 9. Л. 100). Благодарим научного сотрудника Переславль-Залесского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника А.Ю. Фоменко за информацию о воспоминаниях Н.И. Турецкой «Были-былицы. Записки художника-реставратора».
- 25 *Попов А.П. Российские фотографы (1839–1930): Словарь-справочник. М., 2013. С. 763; Вздорнов Г.И. Реставрация и наука. Очерки по истории открытия и изучения древнерусской живописи. М., 2006. С. 62, 70, 71, 141, 174, 316. Выражаем благодарность зав. ИЗО ГИМ Н.Н. Скорняковой и научному сотруднику отдела А.Н. Черненко за ценные консультации по персоналиям фотографов.*
- 26 *Попов А.П. Российские фотографы...*, 2013. С. 411.
- 27 *Орешиников А.В. Дневник. 1915–1933: В 2 кн. М., 2010. Кн.1: 1915–1924. С. 309, 387; Он же. Дневник. 1915–1933: В 2 кн. М., 2011. Кн. 2: 1925–1933. С. 77, 80, 170, 171, 173, 387.*
- 28 ГИМ. Архив отдела «Покровский собор». П-5 / 2.

И.В. Коновалов

История развития архитектуры церковных колоколов на примере собрания Государственного исторического музея

Настоящее исследование посвящено проблематике архитектуры церковных колоколов, рассмотренной в ее историческом развитии. Объектом изучения выступают колокола собора Покрова на Рву (храма Василия Блаженного) на Красной площади в Москве. На протяжении полутора столетий — с середины XVI в. по конец XVII в. — с юго-востока от собора, попеременно сменяя друг друга, существовали две основные разновидности русских звонниц и колоколен¹ (рис. 1, 2). Колокола, размещенные на ярусе звона колокольни собора и образующие его колокольный ансамбль в настоящее время, входят в состав собрания Государственного исторического музея.

Традиционное восприятие слова «архитектура» в его привычном понимании и употреблении связано со строительством зданий и сооружений. В словарях архитектура трактуется как «...проектирование и строительство зданий и других сооружений, создающих материально организованную среду, необходимую людям для их жизни и деятельности, в соответствии с назначением, современными техническими возможностями и эстетическими воззрениями общества»². В этой связи употребление понятия «архитектура» применительно к такому объекту, как колокол, видится определенной новацией. Однако для этого имеются предпосылки.

Колоколу свойственно пространственно-организационное решение, включающее в себя элементы, не воспринимаемые и не обладающие признаками целого, взятые по отдельности, но в своей совокупности образующие самостоятельный объект. Обладая составными элементами, находящимися в непосредственной и взаимно обусловленной связи, представляется возможным предложить объединяющее понятие для описания структурных

Рис. 1. Миниатюра Лицевого летописного свода «Освящение церквей новых». Л. 180 об. 1560-е – 1570-е гг. ОР ГИМ. Прорись автора

элементов колокола — «архитектура колокола». Необходимость его введения в научный оборот, а также определение структурных элементов колокола продиктованы следующими соображениями.

1. Изучение на более глубоком уровне русского колокольного наследия, в частности, определение и атрибуция колоколов, не имеющих каких-либо надписей или орнаментов³, возрождение в последние десятилетия колоколотейных производств и многие другие факторы объективно поставили вопрос подготовки грамотных, корректных описаний и технических заданий. Это требует точного и подробного описания элементов колокола. Кроме того, такие описания должны соответствовать визуальному вос-

Рис. 2. Покровский собор. 1630-е – 1640-е гг. Гравюра по рисунку Николая Витсена из книги А. Олеария «Описание путешествия в Московию...». Лейден, 1719

приятно колокола и быть общепринятыми как на производстве, так и в исследовательской среде. Так, в частности, при обследовании различных исторических колоколов, при разработке технического задания на отливку колоколов воссоздаваемого Храма Христа Спасителя в Москве, при создании проекта и технического задания на изготовление больших благовестников Троице-Сергиевой лавры, при подготовке полного описания исторических и иных колоколов московского Данилова монастыря, а также при выполнении ряда аналогичных работ было необходимо точное описание всех колокольных подборов, что стало возможным благодаря унификации терминологии по архитектуре колокола.

2. Длительный перерыв в изучении колоколов и колокольных собраний в советское время привел к серьезным научным потерям в формировании единообразного понятийного аппарата, что позволило целому ряду понятий и терминов, не имеющих под собой ни научной основы, ни практического закрепления в колоколотейном производстве, и, по сути, даже не относящихся к традиции колокольного дела, войти в широкий обиход.

3. Исходя из того, что наука campanologia еще только возрождается в нашей стране, необходимо изначально определить основные унифицированные категории и понятия для последующего их использования в научном обороте при описании архитектуры колокола.

Для выявления и определения названий различных элементов колокола была использована отечественная и зарубежная campanологическая литература. Первое слово по праву старшинства принадлежит книге Николая Ивановича Оловянишникова «История колоколов и колоколотейное искусство»⁴, в которой он представил результаты поистине колоссальной работы, собрав в одном сборнике доступные ему иностранные и российские источники. К тому же, Н.И. Оловянишников был не только теоретиком, но и практиком колокольного дела, поскольку принадлежал к династии владельцев ярославского колоколотейного завода — крупнейшего в Российской империи.

Именно в работе Н.И. Оловянишникова представлены описания отдельных элементов (частей) колокола. Например, в 1876 г. перед переливкой памятного колокола, отлитого около 1695 г., изучается и описывается его декор. При этом используются не только общепринятые понятия, но и термины: «сверху», «внизу», «верхний венец», «средняя часть»⁵. Описание Большого Успенского колокола, отлитого К.М. Слизовым в 1760 г., содержит следующие элементы-ориентиры: Спаситель; Божия Матерь; «с одной стороны» — Иоанн Предтеча; «с другой» — Успение Божией Матери и Московские чудотворцы; «под изображениями Святителей находились» изображения августейших особ.

Пытливый исследователь, теоретик и практик колокольного дела протоиерей о. Аристарх Израилев⁶ с присущей ему скрупулезностью описал колокола и звоны звонницы Успенского собора Ростова Великого⁷. Отдавая особое предпочтение колокольным звонам, он, тем не менее, довольно пространно описывает

художественное оформление колоколов, используя следующие термины: «около головы»; «около краев»; «вверху вокруг головы написано»; «внизу вокруг краев написано». Описывая колокола «Сысой», «Полиелей», «Лебедь», о. Аристарх уточняет: «около головы и около краев сего колокола имеется рельефная славянская вязью надпись». Колокол «Голодарь», перелитый в 1856 г., отличается от ранних ростовских колоколов, что отмечает о. Аристарх, вводя в описание следующие термины: «рельефная гражданской печати надпись». При этом повторяется: «вверху, вокруг головы»; «внизу вокруг краев» «написано в одной только строчке». О. Аристарх приводит так называемую вырезанную надпись и добавляет понятия «поле» или «середина... между главою и краями его». Определения «поле» или «середина» присутствуют при описании колокола «Баран»⁸. Отметим, что Н.И. Оловянишников в своей книге часто обращается и многократно цитирует работу о. Аристарха Израилева «Ростовские колокола и звоны».

В четвертой части книги «История колоколов и колокололительное искусство» Н.И. Оловянишников использует следующие наименования частей и габаритов колокола: «диаметр колокола», «боевая часть», или «бой»; «вышина колокола»; «плечо»; «шейка»; «стрелка»; «сковорода»; «вышина ушей»; «перчень» ($\frac{1}{4}$ боевой части); «боевое место»; «профиль»; «стенки колокола»⁹.

Советские и российские исследователи изучают и описывают колокола с 1970-х годов. Эти труды представляют несомненный интерес в деле изучения архитектуры колокола. Сборник «Колокола: История и современность»¹⁰ содержит важный материал, необходимый для исследования и уточнения колокольной терминологии. В статье И.И. Плешановой «Колокола псковских литейщиков XVI — начала XVII в.»¹¹ используются следующие понятия: «петли граненые, покрыты орнаментом»; «линия ребра»; «плечо»; «надпись на плече»; «верхняя часть тулова»; «перегиб ребра» «(на перегибе ребра — три тяги)»; «петли короны» определяются как «обозначение проушных петель»; орнамент на ушах в виде «переплетающихся колец» и «бегунка»; «граненые петли орнаментированы»; «ленты орнамента»; «нижняя лента»; «верхняя часть колокола»; «тулово»; «верхний фриз». Профиль внешней образующей обозначается как «линия ребра»; «тулово» членится тягами; верхняя часть «тулова», нижняя часть «тулова»: «высота тулова». Вариации профиля обозначаются как «круче изгиб края», т. е. употребляется термин «край».

Особый интерес вызывает глубокий научный и искусствоведческий анализ художественного оформления колоколов коллекции Музеев Московского Кремля, осуществленный одним из ведущих отечественных кампанологов Инной Дмитриевной Костиной¹². Она приводит следующие обозначения частей и убранства колоколов: «пространные надписи»; «пояса надписей» (надпись, расположенная поясами); «рельефные буквы»; «вал» колокола; профильная проработка, подчеркивающая красоту формы колокола; «розетки» — разделители надписей; «фриз» — верхняя, изукрашенная часть колокола; «декоративный фриз»; «верхняя часть» колокола; «нижний валик» пояса; «киотообразное клеймо», «картуш»; «верхний пояс фриза»; «самый низ фриза»; «средняя часть фриза». Для Царьколокола вводится определение «средняя часть колокола»; «плечи».

В статье известного исследователя колоколов Троице-Сергиева монастыря Ларисы Матвеевны Спириной¹³ представлено следующее описание формы Никоновского колокола 1420 г.: форма «шлемовидная»; надпись на колоколе располагается на «верхней части тулова». Место размещения надписи на колоколе 1649 г. описывается как «наклонная поверхность плеча тулова».

Представленное выше многообразие понятий, используемых при описании элементов колокола, поставило цель обобщения и актуализации имеющегося исторического материала по вопросам «архитектуры колокола», выработки с максимально возможной точностью и детализацией определений (дефиниций) каждой части (элемента) внешней поверхности колокола (рис. 3).

Колокол, как таковой, видоизменялся за свою длительную историю, пройдя сложный путь от простой, ничем не украшенной перевернутой чаши до полностью изукрашенной поверхности, иногда без свободного места. Он состоит из двух основных частей: узла подвески, т. е. короны, и сложной формы разностенного по вертикали колпака¹⁴. Они составляют единую целую отливку. Звук извлекается ударом языка изнутри или — у часовых колоколов — молотка извне. У самых ранних исследованных колокольников, относящихся к восточнохристианской церкви, наблюдаются несколько ясно различимых частей: узел подвески — кольцо (рис. 4, 1). Конструктивно кольцо располагается вверху колокола, там, где позже оформится сковорода с короной. Расположение кольца сверху колокола позволяет его удобно переносить и повесить в установленном месте. Вершина колокольчика является

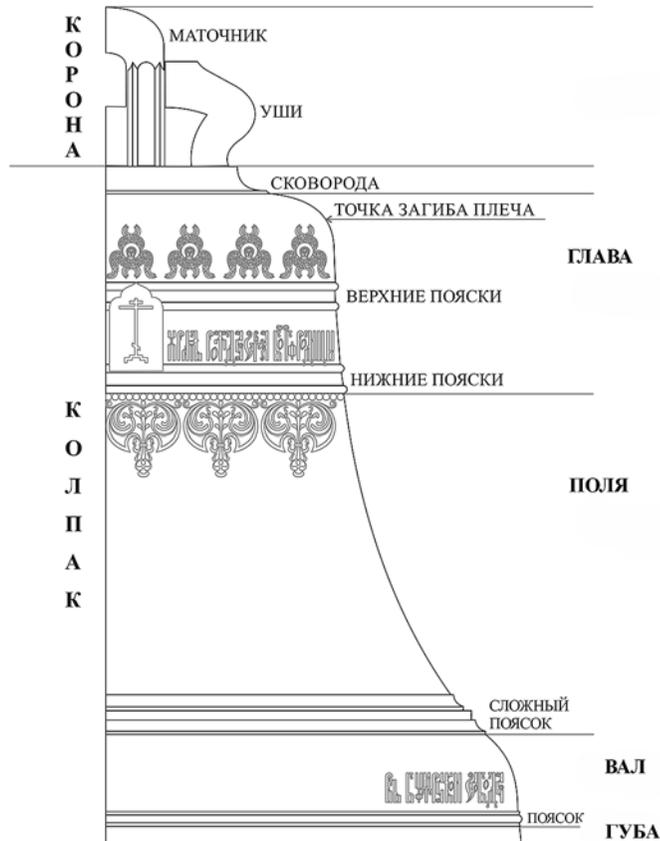

Рис. 3. Конструктивные элементы колокола

по сути точкой покоя, и его подвеска или перенесение за кольцо оказывает наименьшее влияние на звучание. Собственно колокол — более или менее равностенный по горизонтали и вертикали свод — имеет внизу утолщенную полоску, которая определяет место удара молотком с внешней, или языком по внутренней поверхности колокольчика (рис. 5). Утолщенное, усиленное характерное ударное кольцо (вал) предохраняло колокол от появления трещин при звоне (рис. 4, 1). В дальнейшем мастера-литейщики продолжали работать над формой колоколов, изменяя соотношение высоты и ширины, но выделение вала закрепляется навсегда. Аналогичная работа проводилась в различных литейных мастерских по короне колоколов. Менялось количество, толщина и оформле-

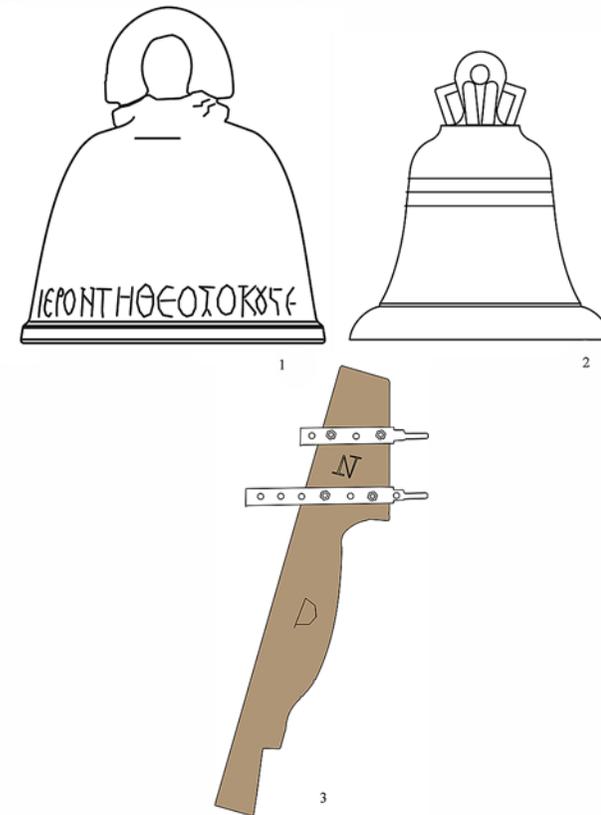

Рис. 4. Колокола и лекало

1 — колокол IV в. из музея колоколов в г. Астене, Голландия; 2 — Никоновский, или Чудотворцев, колокол, 1420 г.; 3 — старинное колокольное лекало (рисунок автора)

ние проушных петель, но центральная петля навсегда обретает свое постоянное место сверху колокола с внешней стороны.

Технология изготовления колокольной формы традиционно совмещает в себе отдельное изготовление формы собственно колокола и формы короны. В процессе завершения формовки форма короны венчает форму колокола, накрепко скрепляется с ней, образуя с последней общую глиняную массу, содержащую внутри себя пустоты, в которые заливается расплавленный металл. Место соприкосновения формы короны и формы колокола мастера стали выделять уже в раннем средневековье. Получившийся в результате вверху свода колокола круглый постамент для короны образует основание, названное позже «сковородой».

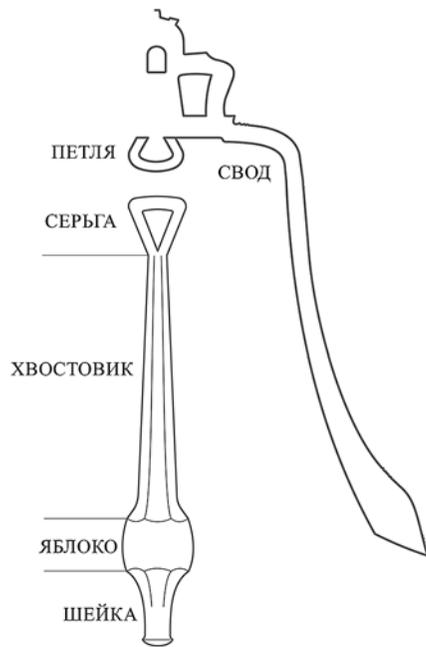

Рис. 5. Конструктивные элементы языка колокола

Процесс появления и оформления сковороды не являлся обязательным для всех мастеров-колоколотейщиков. Встречаются колокола с полным отсутствием выделенной отдельно и оформленной сковороды. Например, известен Никонский, или Чудотворцев, колокол 1420 г. отливки, на котором нет какого-либо оформления перехода от короны к собственно колоколу (рис. 4, 2). Однако в большинстве сохранившихся образцов колокольного искусства этот переход присутствует. Колокола с выделенной утолщенной нижней частью — валом или боем — и оформленным переходом от короны к колпаку существовали продол-

жительное время. Средняя часть колокола — поля (или поле) — оставались пустыми и гладкими.

Процесс изготовления колокола проходил под пристальным наблюдением священноначалия. Колокола отливали мастера-литейщики, которым приходилось работать в самых разных жанрах литейного искусства, изготавливая предметы церковного убранства, например, хоросы, паникадила и т. п. Они оценивали высокие гладкие колпаки с коронами наверху, и мысль об украшении полей колокола порой приобретала самые разнообразные формы: от прорисовки изящной сетки до нанесения различных узоров и надписей, которые часто исполняли процарапыванием внешней формы колокола изнутри.

Со временем, к XIII в., посередине и внизу главы колоколов появляются горизонтальные пояски. Так как форма колокола изготавливается при помощи соответствующих вращающихся лекал, то можно предположить, что первые линии или пояски на поверх-

ности формы образовывались случайно в результате попадания мелких камешков или недостаточно тщательно приготовленной глиняной массы, содержащей непросеянные комочки. Наблюдая за этим, мастера пришли к убеждению, что не только возможно, но и вполне уместно нанесение горизонтальных поясков на главе, полях и губе колоколов.

Высказанная гипотеза имеет практическое подтверждение. Это явление неоднократно зафиксировано при формовке колоколов на современных производствах, использующих исторический метод изготовления формы колоколов при помощи вращающихся лекал. Неопровержимым доказательством именно такого способа появления горизонтальных поясков являются действующие на предприятиях и представленные в музеях Европы многочисленные исторические доски-лекала (рис. 4, 3). Они имеют полукруглые или более сложной формы прорезы, служащие для получения простых и сложных горизонтальных поясков на внешней поверхности колоколов. На практике такой простой способ получения абсолютно ровных горизонтальных поясков был рекомендован автором статьи и внедрен в производство на одном из современных российских колоколотейных заводов.

При этом необходимо отметить, что появление надписей на колоколах первоначально никак не связано с нанесением горизонтальных поясков. Более вероятным представляется то, что горизонтальные, опоясывающие колокола надписи появились позднее поясков, но, со временем, определяющим началом размещения надписей стало наличие и расположение горизонтальных поясков.

К концу XIII — началу XIV в. относятся ранние примеры размещения надписей на главах колоколов между горизонтальными поясками. Это расположение обретает эстетическую целесообразность и становится образцом для поколений колоколотейщиков. Европейская традиция художественного оформления церковных колоколов определяет к XV в. верх полей колокола для нанесения орнаментальных фризов и надписей между поясками. Размещенную ниже плоскость поля, или так называемую середину, обычно оставляли пустой и лишь позднее на валу колокола между поясками или без них начали размещать текст надписей. Очевидно, великие мастера-литейщики прошлого интуитивно понимали значение полей и вала колоколов для чистоты и правильности звучания и всегда оставляли их свободными.

Рис. 6. Колокол 1651 г. Мастер Никифор Баранов. Новодевичий монастырь, Москва. Фото автора

Русская колокольная классика сформировалась к середине XVII столетия. Если на колоколе Никифора Баранова (1651) из Новодевичьего монастыря в Москве надписи и пояски располагаются несколько хаотично (рис. 6), то при оформлении колокола «Баран» (1654) московского мастера Емельяна Данилова все становится на свои места. Архитектура и художественное убранство «Барана» ростовской звонницы является основой «русской колокольной классики» (рис. 7). Мастер располагает корону на изящном возвышении — сковороде, ниже он размещает роскошный декор, обозначая главу колокола и отделяя последнюю от чистых и гладких полей. Поля «Барана» отделены от вала сложным составным пояском, а вал — от самой короткой части колокольного профиля (губы) двойным пояском.

Рис. 7. Колокол «Баран» 1654 г. Мастер Емельян Данилов. Ростовская звонница. Фото автора

Таким образом, русские мастера-колоколостроители, тонко чувствуя движение кривой внешнего контура профиля колокола, отмечали поясками изменения направления ее движения. Выглядит это следующим образом. Сверху, от точки загиба плеча, кривая стремится вниз, образуя менее четверти окружности, затем движение идет вниз почти отвесно, до нижних поясков на главе. От поясков кривая стремится вниз, в сторону от центральной оси колокола; упираясь в сложный составной поясок, здесь она вновь меняет направление, устремляясь вниз и образуя при этом дугу, которая оканчивается поясками над губой колокола. Нижний, самый короткий отрезок пути кривая преодолевает по прямой; это — губа колокола. Затем кривая образует внутренний контур профиля колокола. Огибая более или менее острый край колокола, кри-

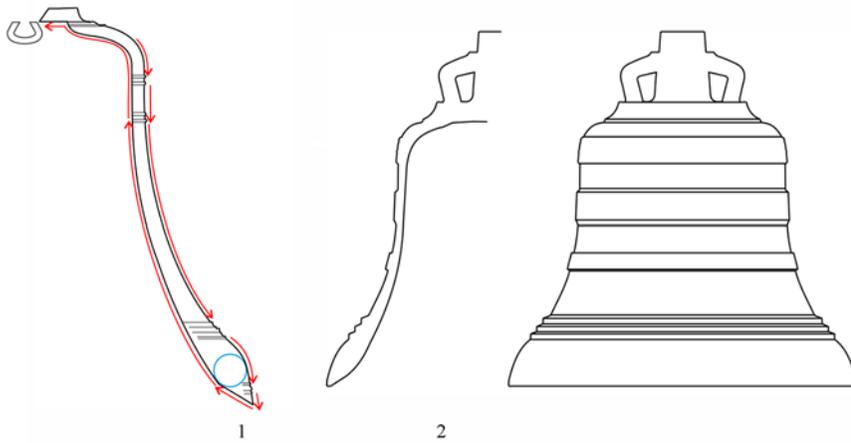

Рис. 8. Профили колоколов

1 — направления образующей внешний и внутренний профиль колокола;
2 — профиль колокола завода Самгина конца XIX в. Покровский собор, колокольня

вая под острым углом направляется к центральной оси колокола и слегка вверх. Остановка кривой в точке ударного или звукового кольца отмечает самую толстую часть колокольного профиля, которая именуется вал или бой. От вала кривая направляется кверху до точки соприкосновения полей и главы; затем она продолжается параллельно внешней и заканчивается на сковороде колокола в месте крепления серьги, к которой подвешивается язык (рис. 8, 1). Профиль колокола характеризуется постепенным уменьшением толщины стенок колпака снизу вверх.

Некоторую сложность вызвало определение частей колокола, находящихся между главой и короной. Точное их наименование подробно описано у Н.И. Оловянишникова. Место соприкосновения литейной формы короны и формы колокола представляло существенную важность для его изготовления и для последующей токарной обработки отливки. От точки загиба плеча (она определяется при построении профиля колокола и составляет 10,5 боя колокола) следует само плечо, затем следует шейка — основание или пьедестал для ушей; а точка стрелки обозначает переход от шейки к сковороде, на которой непосредственно устанавливается корона колокола (рис. 9).

Корона колокола состоит из маточника и ушей¹⁵. В зависимости от времени отливки форма маточника варьировалась: от близ-

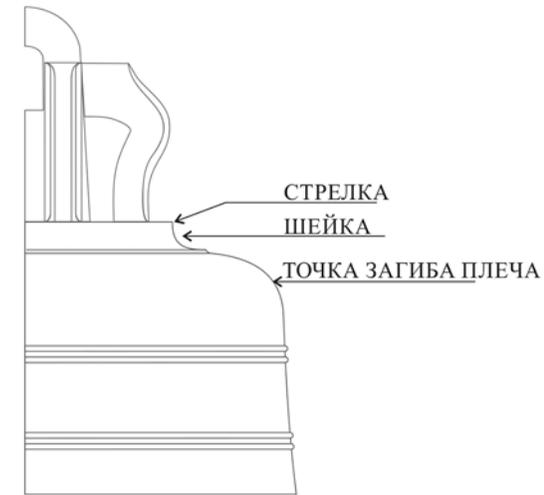

Рис. 9. Конструктивные элементы главы колокола

кой к утолщенной петле, подобной верхней части восьмерки, к массивной усеченной пирамиде. Уши колокола имеют г-образную форму, которая изменяется от круглых или граненых проушных петель до массивных, украшенных сложным профилем по внешней стороне. В XVI в. нередко уши колоколов покрывали различными орнаментами.

Среди великого множества сохранившихся церковных колоколов с одной проушной петлей имеются экземпляры различной формы: без ушей, с двумя ушами по разные стороны от маточника, с четырьмя и шестью ушами. Единичными были сверхтяжелые колокола-гиганты с восемью ушами. В разные времена существовали короны колоколов с вышперечисленными композициями. Короны исторических колоколов Покровского собора имеют по шесть ушей: два одинарных и два двойных уха.

Подводя итог сказанному, укажем следующие части колокола: маточник, уши, сковорода, стрелка, шейка, плечо, глава, поля, вал и губа. Эти части колокола, видоизменяясь и варьируясь мастерами и различными литейными школами и производствами, остаются неизменными. Они точно определяются и своими вариациями вносят разнообразие в архитектуру колокола.

На протяжении веков заказчики и литейщики колоколов решали несколько задач, соединенных воедино: получить коло-

кол, обладающий одновременно сильным, а начиная с XIII в., — и приятным звучанием, необходимой прочностью в звуковом, или музыкальном, кольце и в системе подвески колокола (короне), употребив при этом оптимально малое количество исходных материалов. С появлением при том или ином храме нескольких колоколов задача усложнялась еще более, так как для слушателей важным было удачное сочетание имеющихся в подборе колоколов, что диктовалось наличием известных издревле благозвучных сочетаний разновысотных звуков в интервале и аккорде.

Известно, что звучание колоколов зависит от трех основных исходных параметров: качества сплава колокольной бронзы, профиля, положенного в основу построения стенок колокола, и точного соблюдения его геометрических параметров. Состав колокольного сплава известен достаточно давно. Еще в древнем Китае составлен оптимальный сплав, преобразующий силу удара в звук. Технология его приготовления известна с древних времен и подробно описана в Средневековье, в эпоху Ренессанса и в Новое время. Задача получения высококачественного колокольного сплава состоит в том, чтобы расплавить в специальных печах медь — основу колокольного металла; после того, как медь расплавится в жидкий металл, мастера загружают в расплав олово, которое быстро растворяется, превращая его в бронзу. Исходные материалы соединяют с расчетом получения бронзы, состоящей из 80% меди и 20% олова. На практике эти показатели часто варьируют в сторону увеличения количества меди и уменьшения олова до 17%.

Важнейшим фактором, определяющим характер звучания колокола и свидетельствующим о времени отливки, мастерской или школе, а иногда и мастере, является профиль стенок колокола. Для мощного и продолжительного звучания геометрия колокола должна стремиться к абсолютному телу вращения. Разная толщина колокольного профиля по горизонтали и различные вертикальные отклонения должны стремиться к нулю. Колокола, имеющие значительную разностенность по горизонтали, склонны к биению звучания, что снижает общее впечатление от звона. Однако необходимо отметить, что небольшое биение порой украшает звук колокола, делает его разнообразнее.

Основа организации звучания любого колокола лежит в его профиле. Профиль стенок определяется чертежом. По нему строятся внешнее и внутреннее лекала, при помощи которых ма-

стера готовят внутренний болван и так называемый фальш-колокол. При всем огромном разнообразии кампанологической литературы важный вопрос истории, развития и вариаций колокольных профилей остался вне тематики практически всех исследований. Н.И. Оловянишников приводит способ построения колокольного профиля, применявшийся на ярославских заводах в конце XIX — начале XX в. Автор, в частности, замечает, что русские мастера строят профиль, основываясь на практике и на собственном опыте; далее следует фраза о том, что обычно они держат в секрете профиль своих колоколов¹⁶.

До сих пор единственной теоретической работой, посвященной вопросу строения колокольных профилей, является статья Т.Б. Шашкиной¹⁷. Автор анализирует метод построения так называемого русского колокольного профиля, исходя из некоего «модуля», за который принимается толщина вала. В качестве иллюстраций в ее статье приводятся эскизы профилей и их построение из книги Оловянишникова. Результатом работы явился чертеж абсолютно правильного, идеального колокола. К сожалению, автор не проводила инструментальные обмеры профилей колоколов и, соответственно, не могла сравнить свои теоретические выводы с практикой. Поэтому рассмотренные способы построения колокольного профиля носят чисто теоретический характер и весьма далеки от практики колокольного ремесла¹⁸. В качестве аргумента, подтверждающего несостоятельность «модульного» метода построения профилей, послужил точный обмер профиля колокола, изготовленного на заводе Н.А. Самгина в конце XIX в. В нем самая тонкая часть приходилась на середину полей колокола; от середины профиль расширялся книзу — до губы и кверху — до сковороды. Такая практика никак не укладывалась в стройную теорию «модульного» метода (рис. 8, 2).

С начала XXI в. автором данной статьи и архитектором Н.Н. Асимовым было положено начало регулярным инструментальным обмерам старинных и современных церковных колоколов¹⁹. Технология инструментального обмера представляет собой процесс изготовления специальной арматуры, выполненной из алюминиевого профиля разной конфигурации, и закрепления ее в строгом соответствии с найденной линией горизонта каждого колокола. Между закрепленными штангами и защищенной тонкой папиросной бумагой или чем-то подобным поверх-

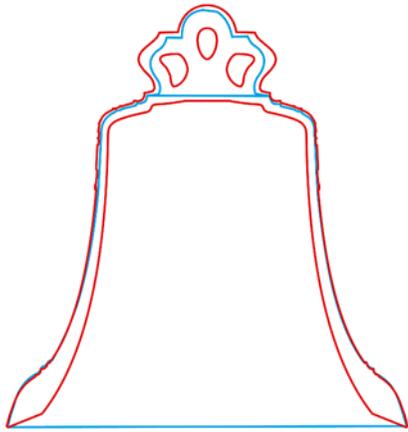

Рис. 10. Г. Фальк. Колокол церкви Троицы в Никитниках. Сопоставление инструментального (синий) и оптического (красный) способов измерения внешнего профиля колокола. Прорись автора

ностью колокола наносится тонкая прослойка гипса. После того как гипсовая масса затвердеет, арматура снимается с колокола. На основании линии, прочерченной по краю застывшего гипса на бумаге, создается шаблон колокола. Шаблоны тщательно проверяются при помощи соответствующего измерительного инструмента — лазерной линейки, кронциркуля и т. п. Полученные таким образом внешний и внутренний контуры соединяются, образуя общий профиль стенок, который также подвергается тщательной проверке.

Наряду с инструментальными обмерами в 1990-е годы нами был разработан и успешно применен на практике метод так называемого оптического измерения колокольных профилей. Он сводится к тому, что колокол измеряют при помощи рулетки, затем фотографируют с максимально дальнего расстояния при помощи длиннофокусного объектива. Полученное изображение колокола обводится по контуру с помощью графической программы. Для наибольшей точности получения кривой внешнего контура профиля колокола и наименьшей погрешности перпендикулярная ось фотографии смещается вверх и вниз. Очевидным минусом оптического метода является невозможность получения внутреннего контура профиля колокола. Однако при помощи несложных построений его можно определить достаточно точно (рис. 10). При всей кажущейся спорности данного метода удалось доказать его качество путем наложения кривой, полученной инструментально, на кривую, определенную оптически. Результат превзошел ожидания.

В литературе приводятся варианты периодизации, разработанные различными авторами, которые предлагают собственные подходы к определению этапов развития производства колоколов. Законодателем в данном вопросе выступает американский профессор Э. Вильямс, который впервые обозначил следующие этапы

развития и становления колокольного дела в России: I) Киевская Русь; II) Монгольский период; III) Московская Русь; IV) Колокола Романовых; V) Колокола Российской Империи²⁰. Вслед за ним свою периодизацию развития колокольного дела в Европе и на Руси предлагают отечественные исследователи. В частности, А.Ф. Бондаренко в монографии «История колоколов России XI—XVII в.» обозначает отдельными главами порядок появления, распространения и развития колоколов на Руси. Автор выделяет следующие этапы: колокола древнего Киева и других земель Киевской Руси; колоколотейное дело во второй половине XIII—XVI в.; расцвет отечественного колоколотейного производства в XVII в.²¹ С таким подходом трудно не согласиться, тем более что колокола имеют разный вид, они отлиты в разное время и разными мастерами.

Отечественное литье колоколов в самом начале своего пути прерывается, надолго останавливается монгольским нашествием и 250-летним владычеством Орды над разрозненными русскими землями. К этому необходимо добавить Смутное время начала XVII столетия. Стоит учитывать и то обстоятельство, что отечественная кампанология находится лишь в начале пути своего развития. Кроме того, фактических данных о колоколах, изготовленных в период до первой половины XIII в., очень мало²².

Также сложно обстоит дело и с началом возрождения колокольного мастерства в период создания единого Российского государства с первой трети XIV в. Так называемый доаристотелевский период (до 1470-х годов) представлен всего двумя дошедшими до нас колоколами. Это значительно усложняет изучение архитектуры колоколов того времени. Единственный сохранившийся экземпляр конца XV в., отлитый в Москве, также не позволяет воссоздать ясную картину колокольного дела в этот период. Некоторая определенность в колокольной архитектуре и идеологии наступает по завершении Смутного времени, с воцарением династии Романовых и связана с деятельностью московского Пушечного двора и его мастеров. Перечисленные факторы и зачастую поверхностные и случайные утверждения, кочующие из издания в издание, порой приводят исследователей к ошибочным выводам об истоках и путях развития колокольного дела на Руси.

Самые ранние из известных нам и исследованных церковных колоколов представляют собой не что иное, как перевернутую чашу с кольцом наверху. Наиболее ранние из сохранившихся

христианских колоколов представлены в музеях Голландии и Болгарии. Речь идет о ручных церковных колокольчиках IV—VII вв. (Голландия, Национальный музей колоколов в Астене; Болгария, Музей археологии в Софии). Пользуясь оптическим методом, мы выполнили рисунки внешних профилей ручных колокольчиков. Раннехристианские колокола практически не отличаются от языческих колокольчиков, изображения которых исследованы в музеях Ватикана, где связанные парой колокольчики расположены над изображениями грифонов на двух рельефных плитах. Колокольчик из Национального музея колоколов Астена (рис. 4, 1) имеет четко выраженное утолщение в месте удара язычком изнутри; колокольчики из г. Стара Загора в Болгарии также утолщены снизу. На астенском колокольчике внизу поля выгравирована надпись на греческом языке; образцы из Болгарии имеют надпись на славянском языке, расположенную вверху поля (рис. 11, 1). Отметим, что именно в этих местах на колоколах будут располагаться надписи в дальнейшем.

Если прибавить к этому существующие колокольные арки и остатки колоколосущих балок, обнаруженные нами в церкви Святой Ирины (IV—VI вв.) и Святой Софии (VI в.) в Константинополе, то утвердившийся тезис о происхождении христианских церковных колоколов и распространении их из Западной Европы становится неоднозначным и весьма спорным. Считаем важным отметить наличие на церковных колокольчиках из Астена и Софии надписей на греческом языке, выполненных красивыми высокими буквами, что закрепляет наиболее древние известные колокольчики за восточной ветвью христианства (рис. 4, 1).

Также изучен колокол так называемого Теофилова профиля, который принципиально практически не отличается от архаичных колокольчиков, известных по археологическим изысканиям. Колокол 1045 г. из музея колоколов в г. Апольде в Германии представляет собой среднего веса благовестник чуть более 1 м в диаметре (рис. 11, 2). По форме Теофилов колокол напоминает широкий сосуд. Верх украшает центральная проушная петля, выполненная в виде толстой шайбы с центральным отверстием. Устройство узла подвески колокола являет нам ранний пример конструкции короны с появляющимися дополнительными проушными петлями. Очевидно, мастера-литейщики столкнулись с необходимостью усложнения узла подвески с целью избежать чрезмерной раскачки колокола при

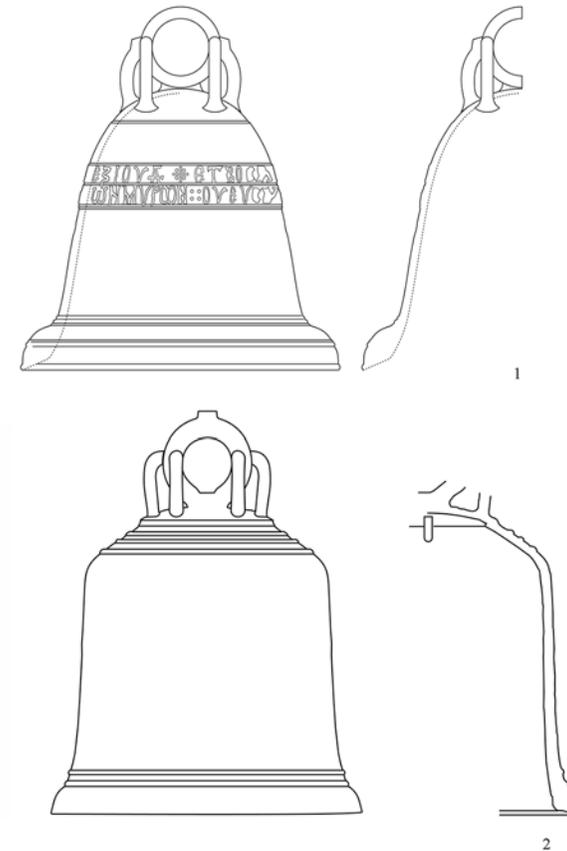

Рис. 11. Колокол 1216 г., г. Мельник, Болгария (1) и колокол Теофилова профиля 1045 г. из музея колоколов г. Апольда, Германия (2). Прорись автора

звоне «в языки» или более надежного крепления качающегося колокола к валу при «очепном» способе звона. Проушные петли выполнены в виде изогнутых толстых стержней и никак не связаны архитектурно с центральным кольцом и сковородой колокола. На плечах колокола расположены три концентрических пояска, спускающихся к точке загиба плеча. Эти пояски станут часто использовать мастера XVI—XVII вв. Линия профиля доходит до точки загиба плеча, сохраняя постоянную толщину. От этой точки стенки колокола плавно расширяются, образуя вал и звуковое кольцо — самую толстую часть профиля стенок. Еще не оформленные поля отделяются от вала двойным пояском. Такое внешнее оформление не было

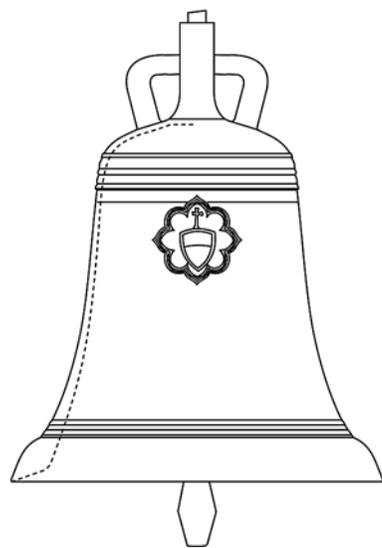

Рис. 12. Колокол 1453 г., г. Болонья, Италия.
Эскиз автора

классическим. Встречаются Теофиловы колокола с различными рисунками и надписями, расположенными на главе, и с тремя рядами поясков между полями и валом.

Принято считать, что вслед за колоколами Теофилова профиля последовали образцы, которые в литературе получили наименование «Сахарная голова». Отчасти это верно, но между этими типами выявлен еще один профиль, который представлен двумя болгарскими колоколами XIII в. Это роскошный колокол 1216 г. и скромный образец 1270 г. отливки. Они имеют вкладные надписи, вы-

полненные разными способами. На колоколе 1216 г. надпись отлита рельефными высокими буквами и вписана в горизонтальные пояски-валики; на колоколе 1270 г. вкладная надпись процарапана на внешней форме. Эти колокола имеют сходство в построении профиля. Основной и главной особенностью их профиля является мощный вал, образованный линией, круто отходящей от полей. Очевидно, мастера стремились к прочности и долговечности служения колоколов. Они имеют различную конструкцию короны. Если колокол 1216 г. венчает корона, подобная образцам Теофилова профиля, то на экземпляре 1270 г. она приближается к классическим вариантам. Маточник колокола снабжен центральным овальным отверстием, уши имеют более сложную форму (рис. 11, 1). Основное отличие болгарских колоколов от классического Теофилова типа — несколько зауженная, сводчатая глава, что впоследствии найдет продолжение в образцах, выполненных по расчетам В. Бирингуччо (рис. 12).

Два экспоната из Музея колоколов в г. Апольде датируются началом XIII в. Профиль образца 1200 г. относится к так называемой Сахарной голове (рис. 13, 1). Колокола этого профиля отличны от более ранних Теофиловых и близких к ним болгарских пра-

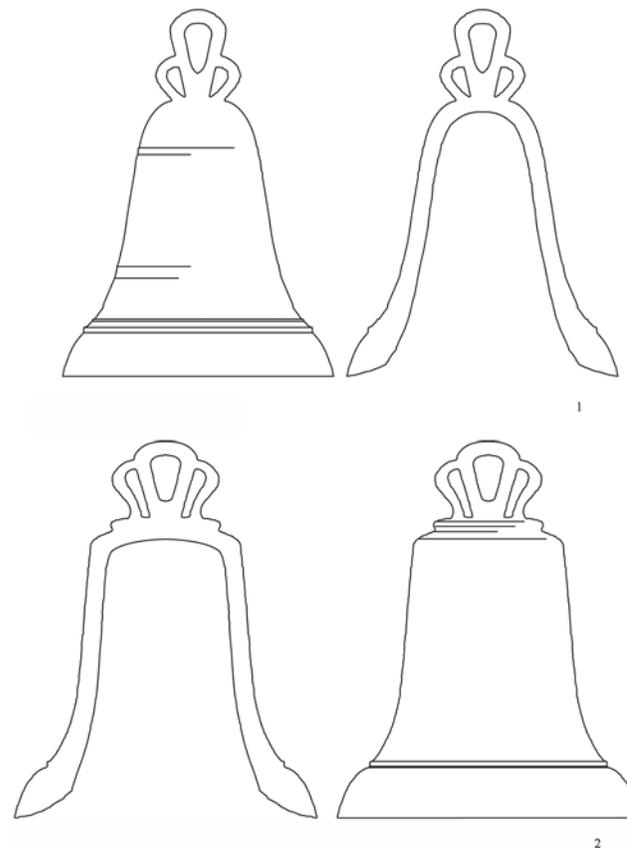

Рис. 13. Профили колоколов 1200 г. (1) и 1209 г. (2) из музея колоколов г. Апольда

вославных колоколов. Они имеют утолщенные стенки и особенно — вал, куда ударяет язык. Его толщина достигает $\frac{1}{8}$ диаметра, а толщина стенки в месте загиба плеча составляет половину толщины вала. Образцы с таким профилем должны звучать высоко, громко, пронзительно и негармонично.

Колокола начала XIII в. имеют вытянутую, мощную центральную проушную петлю с каплеобразным отверстием и прилитыми к ней двумя или четырьмя дополнительными петлями. Расположение узла подвески колокола, компоновка центральной проушины и дополнительных петель определяют навсегда практически с XI в. Мастера, создавшие колокол 1209 г., положили начало постепенному расширению свода колокола и превращению его

в сковороду-постамент под корону (рис. 13, 2). На рисунке хорошо видно, как под короной колокола образуются сковорода и плечи; от точки загиба плеча линия профиля почти под прямым углом устремляется вниз. Профиль этого образца находит логическое продолжение в колоколе 1380 г.: его плечи расширяются, линия профиля под прямым углом устремляется вниз до середины полей. Очевидно, именно в XIII в. мастера, продолжая работать с профилями своих образцов в поисках колокольного благозвучия, ищут и находят соответствующие пропорции.

К 1277 г. относится отливка колокола из храма Святого Севера Равеннского в г. Боппарде (Германия; рис. 14, 1). Он достаточно велик для своего времени: его вес достигает 1300 кг. На чертеже внутренний контур профиля не указан, но, заключив колокол в правильный квадрат, увидим, что его высота с маточником равняется ширине. Равенство высоты и ширины колокола является важным фактором благозвучия.

Никоновский, или Чудотворцев, колокол Троице-Сергиевой лавры — один из интереснейших и загадочных русских колоколов. Он отлит в 1420 г., как свидетельствует надпись, «...во обитель преподобного отца нашего Сергия...» (рис. 4, 2). Колокол уцелел и звучит в монастырских звонах. Из текста надписи следует, что он был отлит не в обители, как полагают некоторые исследователи, а в обитель, что косвенно свидетельствует о наличии в Москве колоколотейных мастеров и производства и подтверждается находкой в Московском Кремле небольшого колокольного языка, который археологи относят к концу XIV в. Весомым доказательством существования колокольного литья в великом княжестве Московском служит фрагмент главы церковного колокола, представленный в экспозиции музея «Куликово поле» (Тульская обл.). На нем четко обозначены два пояска.

Никоновский колокол подробно не исследован, поэтому ограничимся лишь приблизительным очертанием внешнего абриса этого замечательного памятника. Своим построением он укладывается в среднеевропейскую колокольную идеологию и подобен еще одному европейскому образцу, отлитому около 1415 г. для церкви в г. Каяни (Финляндия). Как и Никоновский, он уцелел и находится в Соловецком монастыре.

Новую страницу в русском колоколотейном искусстве открывает основанный в 1470-е годы московский Пушечный двор.

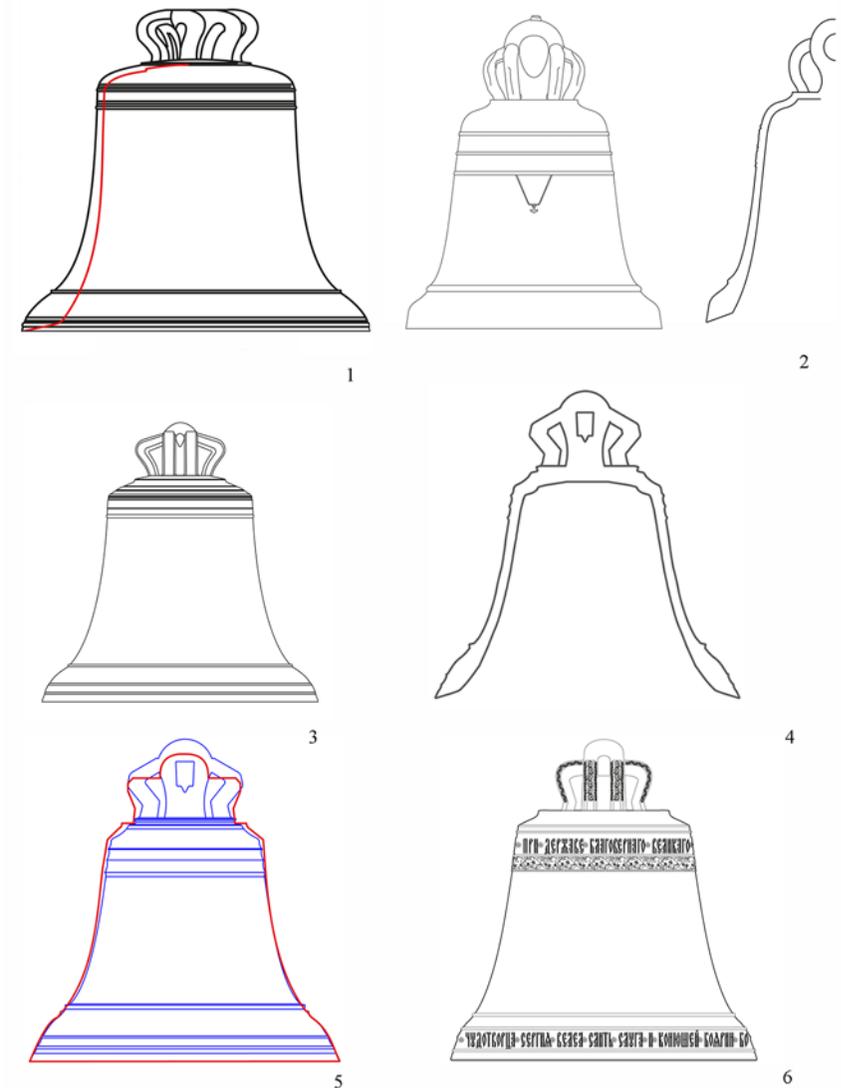

Рис. 14. Колокола и их профили

1 — профиль колокола 1277 г.;

2 — колокол 1487 г., мастер Федько пушечник, Пафнутьево-Боровский монастырь;

3 — колокол 1518 г., мастер Николас Обракр;

4 — колокол из собрания Покровского собора, середина XVI в.;

5 — совмещение профилей колокола из Покровского собора (синий профиль) и колокола 1603 г. «Борис Годунов» Троице-Сергиева монастыря (красный профиль);

6 — внешний профиль колокола «Лебедь» 1593 г., Троице-Сергиев монастырь

Трудно вообразить, что мастера, работавшие на нем, не отливали колокола, но в Москве не сохранилось ни одного колокола третьей четверти XV в. В г. Болонье (Италия) представлены в экспозиции музея три колокола, два из которых современны Аристотелю Фиораванти — создателю московского Пушечного двора. Авторство колокола 1453 г. приписывается знаменитому инженеру и архитектору (рис. 12). Перед нами широко распространенный в Италии тип колокола, у которого высота с ушами превосходит нижний диаметр. Если даже Фиораванти не отливал этот колокол, то мастер, отливший его, несомненно, был знаком с господствующей в то время колокольной идеологией и построением профиля.

В музее-заповеднике «Коломенское» находится колокол 1487 г., отлитый мастером Федько пушечником для Пафнутьево-Боровского монастыря. Оптический способ позволяет представить строение этого замечательного колокола, а изучение аналогов — реконструировать его утраченную корону (рис. 14, 2).

Следующий, весьма значимый, этап в развитии русского колокольного дела связан с работой на Пушечном дворе известного немецкого мастера Николаса Обракра из имперского города Шпаера. Так подписан колокол, отлитый мастером в 1518 г. (рис. 14, 3). Единственный экземпляр, отлитый этим мастером по указу Василия III, находится в замке Нарвы и пока недоступен для исследования. Но оптический метод позволил с достаточной точностью построить профиль этого колокола и реконструировать его корону. Колокол Обракра важен еще и потому, что создавший его мастер отлил в Москве колокол весом 1000 пудов, положив, таким образом, начало московским сверхгигантам — Царям-колоколам.

Пушечный и колокольный мастер, известный на Руси под именем Кашпира Ганусова, отличался от всех предыдущих литейщиков. Предполагаем, что в Москве он оставил после себя не только школу литейщиков, но и созданные им колокольные профили. Так, до наших дней сохранился и звучит с колокольни Покровского собора образец середины XVI в., отлитый по так называемому Кашпирову профилю. Его профиль снят инструментально (рис. 14, 4). Диаметр колокола, составляющий 72 см, слегка превышает высоту с короной. Эта особенность будет свойственна колоколам, спроектированным по Кашпирову профилю в дальнейшем. Еще одна характерная черта колокола состоит в том, что самое тонкое место расположено в нижней трети — середине полей. От этого ме-

ста толщина стенок слегка увеличивается к сквороде; вал вполне традиционный (с учетом выработки при звонах).

При составлении технического задания для воссоздаваемых больших благовестников Троице-Сергиевой лавры нами был проведен определенный объем исследовательских работ. Так, по ряду фотоснимков и кадров хроники удалось воссоздать оптическим способом внешний абрис колокола «Борис Годунов». При наложении в масштабе изображений полученного профиля и измеренного инструментально профиля колокола середины XVI в. выявлено их сходство. Таким же образом профиль «Годунова» был сопоставлен с полученным оптически профилем колокола середины XVI в., находящегося в Штутгарте во дворе музея в Старом замке. Совмещение профилей в масштабе дает ясное представление о немецком происхождении Кашпирова профиля и о его широком использовании русскими мастерами (рис. 14, 5).

Вероятно, самый известный колокол данной идеологии и архитектуры — это кремлевский «Реут». Кашпиров профиль так или иначе варьировался русскими мастерами. Возможно также заимствование подобных профилей из иных источников. Данная колокольная архитектура просуществовала на Руси практически до середины XVII столетия.

Особое место среди колоколов, относящихся к кругу изделий Андрея Чохова, занимает «Лебедь» (рис. 14, 6). Колокол подвешен в середине третьего яруса звона большой колокольни Троице-Сергиевой лавры. Он был отлит по приказу конюшего боярина Бориса Федоровича Годунова в правление царя Федора Ивановича в 1593 г. Лаврский «Лебедь» (в отличие от «Лебеда» московского, а также ростовского и двух вологодских) отличается мощным, высоким и полетным звучанием. Основной особенностью профиля является его относительная толстостенность; если колокол весом около 10 т достигает 250 см в диаметре, то нижний диаметр лаврского «Лебеда» равен 221,7 см. Это довольно существенная разница. Самая главная особенность его конструкции состоит в совпадении его профиля с профилями колоколов, выполненных мастерами псковской школы. Незначительное отличие «Лебеда» от продукции псковских литейщиков состоит лишь в размещении горизонтальных поясков, поставленных как бы по-немецки, а также в стилистике оформления ушей и надписей. Сознательно опуская некоторые детали, выделим основное. Профиль лаврского

«Лебедя» был несколько искажен при заливке металла. В результате подъема под напором металла «рубашки» и вместе с ней всей верхней части литейной формы, образовался натек, вызвавший утолщение губы. Мастера тщательно срубили и по возможности зачистили этот литейный дефект. Обмеры выявили сильную разностенность по горизонтали.

Таким образом, на примере «Лебеда» Троице-Сергиевой лавры мы сталкиваемся с фактом взаимного проникновения и обогащения двух различных колокольных традиций, которые можно обозначить как «итальянско-псковская» и «московско-немецкая». Говоря о первоисточниках русского колоколотейного искусства, уточним, что отечественные мастера, приняв европейский опыт, творчески перерабатывали его, создавая свои самобытные произведения. Это хорошо видно при сравнении профилей лаврского «Лебеда» и внешнего контура профиля колокола «Глухой» (1621) авторства Андрея Чохова и Игнатия Максимова.

Последним европейским мастером, оставившим свой неизгладимый след в литейной колокольной и пушечной деятельности на Руси, стал Г. Фальк из Нюрнберга. О нем упоминается во многих изданиях. Профиль подписного колокола этого мастера инструментально измерен в 2005 г. Он был отлит для церкви Троицы в Никитниках в 1649 г. по заказу торговых гостей Никитниковых (рис. 15, 1). В спорах с Фальком, который утаивал технологические секреты, а, следовательно, и профили от русских мастеров, рождались русская национальная колокольная школа и традиция. Ее основателями стали мастера-литейщики, отец и сын Данила Матвеев и Емельян Данилов (рис. 15, 1). Авторству Емельяна Данилова принадлежит Царь-колокол царя Алексея Михайловича весом около 8000 пудов. Этот великан трижды переливался и дошел до нашего времени в виде Царь-колокола императрицы Анны Иоанновны.

Сохранился, прекрасно звучит и изучен колокол ростовской звонницы «Баран», отлитый Емельяном Даниловым в 1654 г. При детальном сравнении профилей колоколов Фалька и Данилова становится очевидным, что русский мастер не ставил целью слепо копировать иностранца; на основе глубокого знания и изучения бывших в то время профилей он создал собственный профиль.

Долгое, более чем тридцатилетнее правление царя Алексея Михайловича (1645—1676), по мнению практически всех исследователей русских колоколов, явилось временем создания сверх-

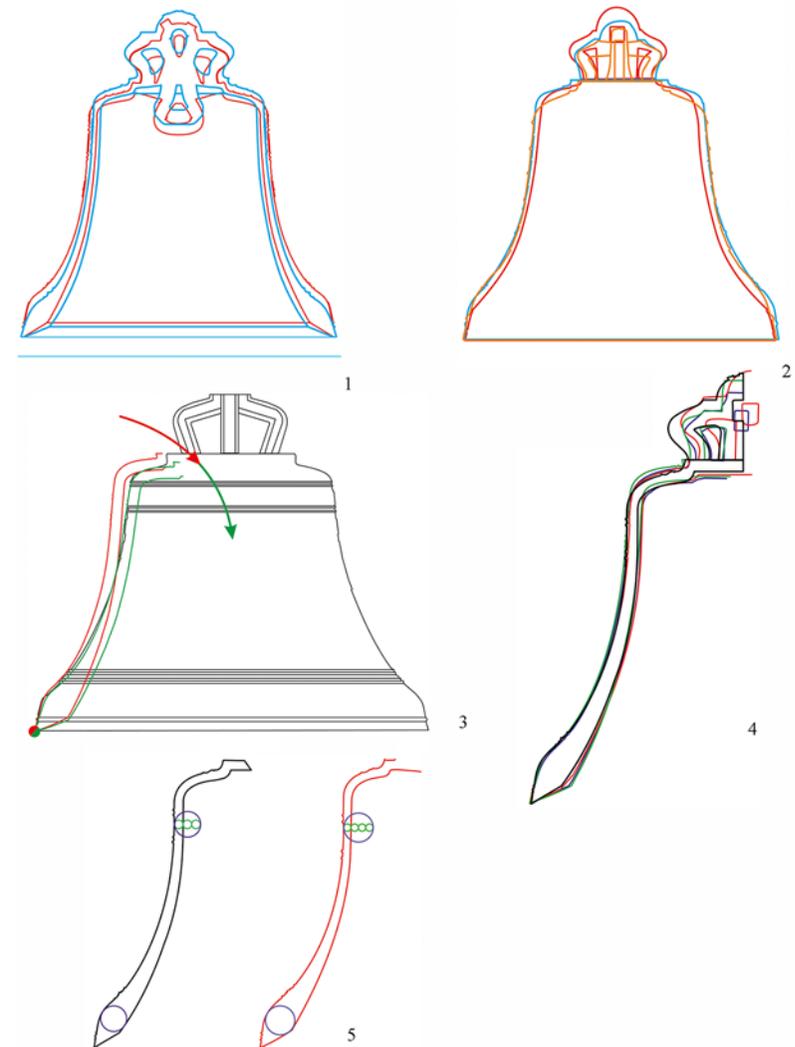

Рис. 15. Сравнительный анализ профилей колоколов

- 1 — сравнение в масштабе профилей колоколов Г. Фалька (синий профиль) и Емельяна Данилова (красный профиль);
- 2 — профили колоколов Ново-Иерусалимского монастыря, вторая половина XVII в.;
- 3 — вариации колокольного профиля;
- 4 — профили колоколов подбора ростовской звонницы: «Лебедь», 1682 г. (красный профиль), «Сысой», 1688 г. (зеленый профиль), «Полиелей», 1683 г. (синий профиль), колокол Ф. Моторина, 1683 г. (черный профиль);
- 5 — сравнение профилей колоколов И.Ф. Моторина, 1683 г. (черный профиль) и С.Г. Можжухина, 1766 г. (красный профиль)

гигантов. Это были отлитый Емельяном Даниловым около 1654 г. и перелитый в 1655 г. Александром Григорьевым московский Царь-колокол, Царь-колокол звенигородского Саввино-Сторожевского монастыря (1668), тысячепудовик Софийского собора Новгорода Великого и многие другие колокола.

Известен целый ряд выдающихся мастеров-литейщиков той поры. При Алексее Михайловиче складывается архитектура и идеология русского колоколотейного производства, появляются первые частные колокольные мастерские. Середина XVII в. являет множество различных колокольных профилей. Наличие колоколов различной архитектуры вполне естественно для разных мастеров, школ и времен, но мастера 1640—1670-х годов используют принципиально разные профили для своих изделий, происхождение и смысл применения которых в том или ином случае остается загадкой. То же самое касается корон, форм ушей, шрифтов и колокольного декора. Такие мастера, как Никифор Баранов, используют для своих колоколов прежний профиль, близкий к немецкому; Емельян Данилов разрабатывает собственный профиль; ранее совершенно неизвестные монахи-литейщики колоколов Ново-Иерусалимского и Троице-Сергиева монастырей применяют совершенно различные профили (рис. 15, 2).

Лишь в конце 1670-х годов в творчестве таких мастеров, как Федор и Иван Моторины и Михаил Матвеевич Лодыгин, устанавливается так называемый Моторинский профиль. Хотя это название можно отнести к известной колокольной фамилии лишь отчасти, так как нам не известны сохранившиеся целые колокола Александра Григорьева, Харитона Иванова Попова и других мастеров его круга и времени.

Вариации Моторинского профиля использовались колокольными мастерами почти столетие. Некоторые литейщики, такие, как Филипп Андреев, иногда применяли в колоколах вытянутые профили. Совершенно в стороне от общей линии находятся профили мастеров, братьев Леонтьевых: Василия, Якова и Федора, отливших колокол для Новгорода в 1677 г. В 1679 г. Василий и Яков изготовили колокол для колокольни Ивана Великого. Профили леонтьевских образцов отличаются шириной. К сожалению, от наследия братьев-литейщиков к настоящему времени более ничего не выявлено, поэтому определить происхождение их «широких» колоколов затруднительно.

Инструментальные и оптические обмеры колокольных профилей позволили приоткрыть завесу этой тайны. Дело в том, что мастера готовили так называемый колокольный образец посредством использования двух лекал. Лекала или шаблоны изготавливали из прочных деревянных досок. При помощи одного лекала откручивали внутренний болван, при помощи другого — фальш-колокол или внешнюю поверхность колокола, на которую наносили надписи, орнаменты и рельефы. Если оснастка для крепления шаблона к веретену изнашивалась или имела некоторую свободу, то шаблоны могли крепиться к нему под другим углом. Эти вариации технологии зачастую приводили к изменениям линии профиля стенок колокола. На чертеже показано, что если закрепить лекала для «широкого» профиля братьев Леонтьевых под другим углом, получится практически классический Моторинский профиль (рис. 15, 3).

Особо известны в России ростовские звоны. Традиционный русский колокольный звон с участием сохранившихся старинных тяжелых колоколов — явление редкое. Звон складывается из множества факторов: количества и качества звучания колоколов и со звучия в подборе; роль колоколонесущего архитектурного сооружения также важна. На ярусных колокольных трудно добиться синхронного звучания всех колоколов в едином хоре; важно, как подвешены колокола относительно арок яруса звона. Большое значение имеет подготовка звонарей и многие другие факторы.

Профили нескольких ростовских колоколов были измерены инструментально. В мельчайших подробностях исследованы колокола «Сысой», «Полиелей», «Лебедь» и «Баран» (рис. 15, 4). Изучение сверхтяжелых ростовских колоколов позволило проследить историю развития московского колоколотейного искусства середины — конца XVII столетия. Превосходит ростовское колокольное собрание только коллекция сохранившихся великолепных образцов Московского Кремля.

Библиография колоколов и звонов ростовского Успенского собора обширная, начиная с работы протоиерея о. Аристарха Израилева, и заканчивая современными публикациями²³. Однако изучение профилей ростовских колоколов как основы звучания и благозвучия оставалось вне поля зрения исследователей. Основу ростовских звонов составляет аккорд трех замечательных благовестников — «Сысой», «Полиелея» и «Лебедя». При сравнении их

профилей в масштабе хорошо видно, что они представляют собой вариации Моторинского профиля с небольшой разницей, слегка превосходящей погрешности при масштабировании профилей с целью получить колокол нужного веса и технологических вариаций, возникающих при изготовлении так называемого колокольного образца. Наиболее близкими по конструкции к профилю Федора Моторина оказались колокола «Полиелей» и «Лебедь». Ростовские колокола, особенно такие, как «Сысой» и «Полиелей», являются собой вершину мастерства русских литейщиков в искусстве создания благозвучных колоколов.

Отлитый в 1735 г. в Москве гигантский Царь-колокол, наряду со всеми особенностями Моторинского профиля, имеет ряд отличий, главное из которых — неимоверная толщина вала колокола. Она составляет 60 см, то есть почти $\frac{1}{10}$ нижнего диаметра колокола, тогда как обычно это около $\frac{1}{14}$ диаметра. Очевидно, Иван Федорович Моторин специально утолстил стенку колокола, имея в виду прежде всего прочность и долговечность своего детища. Не углубляясь в вопросы возможного звучания гиганта, предположим, что кремлевский великан должен был звучать несколько выше, чем колокол в 201 т, отлитый по классическому профилю, толщина вала которого равнялась бы 47 см.

Что же могло подвигнуть к утолщению стенок гигантского благовестника? Естественно, что русские мастера-литейщики были заинтересованы в благозвучии своих колоколов. Ивановская колокольная, Успенская звонница, Филаретова и Семисотенная пристройки в Московском Кремле изобиловали колоколами разного веса и звучания. Опытные звонари, хоровые дирижеры и церковные регенты слышали гармонию в созвучии колоколов, отмечая удачные и неудачные сочетания разных образцов в звонах. Ярким примером неудачных сочетаний являются меткие и образные прозвища, присвоенные колоколам звонарями и слушателями. Такие колокольные имена, как «козел», «беспутный», «переспор», «татарин», свидетельствуют о неудачном созвучии некоторых колоколов в общем звоне. Примером наиболее удачных подборов являются знаменитые ростовские колокола и звоны, звоны Савино-Сторожевского монастыря в Звенигороде и многие другие.

В среде специалистов-акустиков бытует мнение о том, что Иван Федорович Моторин был знаком с принципами благозвучия голландских колоколов. Это утверждение базируется на профес-

сиональном изучении спектров звучания таких замечательных кремлевских колоколов, как «Семисотный» или «Петропавловский», хотя оснований для такого вывода недостаточно. Но если предположить, что принцип подбора колоколов, подобный ростовскому, был известен еще при царе Алексее Михайловиче, то, возможно, И.Ф. Моторин, утолщая стенки профиля Царь-колокола, делал вполне классическим его сочетание с 52-тонным «Воскресным», или «Воскресенским», и 26-тонным «Реутом», тем более, что «Воскресный» переливал сам Иван Моторин в 1702 г. Сравнение кремлевского Царь-колокола с ростовским «Лебедем» выявило сходство профилей обоих колоколов, что красноречиво свидетельствует о сотрудничестве Филиппа Андреева с Федором и Иваном Моториными.

Колокола знаменитой династии Моториных, имеющие подпись мастеров, сохранились и широко распространены, они известны и изучены достаточно полно. В литературе довольно часто приходится сталкиваться с мастером Федором Дмитриевым Колесниковым. По имени и отчеству этот мастер является полным тезкой Федору Дмитриеву Моторину, но колокола Колесникова до сих пор не выявлены и не изучены; возможно, в различных документах под разными фамилиями упоминается один и тот же мастер — Федор Дмитриевич Моторин, работавший с помощниками.

Одним из ведущих мастеров середины — конца XVIII в. был Семен Гаврилович Можжухин. В Москве известно много колоколов этого литейщика. Среди сохранившихся и звучащих его изделий два находятся на первом ярусе Ивановского столпа в Кремле; благовестник Можжухина возглавляет звоны Покровского собора на Рву; весь мир слышит бой кремлевских курантов, а ведь часовой колокол был отлит именно этим мастером (рис. 15, 5).

Благовестник Можжухина весом 2 620 кг инструментально обмерен и подробно изучен нами. На основании подробного анализа профиля стенок можно представить пути, по которым развивалось российское колоколотейное искусство в конце XVIII — начале XIX в. С.Г. Можжухин проектировал профиль своего благовестника, основываясь на известных ему профилях мастеров моторинского круга. Расположение горизонтальных поясков — одинарных, двояных и сложных — совпадает с моторинскими. В общем подобии и сходстве профилей наблюдаются существенные отличия: например, С.Г. Можжухин утолщает вал колокола и делает стенки,

начиная от полей и до сковороды, более тонкими по сравнению с Моторинским профилем. На рисунке хорошо видно, что вписанная в вал моторинского колокола окружность равна его толщине (рис. 15, 5). Вверху полей толщина стенки составляет $\frac{1}{3}$ толщины вала. У профиля Можжухина толщина стенки вверху полей равна $\frac{1}{4}$ толщины вала.

Еще одна особенность выделяет специфический профиль С.Г. Можжухина: в отличие от профиля Моториных, внешняя образующая опускается от загиба плеча вниз почти вертикально; таким образом, глава колокола на всю высоту образована параллельными линиями, что будет воспринято литейщиками впоследствии и закреплено практически до прекращения колокольного производства в России. Логика изменений профиля Можжухиным ясна. Утолщенный вал обеспечивает прочность и долговечность колоколу, тонкие стенки от полей до сковороды понижают звучание, т. е. можжухинский колокол одинакового веса с моторинским будет звучать несколько ниже, что было очень важно для заказчика, желавшего, чтобы именно его колокол выделялся самым низким звуком.

Пути дальнейшего развития колоколотейного дела в Российской империи и Советской России пролегли вдалеке от поисков гармонии в звуке и созвучии колоколов в подборе. Ярче всего эти тенденции отразились в построении профилей колоколов XIX — начала XX в. При изучении их конструкции видно, что мастера уделяли основное внимание внешнему оформлению колоколов различными рельефами, орнаментами и надписями. Украшения размывают плавную линию профиля, искажают ее за счет наростов рельефа и подкладок под надписи.

Отношение к звучанию колоколов наиболее ярко иллюстрирует о. Аристарх Израилев, вступивший в переговоры с владельцем колоколотейного завода Николаем Дмитриевичем Финляндским. Финляндский заявил, «...что дело о тонах и строе колоколов ему незнакомо, что он по контракту обязался отлить колокола в известный вес, с известными снаружи рельефными изображениями и орнаментами и к известному сроку, и что больше этого никаких условий принимать не желает»²⁴.

С именем пытливого исследователя русских старинных колоколов и звонов протоиерея о. Аристарха Израилева связана любопытная страница в оценке, исследовании, обмерах и применении на практике профиля старинного русского колокола. Вот как

сам о. Аристарх описывает происходившее: «В начале июня прошедшего 1888 г., проходя мимо церкви св. Николая чудотворца (Явленного Арбатской ч., Серебряный пер.), я услышал благовест к ранней обедне. Звук колокола был очень мелодичен и тягуч. Через несколько дней я отправился на колокольню этой церкви и стал тщательно рассматривать тот колокол, звук которого мне так понравился. На колоколе не оказалось никаких рельефных изображений и украшений: он гладкий, а только вверху, около головы его, вырезана надпись. ...По снятии с колокола мерки, я начертил шаблон, по которому можно было отлить такой же колокол. Шаблон этот отдал я на колокольный завод в Москве Павлу Николаевичу Финляндскому и просил его отлить по этому шаблону колокол. П.Н. Финляндский отлил просимый мною колокол и в минувшем мае 1889 г. повесил его на своем заводе. Колокол вышел точно такой же, по образцу которого лит. Теперь весьма многие с удовольствием слушают его»²⁵.

На этом история первого зафиксированного обмера колокола-прототипа и отливка по обмеру колокола-копии не заканчивается. Среди колоколов московского Малого театра нами был выявлен один, профиль которого восходит к первой половине XVII в. Колокол, отлитый по обмерам А.А. Израилева, украшен в полном соответствии со стилем П.Н. Финляндского, бытовавшим в конце XIX — начале XX в., и только опытный глаз специалиста может определить его происхождение.

Этот пример ясно доказывает возникшую в конце XX в. необходимость поиска путей улучшения звучания русских колоколов. Несомненно, потребность в правильной благозвучии испытывали многие специалисты, музыканты, регенты и т. д. Протоиерей о. Аристарх не был одинок в этом. В начале XX в. многие колокола завода Оловянишниковых отливали без украшений, имея в виду именно их благозвучие. Следующая страница в истории российских колоколов открывается в год празднования тысячелетия крещения Руси в 1988 г. Она ознаменована возрождением колокольного дела в России.

История колоколов звонницы-колокольни Покровского собора на Рву начинается со второй половины XVI в.²⁶ Порядок формирования колокольного собрания храма представляется вполне обычным для этого и последующего времени естественного использования колоколов в уставных звонах. На изменения в чис-

ленном и весовом составе колокольного собрания влияли обычные для того времени факторы, такие, как частые пожары, разорения Смутного времени, вклады представителей августейшей фамилии и частных лиц и т. п.

В начале нового тысячелетия все колокола, находящиеся на ярусе звона, были инструментально измерены и изучены. Подробные измерения были необходимы, в том числе и для уточнения плана частичного перемещения колоколов на ярусе звона. Одним из ранних образцов исторического колокольного подбора храма является колокол из группы большого подзвона (современное название). Он уцелел и используется в звонах. Таким образом, был отмечен важный этап становления новой колокольной идеологии в Русском государстве во второй половине XVI в.

Изученные нами памятники московского колокольного искусства первой четверти и конца XV в. не могли дать реальных оснований для серьезных выводов об этапах его становления. Колокола, созданные знаменитым болонцем Аристотелем Фиораванти, до нас не дошли, как не сохранился и колокол-гигант 1503 г., весивший около 500 пудов. За малым исключением, не оставил по себе следа и литейщик Николас Обрак из города Шпаера. От всей колокольной деятельности этого замечательного мастера на сегодняшний день выявлен и изучен один единственный колокол 1518 г. (рис. 14, 3).

Сохранившийся на колокольне Покровского собора колокол 1550-х годов интересен тем, что отлит в русле идеологии, которая принадлежит известному мастеру-литейщику Кашпиру Ганусову. Известно также, что у него были русские ученики, самый выдающийся из них — Андрей Чохов — автор множества великолепных орудийных стволов и тяжелых благовестников, из которых сохранился колокол «Реут» 1622 г. в московском Кремле. Таким образом, большой подзвонный исторический колокол собора Покрова на Рву является памятником основания школы колокольного литья на московском Пушечном дворе под руководством немецкого мастера Кашпира Ганусова.

В северной арке яруса звона находится колокол весом около 30 пудов с надписью на французском языке. Колокол «Француз» участвует в звонах как большой подзвонный. Профиль его стенок сопоставлен с профилями подобных по весу и габаритам колоколов; какого-либо сходства с изделиями русских и иных мастеров не выявлено. Колокола иностранных мастеров — не редкость; они

есть на большой колокольне Троице-Сергиевой лавры и в Великом Новгороде. Исследование «Француза» XVI в. позволяет сделать вывод о том, что русские мастера не копировали его ни с точки зрения архитектуры, включая корону, ни с точки зрения профиля.

Время расцвета русского самобытного колоколотейного искусства широко отмечено тремя великолепными памятниками Покровского собора. Это колокол весом 105 пудов Федора Дмитриева Моторина, колокол весом 60 пудов Ивана Федорова Моторина и колокол неизвестного мастера весом 10—14 пудов. Они представляют важнейший этап становления архитектуры и профиля русских колоколов. Представители славной династии Моториных, очевидно, предполагая влияние на звук колоколов высоких орнаментов и надписей, украшали и главу и вал колоколов, оставляя поля свободными. Сохранение на колокольне Покровского собора и использование в звонах колоколов «моторинского» круга очень важно, так как колокола мастеров — основателей московской школы колокольного литья, таких, как Емельян Данилов и Александр Григорьев Лыков, — либо сохранились в единственном экземпляре (колокол «Баран» 1654 г. в составе звонницы Успенского собора в Ростове Великом), либо не выявлены вообще, как, например, колокола Александра Григорьева.

Следующий этап развития русского колокольного искусства отмечен великолепным большим благовестником весом 160 пудов московского мастера С.Г. Можжухина²⁷. Этот замечательный профессионал в разработке профиля стенок колокола решился предпринять смелый эксперимент. Он утончает стенки от середины полей до главы и для восполнения массы металла ставит на поля четыре огромных рельефа избранных икон.

Завершающий этап развития колокольного мастерства в Российской империи представлен на колокольне Покровского собора двумя образцами московского завода Финляндских, одним колоколом московского завода Самгиных и колоколом ярославского завода Оловянишниковых. Два последних входят в группу зазвонных. Колокола завода Финляндского интересны тем, что представляют собой примеры исследовательско-творческой деятельности литейщиков в области улучшения звучания, так как лишены каких-либо узоров, орнаментов и надписей. Кроме того, исторические колокола этого завода являются продукцией самого крупного колоколотейного производства Российской империи.

- ¹ Коновалов И.В. Звонница, колокольня и колокола собора Покрова на Рву // Покровский собор в истории и культуре России. М., 2013. С. 146—160.
- ² Архитектура. Новая иллюстрированная энциклопедия. М., 2002. Кн. 2. С. 21, 22.
- ³ Например, один из ранних колоколов, сохранившийся из утраченного исторического подбора Покровского собора, некоторыми исследователями определяется как колокол иностранной работы.
- ⁴ Оловянишников Н.И. История колоколов и колоколотейное искусство. М., 2003 (современное переиздание: Оловянишников Н.И. История колоколов и колоколотейное искусство. М., 1912). См. также: Оловянишников Н.И. История колоколов и колоколотейное дело на заводе Товарищества П.И. Оловянишникова с-ья. Ярославль, 1906; Колоколотейный завод П.И. Оловянишникова и сыновей в Ярославле. Перечень покупателей колоколов от 1000 до 100 пудов. Ярославль, 1896.
- ⁵ Оловянишников Н.И. История колоколов и колоколотейное искусство. М., 2003. С. 222.
- ⁶ Известный также под фамилией Налетов.
- ⁷ Израилев А.А., прот. Ростовские колокола и звоны // Памятники древней письменности. СПб., 1884. Вып. 51.
- ⁸ Оловянишников Н.И. История колоколов и колоколотейное искусство. М., 2003. С. 228—235.
- ⁹ Там же. С. 403—406.
- ¹⁰ Колокола: История и современность. М., 1985.
- ¹¹ Плешанова И.И. Колокола псковских литейщиков XVI — начала XVII в. // Колокола: История и современность. М., 1985. С. 104—116.
- ¹² Костина И.Д. Орнаментация русских колоколов в XIX — начале XX в. из коллекции Государственных Музеев Московского Кремля // Колокола: История и современность. М., 1985. С. 88—103; Она же. К истории создания Царь-колокола: новые архивные материалы // Колокола: История и современность. М., 1993. С. 119—127; Она же. Колокола XIV—XIX веков: Каталог собрания Государственного историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль». М., 2015.
- ¹³ Спирина Л.М. О колоколах Троице-Сергиева монастыря // Колокола: История и современность. М., 1985. С. 120—136; Она же. Колокола Троице-Сергиевой Лавры. История и современность. М., 2006.
- ¹⁴ То, что колокол по своей сути является сосудом, известно давно. Это подтверждается археологическими находками древнекитайских артефактов, в частности, неправильной формы сосуда с приделанной снаружи к донышку ручкой. Есть подобные изделия, выполненные из бронзы, с каменной ручкой. Возможно, это наиболее ранние образцы вызывных и ритуальных колокольчиков древнего мира. Древние по справедливости оценили красоту и громкость звучания колоколообразного тела. Можно лишь предположить первенство появления керамических колокольчиков из-за простоты и легкости их изготовления. Многие измеренные и исследованные образцы древних керамических сосудов имеют

- утолщение в области горлышка. Эта конструктивная особенность легко объяснима соображениями прочности изделия. Аналогичные утолщения наблюдаются и на древних колоколах. Необходимо отметить, что китайские колокола-прообразы не имеют утолщений в нижней части, так как звук извлекается ударом бревна-тарана в среднюю часть колокола, а не в так называемое звуковое, или музыкальное, кольцо.
- ¹⁵ Известны колокола, отлитые без короны. Они относятся к западной колокольной культуре и не являются предметом настоящего исследования.
- ¹⁶ Оловянишников Н.И. История колоколов и колоколотейное искусство. М., 2003. С. 403, 399.
- ¹⁷ Шапкина Т.Б. Модульный метод колоколотейного ремесла // Колокола: История и современность. М., 1985. С. 216—237.
- ¹⁸ При обсуждении с Т.Б. Шапкиной вопросов построения профилей на практике она признала некоторую отвлеченность своих выводов.
- ¹⁹ Незадолго до того Н.Н. Асимов, будучи на Афоне, производил инструментальные обмеры находящихся в местных монастырях колоколов различных российских колоколотейных заводов.
- ²⁰ Williams E. The Bells of Russia. Princeton, 1985. P. 31—66.
- ²¹ Бондаренко А.Ф. История колоколов России XI—XVII в. М., 2012. С. 24—181.
- ²² В связи с этим в музейной практике наблюдается ряд спорных моментов, связанных с презентацией колокольного искусства. Так, например, в музее истории г. Киева в экспозиции представлены целые колокола и их фрагменты. Экспонаты датированы очень осторожно столетиями, однако неясно, на каком основании датирован тот или иной образец. Возможно, такая осторожность оправдана по отношению к памятникам русского искусства, исполненным в домонгольский период.
- ²³ Тюнина М.Н. Ростовские колокола и звоны // Колокола: История и современность. М., 1985. С. 137.
- ²⁴ Протоиерей Аристарх Израилев (1817—1901): Труды, публикации исследований. М., 2001. С. 142; Известия Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1884. Т. 41. Вып. 2. С. 58—72. Табл. I—V.
- ²⁵ Цит. по: Древний исторический колокол в Москве // Прибавление к Церковным ведомостям Святейшего Правительствующего Синода. 19 августа 1889 года. № 34. С. 1020, 1021.
- ²⁶ После почти полной утраты в 1929 г. исторических колоколов в 1990-е годы был воссоздан подбор, состоящий из колоколов, выявленных в фондах Государственного исторического музея, и вновь изготовленных образцов.
- ²⁷ Колокол был отлит в 1766 г. для церкви Сергия Радонежского, что в Пушкинском районе.

И.В. Белозерова

Николай Николаевич Померанцев и Покровский собор (по материалам отдела письменных источников ГИМ)

В 2021 г. выдающийся памятник мировой архитектуры — собор Покрова Пресвятой Богородицы на Рву, более известный как храм Василия Блаженного, отметил 460-летие завершения строительства и освящения. Одними из наиболее сложных в его истории стали послереволюционные годы, когда по всей стране закрывались и уничтожались многовековые памятники истории. Не многие православные храмы уцелели в годы революционного кризиса и гражданской войны. Благодаря самоотверженной работе деятелей культуры — ученых, реставраторов, музейных работников — некоторые из них удалось отстоять и сохранить. Их деятельность — настоящий подвиг, если вспомнить, в каких условиях они работали и какие колоссальные трудности переносили. Их беспрецедентная работа долгие годы была практически неизвестна. Лишь в последнее время начинают к нам возвращаться их имена, биографии, подробности героической деятельности по спасению памятников отечественной культуры.

В их числе стоит имя Николая Николаевича Померанцева (1891—1986) — искусствоведа, реставратора, теоретика и практика музейного дела, внесшего огромный вклад в его развитие, в дело спасения и охраны памятников и становление советской школы реставрации. Благодаря исследованиям последних лет стали известны многие факты биографии ученого: его роль в формировании и сохранении коллекций Московского Кремля, причастность к созданию музеев-монастырей и спасению их сокровищ, его экспедиционная деятельность и пр.¹ Но многое еще предстоит узнать, например, недостаточно изучена его деятельность в первые послереволюционные годы в музейной системе Наркомпроса, сведения о которой содержатся в разрозненных статьях и архивах.

Н.Н. Померанцев родился 21 марта 1891 г. в семье диакона московского храма святителя Николая Чудотворца в Пыжах на Ордынке. Там же во дворе церкви находился двухэтажный дом, в котором он прожил большую часть жизни². Его отец — Николай Семенович Померанцев, археолог по образованию, став священником, продолжал исследовательскую работу, изучая памятники церковной архитектуры, архивные источники, связанные с древнерусским искусством. Именно он привил сыну увлеченность наукой и любовь к искусству, знакомя его с детства с памятниками архитектуры, скульптуры, декоративного искусства. Будучи еще гимназистом, Николай начал выезжать с отцом в первые исследовательские поездки по Подмосковию, где учился делать обмеры, фотографировать архитектурные памятники. В эти же годы состоялась его встреча с художником, реставратором, искусствоведам Игорем Эммануиловичем Грабарем — хорошим знакомым семьи Померанцевых. Эта встреча во многом определила его судьбу и выбор профессии.

В год революции Н.Н. Померанцев окончил естественное отделение физико-математического факультета Московского университета (по специальности «Техническая химия») и начал работать на химической фабрике Шеринга, но политические события осени 1917 г. лишили его этой работы, и в начале 1918 г. он поступил в отдел химической промышленности ВСНХ. Тогда же по приглашению И.Э. Грабаря 27-летний Померанцев начал работать в только что созданной иконописно-реставрационной мастерской Всероссийской комиссии по сохранению и раскрытию памятников древней живописи, располагавшейся в помещении бывшей синодальной конторы в Московском Кремле (с 1924 г. — Центральные государственные реставрационные мастерские). Под руководством И.Э. Грабаря молодой ученый, как специалист-химик, участвовал в разработке научных методов реставрации древнерусской живописи, открывавших удивительные возможности для исследования древних икон, фресок в храмах и т. д. (рис. 1).

С этого же времени началась его деятельность в составе различных учреждений: с 1919 г. — в Комиссии по регистрации и приемке церковного имущества, в 1922 г. — в Гохране и комиссиях Помгола (эксперт Музейного отдела Главнауки), в 1923 г. — в Церковной секции подотдела учета и охраны, с 1931 г. — в Секции учета памятников ЦГРМ, с 1932 г. — ученый секретарь Межведом-

Рис. 1. Коллектив Центральных государственных реставрационных мастерских в день 15-летия их существования в саду при Аверкиевых палатах на Берсеневской набережной. Москва, 10 июня 1933 г. Слева направо: сидят С.А. Торопов, П.Д. Барановский, И.Э. Грабарь, директор ЦГРМ Я.Г. Лидак, И.П. Благов, И.И. Сулов; стоят: Д.А. Ушаков, Н.Я. Епанечников, неизвестный, М.М. Чураков, П.С. Аверкиев, А.Д. Барышникова, А. Ольман, В.А. Мамуровский, К.А. Фомичева, Н.А. Кожин, Бабкин, И.П. Каверзнев, Ю.С. Карпова, Н.С. Большаков, неизвестный, Б.Н. Засыпкин, Н.Н. Померанцев, А.В. Виннер, неизвестный, И.А. Баранов. ОПИ ГИМ. Ф. 500. Ед. хр. 34. Л. 1

ственного комитета по охране памятников революции, искусства и культуры при Президиуме ВЦИК. Кроме того, в 1919—1931 гг. он был хранителем Оружейной палаты по отделу русского серебра и заведующим памятниками Кремля (до 1934 г.).

В 1918 г. Н.Н. Померанцев был зачислен на службу в подотдел Национального музейного фонда³. В 1919—1923 гг. он принял участие в первых экспедициях Комиссии по сохранению и раскрытию памятников древней живописи, совершая поездки по древним русским городам, где шло планомерное выявление, учет и спасение огромного числа памятников, происходили многочисленные открытия⁴.

Именно в этот период Н.Н. Померанцев стал одним из инициаторов музеефикации культовых памятников. После революции придание церковным сооружениям статуса памятников культуры, музеев оказалось единственно возможной формой со-

хранения религиозного искусства и культуры дореволюционной России. С древнейших времен монастыри являлись центрами русской культуры, местом сосредоточения уникальных памятников архитектуры, иконописи, прикладного искусства. Создание музеев на территории монастырей было мерой, безусловно, вынужденной: их массово закрывали, в некоторых после революции находились самые разные учреждения — концлагеря, колонии для беспризорников, жилые квартиры, мастерские и складские помещения. Сотрудники Музейного отдела Главнауки содействовали перемещению в музеи произведений религиозного искусства и переводу религиозного искусства в категорию культурных ценностей. Изъятие церковных ценностей в 1922 г., носившее характер насильственной акции, ускорило принятие решений о придании храмам статуса музеев.

В 1923 г. Н.Н. Померанцев разработал план создания целой сети музеев-монастырей: архитектурных, исторических, историко-художественных, историко-бытовых. Известна его роль в создании историко-художественных музеев в закрытых в те годы монастырях — Соловецком⁵, Оптиной пустыни⁶, Троице-Сергиевой Лавре — в некоторых московских храмах и монастырях (соборы Московского Кремля, Новодевичий, Симонов, Донской⁷ монастыри), а также в храмах Звенигорода, Александрова, Волоколамска, Дмитрова, Нового Иерусалима и в других старинных русских городах. Защищая целостность церковных ансамблей, Померанцев обращал внимание на то, что архитектурные особенности древних зданий позволяют экспонировать церковные памятники «в условиях лучшей обозреваемости» и более глубоко выявлять черты древнерусского искусства. Часть церквей и монастырей, как «яркие памятники социально-экономического сложения древнерусского общества», была превращена в филиалы крупных музеев. Он лично участвовал в создании музеев в храмах, написании инструкций по их организации, определении профиля, инспектировании работы, составлении списков памятников церковного зодчества, состоящих на учете Музейного отдела Наркомпроса.

В защиту организации музеев-монастырей Московской области Н.Н. Померанцев в 1929 г. выпустил специальную брошюру, где, в частности, писал: «До революции музеев-монастырей вовсе не существовало... В результате большой работы, проведен-

ной в весьма трудных условиях, стало очевидным, в частности, исключительное значение таких памятников, как древние монастыри, являющиеся средоточием произведений искусства большой художественной ценности. А старинный быт, представленный в этих обителях, имеет столь большое значение, что теперь без существования музеев подобного рода немислимо настоящее изучение прошлого... Мне пришлось в течение ряда лет переносить колоссальные трудности, вынуждавшие подчас прибегать к исключительным мерам, предпринятым в защиту идеи организации музеев-монастырей, каковая в то время не встречала сочувствия даже среди большинства музейных работников»⁸.

Изучение и анализ документов из фондов ОПИ ГИМ (Главнауки Наркомпроса РСФСР, ф. 54; ЦГРМ, ф. 417) позволяют узнать подробности о деятельности Н.Н. Померанцева в послереволюционный период и говорить о его большом вкладе в создание музея в Покровском соборе (Храме Василия Блаженного), участии в налаживании работы в первые годы его существования.

Документы (протоколы заседаний, переписка) свидетельствуют о том, что его знакомство с памятником началось во время работы в составе Комиссии по регистрации и приемке церковного имущества, созданной при подотделе Национального музейного фонда Музейного отдела Наркомпроса. В Комиссии под председательством И.Э. Грабаря работали крупнейшие специалисты, ученые, искусствоведы, музейные деятели: Б.Н. Эдинг, М.С. Сергеев, Н.С. Моргунов, Ф.Я. Мишуков, А.А. Глазунов, Е.И. Силин, Е.П. Муратова, Н.П. Виноградов, Н.П. Шабельская, Т.Н. Александрова-Дольник, Р.И. Котович-Борисьяк⁹, А.П. Хотулев, Н.Д. Рудницкая, М.М. Денисова, П.П. Шибанов, Г.В. Жидков и др.¹⁰ В 1919–1921 гг. ими была обследована, поставлена на учет и госохрану большая часть культовых памятников центральных областей страны¹¹. Наиболее активно работа Комиссии в Покровском соборе велась в январе–феврале 1920 г.¹² Именно тогда ее членами был произведен прием и создана опись всего церковного имущества собора, подлежащего специальному учету в соответствии с декретом СНК от 20 января 1918 г. «О свободе совести, церковных и религиозных обществах».

Процесс превращения Покровского собора в музей шел несколько лет (с 1918 по 1923 г.). Памятник требовал ремонта и реставрации. В первую очередь необходимо было устранить повреждения, причиненные собору во время боев за Кремль 2 ноября

1917 г. Еще в период Первой мировой войны нижние этажи собора были заполнены вещами беженцев, а во многих помещениях жили люди. Поэтому прежде чем открыть его для посетителей, собору нужно было придать надлежащий музейный вид.

Решение вопроса об организации музея в Покровском соборе ускорил ряд обстоятельств. Одним из них была кража, произошедшая осенью 1921 г. в ризнице собора. Подобные грабежи ризниц храмов были частым явлением в первые годы советской власти. На одном из заседаний Церковной комиссии Н.Н. Померанцев привел статистику: «...в Москве осенью 1921 г. за два месяца было разграблено 39 ризниц»¹³. Из ризницы Покровского собора тогда же были похищены предметы лицевого шитья и богослужебная утварь из драгоценных металлов.

Другим событием стала конфискация церковных ценностей, произведенная в апреле 1922 г. комиссией Помгола, когда собор лишился святынь, иконостасы — драгоценного убранства, иконы — металлических окладов и венцов. Было изъято 50 золотников золота, 24 пуда 10 фунтов 17 золотников серебра, 1 фунт 6 золотников жемчуга, одна алмазная звезда с мелкими бриллиантами и 3 бриллианта¹⁴. Как свидетельствуют документы, лишь 31 предмет из драгоценных металлов, переданных в Гохран в 1922 г., вернулся обратно в храм в 1927 г. из Оружейной палаты, но многих собор так и не досчитался¹⁵. В этот период многие сотрудники Главмузея Наркомпроса (в том числе Н.Н. Померанцев, Е.И. Силин, А.И. Анисимов, П.Д. Барановский) работали в составе различных комиссий Помгола в качестве экспертов¹⁶ (рис. 2–4).

В апреле 1923 г. скончался протоиерей И.И. Кузнецов, долгие годы бывший настоятелем и хранителем Покровского собора, и одним из первых предлагавший создать в нем музей¹⁷. Все эти события ускорили принятие решения о быстрейшем создании музея в Покровском соборе. Причем первоначально предполагалось, что он войдет в состав Государственного музея декоративного искусства в Московском Кремле, где отдел музеев-соборов возглавлял Н.Н. Померанцев. Однако в апреле 1923 г. на заседании секции древнерусского искусства Музейного отдела принимается решение о создании самостоятельного музея. 18 апреля 1923 г. Церковная секция подотдела учета и охраны Музейного отдела в составе Н.Н. Померанцева, Е.С. Мосягиной, Д.П. Сухова, Е.С. и Н.С. Кропоткиных, Е.И. Силина постановила принять срочные меры по при-

ЭКСПЕРТОВ ГЛАВМУЗЕЯ, РАБОТАВШИХ В Г. МОСКВЕ.

1. АНИСИМОВ А.Я.	X35. ВОРГУНОВ Н.С.
X2. АЛЕКСАНДРОВА-ДОЛЬНИК Т.Н.	36. ПИЧАЕВА М.Н.
3. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ М.Я.	X37. НЕЗНАМОВ П.А.
4. БАБЕВ	38. ПУШКИН Б.С.
X5. БАРАНОВСКИЙ П.Д.	39. ПУСТАХАНОВИЧ А.А.
6. БРЯГИН Б.И.	X40. ПОПЕНЦЕВ А.И.
7. ВОРОНОВ	X41. ПОРОЗОВА Е.К.
8. ВИШНЕВСКИЙ В.Г.	X42. ПОМЕРАНЦЕВ Н.Н.
9. ГЕОРГИЕВСКИЙ В.Т.	43. РАВТНОВА А.А.
X10. ГОЛОЩАДОВ Н.Н.	X44. РУДНИЦКАЯ И.Д.
X11. ГРАБАРЬ И.Э.	45. РИЛЬСКИЙ И.В.
X12. ГРИГОРОВ С.П.	X46. СУХОВ Д.П.
X13. ДЕНИСОВА М.М.	47. СТОРОЖЕНКОВ С.А.
14. ДЕНИН	X48. СИЛИН Е.И.
15. ДУДАРЕВА В.А.	49. ТОРОПОВ И.Я.
16. ЗИМКОВ Г.В.	50. ТОРОПОВ С.А.
X17. ЗУКОВ Н.К.	51. ТРОЦКИЙ В.И.
18. ЗГУРА В.В.	52. ТЕМЯН Н.Я.
19. КОНДРАШЕВ Л.И.	53. ТОЛИН И.М.
20. КОСОЛАПОВ Н.Н.	54. ФРОЛОВСКАЯ Л.А.
X21. КОТОВИЧ-ВОРНОВИЧ Р.И.	X55. ХОТУНЦЕВ А.И.
22. КОРИ С.Е.	X56. ЧИРИКОВ Г.О.
X23. КРОПОТКИНА Е.С.	57. ШАВЕЛЬСКАЯ Н.П.
X24. КРОПОТКИНА Е.С.	X58. ШЕВАНОВ П.П.
25. ЛЕВЕНСОН М.Р.	X59. ШЕКОТОВ Н.М.
26. ЛАТКОВ В.А.	60. ШЕКОТОВА А.Н.
27. ЛАТКОВ А.А.	
28. МАРКОВНИКОВ И.В.	
29. МЕКК В.В.	
30. МЕНН В.Г.	
X31. МОСЯГИНА Е.С.	
X32. МАМУРОВСКИЙ В.А.	
X33. МОДЕСТОВА Т.С.	
X34. МОЩИНА А.И.	

И.Э. Грабарь

Рис. 2. Список экспертов Главмузея, работавших в г. Москве. 1922 г. Автограф И.Э. Грабаря. ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 1264. Л. 21

ведению собора в музейный вид: провести учет предметов музейного значения, уточнить списки предметов, изъятых в 1922 г., удалить все нарушающее общий ансамбль позднейшие пристройки, убрать мусор и пр.¹⁸

Музей-собор был открыт для посетителей 21 мая 1923 г. (рис. 5). Его первым заведующим стал научный сотрудник Исторического

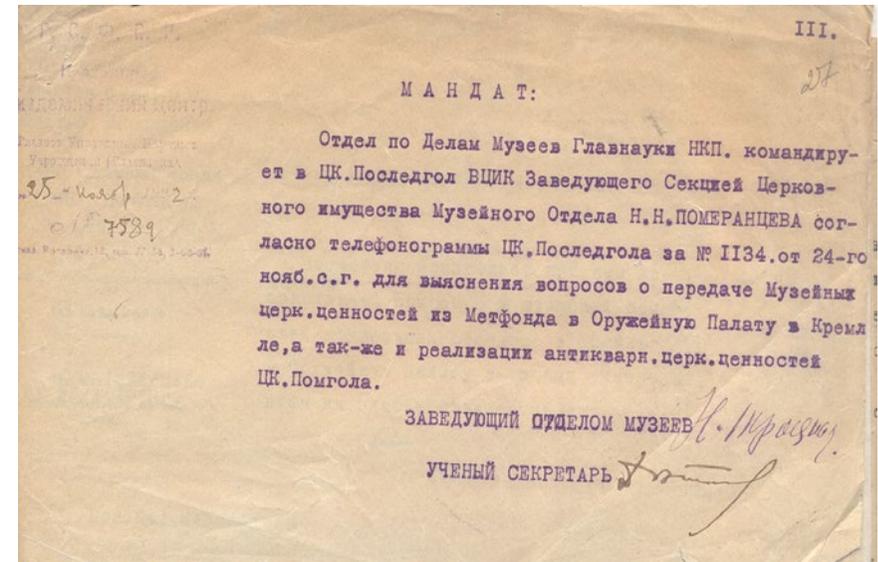

Рис. 3. Мандат Н.Н. Померанцева, выданный Отделом по делам музеев Главнауки о его командировании в Металлофонд Гохрана для выяснения вопроса о передаче музейных ценностей в Оружейную палату Кремля. Подписан заведующей Отделом музеев Главнауки И.И. Троцкой. 25.11.1922 г. ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 1263. Л. 27

музея, исследователь древнерусского искусства Евгений Иванович Силин. Е.И. Силина и Н.Н. Померанцева связывала многолетняя (начиная с 1919 г.) работа в Комиссии по приемке церковного имущества, в результате которой были спасены сотни икон и предметов декоративного искусства. Музеефикация таких выдающихся столичных памятников, как соборы Московского Кремля и Покровский собор, с самого начала имела иной характер, чем провинциальных храмов. Она проходила при участии крупнейших ученых, реставраторов, музейных деятелей, специалистов по древнерусскому искусству.

Н.Н. Померанцев участвовал буквально во всех направлениях деятельности музея-собора с момента его основания: выработке его концепции и принципов построения экспозиции музея, обсуждении деталей реставрации памятника, комплектовании фондов, научно-исследовательской и экскурсионной работе, восстановлении интерьеров. Сохранилась, например, докладная записка с планом приведения Покровского собора в музейный вид за подписью заведующего музеем Е.И. Силина и заведующего секцией

В Музейный отдел Главнауки
 Акт № 2700
 47
 Сопутствия в. чл. Силина,
 осуществляющего по вел. приказа
 № 2792 от 12/12
 Сб. № 16.
 ГЛ. В. С. И. НА.
 № 9858.
 12/17 1922 г.

Проезд на трамвае Н. С. и др. в Полеской округе
 на бронированной (Госарм работа по инструкции
 историко-художественного управления, из
 дела Полеской Помгола) и обратно.

Май 1922 г.	14 дней по 50 р.	700 р.
Июнь 1922	22 "	60
Июль "	20	60
Август "	24	80
Сентябрь "	7	80
Итого.		5.700 р.

Намь тысяча семьсот рублей
 Е. Силин

12 сент. 1922
 Оцен. уполномочен. Заверено и. Силин
 Церковн. Имущ. Н. Померанцев.

Рис. 4. Счет трамвайных расходов, представленный Е.И. Силиным в Музейный отдел Главнауки во время работы в Комиссии Помгола. Заверен заведующим секцией церковного имущества Н.Н. Померанцевым. 12 сентября 1922 г. ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 1263. Л. 35

Церковного имущества Н.Н. Померанцева (от 22.07.1923 г.)¹⁹. Документ предусматривал: организацию фондовых отделов, создание архива и библиотеки, учет и регистрацию всего соборного имущества, реставрацию памятников старины, а также «...самого здания с восстановлением его древнего облика». В своем отчете в Музейный отдел Е.И. Силин писал, что «...план музея разработан, согласно существующим принципам организации музеев-монастырей и утвержденному докладу Н.Н. Померанцева от 29.12.1923 г., зачитанному на совещании Главнауки»²⁰. В некоторых докумен-

Рис. 5. Общий вид Покровского собора. Фотография из отчета Е.И. Силина за 1925–1926 гг. ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 618. Л. 15

тах этого времени Н.Н. Померанцев значится как заведующий монастырями-музеями Московской области.

Важным источником по истории многих храмов, в том числе Покровского собора, являются документы образованного в октябре 1925 г. в структуре Главнауки Наркомпроса Управления музеями-усадьбами, музеями-монастырями, музеями-церквями (Покровка, Подсосенский пер., 21). Оно осуществляло руководство наиболее крупными музеями «церковного типа». В подчинение Управления при его организации вошли музеи-монастыри:

Донской, Симонов, Новодевичий, Боровский, Оптиная пустынь, Александрова слобода; музеи-храмы: Покровский (Василия Блаженного) с филиалом — церковью Грузинской иконы Божией Матери и архитектурными памятниками села Коломенского. В штате Управления находилось 15 человек. Н.Н. Померанцев был членом правления и заведующим музеями-монастырями, музеями-церквями. Он не только инспектировал их деятельность, но и входил буквально во все аспекты этой работы.

Документы Управления (протоколы заседаний, отчеты, переписка) содержат сведения о работе, проводимой в Покровском соборе с 1923 по 1927 г.: создании первых фондовых отделов: иконописи и прикладного искусства (в бывшей ризнице собора), иконографии и архитектуры (на втором ярусе колокольни), истории собора и Красной площади (на первом ярусе колокольни). Они зафиксировали постоянное участие Н.Н. Померанцева во всех делах музея: в утверждении смет и штатов (сверхштатных сотрудников, экскурсоводов, вахтеров и уборщиков), решении вопросов сдачи помещений в аренду (для получения дополнительных спецсредств)²¹, вопросах охраны помещений собора и т. п. Он входил в состав комиссий, осуществлявших оценку и выявление предметов, не имеющих музейного значения и предназначенных на реализацию или в обменный фонд. Например, в 1926 г. на заседании при участии Н.Н. Померанцева решался вопрос о передаче в музей Покровского собора хоругви XVI в., хранящейся в фонде бывшего Новодевичьего монастыря²², и полотна К.И. Рабуса с изображением храма Василия Блаженного из Госфонда²³. Н.Н. Померанцеву поручается выяснение вопроса о возможности выделения одного из помещений в соборе под библиотеку и архив²⁴ и передачи картотеки по музеям-монастырям, временно хранившейся в Третьяковской галерее²⁵. Вероятно, по его инициативе 1 октября 1926 г. Музейный отдел дал разрешение вернуть в собор изъятые в 1922 г. Комиссией Помгола ценности (31 предмет), хранившиеся в Гохране в Оружейной палате²⁶.

Проведенные работы по архитектурной реставрации позволили существенно расширить экспозиционные площади музея. Так, в 1927 г. при участии Н.Н. Померанцева на заседании Управления решается вопрос об открытии к 10-й годовщине Октябрьской революции для посетителей музея помещений северной части подклета после реставрации, считавшихся местом хранения «бывшей царской казны»²⁷.

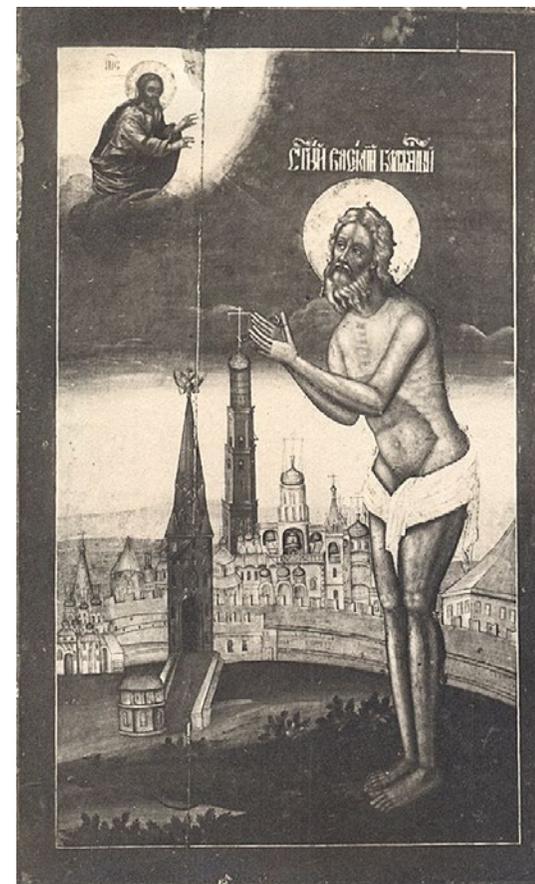

Рис. 6. Икона «Святой Василий Блаженный». Начало XVIII в. Фотография из отчета Е.И. Силина за 1925–1926 гг. ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 618. Л. 89а

Вместе с тем, организаторы музея столкнулись с нехваткой подлинных предметов времени создания собора. Так, при тщательном анализе собрания Покровского собора удалось выявить только 12 икон XVI–XVII вв.²⁸ Поэтому такую ценность представляли сохранившиеся древние памятники: ранние иконы, рукописи и особенно вкладные предметы лицевого шитья и изделия из драгоценных металлов. Музей собора пополнялся образцами церковного искусства из Государственного музейного фонда, коллекций Л.Л. Зубалова, бывшего Строгановского училища и др. Отбор проводили Н.Н. Померанцев, Е.И. Силин, Г.О. Чириков (рис. 6).

В некоторых случаях на собственные средства они вывозили в Покровский собор иконы и предметы прикладного искусства из разрушенных церквей и монастырей Москвы, тем самым спасая их от неминуемой гибели. Сотни первоклассных образцов древнерусской иконописи, лицевого шитья, предметы быта становились источником формирования фондов музея и частью его интерьеров.

В эти годы Н.Н. Померанцев регулярно бывал в Историческом музее, где располагалось самое грандиозное в стране хранилище церковного искусства — отдел религиозного быта (заведующий — А.И. Анисимов, старший помощник хранителя — Е.И. Силин); значительная группа древнейших икон, раскрытых в ЦГРМ, поступила именно сюда²⁹.

В 1927 г. по постановлению ВЦИК была ликвидирована Оптина пустынь и передана в ведение Калужского Губисполкома. В вывозе ее ценностей и библиотеки участвовали в том числе Е.И. Силин и Н.Н. Померанцев. Ими был осуществлен отбор монастырского церковного облачения (в количестве 629 предметов), часть которого была вывезена в Покровский собор, другая часть (43 предмета), «не имеющая музейного значения», была передана в хранилище ГМФ в Новодевичьем монастыре³⁰. Эти облачения служили в дальнейшем обменным фондом при приобретении предметов для Покровского собора³¹.

Н.Н. Померанцев принимал личное участие в эксперименте по реконструкции тябловых иконостасов собора XVI в., в соответствии с принятой программой реставрационных и экспозиционных работ, направленных на возвращение памятнику первоначального облика. Для изучения их устройства сотрудники музея совершили несколько научных командировок, в том числе в Подмосковье³², древние русские города Новгород и Псков³³. Из архивных документов, было установлено, что в конце XVIII в. священнослужителями собора старый тябловый иконостас из храмовой церкви Покрова Пресвятой Богородицы был продан за 70 рублей в далекое село Тверской губернии, а на его место установлен новый. В августе 1924 г. Е.И. Силин, Н.Н. Померанцев и Д.П. Сухов совершили поездку в Калязинский у. Тверской губ., где разыскали иконы из древнего иконостаса центральной церкви собора. Из поездки они привезли две иконы середины XVI в.: «Святой Василий Великий» и «Святой Иоанн Златоуст» (рис. 7). Хранитель ГИМ, нумизмат А.В. Орешников, посетивший вместе с Н.Н. Померанцевым

Рис. 7. Икона «Святой Иоанн Златоуст». Середина XVI в. Фотография из отчета Е.И. Силина за 1925–1926 гг. ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 618. Л. 896

в 1927 г. Покровский собор, записал в своем дневнике: «Были в реставрационной мастерской, где расчищается огромный чудотворный образ Спасителя из часовни; письмо удивительное. Видели 2 иконы (Василия Великого и Иоанна Златоуста) из того иконостаса, который был сооружен при Грозном; в XVIII в. он был продан»³⁴.

Н.Н. Померанцев принял самое активное участие в обсуждении проекта реконструкции тябловых иконостасов собора. Протоколы нескольких заседаний 1926 г. зафиксировали бурную дискуссию, посвященную вопросам воссоздания первоначальных его интерьеров. В прениях участвовали Н.Н. Померанцев (председа-

Рис. 8. Тябловый иконостас церкви преподобного Григория Армянского после восстановления. Фотография из отчета Е.И. Силина за 1925–1926 гг. ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 618. Л. 856

тель), Е.С. Кропоткина (секретарь), И.Э. Грабарь, П.Д. Барановский, В.К. Клейн, Е.И. Силин, Д.П. Сухов, С.В. Бахрушин, Е.С. Мосягина и др. Для экспериментальных работ по замене иконостасов была избрана церковь Григория Армянского (рис. 8). Е.И. Силин, например, предлагал дополнить иконостас подвесными пеленами, подсвечниками, лампадой перед иконой Спаса, «тощей свечой», клиросом и хоругвью, что дало бы представление о внутреннем убранстве храмов того времени.

В результате проделанная работа была признана «чрезвычайно важной». В резолюции отмечалось: «В виду остро стоящих вопросов о реконструкции иконостасов многие из членов Ученого совета предлагают Померанцеву как лицу, близко стоящему к вопросу изучения древнерусского церковного быта, сделать на следующем заседании доклад «О типовых предметах в древнерусском быту в связи с вопросом о возможности частичного восстановления ансамбля в древних памятниках»³⁵. Тябла в церкви

Рис. 9. Вид южного крыльца Покровского собора. Фотография из отчета Е.И. Силина за 1926–1927 гг. ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 619. Л. 4

Григория Армянского установили на историческом месте, и известнейший реставратор монументальной живописи Е.И. Брягин укрепил на них иконы под наблюдением сотрудника ЦГРМ А.И. Анисимова. В 1926 г. церковь была открыта для посещения.

Параллельно с созданием музея в соборе велась широкомасштабная научная реставрация (рис. 9, 10). Важнейшим ее итогом стало возвращение собору облика XVI–XVII вв.: освобождение от дополнений и искажений последующих столетий (арок, проемов, окон), восстановление древних полов, расчистка и укрепление древней живописи, удаление позднейших наслоений, восстанов-

Рис. 10. Вид северного крыльца Покровского собора до реставрации.
Фотография из отчета Е.И. Силина за 1925–1926 гг. ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 618. Л. 84а

ление интерьеров. С 1921 г. работами руководил архитектор, художник, реставратор, знаток древнерусской архитектуры Д.П. Сухов, посвятивший памятнику более полувека жизни. Работы по реставрации и раскрытию древней живописи вели известные сотрудники иконописно-реставрационной мастерской Московского Кремля — Г.О. Чириков, Е.И. Брягин, П.И. Юкин под наблюдением профессора А.И. Анисимова. Но при всех этих работах постоянно присутствовал и Н.Н. Померанцев. В своем дневнике А.В. Орешников писал: «После занятий я отправился, по приглашению Д.П. Сухова, в сопровождении Е.И. Силина, Л.В. [Кафки]

и Н.Н. Померанцева в храм Василия Блаженного, который частично реставрируется Д.П. Суховым, который подробно показал свои очень остроумные архитектурные восстановления наружных и внутренних частей и то, что им сделано, поражает глаз; впечатление получается превосходное... Все виденное мною поразило меня»³⁶.

Весной 1927 г. сотрудниками Покровского музея-собора были подготовлены каталог и первый путеводитель, рассказывающий о его прошлом, архитектуре памятника, внутреннем убранстве и интерьерах, реставрационных работах и новых фондовых отделах. Текст путеводителя был передан на согласование в Управление Музейного отдела. Н.Н. Померанцев был его редактором³⁷; в 1928 г. он был опубликован.

С момента образования музея в нем проводилась большая культурно-просветительная деятельность, в том числе экскурсионная работа, которой занимались, наравне с другими штатными экскурсоводами (Н.Н. Соболевым, Ф.С. Мальцевой, Н.И. Турецкой, Н.Е. Мневой), также Д.П. Сухов, Е.И. Силин и Н.Н. Померанцев³⁸.

Документы Центральных реставрационных мастерских, хранящиеся в ОПИ ГИМ, свидетельствуют о том, что Н.Н. Померанцев (с 1931 г. — заведующий секцией учета исторических памятников) участвовал в приеме реликвий Покровского музея-собора на реставрацию (в живописную мастерскую, починку тканей и т. п.). Эти поступления можно проследить до 1934 г., когда прошли аресты сотрудников и мастерские были закрыты.

Как известно, с конца 1920-х годов нарастает антирелигиозное давление на Церковь и в том числе на музеи-храмы. По всей стране возникают антирелигиозные музеи. В Покровском соборе также размещались временные антирелигиозные выставки, но он продолжал оставаться историко-архитектурным музеем. 15 марта 1928 г. собор был выведен из-под юрисдикции Управления музеями-усадебными, музеями-монастырями и стал филиалом Государственного исторического музея, в ноябре того же года умер его заведующий Е.И. Силин. В 1929 г. церковь Василия Блаженного была закрыта, и в храме на долгие десятилетия прекратились богослужения.

В конце 1920-х годов партия и советское правительство провозглашают «политику развернутого наступления социализма». По всей стране начинается планомерное уничтожение памятников церковной архитектуры, строившихся в XV—XVIII вв. луч-

шими зодчими России. Николай Николаевич, как известно, боролся за сохранение святынь Московского Кремля — Чудова и Вознесенского монастырей, церкви Константина и Елены, которые, к сожалению, уберечь не успел — они были спешно взорваны в 1929 г. За активное выражение несогласия с генеральным планом реконструкции Москвы, предполагающим снос таких памятников, как Сухарева башня, Красные ворота, Триумфальная арка в честь 1812 года и ряда храмов, Н.Н. Померанцев в числе многих других защитников русских древностей был арестован НКВД по «делу работников Центральных реставрационных мастерских». Он был обвинен в попытках дискредитации советской власти путем противодействия сносу «ненужных памятников старины (церкви, старые усадьбы, часовни, монастыри)». В мае 1934 г. он был приговорен судом к трем годам ссылки, отбывал ее в г. Вельске.

После ссылки Н.Н. Померанцев вынужден был поселиться в подмосковном Зарайске, затем — в Калуге. В Москву он вернулся только в 1947 г. С 1953 г. был сотрудником ЦГРМ (с 1974 — Всероссийской художественной научно-реставрационный центр имени академика И.Э. Грабаря); участвовал в работе многочисленных научных комиссий и методических советов, был организатором 16 экспедиций на Русский Север, участвовал в реставрации Ферапонтова, Соловецкого, Кирилло-Белозерского монастырей и др. Выступал за организацию реставрационных мастерских в областных центрах РСФСР, участвовал в создании ВООПИК в 1965—1966 гг., до 1980 г. руководил работами по реставрации Кремлевских памятников. Произведения древнерусского искусства, открытые и спасенные Н.Н. Померанцевым, вошли в собрания Третьяковской галереи, Русского музея, Оружейной палаты, музеев Москвы, Новгорода, Пскова, Архангельска и др.

Покровский собор уцелел во многом благодаря самоотверженной работе многих деятелей культуры, в том числе Николая Николаевича Померанцева. Сегодня — это общерусская святыня, символ России и один из популярных музеев страны, посещаемый туристами всего мира.

¹ Померанцева Н.А. Николай Николаевич Померанцев: нити жизни и вехи пути // Резные иконостасы и деревянная скульптура Русского Севера: Материалы конференции. Архангельск, 1995. С. 5—19; Она же. Рыцарь церковных древностей // Русский паломник. 1995. № 11—12. С. 71—75; Крылова Л.Н. Личный архив Н.Н. Померанцева в ВХНРЦ // Памяти Нико-

лая Николаевича Померанцева. Древнерусское искусство: Исследования и реставрация. М., 2001; Она же. Цветы, спасшие жизнь! (Вельская ссылка Н.Н. Померанцева, 1934—1937) // Важский край. Вельск, 2002; Трубачева М.С. Н.Н. Померанцев как председатель Реставрационного совета Отдела древнерусской темперной живописи // Грабаревские чтения. V международная научная конференция. М., 2003.

² Жукова А.С. Никола в Пыжах. М., 2015. С. 64—72.

³ Прошение Н.Н. Померанцева о зачислении сотрудником в подраздел Национального музейного фонда «...с 15 ноября 1918 г. с окладом 940 р.» (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 39. Л. 48).

⁴ Об участии Н.Н. Померанцева в экспедициях Комиссии по сохранению и раскрытию древней живописи в России в 1919—1920 гг. см.: *Вздорнов Г.И.* Реставрация и наука. Очерки по истории открытия и изучения древнерусской живописи. М., 2006. С. 66, 69, 75—78.

⁵ Кызласова И.Л. Из истории Соловецкого лагерного музея // Наше наследие. М., 2017. № 120. С. 94—105.

⁶ Юхименко Е.М. История музея «Оптина пустынь» (1919—1928) и обзор его архива // Письменные источники в собрании ГИМ. Материалы по истории культуры и науки в России. М., 1993. С. 75—87.

⁷ Постернак О.П. Музейная деятельность на территории Донского монастыря в 1920—1930-е годы // Вестник ПСТГУ. М., 2005. № 4. С. 114—132.

⁸ Померанцев Н.Н. Музеи-монастыри Московской губернии. М., 1929. С. 15—18.

⁹ Котович-Борисяк Раиса Ивановна (1895—1923) — русская художница. Родилась в семье военного. Жила в Петербурге (1908—1914). Посещала занятия на историко-филологическом факультете Высших женских (Бестужевских) курсов (1912—1914), одновременно училась в Художественной школе Е.Н. Званцевой и у К.С. Петрова-Водкина. С 1915 г. жила в Москве, с 1918 г. — сотрудник Музейного отдела Наркомпроса, с начала 1920-х годов — хранитель музея в Новодевичьем монастыре. Дружила с писателями Леонидом Леоновым, Вячеславом Ивановым и Осипом Мандельштамом. Входила в творческое объединение «Жар-Цвет». Участник выставок «Мир искусства». В 1922 г. стала женой Н.Н. Померанцева. В 1923 г. в возрасте 28 лет умерла во время родов.

¹⁰ Список членов Комиссии по регистрации и приемке церковного имущества (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 182. Л. 68).

¹¹ Каулен М.Е. Музеи-храмы, музеи-монастыри в первое десятилетие Советской власти. М., 2001.

¹² Сведение об этом содержит «Тетрадь с записью работ Комиссии по приему церковного имущества» (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 317. Л. 11—44).

¹³ ОПИ ГИМ. Ф. 417. Ед. хр. 315. Л. 49.

¹⁴ Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 году: Сборник документов из фонда Реввоенсовета Республики. М., 2006.

¹⁵ Сохранился «Список историко-художественных предметов, изъятых из московских церквей, отправленных как спорные для экспертизы в Гохран» (в том числе 22 предмета из храма Василия Блаженного) (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 1266. Л. 60).

- 16 В 1922 г. была разорена ризница Соловецкого монастыря, и десятки ящиков с драгоценностями были направлены в Москву в Гохран. В 1923 г. оставшуюся часть предметов ризницы и тысячи древних вещей из превращенного в концлагерь Соловецкого монастыря вывозили П.Д. Барановский, Е.И. Силин и Н.Н. Померанцев. Древности были распределены между Оружейной палатой Московского Кремля и Русским музеем. См.: *Крылова Л.Н.* Николай Николаевич Померанцев. Жизнь и деятельность: По документам личного архива // *Материалы и исследования*. Вып. XVII: Сохраненные святыни Соловецкого монастыря. М., 2003. С. 1—10; *Тугова Т.А.* Спасение древностей Соловецкого монастыря (Н.Н. Померанцев и Соловецкое собрание) // *Древнерусское искусство: Исследование и реставрация*. М., 2022. С. 27—40.
- 17 Протокол № 6 заседания Церковной секции подотдела учета и охраны памятников искусства и старины Главнауки Наркомпроса (16 апреля 1923) зафиксировал доклад Д.П. Сухова о соборе Василия Блаженного, который, в частности, сообщал о кончине настоятеля собора И.И. Кузнецова — «...человека, всю свою жизнь посвятившего собору, давшего его прекрасное описание, хранившего собор и водившего экскурсии. В день своей смерти он еще говорил об устройстве собора и приведении его в музейный вид ...со смертью И.И. Кузнецова собор закрыт для экскурсий и нужно озаботиться, чтобы он был доступен осмотру». Е.И. Силин добавил к сказанному, что «...дней за 10 до кончины И.И. Кузнецова он обсуждал с ним план работ в соборе, к которому решено было приступить после 15 апреля...» (ОПИ ГИМ. Ф. 417. Ед. хр. 323. Л. 26, 26 об.).
- 18 *Сарачева Т.Г.* Музейная летопись Покровского собора: К 90-летию открытия музея. М., 2013. С. 18.
- 19 *Белозерова И.В.* Собор Покрова Пресвятой Богородицы на Рву в первые годы советской власти (по материалам ОПИ ГИМ) // *Труды ГИМ*. М., 2019. Вып. 213. С. 121—123.
- 20 ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 825. Л. 16.
- 21 Протокол заседания Управления Музейного отдела (29.09.1926) зафиксировал «...договор с гражданином Гоцыным на аренду торгового помещения во владении музея-собора Василия Блаженного на срок до 20 февраля 1927 г.» (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 622. Л. 28 об.).
- 22 Протокол № 23 заседания Ученого Совета по секции музеев-монастырей (23.08.1926) (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 622. Л. 34).
- 23 ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 629. Л. 3—4.
- 24 Там же. Ед. хр. 622. Л. 62 об.
- 25 Там же. Л. 13.
- 26 Там же. Ед. хр. 629. Л. 19.
- 27 Выписка из протокола № 73 заседания правления Управления Музейного отдела (19.10.1927) (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 630. Л. 45).
- 28 *Успенская Л.С.* О формировании фондов музея «Покровский собор» // *Труды ГИМ*. М., 1987. Вып. 65. С. 129, 130.

- 29 После закрытия отдела религиозного быта ГИМ в 1929 г. большинство наиболее ценных его памятников пополнило собрание Третьяковской галереи.
- 30 «Список предметов церковного облачения из монастыря Оптиной пустыни» (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 630. Л. 7—115).
- 31 См., напр.: «Акт об обмене двух облачений на Синодик XVII в.» за подписью Е.И. Силина и Н.Н. Померанцева (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 629. Л. 56).
- 32 ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 618. Л. 8.
- 33 Там же. Ед. хр. 825. Л. 44 об.
- 34 *Орешников А.В.* Дневник. 1915—1933: В двух книгах. М., 2011. Кн. 2: 1925—1933. С. 217.
- 35 Протокол № 1 заседания Ученого Совета по секции музеев-монастырей (10.05.1926); Протокол № 2 заседания Ученого Совета по секции музеев-монастырей (2.06.1926) (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 625. Л. 10, 31—32).
- 36 *Орешников А.В.* Дневник..., 2011. С. 217.
- 37 Протокол № 73 заседания Ученого Совета по секции музеев-монастырей (19.10.1927) (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 623. Л. 34).
- 38 *Сарачева Т.Г.* Музейная летопись..., 2013. С. 51.

М.Б. Тузус

Н.Н. Померанцев
и церковь Троицы в Никитниках,
что у Варварских ворот Китай-города в Москве
(по материалам ОПИ ГИМ 1918—1929 гг.)

Церковь Троицы в Никитниках, что у Варварских ворот в Китай-городе, — уникальный памятник древнерусской культуры XVII в., целая эпоха духовной, историко-культурной, музейной жизни России XX в. История создания и развития музея в приходской церкви неразрывно связана с революционными преобразованиями и музейным строительством после революции 1917 г. Церковь была юридически отделена от государства; ее имущество, согласно декретам «О земле», «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», «Об отделении церкви от государства», было объявлено народным достоянием и передано в ведение Всероссийской Коллегии по охране памятников искусства и старины при Наркомпросе РСФСР (НКП). В мае 1918 г. она была реорганизована в Отдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины НКП. В его подотделе монументальной регистрации была предпринята первая попытка разработать единый принцип государственного учета памятников, состоящий из трех этапов: детального их обследования и регистрации, составления списка принимаемых на учет памятников, выдачи охранных грамот. Исходя из историко-художественной ценности, эпохи создания и степени сохранности, памятники делили на три категории: общегосударственного, регионального и местного (второстепенного) значения.

Эти принципы были закреплены декретом от 5 октября 1918 г. «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений». Все пункты документа автоматически распространялись и на церковное имущество. Для учета церковных ценностей в комиссиях по охране и регистрации памятников искусства

и старины были созданы специальные церковные отделы. Они тесно взаимодействовали с отделами по делам музеев, имевшими неограниченные права, вплоть до принудительного отчуждения памятников.

В 1918 г. Церковный отдел возник в составе Комиссии по охране и регистрации памятников при Моссовете. Здесь работали специалисты по московским церковным древностям, члены Комиссии «Старая Москва» при Московском археологическом обществе. Благодаря их знаниям, целеустремленности, энергичной деятельности на своем посту, удалось сохранить немало памятников большой историко-культурной и художественной ценности из московских церквей и монастырей.

Одним из таких талантливых спасателей, в том числе московского ансамбля церкви Троицы в Никитниках, был Николай Николаевич Померанцев (1891—1986), теоретик и практик музейного дела, искусствовед, реставратор, эксперт по древнерусским памятникам. Его деятельность в этой области началась в 1918 г., когда по приглашению И.Э. Грабаря он начал работать в только что созданном Музейном отделе НКП. Вместе со своими коллегами он стоял у истоков создания государственной системы учета и охраны памятников искусства и старины, разработки единого принципа их учета. В 1918 — начале 1920-х годов Н.Н. Померанцев совместно с сотрудниками Комиссии по регистрации и приемке церковного имущества принял на учет сотни первоклассных памятников церковного зодчества. Многие из наиболее ценных были переведены в разряд музеев, что было одним из возможных путей их сохранения¹.

Одним из памятников, который удалось спасти и превратить в музей, был ансамбль церкви Троицы в Никитниках — «Грузинской иконы Богоматери, что у Варварских ворот» Китай-города в Москве (рис. 1). Изучение архивных документов некоторых фондов ОПИ ГИМ—Музейного отдела Главнауки Наркомпроса РСФСР (Ф. 54), музея «Старая Москва» (Ф. 402), ЦГРМ (Ф. 417) — дает возможность узнать подробности спасения этого выдающегося памятника древнерусской архитектуры.

27 декабря 1918 г. Юридический отдел Моссовета предложил составить опись всего национализированного церковного имущества храма для передачи в аренду общине верующих как здания церкви, так и учтенных предметов церковного и хозяйственного

Рис. 1. Церковь Троицы в Никитниках – музей-храм «так называемой Грузинской иконы Божией Матери». Фотография Н.Р. Левинсона из его архива. 1920-е – 1930-е годы (ОПИ ГИМ. Ф. 548)

обихода². В октябре 1919 г. эксперты составили акт с перечнем всех предметов, заслуживающих учета и охраны. Общину верующих представлял настоятель храма 77-летний протоиерей Иоанн Андреевич Кудрявцев (1842 — после 1926). В 1922 г. Н.Н. Померанцев как эксперт Музейного отдела входил в состав комиссий Помгола, производящих изъятие церковных ценностей, которые оценивались в Грузинской церкви в 2500 довоенных золотых рублей. Из акта, подписанного экспертом Главмузея Наркомпроса Н.Р. Левинсоном, уполномоченным райсовета Д. Батуровым и священником И.Н. Кудрявцевым (внуком настоятеля), известно, что некоторые памятники были признаны предметами музейного значения и оставлены в ведении общины верующих на учете Главмузея³.

Н.Н. Померанцев участвовал в составлении списков памятников религиозного культа, закрепленных за Музейным отделом НКП, где значилась Грузинская церковь, как памятник общегосударственного значения высшей категории⁴. Община верующих, используя юридическую защищенность церкви, организовала в мае 1923 г. в свободные от служб дни ее посещение как церковного музея имени иконописца XVII в. Симона Ушакова — главы иконописной мастерской Оружейной палаты⁵. Его усадьба и мастерская располагались недалеко от храма, в Ипатьевском переулке. Как прихожанин церкви, он участвовал в ее украшении. Запись о нем и его роде имеется в церковном Синодике 1649 г., бережно сберегаемом причтом до 1920 г., когда он был передан на временное хранение в ГИМ (ныне находится в отделе рукописей музея)⁶.

Руководил общиной верующих настоятель храма протоиерей И.А. Кудрявцев, связанный с Н.Н. Померанцевым родством по материнской линии⁷. Получив приход в 1891 г., он заботился о благосостоянии самой церкви и ее общины⁸. Возникшая опасность дальнейшего изъятия ценностей побудила о. Иоанна обратиться к внуку — Ивану Николаевичу Кудрявцеву, рукоположенному в священника этой церкви 29 мая 1921 г.⁹, с просьбой стать главным хранителем общественного музея, открытого в храме 21 мая 1923 г. Музейный отдел НКП с одобрением отнесся к инициативе его создания. Были объявлены дни и часы музейных посещений. После воскресных служб проводились первые обзорные экскурсии. Священник давал объяснения экскурсантам, была введена «Книга росписей посещаемых»¹⁰. В это время храм постоянно инспектировали и осматривали сотрудники Музейного отдела, члены Комиссии «Старая Москва», в том числе Н.Н. Померанцев, ставший в 1923 г. председателем Церковной секции подотдела учета и охраны Музейного отдела НКП.

В послереволюционные годы Н.Н. Померанцев принял участие в музеефикации многих церковных памятников Москвы. Он стоял у истоков создания Государственного музея архитектуры и живописи XVII в. в этой церкви в 1924 г. Президиум Отдела по делам музеев НКП постановил 10 января 1924 г.: «...ввиду исключительного музейного значения церкви... объявить таковую Музеем»¹¹. Была создана комиссия по обследованию здания храма и окружающих его построек причтового двора. Возглавили работу Н.Н. Померанцев, Е.И. Силин и Д.П. Сухов.

15 февраля 1924 г. в газете «Вечерняя Москва» № 39 опубликовали официальное решение об открытии в церкви Государственного музея имени Симона Ушакова. Заявление И.Н. Кудрявцева с просьбой о повторном назначении его официальным хранителем музея было оставлено без внимания (Приложение 1). Музей стал филиалом открытого в мае 1923 г. музея «Покровский собор и храм Василия Блаженного, что на рву» на Красной площади в Москве. Его заведующий Е.И. Силин, специалист по древнерусскому искусству, стал первым заведующим музея в Грузинской церкви¹². 14 февраля 1924 г. совместно с Н.Н. Померанцевым он принял от Административного отдела Моссовета церковь со всем имуществом. Ввиду полного отсутствия охраны церкви (община в то время уже не существовала) Н.Н. Померанцев требовал в докладной записке в Музейный отдел проведения экстренных мероприятий, «...без которых ни он, ни товарищ Силин не могут нести ответственности за уникальный памятник». При передаче Н.Н. Померанцев определил срочные задачи, связанные с охраной музея-церкви: наем сторожа, отпуск кредита, починку двери в нижний придел, смену всех замков и т. д. Он отметил, что церковь «...может погибнуть от пожара из-за ветхих печей, низких деревянных потолков и жильцов в северной пристройке к церкви, находящейся под одной общей крышей с храмом»¹³. Был составлен план работ по организации музея, утвержденный на заседании Музейного подотдела Отдела по делам музеев Главнауки 12 мая 1924 г.¹⁴ По заключению Н.Н. Померанцева, церковь являлась эталонным памятником древнерусского искусства середины XVII в., а после проведения охранных работ могла стать музеем, имеющим для отечественной истории искусства исключительное значение. Его профиль был определен как историко-художественный и бытовой.

По мнению богослова, религиозного философа, ученого, священника, члена Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры (1918—1925) Павла Александровича Флоренского, «фиксирующий подход», т. е. «сохранение условий художественного бытия», — основное требование к экспонированию памятников древнерусского искусства. Он верил в возможность возникновения музея нового типа, для которого объектом охраны, изучения и экспонирования будет «исторически обусловленный уклад жизни»¹⁵. Эти идеи он сформулировал в статье «Храмовое действо как синтез искусств», вышедшей в издании «Ма-

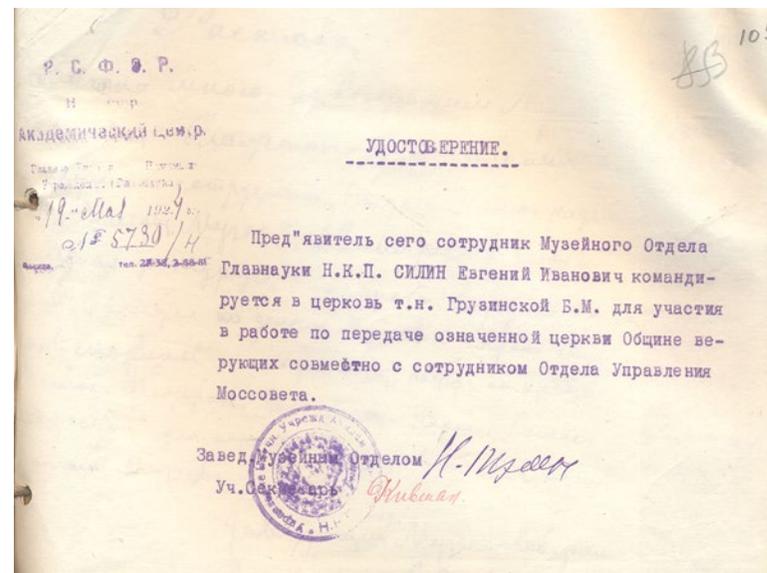

Рис. 2. Удостоверение Е.И. Силина, выданное Н.И. Троцкой. 19 мая 1924 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 825. Л. 107)

ковец. Журнал искусств № 2» в июле 1922 г.¹⁶ Первые выставки художественного объединения «Маковец» (1921—1927) проходили в московских музеях, в том числе в Российском Историческом, где с апреля 1921 г. работал ученым сотрудником Отдела религиозного быта знаток древнерусского искусства Е.И. Силин. Он разделял идеи о Павла Флоренского о музее нового типа, которые были частично воплощены при создании музея московской архитектуры и живописи XVII в. «Церковь Троицы в Никитниках» («музей-храм так называемой Грузинской Богоматери»)¹⁷.

В мае 1924 г. в церковь были направлены эксперты Музейного отдела — архитекторы Д.П. Сухов и А.Ф. Кулагин. Осмотрев храм, они определили порядок реставрационных работ: срочный ремонт цоколя, кровли и водостоков, вычинка ветхого потолка, разбор деревянного тамбура в центральной трапезной, удаление масляной краски с белокаменных резных порталов в центральном Троицком приделе, выселение жильцов из северной пристройки и ее слом, исследование состояния колокольни и системы подвески колоколов¹⁸.

В то же время заведующая Музейным отделом Н.И. Троцкая (Седова) командировала своего сотрудника Е.И. Силина в будущий

ПРЕДЕЛ ИОАННА БОГОСЛОВА.

168	79	Образ Богоматери в росте и. XVII в. 110x63 б/оклада 1-2 ярус	реставрир
169	79	" Иоанна Богослова и. XVII в. 106x87 " " "	" "
170	79	Ик. /б / празднич. чина 1/ Всех Скорбящ. Гадос. 2/ Преполовение, 3/ Рождество Богоматер. 4/ Троица 5/ Воздвижение	" "
175	142 12/104	Георгий на коне " 13x9 медн. ич /б/знаф.	" "
176		Чапа водосвятия чекан- ной работой " д. 38 медная высетев.	" "
177	371	Икон. Б. Матери Киевская XVII в. 89x72 б/оклада Трап. Ник. Пред.	Икона под выкипячей оклей

Завед. Музеем Вас. Блаженного в близком его цветках музее, так наз. Грузинской Б. Матери

Представитель Общины Верующих

2 июля 1924 г.

Рис. 3. Фрагмент описи предметов, имеющих музейное значение, церкви «т. н. Грузинской Божией Матери». 2 июля 1924 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 825. Л. 97 об.)

музей-храм для участия в работе по передаче части церкви общине верующих (рис. 2). Была проведена огромная работа по сверке наличия церковных предметов по описи и акту, составленным еще в 1918—1919 гг. 2 июля 1924 г. Е.И. Силин и Д.П. Сухов совместно с представителем общины верующих К. Виноградовым составили повторно две инвентарные описи с описанием 177 предметов XVI—XVIII вв. музейного значения и 785 предметов XVII—XX вв. немuseumного значения (рис. 3). В опись последних вошли девять колоколов, шесть из которых имели надписи, в том числе большой стопудовый, отлитый мастером Иваном Михайловым 5 февраля 1750 г. из старого разбитого колокола «гостя Григория Леонтьева сына Никитникова» — храмоздателя церкви¹⁹, жившего в Китай-городе

Рис. 4. Интерьер Троицкого придела церкви Троицы в Никитниках (НВА ОПИ ГИМ. Архив музея «Церковь Троицы в Никитниках»)

Для восстановления интерьера храма XVII в. были убраны все поздние предметы, обезображивающие древний облик, не имеющие художественного и исторического значения (рис. 4). 30 июня 1924 г. приняли решение о начале срочных работ по спасению от разрушения красочного слоя древних икон, их расчистке и укреплению, а также проведению пробной расчистки фресок в Троицком приделе. Придел под колокольной Иоанна Богослова не вошел в число экспозиционных помещений; в нем наметили открыть хранительский отдел для накопленных материалов по царским изографам. По этой причине иконостас в нем был разобран. Общину верующих перевели в подклет церкви.

После решения основных вопросов 2 ноября 1924 г. во втором ярусе церкви был открыт Государственный музей Московского зодчества и живописи XVII в. Научную работу в нем вели сотрудники музея в Покровском соборе: заведующий Е.И. Силин и научный сотрудник, хранитель фондов Е.С. Мосягина. Экскурсионную

Рис. 5. Икона «Сошествие Святого Духа на апостолов» из местного ряда иконостаса центрального Троицкого придела. Работа изографа Иосифа Владимировича (НВА ОПИ ГИМ. Архив музея «Церковь Троицы в Никитниках»)

работу курировал академик П.С. Страхов. Е.И. Силин разработал план организации музея-храма. Согласно принципам организации музеев-монастырей и утвержденному докладу Н.Н. Померанцева от 29 декабря 1923 г., главными задачами, поставленными перед сотрудниками, были: обмеры, зарисовки, фотофиксация, научное описание и регистрация памятников древней живописи, шитья,

прикладного искусства, учет архивных документов и древних книг.

В отчете за 1924—1925 гг. Е.И. Силин отметил, что было проведено обследование икон центрального иконостаса, выполненных царскими мастерами XVII в.: Симоном Ушаковым, Яковом Казанцом, Гурием Никитиным и Гаврилой Кондратьевым. 28 ноября 1924 г. при обследовании иконы «Сошествие Святого Духа на апостолов» на обороте выявили клеймо-автограф «Изограф Иосиф» (Владимиров) (рис. 5, 6). Были также открыты фрагменты фресок 1653 г. под записью масляной краской 1848 г.²⁰ (рис. 7).

Рис. 6. Клеймо-автограф изографа Иосифа Владимировича на обороте иконы «Сошествие Святого Духа на апостолов» из местного яруса иконостаса Троицкого придела (НВА ОПИ ГИМ. Архив музея «Церковь Троицы в Никитниках»)

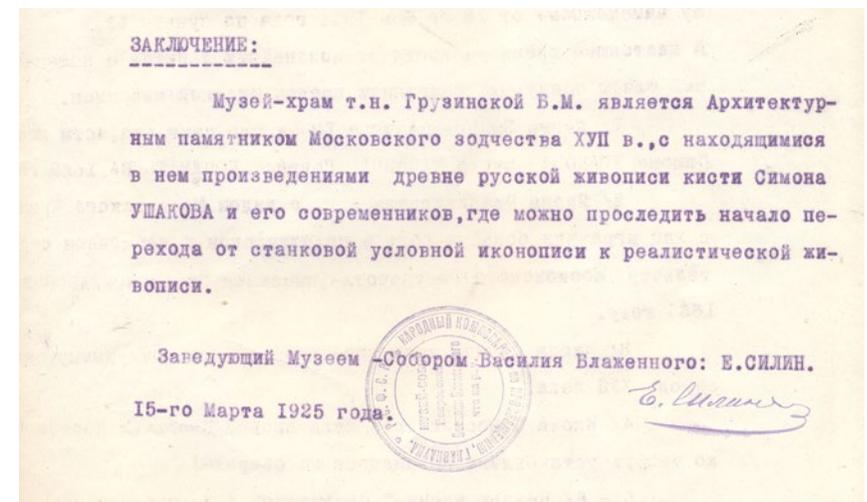

Рис. 7. Фрагмент отчета Е.И. Силина 15 марта 1925 г. о работах в музее-храме Грузинской иконы Божией Матери с 12 мая 1924 г. по 1 марта 1925 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 825. Л. 78)

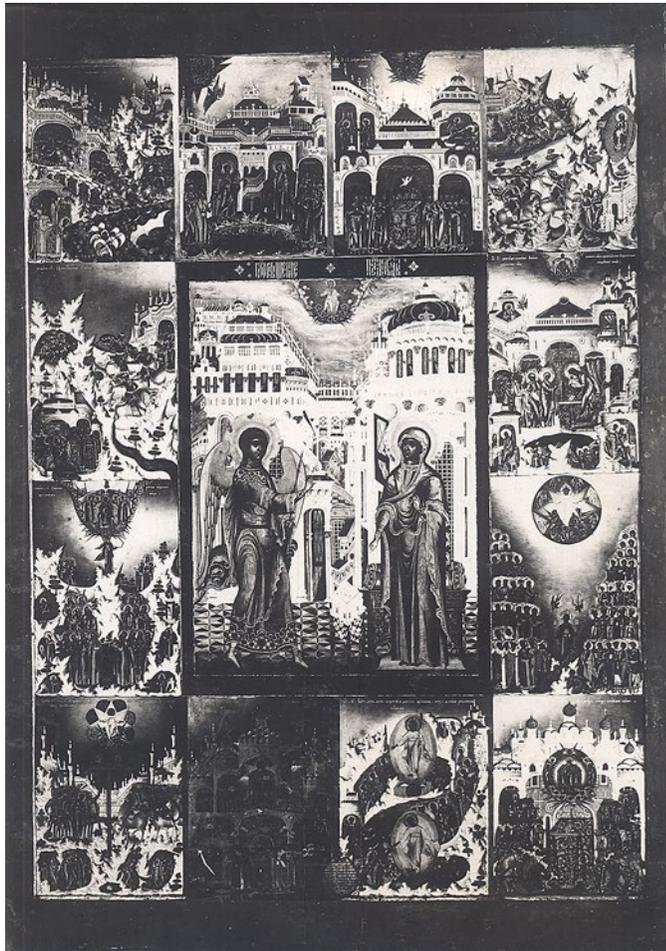

Рис. 8. Икона «Благовещение» с акафистом. 1659 г. Фотография из отчета Е.И. Силина за 1925–1926 гг. (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 618. Л. 926)

В экспозиции музея главными экспонатами стали два пяти-ярусных иконостаса середины XVII в. В центральном находились иконы кисти Симона Ушакова и круга царских мастеров. Художник-реставратор ЦГРМ Е.И. Брягин под наблюдением профессора А.И. Анисимова выполнил реставрацию ряда икон из иконостасов (рис. 8) и открыл фрагменты фресок. Всего было расчищено 25 икон. Для эксперимента по настенной живописи выбрали нижний ярус северной стены центрального придела. К сожалению, росписи

Рис. 9. Фрагмент росписи северной стены Троицкого придела церкви Троицы в Никитниках (НВА ОПИ ГИМ. Архив музея «Церковь Троицы в Никитниках»)

частично пострадали из-за примененных растворителей: они вызвали серьезное заболевание красочного слоя и штукатурки²¹ (рис. 9). Во время реставрации велись научные протоколы и фотофиксация фотографом ЦГРМ А.В. Лядовым до, в процессе и после окончания работ²². Были музейфицированы два придела храма: центральный — Святой Троицы с трапезной и южный — святого великомученика Никиты, а также западная галерея. Особенность формирования коллекции музея-церкви состояла в том, что она,

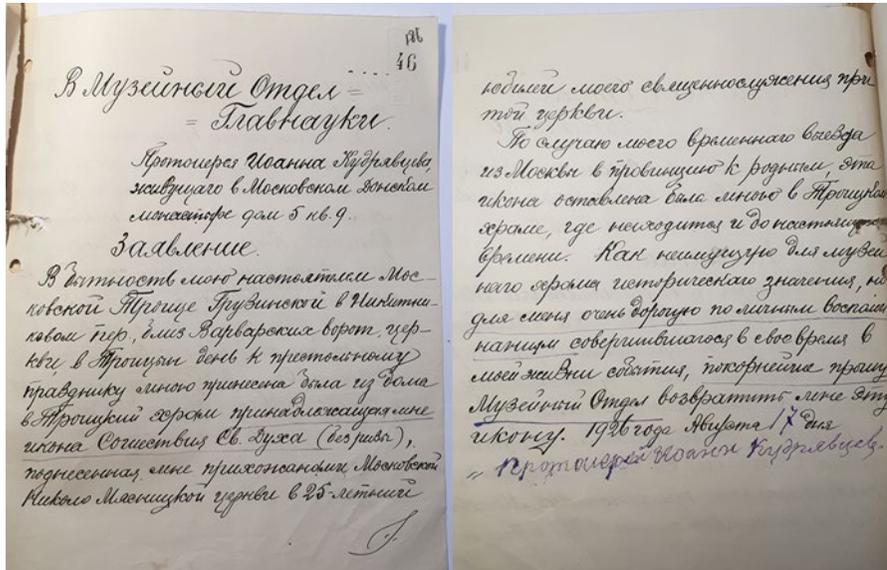

Рис. 10. Письмо протоиерея И.А. Кудрявцева в Музейный отдел Главнауки Наркомпроса. 17 августа 1926 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 629. Л. 46)

как комплексный памятник XVII в., сложилась задолго до возникновения в ней музея. Сохранившаяся ее часть составила его основу.

Остальные части церкви были оставлены под жилье и церковные нужды. Известно, что до 1929 г. в подклете, в приделе во имя чудотворной Грузинской иконы Богородицы, продолжал церковные службы протоиерей Сергей Голощапов, профессор Духовной академии Троице-Сергиевой лавры, заменивший, вероятно, в 1926 г. о. Иоанна Кудрявцева²³. Семья И.Н. Кудрявцева с детьми жила на втором этаже каменной северной пристройки церкви, которая была в ветхом состоянии. Удалось выяснить и последний московский адрес протоиерея И.А. Кудрявцева, прослужившего 30 лет в этом храме: Донской монастырь д. 5, кв. 9²⁴ (рис. 10). В доме причта во дворе церкви с 1895 г. до начала 1960-х годов жили родственники протоиерея Иоанна Кудрявцева²⁵.

Более плодотворными оказались предпринятые в 1924—1926 гг. мероприятия по архитектурному обследованию памятника. Под руководством архитектора Д.П. Сухова обнаружили первоначальный северный фасад церкви 1634 г. К сожалению, в это время для улучшения жилищных условий часть жильцов была пе-

реселена из подвалов в само здание церкви. Это нанесло непоправимый вред памятнику, но не остановило деятельности музея.

В 1925 г. Е.И. Силин подготовил к печати путеводитель по музею-храму, который предполагали издать в следующем году. По издательскому плану на 1926—1927 гг. был запланирован выпуск открыток тиражом в 1000 экземпляров с видами всех архитектурных памятников, входивших в состав музейного объединения «Покровский собор»²⁶. Е.С. Мосягина дополнительно к своим хранительским обязанностям вела научные протоколы по реставрации памятников древней иконописи и составляла картотеки. Лектор-экскурсовод Н.Е. Мнева, выпускница МГУ, младший научный сотрудник отдела религиозного быта ГИМ (1925—1927) работала над составлением библиографического указателя иконописцев и живописцев XII—XVIII вв., П.Б. Юргенсон выполнил схему росписи фресок в музее-храме.

Комплектование фондов музея шло в основном через Музейный отдел НКП. Кроме того, Е.И. Силин лично выявил и привез иконы XVII—XVIII вв. Симона Ушакова и мастеров его круга, из различных закрываемых монастырей: Гуслицкого, Николо-Угрешского, Никольского единоверческого, Донского, а также из Оружейной палаты, Центрального хранилища ГМФ и прочих мест²⁷. Принимая активное участие в жизни музея, Н.Н. Померанцев неоднократно входил в состав оценочных комиссий, решавших вопросы продажи предметов немусейного значения: старый лом утвари, подсвечников, котлов, колоколов и т. п.

В отчете за 1926—1927 гг. Е.И. Силин упоминал доклады о музее-храме, сделанные в Музейном отделе НКП, в Живописном и Архитектурном отделах ЦГРМ архитектором Д.П. Суховым, хранителем музеев-монастырей Н.Н. Померанцевым. Так, 11 ноября 1926 г. на выездном Ученом совете Управления музеями-усадьбами и музеями-монастырями Н.Н. Померанцев и Е.И. Силин сделали доклад «Об организации при Музее-храме Грузинской Божией Матери специального отдела, посвященного творчеству изографа Симона Ушакова» (рис. 11). Этот отдел предполагалось разместить в светлых палатах под колокольней церкви, однако они были заняты жильцами. Их отселение было запланировано, но не реализовано в 1920-е годы.

Музей-храм стал творческой лабораторией по изучению работ Ушакова и иконописцев его круга. Был представлен список

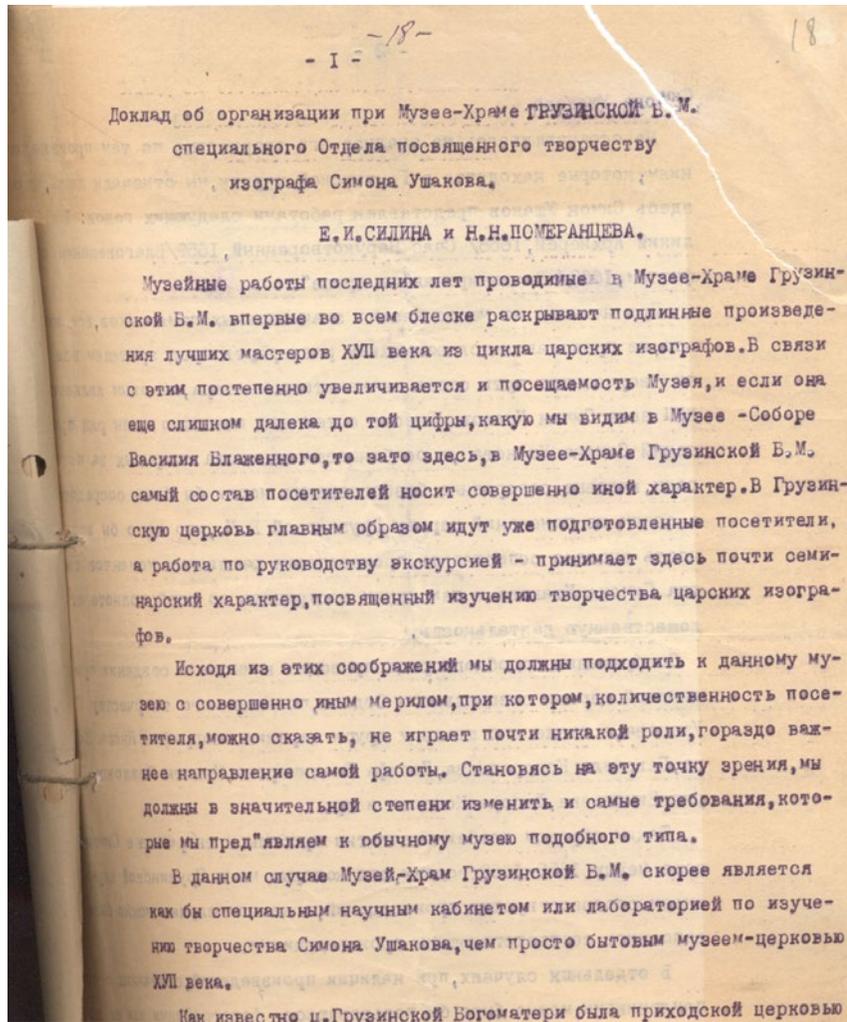

Рис. 11. Фрагмент доклада Е.И. Силина и Н.Н. Померанцева об организации при музее-храме Грузинской иконы Божией Матери отдела, посвященного творчеству иконографа Симона Ушакова (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 625. Л. 18)

из 28 выявленных датированных икон 1652—1684 гг. выдающегося иконографа с указанием мест их нахождения в храмах, монастырях, музеях Москвы и Подмосковья, Александра, Твери, Новгорода и других городов, а также в частных собраниях П.И. Юкина и П.И. Харитоненко в Москве. Например, икона «Преподобный

Сергий» 1665 г. (вклад Б.М. Хитрово) была обнаружена Н.Н. Померанцевым в кладовой Гохрана среди рухляди и передана на реставрацию в ЦГРМ. Список был дополнен гравюрами Симона Ушакова, выявленными в различных изданиях. Предполагалось собрать прорисы, фотографии с предметов декоративного искусства, рисунки для которых выполнил Симон Ушаков²⁸.

В 1926 г. Госкино обратилось в Музейный отдел Главнауки с просьбой снять для фильма «Москва» особо ценные памятники Управления музеев-усадеб и музеев-монастырей. Ответственным экспертом был назначен Н.Н. Померанцев, рекомендовавший для съемок музейное объединение «Покровский собор».

В начале 1926 г. в связи с реорганизацией Музейного отдела НКП впервые появилась идея о передаче Грузинской церкви в ЦГРМ, Оружейную палату или в ГИМ. Материальное положение музея ухудшилось. Его содержание складывалось исключительно из спецсредств и составляло около 3000 руб. в год²⁹. Подклет сдавали общине верующих, которые на свои средства содержали придел церкви, небольшую общину, последнего настоятеля церкви протоиерея Сергея Голощапова, музейного сторожа и дворника, выплачивая музею ежемесячно по 75 руб.

В марте 1928 г. Грузинская церковь вошла в состав Исторического музея на правах филиала вместе с Покровским собором и архитектурными памятниками с Коломенского. 28 июня 1929 г. административный отдел Моссовета поддержал прошение Главнауки Наркомпроса от 16 мая с требованием ГИМа о ликвидации в подклете его филиала церкви, «несовместимой с музеем в одном здании». 3 августа 1929 г. Моссовет постановил закрыть Грузинскую церковь, а 30 сентября того же года ВЦИК утвердил это решение³⁰. Спустя всего лишь четыре дня арестовали о. Сергея Голощапова, заключили в Бутырскую тюрьму и сослали на Соловки. 19 декабря 1937 г. он был расстрелян в Бутове под Москвой (причислен к лику святых Новомучеников Российских 27 декабря 2000 г.)³¹.

Так завершился первый этап процесса музеефикации церковного памятника — музея-храма Грузинской иконы Божией Матери (Троицы в Никитниках). Благодаря энергичной деятельности работников культуры — ученых, реставраторов, музейных сотрудников, в первую очередь Н.Н. Померанцева, Е.И. Силина, Д.П. Сухова, — была определена индивидуальная особенность этого музея как памятника-эталона древнерусского искусства XVII в.

Ими была выработана концепция его развития как музея архитектуры и живописи XVII в. «Церковь Троицы в Никитниках» на многие десятилетия вперед; было положено начало научному исследованию и реставрации древних икон, фресок, белокаменной резьбы, памятников прикладного искусства, архитектурной реставрации, формированию музейного собрания и архива, которое успешно продолжалось в XX—XXI вв.

Приложение 1.

В Отдел Музеев Главнауки Наркомпроса
от гр. Кудрявцева Ивана Николаевича,
проживающего по Грузинскому пер. д. № 3 кв. 7
1-го Городского Комиссариата
ЗАЯВЛЕНИЕ³².

Проживая в вышеозначенном доме с 1895 года, я имею непосредственную связь с церковным музеем им. Симона Ушакова, прошу Отдел Музеев Главнауки назначить меня хранителем такого.

Могу сообщить, что: я с мая по август 1923 года был уже временно хранителем вышеупомянутого музея и в то время мною было налажено посещение его экскурсиями и частными лицами — перебывало более 300 человек, которым давалось мною объяснения. Введена была книга расписок посещаемых, были объявлены часы и дни посещения музея, держался как в самом музее, так и около порядок и чистота и многое другое. Но по семейным обстоятельствам, к сожалению, мне пришлось тогда просить Отдел Музеев освободить меня от обязанностей хранителя. Теперь же, приведя все семейные дела в надлежащий порядок, я обращаюсь в Отдел Музеев Наркомпроса с просьбой о назначении меня хранителем музея Симона Ушакова как уже опытного в этой области, а также я буду следить за чистотой и порядком как внутри, так и около его.

1924 года мая 15 дня

Иван Кудрявцев.

¹ Каулен М.Е. Музеи-храмы и музеи-монастыри в первое десятилетие Советской власти. М., 2001.

² Акт № 226 (30.10.1919) Церковного отдела Комиссии по охране памятников искусства и старины при Московском Совете рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов по осмотру церкви Троицы в Никит-

- никах на предмет учета и охраны ее художественных и исторических ценностей (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Ед. хр. 825. Л. 101, 101 об.).
- ³ Акт № 105, протокол (24.04.1922) Главмузея Наркомпроса РСФСР об изъятии ценностей из церкви Грузинской иконы Богоматери у Варварских ворот и признании двух церковных предметов, имеющих музейное значение: 1) киот с серебряными накладками со створками к чудотворной иконе «Грузинской Богоматери» из главного иконостаса Троицкого придела, 2) крест серебряный (1733) с мощами, врезанный в икону с изображением Святых, на Горнем месте северного Никольского придела (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 1163. Л. 44; ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 287. Ч. 2. Л. 30—36).
- ⁴ См.: Списки музеев, состоящих на государственном учете и бюджете Музейного отдела Главнауки и сметным планом на 1924—1925 гг. и списки сооружений религиозного культа по г. Москве и Московской губернии, поставленных на государственный учет и охрану (февраль 1924 г. — 6 января 1925 г.) (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 520. Л. 11, 19; Ф. 417. Оп. 1. Ед. хр. 334. Л. 9 об.).
- ⁵ Заявление священника церкви Троицы в Никитниках Ивана Николаевича Кудрявцева в Отдел музеев Главнауки (15.05.1924) (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 825. Л. 104).
- ⁶ Синодик церкви Святой Живоначальной Троицы, что в Никитниках. Москва. 1649 г. (ОР ГИМ. Д. 3989. Л. 120—121).
- ⁷ Жукова А.С. Никола в Пыжах. М., 2015. С. 65—70.
- ⁸ Протоиерей Иоанн Андреевич Кудрявцев (1842 — после 1926). Происходил из духовного звания; сын дьячка с Покровского Московского у. Окончил Вифанскую духовную семинарию (1864) «со званием студента», дававшим право быть законоучителем. 27 июля 1866 г. рукоположен в дьякона Московской Сретенского сорока, Николаевской, что на Мясницкой, церкви. После 25-летнего дьяконского служения рукоположен в священника Московской Китайского сорока, Троице-Грузинской, в Никитниках, церкви 25 сентября 1891 г. В сентябре 1916 г. за 50-летнее служение награжден орденом Святого Владимира четвертой степени, ранее, в 1905 г., — золотым наперсным крестом от Святейшего синода за попечение об устройстве в нижнем этаже храма нового придела во имя чудотворной Грузинской иконы Божией Матери, освященного в 1904 г. С 1907 г. — духовник священно- и церковнослужителей Московского Китайского сорока. Материалы к биографии священника И.А. Кудрявцева содержатся в послужных списках Московской Китайского сорока, Троице-Грузинской, в Никитниках, церкви за 1907—1918 гг. (ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 763. Д. 38. Л. 69—71 об., 121 об. — 125 об.; Ф. 1786. Оп. 1. Д. 907. Л. 119 об. — 123).
- ⁹ Священник Иоанн Николаевич Кудрявцев (1889 —?) — внук протоиерея Иоанна Андреевича Кудрявцева от умершего старшего сына Николая Иоанновича Кудрявцева — дьякона Московской Спасской, в Чигассах, церкви. С 1895 г., потеряв отца в шестилетнем возрасте, жил с братом и сестрой у деда в доме при церкви Троицы в Никитниках. В 1912 г. окон-

чил Московскую духовную семинарию по второму разряду. В 1912—1914 гг. — учитель Старо-Коптевской Карачаровской церковноприходской школы Московского у. С июля 1914 г. по май 1921 г. — дьякон Московской Покровской, на Лыщиковой горе, церкви. Продолжил преподавание; был законоучителем Высшего Нагатинского училища (1915—1917) и в школе Благотворительного общества 1837 г. (1916—1918). 29 мая 1921 г. в возрасте 32 лет в свой день рождения рукоположен в священника к Троице-Грузинской церкви у Варварских ворот в Китай-городе. В его семье было трое детей: Иван (1914 г. р.), Сергей (1916 г. р.) и Алексей (1921 г. р.). По решению Благочиннического совета Китайского сорока Москвы от 8 / 20 декабря 1921 г., представлен к награде набедренником и скуфьей. Вместе с дедом, протоиереем И.А. Кудрявцевым, стоял у истоков создания в 1923 г. общественного музея памяти изографа XVII в. Симона Ушакова. Материалы к биографии священника И.Н. Кудрявцева содержатся в послужном списке 1921 г. (ЦГА Москвы. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 115. Л. 24, 24 об., 30—31).

10 Заявление московского священника Иоанна Николаевича Кудрявцева в Музейный отдел Наркомпроса РСФСР. Рукопись-автограф. 15 мая 1924 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 825. Л. 104, 104 об.).

11 ЦГА Москвы. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 7. Л. 4.

12 Анкета музея «Покровский собор и храм Василия Блаженного, что на рву» с филиалами: Музей-храм Грузинской иконы Божией Матери (Троицы в Никитниках) и Государственный Музей архитектурных памятников в селе Коломенском, составленная заведующим Е.И. Силиным для Музейного отдела Главнауки (1924—1925) (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 825. Л. 27—33).

13 Докладная записка Н.Н. Померанцева и Е.И. Силина в Музейный отдел Главнауки об экстренных мерах по спасению уникального памятника церкви Грузинской иконы Божией Матери (14.02.1924) (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 629. Л. 108, 108 об.).

14 План предстоящих работ по организации Музея-Храма так называемой Грузинской иконы Божией Матери в Китай-городе в Москве для Отдела Музеев Главнауки НКП. Авторы — Е.И. Силин, заведующий музеем собора Василия Блаженного, Н.Н. Померанцев (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 825. Л. 99—100).

15 Сарачева Т.Г. Музейная летопись Покровского собора. К 90-летию открытия музея. М., 2013. С. 10.

16 Название журналу и художественному объединению дано по подмосковному холму Маковец, где преподобный Сергей Радонежский основал свою обитель (ныне Свято-Троицкая Сергиева лавра).

17 Церковь Троицы в Никитниках в Китай-городе построена и украшена на средства московского гостя, выходца из Ярославля Григория Леонтьевича Никитникова в 1628—1634 гг. в стиле московского узорочья; перестройка колокольни — 1640-е годы, стенопись — 1652—1653 гг.; иконостасы с иконами Троицкого и Никитникова (фамильного) приделов — работы лучших царских мастеров под руководством главы жало-

ванных иконописцев Симона Ушакова 1640-х — 1670-х годов. В 1654 г. в храм была помещена чудотворная Грузинская икона Богоматери, спасшая в тот год москвичей от моровой болезни. В народе храм стали называть по иконе, а переулку, где он находился, — Грузинским в честь иконы (вместо Никитникова, названного по стоявшей с конца XV в. слободской деревянной церкви великомученика Никиты на Глинищах). В 1922 г. при переименовании переулков с одинаковыми названиями ему вернули старое название. Во всех официальных документах церковь носила название «Святой Животворящей Троицы, что в Никитниках»; в церковных документах — «Святой Троице-Грузинской». После освящения в 1904 г. в подклете храма придела во имя чудотворной Грузинской иконы Богоматери в память 250-летия избавления от моровой болезни название церкви стали сокращать до «Грузинской Божией Матери» (Тренев Д.К. Памятник древнерусского искусства церкви Грузинской Богоматери в Москве. М., 1903; Овчинникова Е.С. Церковь Троицы в Никитниках. Памятник живописи и зодчества XVII в. М., 1970).

18 Акт (29.05.1924) об осмотре храма Грузинской иконы Божией Матери архитекторами Музейного отдела Главнауки Наркомпроса Д.П. Суховым и С.Ф. Кулагиным (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 825. Л. 109, 109 об.).

19 Удостоверение сотрудника Музейного отдела Е.И. Силина о его командировании в церковь Грузинской иконы Божией Матери, подписанное заведующей Музейным отделом Н.И. Троцкой (Седовой) (19.05.1924) и инвентарные описи № 1 и 2 предметов, имеющих музейное и немuseumное значение церкви так называемой Грузинской Божией Матери (1918—02.07.1924) (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 825. Л. 79—98, 107).

20 Отчет Е.И. Силина, заведующего музеем-собором Василия Блаженного, о работах в музее-храме Грузинской иконы Божией Матери с 12.05.1924 по 01.03.1925 гг. Москва. 15 апреля 1925 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 825. Л. 77—78).

21 Овчинникова Е.С. Реставрация одного редкого памятника архитектуры и живописи XVII в. // Ежегодник ГИМ за 1961 год. М., 1962. С. 175—199.

22 Пояснительное приложение к смете прихода-расхода на 1925—1926 гг. из специальных средств, составленное Е.И. Силиным. 1925 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 825. Л. 61—64).

23 Сергей (Савельев), архим. Далекий путь. История одной христианской общины. М., 1998. С. 38—40.

24 Заявление протоиерея Ивана Андреевича Кудрявцева в Музейный отдел Главнауки. Москва. 17 августа 1926 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 629. Л. 46, 46 об.).

25 Информация приведена по устным воспоминаниям (22.10.2001 г.) жителя дома причта музея-храма, внука церковного старосты В.В. Савельева, 1929 г. р., и его друга Ю.Н. Кудрявцева.

26 О вошедших в объединение памятниках см.: Сарачева Т.Г. Музейная летопись..., 2013. С. 21, 22.

27 Операционный отчет за 1924—1925 гг. заведующего музеем-собором Василия Блаженного Е.И. Силина для Музейного отдела Главнауки

- уки (29.10.1925) (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 825. Л. 35—38 об.); Доклад Е.И. Силина о работах в музее-храме Грузинской иконы Богоматери на заседании Ученого совета Управления музеями-усадьбами и музеями-монастырями (08.11.1926) (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 625. Л. 25—30).
- 28 Доклад Е.И. Силина и Н.Н. Померанцева об организации при музее-храме Грузинской иконы Богоматери специального отдела, посвященного творчеству изографа Симона Ушакова и царских художников его круга (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 625. Л. 19—21).
- 29 НВА ОПИ ГИМ. Ф. 2. Д. 354. Л. 12.
- 30 ЦГАМО. Ф. 66. Д. 8060. Л. 50; Ф. 2157. Оп. 1. Д. 33. Л. 53, 91—93.
- 31 *Свенцицкий А.Б.* Они были последними? М., 1997. С. 62; *Голубцов С.А., Голощапов П.С.* Исповедник и мученик протоиерей Сергей Голощапов. М., 1999. С. 11, 15.
- 32 ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 825. Л. 104, 104 об. Пунктуация и орфография оригинала сохранены.

М.А. Власникова

Взаимодействие научного сообщества, государства и Русской Православной Церкви: опыт и перспективы

Сотрудничество отечественного научного сообщества, государства и Русской Православной Церкви стало активно развиваться со второй половины XIX в. на волне попыток создания действенной системы по охране памятников.

После создания Императорской археологической комиссии в 1859 г. и Московского археологического общества в 1864 г. православное духовенство стало привлекаться этими организациями для содействия в решении проблем в сфере сохранения памятников древности. В губернских городах в конце XIX — начале XX в. создавались церковно-археологические комитеты, главами которых становились епархиальные архиереи, а членами — знатоки и любители церковной старины, преподаватели и члены местных ученых обществ¹. В рамках Предварительного съезда музейных деятелей 1912 г. функционировала Комиссия церковно-археологических музеев, которая подготовила вопросы для обсуждения на Съезде деятелей музеев, запланированном на 1915 г., но не состоявшемся по причине Первой мировой войны². В Новгородской епархии объединенными усилиями духовенства, Императорской Археологической комиссии и ученых обществ в 1912 г. началось восстановление Ферапонтова монастыря.

Некоторые представители церковной интеллигенции, являвшиеся членами ученых обществ, выдвигали идеи создания единой государственно-церковной системы охраны памятников. В 1906 г. Н.В. Покровский подготовил «Проект правил о сохранении исторических памятников»³, где была обозначена необходимость создания центрального комитета охраны памятников церковной старины, который исполнял бы контролирующую и методические функции по отношению к епархиальным комитетам. Автор про-

екта отмечал, что существовавшие в 21 городе губернские ученые архивные комиссии могут создать «отделы церковных древностей с непременным участием представителей и специалистов из духовного ведомства»⁴, которые на тот момент уже входили в состав всех архивных комиссий.

В 1883 г. в Ростове по ходатайству Императорского Московского археологического общества была учреждена «Комиссия по возобновлению древних зданий в кремле города Ростова», которая объединила представителей городской администрации, Императорского Московского археологического общества, местного дворянства и купечества, а также главу епархии и священнослужителей кремлевских церквей. Деятельность комиссии, преследовавшей цель сохранения памятников церковной архитектуры методами научной реставрации, была успешна настолько, что ее работа вышла за пределы Ростова⁵. В 1888 г. она была преобразована в Комиссию административно-хозяйственного управления Ростовским кремлем (1888—1918); были Высочайше утверждены Правила административно-хозяйственного управления Ростовским кремлем, в соответствии с которыми он признавался церковно-историческим памятником.

В комиссию вошли протоиерей Успенского собора (председатель), клирик и староста кремлевских храмов, глава Ростова и член Московского археологического общества. Комиссия обладала широкими функциями по сохранению церковных памятников в соответствии с действовавшими постановлениями и ежегодно отчитывалась комитету о своей деятельности и состоянии памятников, а также испрашивала у него разрешение на производство работ по их сохранению. Для руководства комиссией в Ярославле создавался комитет, в составе которого были ярославский архиерей (председатель), губернатор, член Московского археологического общества и техник. Совместная работа специалистов по истории и археологии, местного духовенства и городской администрации обладала значительной эффективностью. Удалось спасти от разрушения многие памятники церковной архитектуры (в том числе за пределами кремля), и Комиссия приобрела высокий авторитет по всей стране. Однако полномочия Комиссии не позволяли ей широко осуществлять деятельность вне Ростова, поскольку официальным памятникоохранительным органом в России в этот период была Императорская археологическая комиссия⁶.

Кроме того, в 1910-е годы стали обостряться противоречия между Святейшим Синодом и Императорской археологической комиссией, что повлекло за собой увеличение разрозненности их действий. Это способствовало становлению двух параллельных систем, каждая из которых не могла по отдельности достичь целей в сохранении памятников. Однако идея создания на местах церковных структур (их членами были представители государства и церкви, ученые, краеведы) по охране памятников представляется актуальной по сей день.

Сотрудничество научного сообщества, государства и церкви могло осуществляться и в советский период, эффективность чего была показана в ходе реставраций Свято-Троицкого собора Александро-Невской лавры⁷. Однако в целом советский этап характеризуется не сотрудничеством, а государственным надзором за сохранением памятников, находившихся в пользовании церкви. Благодаря усилиям научного сообщества в этот период удалось сохранить, несмотря на большие потери, многие памятники церковной архитектуры.

В 1990-е годы начался процесс передачи религиозным организациям памятников сакрального искусства, что затронуло отношения музеев и церкви, породив между ними недоверие и частые конфликты. Одной из главных причин такого положения была антирелигиозная политика советского государства в 1920—1930-е годы, когда храмы изымались у церковных общин, нередко насильственным образом. После изъятия храмы могли преобразовываться в музеи. Хотя организация музеев оказывала положительное влияние на сохранность храмов, обеспечивая как минимум их физическое существование, музеи могли впоследствии восприниматься верующими как учреждения, неправомерно занимающие памятники церковной архитектуры. Другой существенной причиной являются случаи небрежного обращения клириков с объектами культурного наследия, переданными религиозным организациям. Вызвано это, на наш взгляд: 1) недостатком понимания историко-культурной ценности памятников; 2) недостатком знаний в сфере истории искусства и вопросов сохранения объектов культурного наследия; 3) нехваткой средств на ремонтные и реставрационные работы; 4) ориентацией современного общественного сознания на новодел; 5) недостатком художественного вкуса. В условиях кризиса реставрационной отрасли данная проблема еще более усугубляется.

Резонансные ситуации, связанные с передачей объектов культурного наследия религиозным организациям и демузеефикацией храмов, нередко возникают до сих пор. Однако можно наблюдать, что взаимодействие между научным сообществом и религиозными организациями выходит на новый уровень. Музей и церковь представляют ключевые цивилизационные элементы, без которых не может существовать ни одна цивилизация (музей и наследие — как признак памяти, церковь — как признак религии⁸). Представители этих общественных институций понимают, что конфронтация не приводит к положительному результату, и в конфликте страдают обе стороны, а также само общество и культурное наследие. Многие представители научного сообщества и церкви, в том числе президент Союза музеев России, генеральный директор Государственного Эрмитажа М.Б. Пиотровский⁹, патриарх Московский и всея Руси Кирилл¹⁰, отмечают важность и необходимость совместной работы музея и церкви, находя острую актуальность в их взаимодействии, основанном на общности духовно-материального наследия¹¹.

В 2008 г. в Московской областной епархии было создано культурно-просветительское содружество «Музей и церковь», которое исполняет координационную и методическую функции¹². Однако подобное содружество существует только в Московской области, и даже в Москве данный опыт не востребован, хотя его следует распространить на все регионы России.

Растет число церковных музеев. Их организация способствует усилению взаимодействия научного сообщества и религиозных организаций и может сглаживать причины существующих между ними противоречий. Церковные музеи получили широкое распространение в дореволюционный период: к началу XX в. было открыто не менее 68 церковно-археологических музеев¹³. Современные церковные музеи можно рассматривать в контексте исторической преемственности и острой необходимости, вызванной потребностью сохранения и популяризации памятников, находящихся в пользовании церкви.

Развитие сотрудничества сторон предполагает признание роли религиозных общин в сохранении церковного наследия и позволяет клирикам интегрироваться в решение актуальных проблем в данной сфере. Такая тенденция существует на международном уровне. Так, в рамках Международного года сближения культур в 2010 г., в Киеве под патронатом ЮНЕСКО был проведен

международный семинар о роли религиозных общин в управлении объектами всемирного наследия. Впервые вопрос о защите религиозного наследия обсуждался на международном уровне с активным участием религиозных властей. На нем была отмечена сложность и важность налаживания конструктивного диалога между всеми заинтересованными сторонами для достижения общей цели — охраны объектов всемирного наследия. Отмечалось, что объекты всемирного наследия религиозного назначения требуют особой политики по их сохранению и управлению ими. При осуществлении этой политики следует учитывать духовную природу объектов в качестве ключевого фактора их сохранения. Для ее проведения необходимы совместные совещания заинтересованных сторон (религиозных общин, государственных властей, специалистов и экспертов в соответствующих областях, спонсоров и других лиц). На семинаре была высказана мысль о том, что религиозное наследие укрепляет чувства национальной идентичности и социальной сплоченности¹⁴. По итогам семинара было принято Заявление об охране религиозных ценностей в рамках Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия. В заявлении признавалась роль религиозных общин в создании, содержании, устройении и сохранении религиозного искусства как живого наследия, а также в передаче, выражении и поддержании духовной самобытности, в придании смысла и цели человеческой жизни. Отмечалась важность деятельности религиозных общин в контексте процессов глобализации и других серьезных вызовов современного мира. Подчеркивалось, что сохранение религиозного наследия является обязанностью всех заинтересованных сторон, и что взаимное признание и уважение позволят обогатить взгляды на общие культурные и духовные ценности. Признавалась необходимость повышения осведомленности заинтересованных сторон о важности сохранения культовых объектов, повышения роли религиозных сообществ и предотвращения недопонимания, напряженности или стереотипов в сфере сохранения объектов культурного наследия религиозного назначения. Предлагалось создание обучающих программ по сохранению религиозного наследия для представителей религиозных организаций¹⁵. В долгосрочной перспективе планировалось интегрировать принципы по сохранению религиозного наследия в культурную политику на местном, национальном и международном уровнях с тем,

чтобы способствовать сближению культур и гармонизации отношений между сообществами.

В конце 1990-х годов появилась такая форма управления государственными музеями, расположенными в действующих храмах и монастырях, в которой некоторые руководящие должности занимают клирики данных храмов и монастырей. На такой шаг государство пошло, вероятно, с целью ослабления конфликтов, возникавших между музейным и церковным сообществами, и снижения имущественных притязаний религиозных организаций. Такой принцип может обеспечить осуществление государственного контроля над сохранением монастырского комплекса и музейных предметов, единство политики, проводимой музеем и монастырем, а также корректный подход к вопросам хранения, использования и популяризации памятников религиозного искусства.

Церковь и научное сообщество взаимодействуют для создания общих просветительских проектов, в образовательных и методических целях. В то же время, на одной территории сосуществуют монастыри и приходские храмы и государственные музеи. Права и обязанности сторон закрепляются в соответствующих соглашениях. Развиваются церковные музеи и хранительские службы, нередко помощь в их организации оказывают опытные сотрудники государственных музеев, а порой они же становятся и сотрудниками церковных музеев и хранительских служб. М.Б. Пиотровский предлагал создание совместной комиссии Союза музеев России и Патриаршего совета по культуре «...для проведения серии круглых столов и семинаров по предложенным темам и выработке программы совместных действий, а также рекомендаций по конкретным вопросам, приобретающим особую общественную остроту»¹⁶. Такое взаимодействие представляется наиболее плодотворным и перспективным в деле сохранения культурного наследия, и его следует рассмотреть подробнее на примере конструктивного сотрудничества музеев и церкви в деле сохранения памятников церковной архитектуры.

Обеспечение сохранности построенного в начале XIV в. Рождественского собора Снетогорского монастыря осуществляется совместно сотрудниками Псковского государственного музея-заповедника и монахинями, которые проходят стажировки в Лаборатории климата музеев и памятников архитектуры Государственного научно-исследовательского института реставрации. Музейные сотрудники поддерживают приход практическими ре-

комендациями по сохранению объекта. Расписанием предусмотрено проведение экскурсий по собору трижды в день, однако экскурсоводами являются насельницы монастыря, большая часть которых не обладает соответствующей профессиональной подготовкой, что влияет на качество экскурсий. В основном, самом древнем объеме Рождественского собора, сохраняющем росписи, богослужения не совершаются: для богослужений отводится придел, пристроенный к западному фасаду собора в XVI в., а общая с основным объемом стена не имеет росписей (выделена специальная климатическая зона)¹⁷, что минимизирует факторы, которые могут нести угрозу сохранности росписей.

Действующий Успенский монастырь в Свяжске, ансамбль которого является объектом ЮНЕСКО, успешно взаимодействует с музеем-заповедником «Остров-град Свяжск». По инициативе митрополита Казанского и Татарстанского Феофана (Ашуркова) при участии музея-заповедника в подклете Никольской церкви создавался музей монастыря. В Успенском храме создан специальный режим посещения для обеспечения сохранности фресок; экскурсии в Успенский храм предваряет получасовой осмотр экспозиции в Никольской церкви. В музее дежурит служитель монастыря, который готов ответить на вопросы, связанные с православным вероучением. Туристические группы сопровождают музейные экскурсоводы, а паломнические группы — православные экскурсоводы. «Музей готовит отчеты для ЮНЕСКО, а в монастыре создана структура, отвечающая за сохранность объекта. Кроме того, в музее-заповеднике создана группа мониторинга буферной зоны этого объекта»¹⁸.

На федеральном уровне сотрудничество проходит в ходе совместных заседаний Комиссии по взаимодействию Русской Православной Церкви с музейным сообществом при Патриаршем совете по культуре, учрежденной в 2010 г., и рабочей группы по координации деятельности учреждений, подведомственных Министерству культуры России, в сфере взаимодействия с религиозными организациями, созданной в 2011 г.¹⁹ Основным направлением деятельности данных комиссий по факту является решение спорных вопросов, касающихся имущественных отношений и передачи музеефицированных памятников церковной архитектуры религиозным организациям. Для решения конфликтных ситуаций на региональном уровне могут создаваться согласительные комиссии, эффективность которых признана музейным сообществом²⁰.

Отношения государства и церкви по вопросам сохранения памятников религиозного искусства с конца XX в. регламентируются соответствующими соглашениями о сотрудничестве²¹. Действующее соглашение не только повторяет пункты о необходимости создания совместных органов по сохранению объектов культурного наследия религиозного назначения, но и вводит новое положение о необходимости создания церковной системы по охране памятников. Однако, несмотря на это, совместный орган по вопросам сохранения, использования и охраны памятников до сих пор не сформирован, а сотрудничество реализуется в основном в направлении консультативно-методической помощи и совместного участия в мероприятиях по вопросам сохранения культурного наследия.

Итак, сегодня наблюдаются тенденции к сотрудничеству научного сообщества, государства и церкви по вопросам сохранения памятников, однако в рамках этого сотрудничества реализуется в основном консультативно-методическая функция. Кроме того, сотрудничество направлено на выработку соглашений между музеями и религиозными организациями по вопросам использования музеефицированных памятников церковной архитектуры. Поскольку такое сотрудничество показывает свою эффективность для целей сохранения культурного наследия, представляется перспективным его расширение и создание центра по вопросам охраны памятников религиозного искусства с территориальными комиссиями. Данный центр может объединить представителей Министерства культуры, региональных органов по охране памятников, ведущих специалистов по сохранению памятников религиозного искусства, епархиальных древлехранителей и архиереев. Основной задачей центра может стать осуществление совместного мониторинга и надзора государства и церкви за сохранением памятников религиозного искусства и соблюдения действующего законодательства. Центр может вобрать в себя некоторые функции тех комиссий и рабочих групп, которые существуют в государственных и церковных органах по охране культурного наследия. Так, кроме осуществления контрольно-надзорной деятельности, задачами центра станут: 1) достижение соглашений по вопросам использования музеефицированных памятников церковной архитектуры; 2) помощь в осуществлении «живой» музеефикации памятников церковной архитектуры, переданных религиозным организациям; 3) выработка и реализация решений и программ

по возрождению сельских храмов; 4) взаимодействие с волонтерскими организациями, осуществляющими работы по памятникам церковной архитектуры. Таким образом, центр будет обеспечивать: 1) увеличение оперативности реагирования на случаи, требующие вмешательства государственных органов в деятельность религиозных организаций по сохранению объектов культурного наследия религиозного назначения (благодаря участию в деятельности центра представителей религиозных организаций, осуществляющих внутренний надзор за состоянием сохранности и использованием памятников), 2) диалог между светским и религиозным мировоззрением, который будет повышать эффективность взаимодействия государственных и церковных структур в сфере сохранения памятников религиозного искусства. Центр объединит усилия существующих государственных и церковных органов, занимающихся вопросами сохранения памятников религиозного искусства, и повысит эффективность политики по охране памятников. Деятельность центра будет способствовать сглаживанию противоречий между сторонами и распространится на движимые и недвижимые памятники церковного искусства.

Анализ исторического опыта и приведенных форм взаимодействия научного сообщества, государства и церкви показывает эффективность сотрудничества данных структур, которое позволяет сохранить памятники церковной архитектуры и максимально полно раскрыть их историко-культурную ценность, популяризовать и актуализировать храм как памятник и как святыню. Процессы, происходящие в России в рамках налаживания диалога и сотрудничества между научным сообществом, государством и церковью, отражают ведущие мировые тенденции, принятые на уровне ЮНЕСКО. Представляется, что создание единого центра по вопросам охраны памятников религиозного искусства будет способствовать дальнейшему улучшению ситуации в сфере сохранения действующих храмов, являющихся объектами культурного наследия.

¹ Сохранение памятников церковной старины в России XVIII — начала XX в.: Сб. документов. СПб., 1997. С. 240.

² Алексеева Л. С., Горбатов А.В. Церковный музей в дореволюционный период: этапы и факторы становления // Вестник Кемеровского государственного университета. История и археология. 2018. № 3. С. 6.

- ³ *Покровский Н.В.* О мерах к сохранению памятников церковной старины // Христианское чтение. 1906. № 4. С. 471—498.
- ⁴ Там же. С. 497.
- ⁵ *Непоспехов О.О.* Деятельность ростовских археологов по охране памятников старины в конце XIX — начале XX в. // История и культура Ростовской земли: Материалы научной конференции, 2013. Ростов, 2014. С. 187—197.
- ⁶ Там же. С. 194.
- ⁷ *Власникова М.А.* Сотрудничество государства и церкви в реставрации Свято-Троицкого собора Александро-Невской лавры // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. № 2 (39). С. 86—90.
- ⁸ *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2016. С. 52.
- ⁹ *Пиотровский М.Б.* Пространство держат музеи и церковь // Санкт-Петербургские ведомости. 2 августа 2017 г. URL: https://spbvedomosti.ru/news/culture/prostranstvo_derzhat_muzei_i_nbsp_tserkov/ (дата обращения: 06.07.2020 г.).
- ¹⁰ Слово Святейшего Патриарха Кирилла на заседании Высшего Церковного Совета 17 апреля 2019 года // Московская патриархия Русской Православной Церкви: Официальный сайт. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5414889.html> (дата обращения: 06.07.2020 г.).
- ¹¹ *Цветева М.Н.* Музей и церковь: актуальность взаимодействия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 17. 2015. Вып. 3. С. 105—111; *Никонова А.А.* Конвергенция храмового и музейного пространства // Проблемы сохранения церковного наследия. СПб., 2010. С. 133—142; *Александр (Федоров), игум.* Взаимоотношения музея и Церкви на современном этапе // Музей и церковь в контексте сохранения национального наследия. СПб., 2013. С. 19—23; *Салтыков А., прот.* Угодно ли Господу, чтобы искусство разрушалось? // Нескучный Сад. 05.05.2010. URL: <https://www.pravmir.ru/ugodno-li-gospodu-chtoby-svyatynya-razrushalas/> (дата обращения: 06.07.2020 г.).
- ¹² Святейший Патриарх Кирилл возглавил заседание Патриаршего совета по культуре // Московский патриархат Русской Православной Церкви: Официальный сайт. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5594607.html> (дата обращения: 10.08.2020 г.).
- ¹³ *Полякова Е.А., Витовтова Г.И.* Церковно-археологические учреждения России и их структурные подразделения во второй половине XIX — начале XX века // Мир науки, культуры и образования. 2014. № 5 (48). С. 256—261.
- ¹⁴ Statement on the Protection of Religious Properties within the Framework of the World Heritage Convention. URL: <https://whc.unesco.org/en/religious-sacred-heritage/> (дата обращения: 08.07.2020 г.).
- ¹⁵ Statement on the Protection of Religious Properties within the Framework of the World Heritage Convention. URL: <https://whc.unesco.org/en/religious-sacred-heritage/#statement> (дата обращения: 08.07.2020 г.).
- ¹⁶ *Пиотровский М.Б.* Музеи и церковь. Программа сотрудничества // Государственный Эрмитаж: Официальный сайт. 15.09.2016 г. URL: <https://www.>

- [hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/what-s-on/director-blog/blog-post/15sep/lut/p/z0/04_Sj9CPykssy0xPLMnMz0vMAfIjo8zi_R0dzQyNnQ28_N0DLA0cvQ19_ZwsDSydjA31vfSj8CsAmmBU5Ovsm64fVZBYkqGbmZeWrx9haFqcWqBfkB0VCQCgOcvu/?lng=ru](https://www.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/what-s-on/director-blog/blog-post/15sep/lut/p/z0/04_Sj9CPykssy0xPLMnMz0vMAfIjo8zi_R0dzQyNnQ28_N0DLA0cvQ19_ZwsDSydjA31vfSj8CsAmmBU5Ovsm64fVZBYkqGbmZeWrx9haFqcWqBfkB0VCQCgOcvu/?lng=ru) (дата обращения: 06.07.2020 г.).
- ¹⁷ *София (Вашевко), монахиня.* Опыт сохранения переданного церкви памятника культуры в условиях действующего монастыря // Культурное наследие Псковской земли и сопредельных территорий: Материалы III науч.-практич. конференции (07 декабря 2017 г.). Псков, 2017. С. 28—33.
- ¹⁸ Официальный сайт Татарстанской митрополии. URL: <https://tatmitropolia.ru/news/?id=68276> (дата обращения: 16.10.2019 г.).
- ¹⁹ О создании рабочей группы по координации деятельности учреждений, подведомственных Минкультуры России, в сфере взаимодействия с религиозными организациями: Приказ от 12 января 2011 г. № 3. URL: https://culture.gov.ru/documents/o_sozdanii_rabochey_gruppy_po_k354365/?sphrase_id=53731 (дата обращения: 11.08.2020 г.).
- ²⁰ *Пиотровский М.Б.* Музеи и РПЦ должны вместе использовать памятники // Новые известия. 2019. 4 апреля. URL: <https://newizv.ru/news/society/02-04-2019/mihail-piotrovskiy-muzei-i-rpts-dolzhen-vmeste-ispolzovat-pamyatniki> (дата обращения: 09.08.2020 г.).
- ²¹ Соглашение между Минкультуры РФ и Московской патриархией Русской Православной Церкви от 02.03.1994 «О сотрудничестве в целях возрождения духовной культуры России». URL: <https://www.lawmix.ru/expertlaw/257419> ; Соглашение между Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия и Московской патриархией Русской православной церкви от 17.08.2007 «По вопросам государственной охраны, сохранения, использования и популяризации объектов культурного наследия религиозного назначения». URL: <http://www.patriarchia.ru/db/print/282330.html> ; Соглашение между Министерством культуры РФ и Русской Православной Церковью от 03.05.2012. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2199116.html> (дата обращения: 21.02.2022 г.).

А.Д. Мокрополова

Деятельность П.М. Дульского в контексте сохранения церковного искусства в Казани в 1920—1930-х годах

Петр Максимиллианович Дульский (1879—1956) — выдающийся искусствовед, художник, музейный работник. Благодаря ему Казань сохранила многие шедевры церковного искусства, которые могли быть утрачены в период их тотального изъятия из соборов и монастырей города и Казанской губернии (с 1920 г. — Татарской республики).

Наиболее плодотворным периодом, связанным с этим направлением его деятельности, можно считать время, когда П.М. Дульский трудился в стенах Центрального музея ТССР (ныне — Национальный музей Республики Татарстан). Однако интерес к архитектуре, в том числе храмовой, он стал проявлять сразу после переезда в Казань в 1911 г. Хронологические рамки данного исследования, таким образом, определяются периодом с 1911 по 1930 г. Начало этого отрезка связано с датой приезда П.М. Дульского в Казань, конец — с моментом, когда он покидает стены музея и обращается к преподавательской работе. Однако, забегая вперед, нужно отметить, что, прервав на время изучение церковного искусства и архитектуры, Петр Максимиллианович возвращается к нему в 1940-е годы: по-видимому, не в последнюю очередь это было связано с идеологической обстановкой. О смене вектора его научной деятельности свидетельствует переписка с И.Э. Грабарем.

Источниковой базой настоящего исследования являются фонды Национального музея Республики Татарстан. В отделе личных коллекций фонда письменных источников хранится значительный архив П.М. Дульского, насчитывающий несколько сотен единиц хранения. Среди них — документы личного происхождения; особую ценность представляет переписка с И.Э. Грабарем,

П.Е. Корниловым, Е.В. Лансере, преподавателями Казанского университета. Эпистолярное наследие П.М. Дульского охватывает период с 1910-х по 1950-е годы. Также в архиве представлены отписки статей и опубликованные работы, документы и фотографии, личные воспоминания.

Книжный фонд музея включает труды П.М. Дульского разных лет, экземпляры журнала «Казанский музейный вестник», выходившего в 1920-е годы (инициатором издания был Дульский). В контексте изучения проблем сохранения памятников церковного искусства в Казани наибольший интерес представляют его работы «Памятники Казанской старины» (1914), «Зилант и Кизицы» (1917), «Классицизм в Казанском зодчестве» (1920), «Барокко в Казани» (1927).

Исходя из имеющихся источников, можно выделить два направления деятельности П.М. Дульского в связи с сохранением наследия церковной культуры: 1) изучение и описание архитектурных памятников; 2) комплектование фондов музея образцами церковного искусства. Несмотря на то, что главным объектом внимания в данном исследовании является работа П.М. Дульского в области сохранения наследия Русской Православной Церкви, стоит отметить многогранность и универсальность знаний ученого. Сфера его научных интересов простиралась от татарского декоративно-прикладного искусства¹ до работ современных ему художников-графиков ТАСССР². Истоки этих интересов следует искать в юности П.М. Дульского: родился он в Бессарабии (ныне Молдова), а в 1899 г. переехал в Казань для получения специального образования. В 1904 г. следует переезд в г. Слободской Вятской губернии.

Сам ученый видел причины тяги к изобразительному искусству и архитектуре в периоде своего детства, проведенном в Одессе, куда он был привезен матерью и где посещал рисовальную школу: «...помимо школы сам город Одесса способствовал моему развитию. Архитектура Одессы известных зодчих: То мона, Гваренги, Мельникова, Монферана, Торичелли, Бернардаци и других, обогатили мои впечатления своими созданиями творчества...»³. Однако помимо архитектурных красот, большое влияние на формирование творческого и научного пути П.М. Дульского оказала природа — в этот период он занимается рисованием и пишет акварелью; работы тех лет были высоко оценены профессиональным художественным сообществом.

Переехав в Казань для учебы на граверном отделении Казанской художественной школы, П.М. Дульский начинает преподавательскую деятельность в частной женской гимназии Л.П. Шумковой. После окончания курса обучения в 1904 г. он был направлен преподавателем в реальное училище в г. Слободском Вятской губернии, где и пробыл до 1911 г.

По возвращении в Казань Петр Дульский занял место преподавателя рисования в Первом реальном училище. Свою любовь к искусству он передает и ученикам: «Зимой 1913—1914 года на рождественские каникулы небольшая группа учеников съездила в Москву и там окунулась в гущу старого и современного искусства. Для некоторых последняя поездка была решающим моментом при выборе будущей профессии»⁴, — вспоминает один из учеников, а впоследствии будущий соратник Дульского в деле изучения и сохранения искусства П.Е. Корнилов.

Несмотря на большую занятость в училище, П.М. Дульский много внимания уделяет исследовательской деятельности. В 1914 г. он издает свою первую крупную работу — «Памятники казанской старины», посвященную архитектуре города. Выход этого труда стал важным этапом, предопределившим дальнейший профессиональный путь П.М. Дульского: «Памятники» были высоко оценены в профессиональных кругах, после чего его приглашают учиться в Казанский университет. Вскоре начинается этап его деятельности, связанный с Казанским музеем и издательской работой. Последнее направление позволило Дульскому расширить и укрепить профессиональные связи с учеными и художниками Москвы и Санкт-Петербурга.

Переписка с правлением Казанского университета позволяет «заглянуть» в исследовательскую мастерскую П.М. Дульского, где велась работа над «Памятниками казанской старины». Из документов можно сделать заключение, что источниками для изучения казанской архитектуры разных веков были университетские архивы и библиотека, где хранятся чертежи и проекты интересовавших автора построек. В частности, в письме из правления Казанского университета говорится: «Правление университета, согласно постановлению своему от 4 сего марта, считает долгом выразить Вам, Милостивый Государь, благодарность за присланный Вами при прошении от 27 февраля с. г. один экземпляр вашего труда „Памятники Казанской старины“ и вместе с сим разрешает

Вам дальнейшие занятия в архиве и библиотеке университета и сделать фотографические снимки в архиве с архитектурных чертежей и в библиотеке с проектов архитектора Баженова»⁵.

Обращаясь к истории строительства церквей в Казани, исследователь использует довольно широкий круг источников. Помимо работ авторов XVIII—XIX вв.⁶, П.М. Дульский привлекает данные писцовых книг по Казани 1566—1568 гг., этюды художника В.С. Турина начала XIX в. и литографии Э. Турнерелли 1830-х годов. В круг его источников вошли также статьи Николая Разумова «Обновление Казанского Кафедрального собора» (1871 г.)⁷ и работа архимандрита Платона (Любарского) «Сборник древностей Казанской епархии»⁸. Сравнивая данные изобразительных и письменных источников с современным ему состоянием храма, П.М. Дульский анализирует изменения в его архитектуре, окружающем пространстве, показывая историю Благовещенского собора и других храмовых комплексов Казани в их развитии.

«Памятники Казанской старины» — одна из первых комплексных работ, посвященных изучению казанской архитектуры. Стремясь к широте охвата исследовательского материала, П.М. Дульский затрагивает вопросы сохранения раритетов из ризниц описанных им соборов. История церковного зодчества прослеживается автором с момента создания Казанской епархии, т. е. со второй половины XVI в. Он отмечает, что в этот период сложились благоприятные условия для строительства церквей и монастырей: благодаря четким целям государственной политики, а также щедрому финансированию со стороны благотворителей в Казани было возведено более 20 храмов. Как подчеркивает П.М. Дульский, «...в строительстве церквей деньгами и материалом, а также добровольным трудом участвовали князья, бояре, миряне и духовенство».

Особо стоит отметить часть очерка по фресковой живописи Благовещенского собора. Здесь автор не только излагает историю росписей, но дает собственные наблюдения тех процессов, которые происходили в момент написания книги: «В марте месяце 1913 года эта живопись поновлялась и при работах сделано интересное открытие, под слоем позднейшей штукатурки сохранились остатки старинной фресковой росписи»⁹. Описывая обнаруженные фрагменты, П.М. Дульский приходит к выводу, что датировать их можно периодом не позднее второй половины XVII в.

В главе, посвященной Благовещенскому собору Казанского кремля, он описывает его ризницу: «Пользуясь вниманием „Государевой казны“, кафедральный собор собрал великолепную ризницу, владеющую редкими драгоценностями ... В числе богатств ризницы особенное внимание обращает на себя „Ефремово Евангелие“ 1606 года»¹⁰. Одним из первых он отмечает ценность Евангелия, которое в 1924 г. попадает в музей, где и хранится по сей день. В своей работе Дульский подробно останавливается на истории книги, а также рассуждает о ее художественных достоинствах, приводя фотокопии наиболее красочных фрагментов ее оформления. «Художественная сторона Евангелия заключается в удивительно редком и красивом убранстве книжных „заставиц“, заглавных букв, концовок и особенно интересно выполненных изображений Святых Евангелистов на отдельных листах»¹¹, — отмечает он, и, сравнивая Ефремово Евангелие с памятниками церковного книжного искусства, относящимися к тому же периоду, приходит к выводу об исключительности казанского образца.

Чуть менее подробные очерки были посвящены другим храмам Казанского кремля. Тщательный исторический анализ и подбор иллюстративных материалов, в том числе фотографий, сделанных самим П.М. Дульским, позволяют считать «Памятники Казанской старины» первым опытом исследования храмовой архитектуры города с точки зрения истории искусств. Как отмечали критики, «...наиболее удовлетворительно и ценно можно признать ту преобладающую в количественном отношении часть всей книги, которая посвящена обозрению памятников старинного церковного зодчества...»¹².

Изучение памятников храмового зодчества Казани продолжено П.М. Дульским в двух более поздних работах обзорного характера: «Классицизм в Казанском зодчестве» (1920) и «Барокко в Казани» (1927). Ранее, в 1917 г., была выпущена его работа «Зилант и Кизицы», повествующая, как это следует из названия, о двух монастырских комплексах Казани — Зилантовом и Кизическом монастырях. Во вступительной части автор отмечает, что хотя эти два памятника православного зодчества неоднократно привлекали внимание исследователей, художественная специфика их не изучена в достаточной степени. Особая ценность этой работы состоит в том, что здесь приводится история и архитектурное описание Кизического Введенского монастыря, основан-

ного в 1691 г. и частично утраченного к 1930-м годам. Помимо детального описания истории и архитектурной специфики обители, автор приводит фотографии зданий, а также наиболее ценных, по его мнению, сокровищ ризницы.

Интересно, что П.М. Дульский называет годом основания Кизического монастыря 1687 г., ссылаясь на работы архимандрита Никанора (Каменского), и упоминает, что вначале был деревянный храм, а в 1690-х годах — строится каменный. При этом он проводит анализ архитектуры монастыря, подчеркивая значительные изменения, привнесенные в облик его сооружений, и, в особенности, главного храма — Введения во храм Пресвятой Богородицы: «К сожалению, невежественные переделки храма значительно испортили его внешность, так как реставраторы, не считаясь с общей композицией фасада, прибавили окна, где им вздумалось, отчего общая гармония художественного облика храма заметно нарушена»¹³. Так же, как в случае с Благовещенским собором Казанского кремля, П.М. Дульский комплексно подходит к изучению истории Кизического монастыря, приводя любопытные сведения, касающиеся ризницы главного собора и некрополя обители, уничтоженного в 1930-е годы. Например, он останавливается на художественных достоинствах некоторых надгробий, в том числе Ильи Андреевича Толстого.

Развитию научной деятельности П.М. Дульского способствовала его работа в Казанском музее. Наиболее активная стадия процесса комплектования фондов Центрального музея предметами, изымаемыми из церковных ризниц и монастырей, приходится на 1920—1926 гг. «В 1919 г. я был избран по конкурсу хранителем художественной галереи Казанского музея»¹⁴. В 1958 г. картинная галерея, о которой идет речь в воспоминаниях ученого, была выделена в самостоятельный Музей изобразительных искусств (ГМИИ РТ). По этой причине большинство шедевров иконописного искусства было передано в ведение вновь образованного музея. Как отмечает сам ученый в своей автобиографии, в этот период «...была проведена большая работа по экспозиции художественного отдела». По-видимому, речь идет не только о выставочной деятельности музея, но и о комплектовании его фондовых собраний, в том числе предметами изобразительного искусства. С 1919 г. П.М. Дульский также входил в состав Губернского отдела народного просвещения. Помимо прочего, отдел решал задачи,

связанные с регистрацией, описанием и фотографированием памятников губернии. Среди них, например, Успенский собор и деревянная Троицкая церковь (Свияжск).

Процесс перемещения ценностей из церковных ризниц разворачивается немного позднее: «...2 января 1922 года был издан декрет о ликвидации церковного имущества ...В музей поступили иконы старинного письма..., редкие книги (Ефремово Евангелие 1606 года, Тверское Евангелие 1478 года), плащаница XVI века, Лаврентьевский саккос и другие вещи. Только из ризницы кафедрального Благовещенского собора было передано 85 предметов»¹⁵. На данный момент все эти предметы находятся в фондах Национального музея РТ.

Процесс передачи предметов церковного искусства в музей отчасти был стихийным. Однако П.М. Дульским, по-видимому, прилагались определенные усилия к его упорядочиванию. Так, сохранилось письмо И.Э. Грабаря от 4 апреля 1920 г., адресованное П.М. Дульскому, следующего содержания: «Через пол часа еду в Пафнутаев (?) монастырь и потому очень тороплюсь написать Вам еще несколько строк. Мне удалось собрать Вам славную коллекцию для музея из ряда первоклассных имен, как Вы увидите. Но самое главное, я посылаю Вам замечательные иконы — целый апостольский чин — Новгород XV в. — и целый Новгородский же пророческий. Вы сможете в музее соорудить целый иконостас! Древнее этих икон в целой Казанской области (?) не сыщете...»¹⁶. Эти строки ценны не только тем, что иллюстрируют деятельность П.М. Дульского в музее и в деле сохранения иконописного искусства, но и возможностью их использования в деле атрибуции музейных предметов.

Работа Петра Максимилиановича Дульского в области изобразительного искусства, изучения и сохранения памятников церковной архитектуры и иконописи имеет колоссальное значение для казанского искусствоведения. Находящиеся в распоряжении исследователя источники эпистолярного характера и научные труды ученого позволяют оценить его деятельность во всей ее многогранности, и в то же время представляют большие перспективы для дальнейших исследований. Изложенные в статье сведения лишь намечают общие тенденции, которые могут иметь место в более детальных работах, посвященных казанской школе искусствоведения и П.М. Дульскому, как одному из ее наиболее ярких представителей.

- 1 Дульский П.М. Искусство казанских татар. М., 1925.
- 2 Дульский П.М. Казань в графике Г.К. Лукомского. Казань, 1920.
- 3 Автобиография П.М. Дульского (НМРТ КППи-120181 / 3458. Л. 2).
- 4 Статья П.Е. Корнилова «П.М. Дульский». 08.08.1944 г. (НМРТ КППи-120181 / 3459).
- 5 Письмо из правления Императорского Казанского университета П.М. Дульскому от 11 марта 1914 г. (НМРТ КППи-120181 / 3424).
- 6 Так, описывая историю строительства, архитектурный облик и декоративную отделку Благовещенского собора, он использует статью Платона Заринского (*Заринский Платон, протоиерей*. Очерки древней Казани. Казань, 1877).
- 7 Разумов Н.В. Обновление Казанского Кафедрального собора. Казань, 1871.
- 8 Платон (Любарский), архим. Сборник древностей Казанской епархии и других приснопамятных обстоятельств, старанием и трудами Спасоказанского Преображенского монастыря архимандрита Платона составленный, 1782 года. Казань, 1868.
- 9 Дульский П.М. Памятники Казанской старины. Казань, 1914. С. 38.
- 10 Там же. С. 41, 42.
- 11 Там же. С. 44.
- 12 Оттиск статьи профессора А. Миронова из журнала «Вестник образования и воспитания» (НМРТ КППи-120181 / 3648).
- 13 Дульский П.М. Зилант и Кизицы. Казань, 1917. С. 19.
- 14 Автобиография П.М. Дульского (НМРТ КППи-120181 / 3458. Л. 4).
- 15 Сеницына К.Р. Полвека музеев Казани и Татарии. Очерки истории 1917—1967 годов. Казань, 2002. С. 46.
- 16 Письмо И.Э. Грабаря П.М. Дульскому. 4.04.1920 г. (НМРТ КППи-120181 / 38).

Т.В. Житкова

Фреска с изображением преподобного на западной стене церкви Ризположения в Московском Кремле

В августе 2003 г. во время реставрационно-ремонтных работ на кровле перехода из церкви Ризположения в Большой Кремлевский дворец Московского Кремля на западной стене церкви была раскрыта настенная живопись¹. Часть композиции с изображением золотого нимба и короны предварительно датируется XVI в. (рис. 1). Обнаруженные надписи, выполненные темно-коричневой, почти черной краской, правились на рубеже XVII—XVIII вв. Тогда же, видимо, на стене — на центральном и южном пристенках между лопатками — появились размашистые орнаменты, исполненные масляными красками зеленых оттенков (рис. 2). Корона и надпись позволяют отнести их, предположительно, к композиции Деисуса. Характер изменений красочного слоя совпадает на правках надписей и орнаментах — «лопухах».

Главным открытием стало изображение хорошей сохранности преподобного, обращенного к композиции (предположительно, «Предста Царица») на северном простенке (рис. 3), от которой сохранились три нимба и следы верхней надписи. Нижняя часть этой композиции, видимо, была сбита во время пристройки арочного прохода в церковь святой Екатерины Большого Кремлевского дворца.

Поколенное изображение преподобного, представленного в трехчетвертном повороте влево в молитвенном предстоянии, расположено между лопатками на северо-западном прясле. Взгляд устремлен вправо. Усы и небольшая окладистая борода написаны по светлой охре коричневыми и белильными линиями. Вохрение по светло-коричневому санкирю с высветлениями разбеленной охрой и белильными оживками исполнено около бровей, глаз и на носу. Глаза небольшие, с радужной оболочкой, верхнее веко и брови написаны коричневым тоном, зрачки отмечены черной

Рис. 1. Фрагмент композиции на западной стене церкви Ризположения в Московском Кремле. XVI в.

Рис. 2. Фрагмент изображения орнаментов на западной стене церкви Ризположения в Московском Кремле. XVII—XVIII вв. (?)

Рис. 3. Фреска с изображением преподобного на западной стене четверика церкви Ризположения в Московском Кремле. XVI в.

точкой. Справа у радужной оболочки белильная отметина. Левая рука согнута в жесте молитвенного предстояния, в правой — белый свернутый свиток. Нимб золотой, обведен киноварной контурной линией. Преподобный старец облачен в темно-коричневую мантию, светло-охристую ризу (подризник) и голубой (лазоревый) куколь. Описи складок одежды черные и белильные. Фон темно-синий, почти черный.

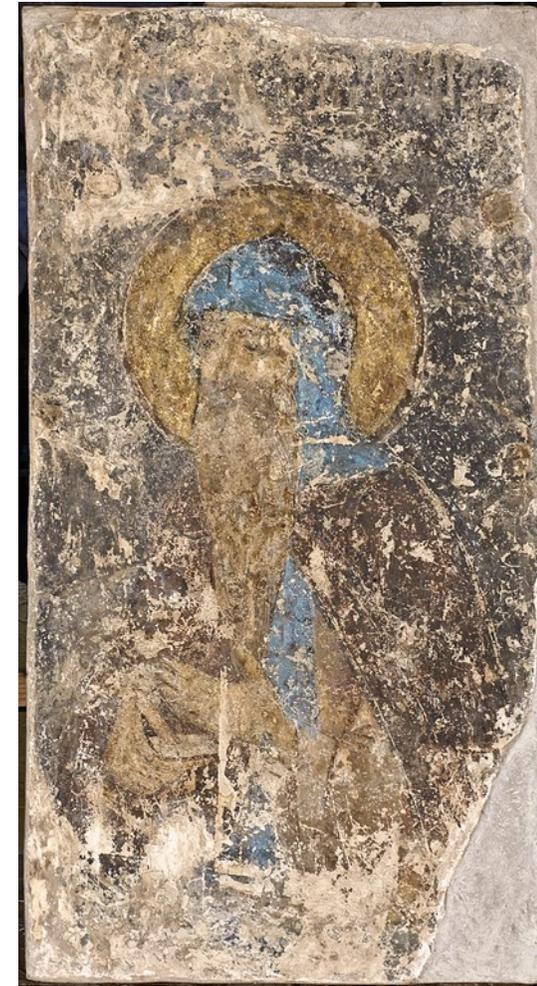

Рис. 4. Настенная роспись «Преподобный». Россия, Москва. XVI в. Музеи Московского Кремля. Инв. № Ж-2732

Реставрационный совет Музеев Московского Кремля принял решение о снятии фрески с изображением святого со стены. Оно было выполнено ведущим специалистом в этой области, заслуженным работником культуры, художником-реставратором А.С. Кузнецовым² (рис. 4). В отчете о снятии росписи 2004 г. отмечено, что в результате проведенных консервационных работ можно сделать следующие выводы:

1) двухслойный меловой левкас визуально соответствует по наполнителям, пористости и толщине налета левкасам:

- Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря;
- собора Смоленской Богоматери Новодевичьего монастыря;
- Благовещенского собора Казанского Кремля;

2) шляпки левкасных гвоздей, кованные от центра к краю четырьмя-пятью ударами молота, находят аналогии в памятниках конца XVI — начала XVII в.³

По первому предварительному наблюдению реставраторов, сохранившиеся фрагментарно корона и надписи созданы не ранее 1644 г. (дата создания фресок внутри церкви) и не позднее 1680 г. (одно из клейм на кирпичах, из которых выложена примыкающая к фреске арка, датируется этим годом)⁴.

Изучение обнаруженных стенописей продолжается, однако уже сейчас можно предположить, что они относятся к XVI столетию. На это указывают состав пигментов, а также художественные особенности, аналогии которым можно видеть в Кремлевских соборах.

Следует отметить, что в этот период изменилось положение ремесленников, в частности, художников. Усиливается их миграция из города в город, из монастыря в монастырь. Часто это происходит по распоряжению царского двора, который выступает крупнейшим заказчиком строительства и росписей храмов, но большую роль играют и другие ктиторы. Живописцы соединяются в довольно крупные артели, причем в одной и той же корпорации оказываются мастера из разных городов, с разным художественным воспитанием и самобытными традициями⁵. Постепенно нивелируются прежние региональные различия в искусстве, гораздо менее заметными становятся особенности новгородской, псковской и других старинных русских художественных школ. Взаменяются новые художественные центры и регионы, где, несмотря на текучесть и сменяемость мастеров, вырисовываются местные традиции. Такими центрами были, например, Ярославль, Кострома, Холмогоры на Северной Двине вблизи Архангельска и др.⁶

Несмотря на обширную информацию о найме мастеров, об их именах, выполненных работах, о полученном вознаграждении (всем этим полны документы в архивах монастырей, епископских и митрополичьих центров, патриархии и царского двора), мы не можем охарактеризовать творчество конкретных мастеров первой половины XVII в.

Поскольку памятникам Кремля всегда придавали большое историческое и политическое значение, их фрески часто реставрировали и поновляли⁷. По этой причине мы не всегда можем в полной мере судить об их стиле, но хорошо представляем их иконографическую программу. Можно предположить, что сохранившаяся роспись трех храмов Московского Кремля повторяет программу более ранних стенописей, украшавших эти постройки.

Художники, расписывавшие под руководством Ивана Паисеина Кремлевский Успенский собор, сохранили почти неприкосновенными некоторые участки древней живописи в алтарных помещениях, полностью заново расписали наос, но, что характерно, предварительно зарисовали композиции 1515 г. и воспроизвели их⁸. Это лишний раз свидетельствует о приверженности культуры к древним образцам, к повторению старых программ и иконографических схем.

Стенописный ансамбль небольшой церкви Ризположения в Московском Кремле имеет ряд точек соприкосновения с росписями Успенского собора и в стиле, и в программе. Как и в кафедральном соборе, он включает цикл сцен из Акафиста, напоминающий о богородичном посвящении церкви. Небольшими размерами церкви продиктованы сравнительно легкие пропорции фигур, силуэты.

Среди многочисленных модификаций стиля монументальной живописи первой половины XVII в. выделяются фрески Успенского собора Княгинина монастыря во Владимире. В этих росписях с большим артистизмом воплотилась та стилистическая тенденция, которая явилась антитезой «тяжелому стилю» фресок московского Успенского собора⁹. Особенности стиля росписей Княгинина монастыря, сказывающиеся в той или иной мере на манере декоративного убранства в ряде других ансамблей, отражают принципы весьма заметного художественного течения в русской живописи конца XVI — первой половины XVII в.¹⁰

Опуская все подробности поиска сходства во фресковой живописи, иконописи и книжной миниатюре XVI—XVII вв., приведем основную аналогию. С 2016 г. в Смоленском соборе Новодевичьего монастыря идет реставрация, которая уже принесла немало сюрпризов и открытий. Среди них без преувеличения можно назвать раскрытие реставраторами Межобластного научно-реставрационного художественного управления неизвестных композиций стенописей конца XVI в. Раскрытый в Смоленском соборе образ Богоматери, как и наш святой, принадлежит композиции Деисуса с восседающим на троне Спасителем.

О росписи церкви Ризположения в период с конца XV в. и в следующем столетии не сохранилось никаких упоминаний. Заложённая митрополитом Геронтием «у своего двора» в 1484—1485 гг. ныне существующая домовая церковь, посвященная празднику Положения Ризы Богородицы во Влахерне, была освящена в 1485 г.¹¹ Известно, что в 1626 г. церковь сильно пострадала от пожара, а в следующем году жалованный иконописец Назарий Истомин в октябре «...был у иконного письма и у стенного, у новых и старых починок у Ризположения»¹². Из слов о «о старых починках» можно сделать вывод о существовании в храме росписи стен, которая, как известно из документов, в 1643 г. была, видимо, сбита¹³. По указу патриарха Иосафа началась подготовка к живописным работам, которые были выполнены за три месяца Сидором Осиповым (Поспеевым), Иваном Борисовым и Сименом Обрамовым¹⁴. Эту стенопись с более поздними значительными реставрационными поновлениями мы можем видеть в церкви сегодня. Возможно, обнаруженные на западном фасаде изображения относятся к более ранним фрескам и раскрывают новую страницу в истории храма.

- ¹ Настоящая статья является первой публикацией фрески.
- ² Отчет о проведенных работах на западном фасаде церкви Ризположения в Московском Кремле. Машинописный текст. 2004 г. Л. 3, 4.
- ³ Там же. Л. 4.
- ⁴ Там же.
- ⁵ *Сарабьянов В.Д., Смирнова Э.С.* История древнерусской живописи. М., 2007. С. 695.
- ⁶ Искусство фрески в Древней Руси: Материалы к изучению древнерусских фресок. М., 1954. С. 85; *Квливидзе Н.В.* Фрески Смоленского собора. Иконографическая программа росписи // Московский Новодевичий монастырь. К 500-летию основания: Антология. М., 2012. С. 341, 342.
- ⁷ *Качалова И.Я.* Ремонтно-реставрационные работы в Благовещенском соборе Московского Кремля в 1860-х годах (по материалам московской Дворцовой конторы) // Государственные музеи Московского Кремля: Материалы и исследования. М., 1989. Вып. VI: История и реставрация памятников Московского Кремля. С. 115.
- ⁸ *Качалова И.Я.* История реставрации монументальной и станковой живописи Успенского собора // Успенский собор Московского Кремля: Материалы и исследования. М., 1985. С. 185.
- ⁹ Свято-Успенский Княгинин женский монастырь во Владимире. М., 2008. С. 15.
- ¹⁰ *Квливидзе Н.В.* Фрески Смоленского собора..., 2012. С. 345.

- ¹¹ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. СПб., 1901. Т. 12 (VIII). С. 152, 153, 215, 216; Летописный свод 1518 // ПСРЛ. М.; Л., 1963. Т. 28. С. 305; Софийская вторая летопись // ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 278; Летопись Симеоновская // ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 270; Львовская летопись // ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 20. Ч. 1. С. 351; Воскресенская летопись // ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 215; Хронограф редакции 1512 года // ПСРЛ. СПб., 1911. Т. 22. Вып. 1. С. 503; Ермолинская летопись // ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23. Приложение 2-е (6987—6993). С. 194; Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. Т. 26. М., 1959. С. 276; Новгородская летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 41, 42.
- ¹² «В октябре того же года, по приказанию патриарха Филарета Никитича, Назарий Истомин писал „в церковь Пречистыя Богородицы Ризположения“ местные иконы — „образ святых и живоначальных Троицы, а мерою цка в высоту 2 аршина без двух вершков, ширина — полтора аршина без вершка, на золоте на красном... — Образ Петра и Иона московские чудотворцы, стоящие, во облаце — образ Пречистыя Богородицы, в высоту — аршин и пол 11 вершка, в ширину 14 вершков. — Два образа малые — пядницы, по одному святому на цке — преподобный отец Михаиле Малеин, а на другой цке — преподобная Евдокея — на золоте“». Кроме того, Назарий Истомин был «...у иконного письма и у стенного, у новых и у старых починок — у Ризположения и у соборных церкви у Пречистыя Богородицы и у всяких иконных дел» (*Успенский А.И.* Словарь патриарших иконописцев XVII века. М., 1917. С. 95). Этот мастер, видимо, часто привлекался для работы патриархом Филаретом. См. об этом: *Ровинский Д.А.* Обзорение иконописания в России до конца XVII в. Описание фейерверков и иллюминаций. СПб., 1903. С. 160; Словарь русских иконописцев XI—XVII веков. М., 2003. С. 27, 28, 103, 335.
- ¹³ *Житкова Т.В.* История создания и реставрации стенописи четверика церкви Ризположения в Московском Кремле // Музеи Московского Кремля: Материалы и исследования. М., 2021. Вып. 31. С. 48—55.
- ¹⁴ *Строев П.М.* Выходы государей царей и великих князей Михаила Феодоровича, Алексия Михайловича, Феодора Алексиевича, всея Руси самодержцев. М., 1844. С. 24; *Румянцев В.Е.* Вид московского Кремля в самом начале XVII века. М., 1886. С. 19; Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов / Сост. А. Викторов. М., 1883. Вып. 2. С. 405, 408, 411—416, 422, 425; Материалы для истории, археологии и статистики московских церквей, собранные из книг и дел прежде бывших патриарших приказов В.И. и Г.И. Холмогоровыми, при руководстве И.Е. Забелина. М., 1884. Стб. 224; *Извеков Н.Д.* Церковь во имя Положения Ризы Богородицы во Влахерне с часовнею Печерской Божией Матери при Большом Кремлевском дворце, в Москве. М., 1912. С. 8; *Саликова Э.П.* Храмовая икона Благовещенского собора и иконография Акафиста Богоматери в московской живописи первой половины XVII века // Благовещенский собор Московского Кремля: Материалы и исследования. М., 1999. С. 278.

Е.И. Серебрякова

О малоизвестном лицевом Евангелии апракос XVI в. из собрания Исторического музея: вопросы атрибуции и истории памятника

В августе 1890 г. в главную инвентарную книгу РИМ под № 20854 с пометой в графе поступления «Дар Свящ. В.С. Лебедева» были записаны две рукописи: «а) Уложение царя Алексея Михайловича, рукопись (Муз. 2050); б) Евангелие рукописное половины XVI в., с заставками и евангелистами (Муз. 386)». На л. 1 «Уложения» (писарской копии второй половины XVIII в. с издания 1649 г.) имеется собственноручная запись дарителя «Отъ свящ. Виталия Степановича Лебедева. 14 марта 1890 г.», что помогло уточнить его личность и статус.

Виталий Степанович (Стефанович) Лебедев в 1890 г. был настоятелем Никольского единоверческого храма на старообрядческом Рогожском кладбище и благочинным единоверческих приходов Московской епархии. Из ряда опубликованных архивных данных известно, что В.С. Лебедев (1829—1913) после окончания Вифанской духовной семинарии с 1851 г. служил священником в храме Успения Пресвятой Богородицы с. Гжели Бронницкого у. Московской губ.; в 1863 г. по резолюции митрополита Филарета (Дроздова) был переведен в Никольскую единоверческую церковь, действующую с 1855 г. на Рогожском кладбище.

В Никольском храме доныне сохранилась закладная плита с надписью: «В 1863—1866 году 30 декабря за ветхостью вновь перестроен иждивением московского купца Никандра Матвеевича Аласина при священниках: Иоанне Тимофеевиче Васильеве и Виталие Стефановиче Лебедеве». В 1868 г. им была опубликована статья «О Рогожском кладбище и об открытом при нем единоверии и его обрядах». В 1893 г. о. Виталий в чине протоиерея был перемещен в московскую церковь Святителя Григория Неокесарийского на Полянке, где 19 августа 1901 г. торжественно отме-

чалось 50-летие его служения в священном сане¹. Дар В.С. Лебедева Историческому музею мог быть сделан под впечатлением грандиозной выставки древнерусского искусства, развернутой в 1890 г. к VIII археологическому съезду в Москве в залах РИМ. На ней были представлены хорошо известные ученому миру коллекции антикваров-старообрядцев С.Т. Большакова и И.Л. Силина, с которыми В.С. Лебедев наверняка был знаком. Описанием коллекции И.Л. Силина для каталога выставки занимался В.Н. Щепкин, служивший с 1887 г. в РИМ в должности помощника хранителя².

На внутренней стороне верхней крышки переплета Евангелия, подаренного В.С. Лебедевым, наклеена бумажная карточка с надписью почерком В.Н. Щепкина «Евангелие Новгородское. XVI век». Заметим, что в большой статье «Новгородская школа иконописи по данным миниатюры» В.Н. Щепкиным были подробно рассмотрены три новгородские лицевые рукописи, приобретенные Историческим музеем на протяжении 1890-х годов: Евангелие апракос 1534 г., Муз. 352 (куплено у С.Т. Большакова), Евангелие апракос 1552 г., Муз. 334 (куплено у Е.И. Силина) и Житие преподобного Нифонта 1530-х — 1540-х годов, Муз. 340 (куплено у П.И. Силина)³. Евангелие Муз. 836 в статье упомянуто не было и осталось практически неизвестным.

Впервые краткое описание памятника было опубликовано в первом выпуске каталога Музейского собрания ОР ГИМ: «Евангелие апракос полный, 1-я четверть XVI в., 1^о (31,5 × 22,3), русский полуустав, П + 441 + П лл. Миниатюр 4, заставки и инициалы нововизантийского стиля, вязь; переплет XIX в. — доски в красном бархате; на л. 2—18 вкладная запись 1635 г. в Троицкий Александро-Свирский монастырь Ивана Захарьева сына Лутохина»⁴.

Евангелие Муз. 386 представляет собой незаурядный памятник книжного искусства XVI в. Его художественное убранство отличается редким стилистическим единством и принадлежит руке одного мастера, обладавшего ярко выраженной индивидуальной манерой как в миниатюрах, так и в орнаментике. Поскольку это Евангелие апракос, миниатюры помещены в последовательности литургического года, начиная с Пасхи: Иоанн с Прохором (л. 1 об.), Матфей (л. 65 об.), Марк (л. 131 об.) и Лука (л. 170 об.) (рис. 1—4). Листы с миниатюрами входят в состав тетрадей кодекса, развороты начала чтений монументальны: крупные изображения в строгих

Рис. 1. Миниатюра «Евангелист Иоанн с учеником Прохором». Л. 1 об.

линейных рамках соответствуют по размеру зеркалу текста с кинноварной строкой заглавия и заставкой, создавая гармоничный ансамбль. Красочная гамма миниатюр построена на преобладании разбеленных оттенков — светло-зеленых, сиренево-розовых и светло-охристых как в одеждах, так и в архитектурном стаффаже, с включением небольших участков светло-синего (кровли, шатрики башен) и яркой киновари (подушки сидений, маленькие драпировки-велумы). В архитектуре преобладают обширные

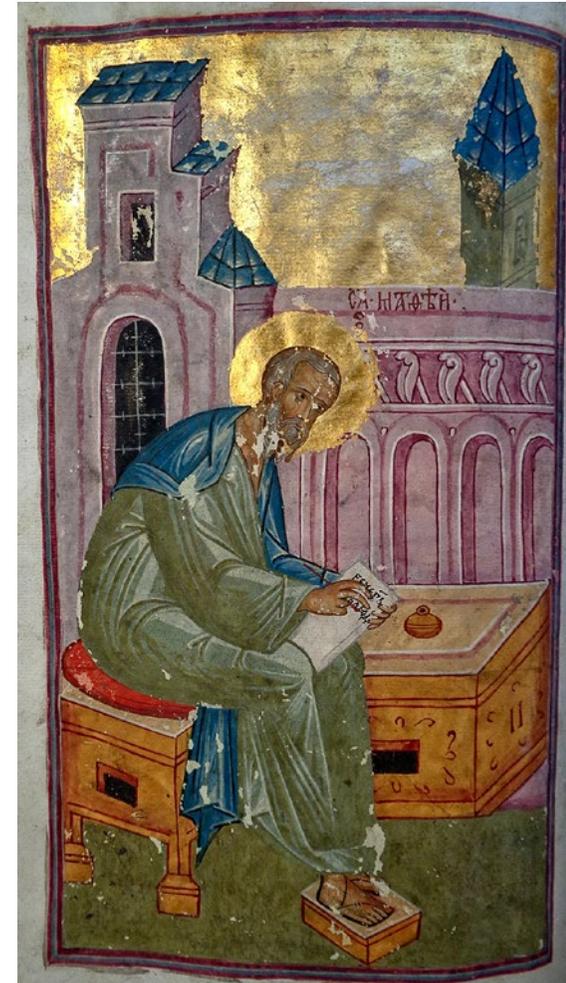

Рис. 2. Миниатюра «Евангелист Матфей». Л. 65 об.

цветовые плоскости стен; небольшие башни и тонкие колонны с шатриками не затесняют пространство золотого фона вверху, в композициях доминируют внушительные фигуры святых авторов. Иоанн и Матфей облачены в светло-зеленые с синим одежды, у Марка и Луки нежно-розовая с голубыми рефlekсами расцветка гиматиев сгущается до темно-малиновой вдоль линий силуэтов, что дает неожиданный эффект своеобразного внутреннего «сияния» фигур. В ликах евангелистов карнация построена

Рис. 3. Миниатюра «Евангелист Марк». Л. 131 об.

на деликатных перетеканиях охры, зеленоватых и розовых красок; окончательная прорисовка черт выполнена тонким коричневым контуром, с подчеркнутым абрисом крупных глазниц и точками темных зрачков.

Иконография авторов Евангелий традиционна, но бросается в глаза необычная иконографическая особенность миниатюры на л. 1 об. с Иоанном и его учеником Прохором, помещенными здесь не в скалистый пейзаж острова Патмос, но, как и дру-

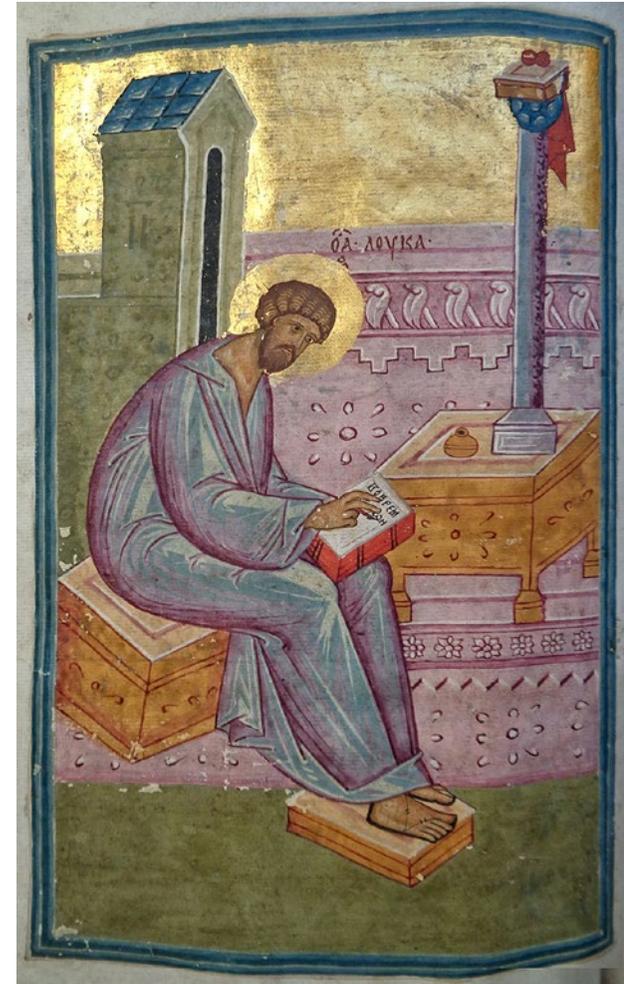

Рис. 4. Миниатюра «Евангелист Лука». Л. 170 об.

гие евангелисты, в архитектурный интерьер. Подобное решение встречается редко, и преимущественно в единоличном изображении Иоанна Богослова в некоторых византийских памятниках X—XII вв., либо в южнославянских, следующих греческим образцам. Возможно, художник Евангелия Муз. 386 ориентировался на какую-то подобную рукопись с одним Иоанном, прибавив непропорционально маленькую фигурку Прохора в ярко-алом гиматии, примостившегося у краешка стола.

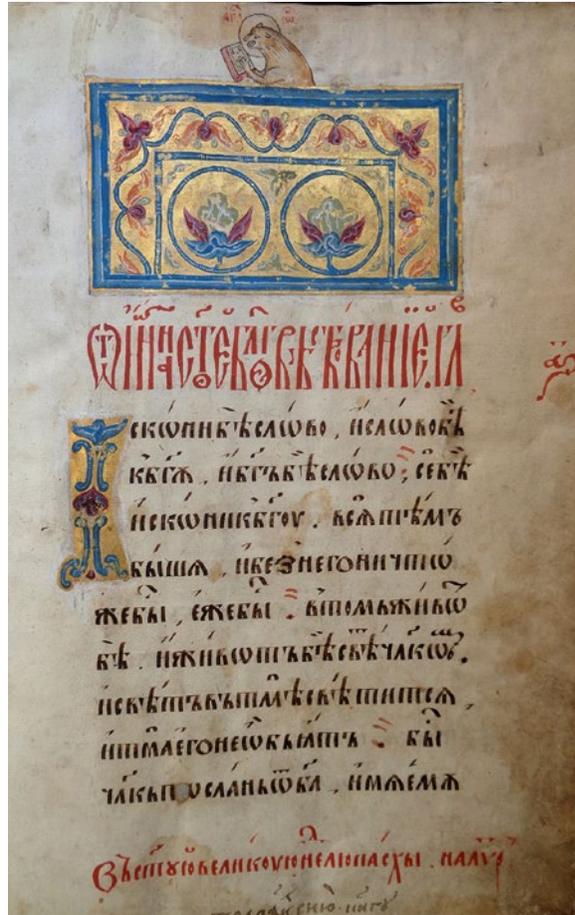

Рис. 5. Заставка со львом, символом евангелиста Иоанна. Л. 2

Конкретные стилистические аналогии миниатюрам Муз. 386 назвать затруднительно. Общая монументальность образов позволяет в какой-то степени сблизать их с миниатюрами знаменитого Евангелия апракос 1534 г., созданного в Новгороде для престола храма Живоначальной Троицы Александро-Свирского монастыря⁵. Очевидно, все дело в индивидуальном стиле художника, который, как нам представляется, все же в большей мере владел мастерством орнаменталиста, нежели миниатюриста, сосредоточившись на изысках красочных сочетаний, а не на внутренней проработке образов. Безусловное единство цветовой гаммы миниатюр и за-

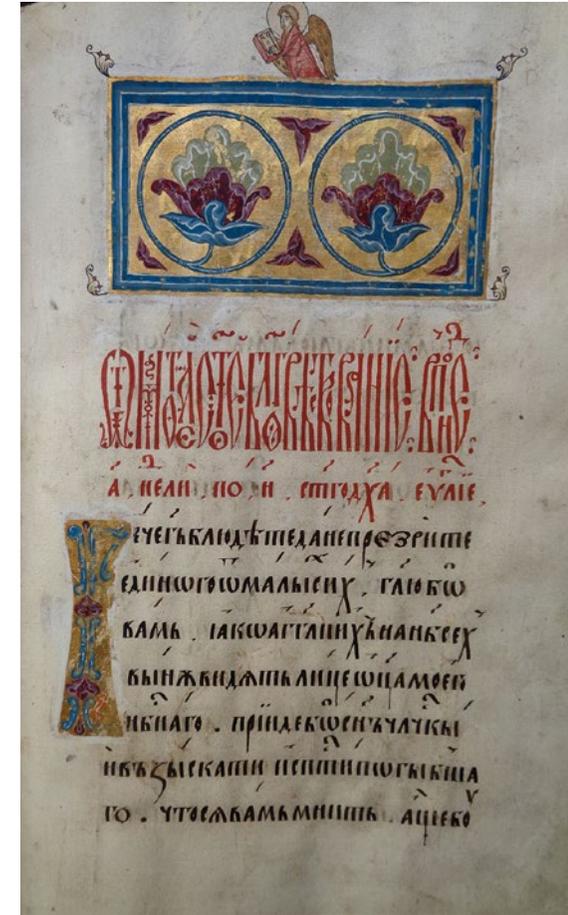

Рис. 6. Заставка с ангелом, символом евангелиста Матфея. Л. 66

ставок говорит об одном мастере, краски в них одни и те же: багряная с сиренево-розовой, разбеленная празелень, ярко-синяя и ярко-голубая, одинаковый оттенок полированного листового золота на грунте в фонах миниатюр, заставок и подложек инициалов.

Неовизантийская орнаментика заставок Евангелия Муз. 386 выполнена с отточенным виртуозным мастерством. Художник выбирает лаконичные геометрические схемы, умело располагая их на сплошном сияющем золотом фоне. Над чтениями из Евангелий Иоанна и Матфея он помещает в поле заставок пары симметричных крупных пальметт-кринов внутри синих кругов. Лепестки их

Рис. 7. Заставка с орлом, символом евангелиста Марка. Л. 132

выполнены объемно и пластично, особенно в гигантских кринах на л. 66. Над верхними планками заставок пририсованы символы евангелистов, выполненные чернильным рисунком с акварельной подцветкой: у Иоанна — полуфигура рыжего льва с раскрытой пастью, держащего в лапах золотой евангельский кодекс (рис. 5); у Матфея — поясная фигурка ангела с охристыми крыльями, в светло-красном хитоне, также с закрытым кодексом в руках⁶ (рис. 6).

По-иному решена тема символов в двух других заставках, у Евангелий Марка и Луки. Для орнамента художник берет клас-

Рис. 8. Заставка с тельцом, символом евангелиста Луки. Л. 171

сический мотив арки, заполненной гирляндой кринов, внутри которой на золотом фоне располагает полнофигурные изображения символических существ. У Марка изображен тонкого рисунка орел в темно-охристом оперении, с золотым кодексом в лапах (рис. 7). Арка Луки решена более сложно: она водружена на ярко-голубые объемные «консоли», перекликающиеся по рисунку с архитектурным фризом на сиреневой стене в миниатюре Луки. Внутри арки — приподнявшийся на задних ногах рыжий телец, в передних сжимающий закрытый кодекс; его туловище написано объемно, с белильными бликами «светов» (рис. 8).

Рис. 9. Заставка перед «Сборником 12 месяцев» (Месяцесловом). Л. 368

Размещение в заставках символов евангелистов, причем в двух разных вариантах — над заставками и внутри них, в виде полуфигур и в полный размер, свидетельствует о профессиональной эрудиции мастера, знании типов убранства памятников московского происхождения, таких, как Евангелие 1507 г. Феодосия и Михаила Медоварцева (РНБ. Пог. 133), или же Евангелия последней четверти XV в. (ГИМ. Чуд. 30)⁷. Необычная «архитектурная» арка Луки вызывает ассоциацию с аркой-заставкой рукописи 1480-х годов Слов Григория Богослова мастерской Медоварцева (РГБ. Ф. 304 / I № 137. Л. 329)⁸. Особое внимание привлекает заставка перед «Сборником 12 месяцев» (л. 368), где мы видим центрическую композицию из нарисованных чернилами на бледно-желтом акварельном фоне длинных развевающихся листьев аканта, расцвеченных полупрозрачными синей, розовой и зеленой красками (рис. 9) — своеобразный графический парафраз заставок Геннадиевской библии 1499 г. (ГИМ. Син. 915), Лествицы конца XV в. (РНБ. Сол. 284 / 304) или же обрамлений миниатюр новгородского Апостола начала 1500-х годов (СПб ФИРИ РАН. Колл. Н.П. Лихачева, № 274)⁹.

В настоящее время из числа известных и опубликованных иллюминированных памятников можно с определенностью назвать только две рукописи, к которым стилистически и технически тяготеет орнаментальное убранство Евангелия Муз. 386. Во-первых, это Служебник первой четверти XVI в. (ГТГ. Инв. МК-5 / К-5269), изданный с подробным описанием и анализом всех кодикологических и художественных особенностей, в котором А.А. Турилов атрибутировал первый почерк Закхею, новгородскому книгописцу, работавшему в Валаамском и Коневском монастырях, игумену Спасо-Хутынского монастыря между 1495 и 1500—1510-ми годами¹⁰. В двух заставках Служебника (л. 4, 41) присутствуют схожие с Евангелием Муз. 386 композиции с крупными кринами в синих кругах и гирляндой цветных листьев в очень близкой колористической гамме светлой зелени, вишнево-багряной и синей красок на золоте; по неовизантийским мотивам и технике исполнения аналогичны многочисленные инициалы на золотой подложке (л. 4, 41, 42, 47 об., 59 об., 139, 162)¹¹.

Во-вторых, назовем Евангелие тетр первой четверти XVI в. (ГИМ. Епарх. 19), происходящее из Иосифо-Волоколамского монастыря и отмеченное в его описях 1545 и 1597 гг. как «Евангелие Ильи Шершнева письма Семиона Пустынника»¹². Мы уже определили сближение высокопрофессионального и оригинального орнамента этого Евангелия с вышеназванным Служебником из собрания ГТГ, высказав предположение о том, что рукопись Епарх. 19 мог украсить новгородский мастер¹³. Полагаем, что орнаментальное убранство Евангелия Муз. 386 принадлежит руке того же художника: близки композиции из синих кругов и завитков синего стебля с крупными пальметтами-кринами и трилистниками, гирлянды, сочетание полупрозрачного багреца и оттенка разбеленной празелени, блестящие полированные золотые фоны заставок и инициалов на золотой подложке. Таким образом, три рукописи первой четверти XVI в. — Служебник ГТГ, Евангелие тетр Ильи Шершнева Епарх. 19 и Евангелие апракос Муз. 386 — представляют собой компактную группу, сохранившую образцы художественного творчества неизвестного мастера-орнаменталиста, возможно, соприкасавшегося с кругом знаменитого новгородского каллиграфа Закхея.

Об этом говорит и почерк Евангелия Муз. 386: крупный торжественный полуустав, по всем признакам восходящий к литур-

гическим почеркам группы лицевых и иллюминированных рукописей последней четверти XV — второй четверти XVI в., целиком или частично атрибутируемый Закхею (и / или его ученикам и возможным подражателям)¹⁴. К рукописям с почерком Закхея А.А. Турилов относит еще две рукописи ГИМ: Евангелие тетр последней четверти XV в., Муз. 328 и Евангелие Муз. 352 (частично), вложенное в 1534 г. в Александро-Свирский монастырь и начатое письмом, очевидно, еще во второй половине 1520-х годов¹⁵.

Важное подтверждение новгородской атрибуции Евангелия Муз. 386 дал полистный просмотр филиграней его бумаги. На протяжении всего объема кодекса чередуются два водяных знака: 1) латинская литера С¹⁶; 2) маленький четырехлепестковый цветок¹⁷. Бумага с идентичными водяными знаками (наряду с бумагой других сортов) была использована при изготовлении Софийского комплекта Великих Миней Четых (далее — ВМЧ) в период архиепископства Макария в Новгороде с 1526 по 1542 г. Она встречается во всех сохранившихся девяти томах ВМЧ, в том числе в мартовском томе ГИМ. Увар. 201¹⁸. Как показали результаты исследований по реконструкции процесса создания Софийского комплекта ВМЧ, оба вышеуказанных сорта бумаги так называемого александрийского формата относятся к категории наиболее высококачественных, в частности, по таким дополнительным характеристикам, как тонкость, белизна, глянецовость и даже «звонкость». В ВМЧ они употреблялись для текстов Пролога и Стишного Пролога, открывающих и завершающих чтения дня, т. е. на этапе придания томам Софийских миней характера парадного комплекта¹⁹.

Если в колоссальном листовом объеме ВМЧ подобная бумага встречается лишь спорадически, то Евангелие апракос Муз. 386 написано на ней целиком с начала и до конца. Это позволяет предполагать, что оно могло быть также создано при Доме святой Софии в Великом Новгороде почти одновременно с работой над ВМЧ. Возможно, запасы этой высококачественной бумаги хранились в архиепископском скриптории для подобных парадных литургических рукописей.

Таким образом, датировка Евангелия может быть уточнена концом 1520-х — 1530-ми годами. Подчеркнем, что орнаментальное убранство Муз. 386 не имеет ничего общего со стилем неовизантийского орнамента трех знаменитых апракосов, переписанных Закхеем в последние десятилетия XV в., хотя перекликается

с мотивами крупных кринов из его же Апракоса 1523 г. из Коневецкого монастыря (РНБ. НСРК.Ф.299). Не похож орнамент Евангелия Муз. 386 и на усложненные «ковровые» узоры роскошных рукописей «макарьевской» школы 1530-х — 1550-х годов (в том числе Боровского Евангелия 1530—1534 гг. (ГИМ. Муз. 3878) и вышеупомянутого Евангелия апракос 1534 г. (ГИМ. Муз. 352). Повторим, что Евангелие Муз. 386 оказывается редким представителем «авторского» стиля художника книги, возможно, опиравшегося на какую-то малоизвестную ветвь новгородской традиции и в то же время использовавшего импульсы столичного московского искусства.

Единственной точно датированной вехой в истории Евангелия Муз. 386 остается 1635 г. — дата его вклада в один из крупнейших монастырей Русского Севера, основанный святым преподобным Александром Свирским († 1533). Запись на нижнем поле л. 1—18 гласит: «...положи(л) сию кн/и/гу с/вя/тое Ева(н)гелие в до(м), в м/о/н/ас/ты(р) Живонач(л)ныя Троицы и пр/е/п(одо)/бнаго о(т)ца Алекса(н)дра Свер(с)ка(го) ч(удо)тво(р)ца Иванъ Заха(рь)евъ с/ы/нъ Лутохи(н) по себе и по свои(х) родителе(х) лета ЗРМГ го(ду) мая в 31 (д/е/нь)». Имя вкладчика также подтверждает новгородское происхождение нашего Евангелия. Фамилия новгородцев Лутохиных известна по архивным документам XVI—XVII вв.; это был разветвленный клан служилых новгородских дворян, «детей боярских», имеющих непосредственное отношение к Софийскому архиепископскому дому, к корпорации «софейских слуг», испомещаемых из вотчин Дома св. Софии²⁰.

Из исследований А.А. Селина известно, что Иван Захарьевич Лутохин — новгородский дворовладелец в 1580-х годах; в начале 1610-х годов митрополичий дворецкий Иван Захарьев сын Лутохин получил от новгородского митрополита грамоту на поместье Мотохов остров Обонежской пятины Городищского погоста, в 1619 г. — на пригородное у «Спаса в Пискупицах» село, принадлежавшее новгородскому владыке и составлявшее вотчину Дома св. Софии, где располагался большой загородный владычный двор и была древняя церковь Спаса Преображения, впервые упомянутая в писцовых книгах 1497—1498 гг. У потомков же Лутохиных земли были в погосте Пиркиничи на р. Свирь, ставшем вотчиной Александро-Свирского монастыря в первой четверти XVII в.²¹ Род Лутохиных мы находим во всех трех сохранившихся Синоди-

ках Александрo-Свирского монастыря XVII в. (ОР БРАН, собрание Александрo-Свирского монастыря, № 58, 59). Лутохины активно участвовали во всех перипетиях Смутного времени конца XVI в. — 1610-х годов. Одной из версий, возможно, непростой истории лицевого Евангелия апракос 1520-х — 1530-х годов, почти через сто лет после своего создания попавшего как вклад в Александрo-Свирский монастырь в 1635 г., могли быть именно события Смутного времени, повлекшие разорение множества храмов и монастырей Новгородской земли²².

- ¹ Сведения о жизни и церковном служении В.С. Лебедева см.: URL: http://www.vidania.ru/literatura/uspenskaya_cerkov_sela_gzel_19_vek_vtoraya_polovina.html; https://nikolanarogozhke.ru?page_iq=5872; <http://www.temple.ru/clerics.php?ClericID=2272>; (дата обращения 29.10.2021 г.).
- ² Собрание рукописей, книг старой печати, икон и крестов И.Л. Силина. Зала 4-я / Сост. В. Щепкин // Каталог выставки VIII Археологического съезда в Москве. М., 1890. С. 1—26.
- ³ Щепкин В.Н. Новгородская школа иконописи по данным миниатюры // Труды XI Археологического съезда в Киеве. 1899. М., 1902. Т. 2. С. 183—208.
- ⁴ Каталог рукописей Музейского собрания Отдела рукописей ГИМ // Труды ГИМ. М., 1993. Вып. 78. С. 123.
- ⁵ Серебрякова Е.И. Евангелие Свято-Троицкого Александрo-Свирского монастыря — памятник духовной культуры и искусства XVI века // Свято-Троицкий Александрo-Свирский монастырь. Художественное наследие и историческая летопись. СПб., 2008. С. 177—191.
- ⁶ В древнерусском искусстве, следуя византийской традиции, опирающейся на святоотеческие тексты, сосуществовали две нормы: лев — символ евангелиста Иоанна и орел — символ евангелиста Марка по древнейшему толкованию святого Ириния Лионского, но также лев — Марка, а орел — Иоанна, согласно блаженному Иерониму Стридонскому. После реформ патриарха Никона 1550-х годов именно последняя версия стала на Руси общепринятой.
- ⁷ Об иконографии фигуративных изображений в заставках см.: Морозова Е.И. Три лицевые рукописи из Иосифo-Волоколамского монастыря: к проблеме интерпретации «дионисиевского стиля» // Вестник ПСТГУ. Серия V. Вопросы истории и теории христианского искусства. 2016. Вып. 3 (23). С. 27—29; Соловьева И.Д. Цикл миниатюр с образами евангелистов — новый памятник новгородской миниатюры XV века // Славянская Библия в эпоху раннего книгопечатания. СПб., 2017. С. 235—241.
- ⁸ Зацепина Е.В. К вопросу о происхождении старопечатного орнамента // У истоков русского книгопечатания. М., 1959. С. 121.
- ⁹ Смирнова Э.С. Лицевые рукописи Великого Новгорода. XV век. М., 1994. С. 387—415.

- ¹⁰ Гладышева Е.Н., Саенкова Е.В. Служебник // ГТГ. Каталог собрания. Лицевые рукописи XI—XIX веков. Кн. первая: Лицевые рукописи XI—XVII веков. М., 2010. С. 92—109; Турилов А.А. Палеографическое заключение о рукописи «Служебник» первой четверти XVI в. Приложение // ГТГ. Каталог собрания. Лицевые рукописи XI—XIX веков. Кн. первая: Лицевые рукописи XI—XVII веков. М., 2010. С. 110.
- ¹¹ ГТГ. Каталог собрания..., 2010. Рис. на с. 95—99.
- ¹² Книжные центры Древней Руси. Иосифo-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л., 1991. С. 25, 46, 136, 137.
- ¹³ Серебрякова Е.И. Об особенностях неовизантийской орнаментики в рукописях конца XV — середины XVI в. из Иосифo-Волоколамского монастыря (по материалам Епархиального собрания ОР ГИМ) // Труды ГИМ. М., 2019. Вып. 213. С. 162—163. Рис. 3.
- ¹⁴ Смирнова Э.С. Лицевые рукописи Великого Новгорода. XV век. М., 1994. С. 118—121, 126—133, 136, 147—149, 162—165; Охотина-Линд Н.А. Рукописное наследие Валаамского монастыря XV — начала XVII вв. // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 49. С. 443—445, 464—468; Турилов А.А. Закхей // ПЭ. М., 2008. Т. 19. С. 576—578.
- ¹⁵ См.: Серебрякова Е.И. Евангелие Свято-Троицкого..., 2008. С. 178—180.
- ¹⁶ Briquet C.M. Les filigranes: Dictionnaire historique des marques du papier des leur apparition vers 1282 jusqu'en 1600. Geneve, 1907. Vol. 1—4. № 8112, 8113—1508 г.
- ¹⁷ Briquet C.M. Les filigranes..., 1907. № 6316, 6317—1520 г.; Piccard G. Wasserzeichen Blatt, Blume, Baum. Stuttgart, 1982. № 511, 512—1532—1533 г.
- ¹⁸ Серебрякова Е.И. О новонайденном мартовском томе Софийского комплекта Великих Миней Четых митрополита Макария (предварительные наблюдения) // Anzeiger fur Slavische Philologie. Graz / Austria, 1995. Bd. XXIII. S. 135—145; Дианова Т.В. Исследование бумаги и бумажных водяных знаков мартовского тома Софийского комплекта Великих Миней Четых митрополита Макария // Abhandlungen zu den Grossen Lesemeneaeen des Menropolitens Makarij. Freiburg i. Br. 2000. Bd. 1. S. 1—20.
- ¹⁹ Ляховицкий Е.А., Цыпкин Д.О., Шибяев М.А. О чем может рассказать бумажный лист (на материале Софийского комплекта Великих Миней Четых митрополита Макария) // Вестник славянских культур. 2017. Т. 46. С. 27—34.
- ²⁰ Греков Б.Д. Новгородский Дом Святой Софии (опыт изучения организации и внутренних отношений крупной церковной вотчины). СПб., 1914.
- ²¹ Селин А.А. К происхождению приказной бюрократии Великого Новгорода XVI—XVII вв. // Генеалогия на Русском Севере: история и современность. Архангельск, 2003. С. 99—114; Он же. Новгородские приказы в 1611—1617 годах // Отечественная история. 2008. № 6. С. 53—62.
- ²² Анкудинов И.Ю. Роспись новгородских церквей 1615 г. // Новгородский Исторический сборник. 2001. № 3. С. 367—382.

Е.К. Шадунц

Три сюжета из научной деятельности протоиерея Александра Ивановича Свирелина (1830—1906)

Член Императорского Московского археологического общества и Владимирской ученой архивной комиссии протоиерей Александр Иванович Свирелин известен как крупнейший историк переславской церковной старины и местный краевед¹ (рис. 1). А.И. Свирелин является автором публикаций по истории Троицкого Данилова монастыря², исторических описаний переславских монастырей — Никитского, Феодоровского и Горицкого³. Он составил и издал Житие преподобного Даниила Переславского⁴ и краткое житие переславских чудотворцев Никиты Столпника, благоверного князя Андрея и Корнилия Молчальника⁵. Александр Иванович посвятил особые статьи Переславскому озеру и Рыбной слободе, традициям крестных ходов в Переславле, истории переславских сел и деревень⁶. С момента создания Владимирской ученой архивной комиссии состоял действительным ее членом. Он вел активную научную полемику с историками и краеведами, высказывающими ошибочные суждения о переславских исторических древностях. Неопубликованные материалы из фондов ГАЯО и ЦГА г. Москвы позволяют осветить три сюжета из научной деятельности Свирелина: «обретение» Корсунского креста из Никольского монастыря, полемику с А.А. Титовым (Каово) о состоянии переславских древностей и графом С.Д. Шереметевым о переславских Борисоглебских монастырях.

В 1850 г. сын дьякона с. Афанасьевского Александр Иванович окончил курс четвертым по первому разряду⁷ во Владимирской духовной семинарии и в том же году поступил учителем в Муромское духовное училище. Через год перешел в Переславское училище, где и служил непрерывно с 1851 по 1866 г. учителем, а с 1866 г. до своей кончины — смотрителем⁸ (рис. 2).

Рис. 1. Александр Иванович Свирелин. Научный архив Переславского музея-заповедника

Круг интересов А.И. Свирелина включал богословие, историю церкви, археологию и краеведение. Начав собирать сведения о Переславле из общих трудов по истории России и Русской Церкви, Александр Иванович обратил внимание на архивы переславских монастырей. До 1881 г. Переславское духовное училище находилось в Троице-Даниловом монастыре, богатейший архив которого дал возможность исследовать не только историю обители, но и Переславской епархии (1744—1788)⁹.

В 1857 г. Александр Иванович женился на племяннице священника переславского Феодоровского девичьего монастыря М.С. Альбицкого и на следующий год был рукоположен и произведен во священника к переславской Смоленско-Корнильевой

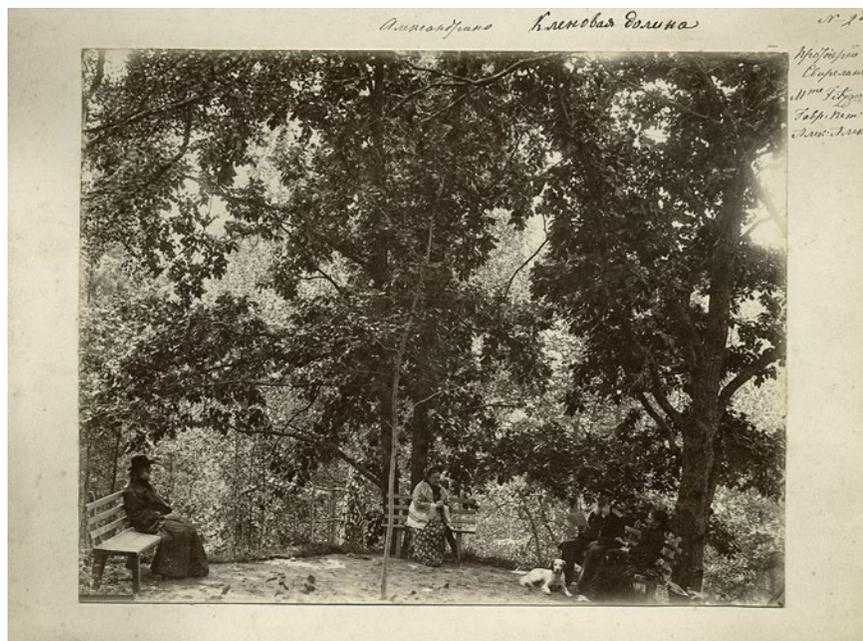

Рис. 2. Протоиерей А.И. Свирелин в гостях у Г.П. Самсонова в имении Александрино. Научный архив Переславского музея-заповедника

церкви. С этого же времени он начинает публиковать статьи и брошюры. В колокольне церкви, где он служил, хранился архив Переславской духовной консистории (1744—1788), для разбора дел которого в 1884 г. была создана специальная комиссия¹⁰. Вероятно, Александр Иванович имел возможность ознакомиться с материалами этого фонда значительно раньше, поскольку доклад о древней Переславской епархии был сделан им в 1878 г. на III Археологическом съезде.

В 1864 г. А.И. Свирелин по его прошению был переведен в Феодоровский женский монастырь, где с согласия М.С. Альбицкого занял место первого священника. Приобретя дом бывшего протопопа Преображенского собора в Подгорной слободе, Свирелин перестроил его по своему вкусу¹¹. В 1886—1894-е годы здесь останавливался академик В.В. Суслев во время своих поездок в Переславль-Залесский¹² (рис. 3).

Коллеги отмечали в нем желание заниматься интеллигентным трудом, который не просто приносил удовольствие, но слу-

Рис. 3. Дом протоиерея А.И. Свирелина на ул. Московской, 28

жил способом поправить свое материальное положение. Для этого у Александра Ивановича доставало и энергии, и таланта. В 1864 г. он сдает экзамен в Московской духовной академии, выдерживает его с успехом и, по утверждению митрополита Филарета, получает звание действительного студента. Проходит еще 16 лет; за это время Александр Иванович приобретает уже широкую известность своими разнообразными литературными трудами. По истечении 30 лет службы, в сане протоиерея в 1880 г. он снова сдает экзамен в академии, представляет свое сочинение и получает ученую степень кандидата богословия (не обучаясь в академии)¹³.

С 1865 г. А.И. Свирелин состоял членом Императорского Московского археологического общества (ИМАО) и членом-корреспондентом Археографической комиссии, по просьбе которой разобрал архив Феодоровского монастыря и передал в Комиссию наиболее интересные документы XVII в.¹⁴ Как член ИМАО, привлекался к экспертной оценке переславских памятников церковных древностей в случае необходимости обновления церковных

интерьеров. К середине 1880-х годов Александр Иванович опубликовал в периодических изданиях, специальных журналах и отдельных брошюрами около 20 историко-краеведческих работ. Другим, не менее важным направлением его литературной деятельности были публикации педагогического и богословского содержания, которых мы не будем касаться.

Насколько тщательно-критически относился Свирелин к анализу архивных монастырских документов, показывает его письмо в ИМАО Карлу Карловичу Герцу по поводу поисков княжеского дворца вблизи Спасо-Преображенского собора¹⁵. В 1853 г. экспедицией графа А.С. Уварова под руководством археолога П.С. Савельева были заложены пробные траншеи вокруг здания. Предполагалось, что к собору изначально примыкал княжеский дворец, а также переход от городских валов. Однако следов каких-либо фундаментов в ходе раскопок не обнаружили. А.И. Свирелин объяснил эту неудачу неправильным выбором места поисков, указав на обнаруженную им челобитную патриарху Никону 1652 г. из архива Феодоровского монастыря, где речь идет о «государевом старом дворе» у церкви Петра Митрополита.

Еще в 1879 г., при первом посещении Владимирским архипастырем Феогностом (Лебедевым) Переславля-Залесского, А.И. Свирелин постарался представить ему все значимые церковные памятники архитектуры¹⁶. Виды Переславля-Залесского для древлехранилища Владимирского Александро-Невского Братства были заказаны александровскому фотографу Ф.Д. Дубровскому.

Чувствуя себя вполне уверенным знатоком переславских церковных древностей, Александр Иванович болезненно относился к попыткам сторонних исследователей публиковать статьи и брошюры на переславские темы. Необходимо отметить, что его раздражение имело основания, поскольку было направлено на ошибочные выводы авторов этих публикаций, сделанные не менее эмоционально. Авторы, с которыми полемизировал Свирелин, были весьма известными историками и краеведами, поэтому их суждения принимались читателями без всякой критики.

Первым таким случаем была публикация брошюры «От Ростова Ярославского до Переяславля Залесского», выпущенной А.А. Титовым под псевдонимом Каово в 1884 г.¹⁷ Она написана в жанре, который сейчас принято называть травелогом. Отметим, что это не первый опыт такого рода путевых заметок о Переслав-

ле-Залесском¹⁸, однако впервые автор столь резко-публицистически высказался о недостатках, замеченных в городе.

Андрей Александрович Титов — известный ростовский краевед и собиратель рукописей — был также членом ИМАО. Посетив Переславль-Залесский проездом, он дал описание достопримечательностей и памятников архитектуры, сопроводив сведения о них собственными оценками текущего состояния памятников. Имея довольно приблизительное представление об архитектурной истории переславских обителей, Титов допустил много фактических ошибок, при этом очень хлестко отзываясь о производимых переделках зданий, вкусах настоятелей и благотворителей.

Немалая часть повествования была посвящена состоянию древнего Горицкого монастыря, который Титов застал в момент ремонта. В 1880-е годы земля на территории монастыря была передана соборным причтом в аренду переславскому окружному духовенству для приспособления и постройки мужского духовного училища. Указом Святейшего Синода от 28 апреля 1881 г. духовенству Переславского училищного округа было разрешено устроить училище с общежитием в зданиях упраздненного Горицкого монастыря, приняв эти здания от причта градского собора¹⁹.

Плачевное состояние бывших архиерейских покоев, недостроенного здания Гефсимании и Всехсвятской церкви запечатлено на открытках и фотографиях, сделанных на рубеже 1880-х годов (рис. 4). Для приспособления под училище передавались самые разрушенные здания бывшего монастыря, а Успенский собор, колокольня с Богоявленской церковью и надвратная Никольская церковь оставались в ведении причта городского собора. С разрешения ИМАО грозящие обрушением стены недостроенного здания Гефсимании (1754–1761) были разобраны²⁰. До этого в 1882 г. Владимирский губернский архитектор Н.А. Артлебен выполнил чертежи плана, фасада и разрезов трапезной с Всехсвятской церковью и примыкающей Гефсиманией²¹ (рис. 5).

Не зная подробностей происходящего, А.А. Титов обвинил распорядителей переделок в Горицком монастыре в уничтожении прекрасной древности и намеренном нежелании сохранить память о величественных памятниках прошлого. По мнению автора брошюры, большая часть переславских церковных зданий была безнадежно испорчена, и «...уже совсем не составляет предмета, заслуживающего археологического внимания»²².

Рис. 4. Ф.Д. Дубровский. Вид зданий бывшего Горлицкого монастыря. Около 1880 г. Научный архив Переславского музея-заповедника

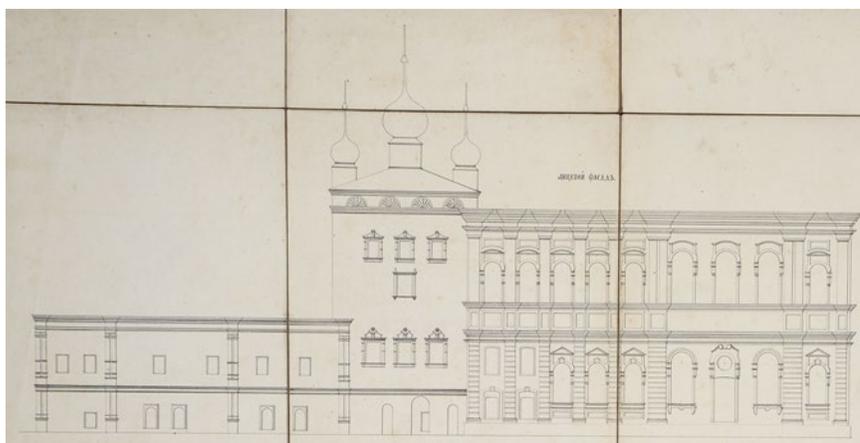

Рис. 5. Н.А. Артлебен. Чертеж трапезной с Всехсвятской церковью и примыкающей Гефсиманией в бывшем Горлицком монастыре. Фрагмент. Научный архив Переславского музея-заповедника

Александр Иванович Свирилин не замедлил ответить статьей с характерным названием: «Не призванные церковные археологи», направленной в виде письма в редакцию «Церковного вестника»²³. Особенно возмутило его в позиции автора брошюры стремление показать себя ревностным охранителем старины, которое на деле обернулось большими неприятностями для настоятелей местных монастырей. Кроме отдельного издания, брошюра была напечатана частями в газете «Афиши и объявления», вырезки из которой А.А. Титов послал Владимирскому Преосвященному. В фонде Феодоровского монастыря сохранился черновик объяснительной записки архиепископу, написанной игуменьей Евгенией по поводу обвинений в разборке паперти и утрате муравленых изразцов, чего на самом деле не происходило²⁴.

В своем ответе А.И. Свирилин подробно останавливается на допущенных А.А. Титовым ошибках в датировках церковной архитектуры и делает несколько общих замечаний по поводу того, какое направление должно получить стремление сохранить памятники церковной старины. Обозначенные Свирилиным проблемы публикаций такого типа остаются актуальными и сегодня: «К чему же, однако, приводят голословные, неверные заметки таких летучих археологов, как г. Каово? Они убивают добрую энергию настоятелей монастырей в устройении святых обителей, смущают доброхотных благотворителей и охлаждают их усердие к благотворениям, беспокоят напрасно епархиальные начальства расследованиями разной чепухи печатной. Настоят непременно обязанность археологических обществ и археологических съездов выработать строго определенную инструкцию, в которой ясно показать, какую древность церковную и как следует охранять, взяв во внимание и местные условия, чтобы оградить церкви от таких неосновательных крикунов, как г. Каово»²⁵.

Через два года он развил эти мысли, выступив со статьей в «Еженедельном обозрении»: «Настоят, таким образом, крайняя надобность, чтобы археологические общества и съезды выработали для руководства самих членов археологического общества (преимущественно провинциальных) строго определенную инструкцию, которая бы ясно определила, какой памятник считать древним, где предел этой древности, какую древность и как охранять, что и как в ней исправлять, если она приходит в ветхость, приняв во внимание и местные средства и местные условия»²⁶.

Заметим, что А.А. Титов был старостой кремлевских соборов г. Ростова и сам не раз сталкивался с проблемами принятия решений по реставрации и содержанию церковных памятников древности²⁷.

Другим, не менее знаменательным событием для краеведов и церковных историков была полемика по поводу брошюры «Два упраздненных монастыря над Переяславским озером». В 1901 г. граф Сергей Дмитриевич Шереметев опубликовал выписки из документов Московского архива Министерства юстиции (ММЮ), касающихся нескольких переславских монастырей. Книгу предваряло эмоционально написанное предисловие, в котором издатель выражал сожаление по поводу «безмолвных развалин» Горицкого монастыря: «Все брошено, все погибло, старина давно вывезена, стены валяются, а на церковных зданиях следы дикого и грубого разрушения!»²⁸. Вторым монастырем, стоявшим на Александровой горе у Плещеева озера, С.Д. Шереметев называет Борисоглебскую обитель, в которой принимал постриг Димитрий Прилуцкий.

Опубликованные в брошюре выписки озаглавлены «Документы, относящиеся к Горицкому и Борисоглебскому упраздненным монастырям». Издание сохраняет ценность и для нынешних исследователей, поскольку в нем указаны архивные номера подлинников из коллекции ММЮ, хранящейся в РГАДА. Текст выписок вполне иллюстрирует ошибку издателей, на которую не преминул обратить внимание А.И. Свирелин. В заметке, помещенной в журнале «Исторический вестник», он привел сведения о двух переславских монастырях с одинаковым посвящением — Борисоглебском на Песку и Борисоглебском на Горе, документы которых публикатор счел относящимися к одной обители²⁹.

На его критику отозвался сотрудник ММЮ Иван Степанович Беляев, подготовивший материалы для брошюры. Ссылаясь на материалы этого архива, где он ни разу не обнаружил одновременного упоминания двух Борисоглебских монастырей, Беляев настаивал на правоте С.Д. Шереметева³⁰. Он не учел существования монастырских архивов, в которых отложились указы, касающиеся дел всех монастырей патриаршей области (XVII в.) и Переславской епархии (XVIII в.), с которыми был хорошо знаком А.И. Свирелин. Борисоглебский на Горе монастырь (рис. 6) упоминается в Житии Никиты Столпника Переславского (XII в.)³¹, а Борисоглебский на Песку монастырь (рис. 7) был основан на месте битвы с Неврюевой ратью (1252 г.). Борисоглебский на Песку и Борисоглебский

Рис. 6. Ф.Д. Дубровский. Упраздненный мужской Борисоглебский монастырь на Горе. Около 1880 г. Научный архив Переславского музея-заповедника

Рис. 7. Ф.Д. Дубровский. Упраздненный мужской Борисоглебский монастырь на Песку. Около 1880 г. Научный архив Переславского музея-заповедника

на Горе (загородный архиерейский дом) монастыри, упраздненные в 1764 г., показаны на планах Переславля-Залесского XVIII в.³² Ни тот, ни другой не имели отношения к Александровой горе, название которой соименно монастырю, пришедшему в запустение после Смутного времени. Документы об Александровском монастыре сохранились в архиве Никитского монастыря, получившего земли упраздненной обители³³.

Замечательное открытие было сделано А.И. Свирелиным при осмотре иконостаса Никольского монастыря в 1896 г.³⁴ Приглашенный архимандритом Пименом для заключения о возможности замены старого иконостаса, Свирелин обратил внимание на старинный выносной крест. В описи церковного имущества 1894 г. при описании иконостаса сказано: «На завороте к левому клиросу находится Корсунский крест с мощами»³⁵. А.А. Титов также отметил сохранившийся в алтаре «...старинный крест с мощами, чрезвычайно характерный и достойный внимания археолога»³⁶. Этим археологом стал Александр Иванович Свирелин, который первым заинтересовался этим крестом, нашел его аналогии и попытался осмыслить исторический контекст. В 1900 г. он опубликовал статью с детальным описанием этой святыни в трудах Владимирской ученой архивной комиссии³⁷.

Один из самых больших в мире выносных запрестольных крестов, известный как Корсунский крест Никольского монастыря, ныне принадлежит коллекции Переславского музея-заповедника и экспонируется на своем историческом месте (рис. 8). Это деревянный четырехконечный крест размерами 234 × 135 × 3 см. Его нижняя ветвь переходит в ручку. Ветви креста расширяются к концам, которые завершаются кругами и «каплями». В теле креста с обеих сторон находятся ковчеги-мощевики крестообразной формы, заполненные воском с частицами мощей. Деревянная основа с мощами оправлена в оклад из позолоченной меди с серебряными накладками и украшениями из полудрагоценных камней и страз. Горизонтальная балка и верхняя часть вертикальной ветви креста имеют боковые петли-проушины. На концах и в центре креста с обеих сторон закреплены серебряные круглые дробницы с гравированными изображениями двенадцатых праздников в ажурных серебряных картушах. Крышки мощевиков серебряные, с гравированными изображениями святых и подписями. Нижний мощевик в лицевой части креста имеет крышку

Рис. 8. Корсунский крест в витрине-хранилище у солеи собора Никольского женского монастыря. Фото автора. 2019 г.

Рис. 9. Корсунский крест. 1897 г. Архив ГНИМА им. Щусева

крестообразной формы. Между мощевиками на лицевой части креста закреплены аспидные³⁸ кресты в серебряных оправках с розетками, а также стразы и камни в кастах. На оборотной стороне креста, кроме крышек мощевиков и дробниц с праздниками, находится один наперсный крест-корсунчик в серебряной позолоченной оправе с накладным Распятием. По лицевой стороне идет обнизь из жемчуга, изумрудов, кораллов и бисера.

Так как история бытования переславского Корсунского креста до 1900 г. почти неизвестна, особую ценность представляет

переписка А.И. Свирелина с руководством ИМАО в 1897—1898 гг.³⁹ Судя по тексту письма от 22 октября 1897 г., Александр Иванович привлек внимание архимандрита и попечителей Никольского монастыря к святыне, которая пребывала в небрежении. Следствием этого стало желание переславских граждан «...восстановить Крест в прежней Святой древности и дополнить в нем потерянное от времени и от ненадлежащего попечения о сохранении его»⁴⁰. 13 марта 1897 г. Свирелин послал светографический рисунок (рис. 9) и подробное описание найденного им креста «...в теперешнем виде и того, каков он был прежде во всей своей красоте». Для этого он использовал опись Никольского монастыря 1830 г. Заметим, что в самой ранней из сохранившихся описей имущества Никольского монастыря 1798 г. уже зафиксированы повреждения затвора нижнего мощевика, утрата украшений из камней, накладных каменных крестов и жемчуга из обнизи⁴¹.

Запрашивая разрешение ИМАО на реставрацию древней святыни, Свирелин сообщал, что он привлек благотворителей, поскольку надежды на монастырское начальство нет решительно никакой. К осени 1897 г. усердные граждане оплатили создание киота для Корсунского креста, который теперь был выставлен на видном месте. Текст письма не оставляет сомнений в личной заинтересованности о. Александра Свирелина в том, чтобы восстановить прежнюю красоту реликвии. В качестве наблюдателя за реставрацией от ИМАО он предлагает себя, как занимающегося реставрацией христианских древностей с 1865 г. и состоящего в Обществе 33 года.

В письме к графине П.С. Уваровой от 15 апреля 1898 г. А.И. Свирелин предлагает программу реставрации, включающую следующие действия:

«1. Весь крест очистить, начиная с медных листов, которыми он обложен.

2. На месте утраченных 2х круглых клейм с праздниками можно поставить по образцу Московского в Успенском соборе креста круглые клейма с изображениями Благовещения Б. Матери и Успения.

3. Ковчезцы с мощами святых нужно тоже очистить и исправить, и св. мощи, с разрешения Епархиального Архиерея, настоятелю Никольского монастыря вынуть и осторожно хранить, чтобы не перемешать их.

4. Разноцветные камни под крестиками очистить и восполнить недостающие по крайней мере до того числа, которое значилось в описи 1830 года, т. е. до 54х.

5. Необходимо также восполнить обсыпавшиеся жемчуга и камешки, коими крест был обложен с лицевой стороны.

Если бы Господь привел все это совершать надлежащим образом, тогда Крест и со стороны внешнего благолепия был бы красотою церкви. Если Археологическое общество разрешит реставрацию креста в указанном виде, я приму в нем самое живое участие и тщательное наблюдение»⁴².

В ответном письме Прасковья Сергеевна Уварова сообщала, что ИМАО не видит препятствий к реставрации переславского креста и просила уведомить, кому будет поручено исполнение. В том случае, если работа будет производиться в Москве, «...то нельзя ли до реставрации представить крест Обществу хотя бы и с вынутыми мощами. Кроме того, после реставрации, Общество просит снять с креста фотографию и представить ее ему для сличения с присланной теперь фотографией, которая оставляется в Обществе»⁴³.

В письме от 2 мая 1898 г. А.И. Свирелин сообщал, что исполнение реставрации креста предполагается отдать местным мастерам, например, Захряпину, имеющему в Москве богатый магазин металлических изделий и церковной утвари, и предлагал приехать в Переславль кому-либо из членов ИМАО для предварительного осмотра. «Везти же крест в Москву положительно невозможно: весь город возмутится, подвергнемся нежелательным пересудам»⁴⁴. В заключение он снова просил Общество поручить ему наблюдение за работами, чтобы он мог испросить разрешения епархиального начальства приступить к реставрации. На письме стоит виза: «5 мая. Разрешить приступить к реставрации под рук. автора письма».

1898-й год оказался последним годом существования Никольского мужского монастыря. В «Краткой исторической справке», составленной священником Ф. Делекторским (1904 г.), сообщалось: «...украшитель летнего Николаевского храма гражданин города Переславля А. Варенцов, как выразитель общественного мнения, подал мысль: для поддержания и благоустройства древней обители переименовать Николаевский мужской монастырь на женский»⁴⁵. В 1900 г. настоятельницей обители игуменьей Антонией «вся цер-

ковная утварь, как-то: богослужебные сосуды, Евангелия, напестольные кресты, дарохранительницы — были заново отремонтированы и вызолочены»⁴⁶.

26 мая 1900 г. А.И. Свирелин оповестил ИМАО, что попечением игуменьи под его руководством крест был приведен в прежний благолепный вид. Хороший снимок креста после реставрации сделать не удалось: «В Переславле был один фотограф, который мог это сделать, но он еще в прошлом году уехал жить в другой город»⁴⁷. В том же году Владимирская ученая архивная комиссия опубликовала ту самую справку о переславском Корсунском кресте, которую в 1897 г. Александр Иванович предложил вниманию ИМАО. Ему принадлежит не только описание всех дробниц и мощевиков (чего нет в монастырских описях), но и датировка дней памяти 17 святых. Обратим внимание на состав вложенных в Корсунский крест реликвий. Среди них присутствуют мощи ростовских и ярославских святых: святителей Игнатия и Исаии Ростовских, благоверных князей Василия Ярославского и Феодора Смоленского (Ярославского) с чадами Давидом и Константином. Кроме того, на мощевиках изображены Иоанн Предтеча, евангелист Иоанн, апостол Павел и святые мученики Василий Амасийский, Феодор Тирон, Виктор, Феодор Стратилат, Димитрий, Георгий, Василий Анкирский, Агафоник, Меркурий, Евстратий, Орест и Марина. По дням памяти, приведенным о. Свирелиным, можно видеть, что почти все мощи принадлежат святым первых веков христианства и происходят из области Галатия Восточной Римской империи.

Сохранившаяся переписка позволяет уточнить атрибуцию серебряных дробниц с изображениями Успения и Благовещения, стиль которых отличается от остальных. Они были выполнены в 1899—1900 гг. на переславской фабрике «Товарищества Андрея Захряпина сыновей» по указанию А.И. Свирелина. Уехавшим в другой город фотографом, возможно, был Игнатий Валентинович Войшицкий. Он родился недалеко от Житомира, в помещицкой семье; обучался в Московском университете, был сослан в Сибирь за причастность к Польскому восстанию. Там он прожил около 20 лет. Помилованный по манифесту, Войшицкий переехал на жительство в Переславль-Залесский, так как еще студентом был женат на крестьянке с. Спасского Переславского у. Открыв здесь фотографию, Войшицкий не ограничивался обычной съемкой по заказам, а произвел множество снимков с памятников ста-

рины и искусства как самого Переславля, так и его окрестностей. Его снимки прекрасной работы — ценный материал по истории Переславля-Залесского. По свидетельству М.И. Смирнова, Войшицкий умер в 1890-х годах и похоронен на Борисоглебском городском кладбище (бывший Борисоглебский на Горе монастырь)⁴⁸. Вероятно, И.В. Войшицкий сделал по заказу А.И. Свирелина фотографию Корсунского креста в том виде, в каком он был обнаружен.

Таким образом, труды Александра Ивановича Свирелина сделали известной эту святыню, которая до сих пор привлекает к себе внимание как ценителей русского искусства, так и паломников.

- ¹ *Добронравов В.Г.* Памяти протоиерея Александра Ивановича Свирелина, смотрителя Переславского духовного училища // Владимирские епархиальные ведомости (часть официальная). 1906. 30 сентября (№ 39). С. 561—570.
- ² Настольная книга Переславского Данилова монастыря // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. СПб., 1859. Т. 4. С. 35—42; О разорении Переславского Данилова монастыря и вотчин его поляками и литовцами // ЧОИДР. М., 1859. Кн. 2. С. 9—13; О содержании Данилова монастыря в Переславле-Залесском // Там же. С. 14—22; Семинария в Переславском Даниловом монастыре // Там же. С. 23—32; Древние акты архива Переславского Данилова монастыря // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. СПб., 1862. Т. 4. С. 21—37; О начале и устройении Переславского Данилова монастыря (при жизни Преподобного Даниила) / А.И. Свирелин. М., 1863; Подворье Переславского Данилова монастыря в Москве // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. СПб., 1863. Т. 5. С. 1—29.
- ³ Описание Переславского Никитского монастыря в прежнее и нынешнее время (с приложением календаря, составленного для г. Переславля). М., 1878; Переславский Горицкий, ныне упраздненный монастырь. Владимир, 1902; Переславский Федоровский женский монастырь. Владимир, 1903.
- ⁴ Житие преподобного отца нашего Даниила, переславского чудотворца. Переславль, 1894.
- ⁵ Жития святых Переславских чудотворцев: Никиты Столпника, Даниила игумена, благоверного князя Андрея и Корнилия Молчальника. Вязники, 1890.
- ⁶ Статьи и брошюры А.И. Свирелина в электронных публикациях см.: URL: <http://pki.botik.ru/search.php?text=%D1%E2%E8%F0%E5%EB%E8%ED+%C0.+%C8> (дата обращения 02.04.2022 г.).
- ⁷ Страницы истории России в летописи одного рода: Автобиографические записки четырех поколений русских священников. 1814—1937 / Сост., подгот., коммент. Л.П. Соколова-Ковальчук. М., 2004. С. 711.

- ⁸ *Добронравов В.Г.* Памяти протоиерея..., 1906.
- ⁹ *Свирелин А.И.* Древняя Переславская епархия // Труды III археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 г. К., 1878. Т. 2. С. 31—37.
- ¹⁰ ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 3344. Л. 4.
- ¹¹ Страницы истории России..., 2004. С. 83, 84.
- ¹² РО ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 68. Л. 8 об. 1889 г.
- ¹³ Некролог А.И. Свирелина // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Владимир, 1907. Кн. 9. С. 5.
- ¹⁴ Коллекция № 119 Научного архива СПБ ИИ РАН.
- ¹⁵ Московское Императорское Археологическое общество. Переписка 1867—1916 годов по реставрационным работам в Переславле-Залесском (ЦГА Москвы. Ф. 454. Оп. 3. Д. 26. Л. 3—4 об.).
- ¹⁶ Пребывание Преосвященнейшего Феоноста, Епископа Владимирского и Суздальского, в городе Переславле // Владимирские епархиальные ведомости (часть неофициальная). 1879. 15 октября (№ 20). С. 576—579.
- ¹⁷ От Ростова-Ярославского до Переяславля-Залесского / А. Каово [псевд.]. М., 1884.
- ¹⁸ *Шевырев С.П.* Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Вакационные дни профессора С. Шевырева в 1847 году. М., 1850. Ч. 1.
- ¹⁹ *Виноградов Н.С.* Историческая записка о Переславль-Залесском духовном училище. Владимир, 1888.
- ²⁰ ЦГА Москвы. Ф. 454. Оп. 3. Д. 26. Л. 49, 51, 51 об.
- ²¹ Чертеж плана и фасада здания старого Горицкого монастыря около Переславля-Залесского. 1882 г. Инв. № ПЗМ-3078.
- ²² От Ростова-Ярославского..., 1884. С. 89, 90.
- ²³ *Свирелин А.И.* Не призванные церковные археологи (письмо в редакцию из г. Переславля-Залесского — по поводу путешествия г. Каово от Ростова до Переславля) // Церковный вестник (часть неофициальная). 1884. № 43 (27 октября). С. 8—9; Там же. № 44 (3 ноября). С. 9—10.
- ²⁴ РсФ ГАЯО. Ф. 326. Оп. 1. Д. 188. Л. 258.
- ²⁵ Материалы о полемике между А.А. Титовым и переславскими краеведами А.И. Свирелиным и др. хранятся в РГБ: ОР РГБ. Собрание А.А. Титова. Ед. хр. 2502.
- ²⁶ *Свирелин А.И.* О сохранении памятников старины // Ежедневное обозрение. 1886. 2 февраля (№ 110). С. 132—135.
- ²⁷ История музея «Ростовский кремль» в документальных источниках (1882—1909 гг.). Рабочие материалы к сборнику документов. URL: <https://www.rostmuseum.ru/files/docs.pdf> (дата обращения 08.10.2021 г.).
- ²⁸ *Шереметев С.Д.* Два упраздненных монастыря над Переяславским озером. М., 1901. С. 5.
- ²⁹ *Свирелин А.И.* Борисоглебские монастыри // Исторический вестник. 1902. Июль. С. 342, 343.
- ³⁰ *Беляев И.С.* [Возражение Свирелину о Борисоглебском монастыре] // Исторический вестник. 1902. Август. С. 1046—1048.

- 31 Федотова М.А. Житие Никиты Столпника Переяславского (рукописная традиция Жития) // Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика. СПб., 2005. С. 309—331.
- 32 РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1 / 1. № 284; ГАВО. Ф. 445. Оп. 1. Д. 654.
- 33 Дело по указу конторы Святейшего Синода об отдаче Переяславскому Никитскому монастырю в вечное пользование церковной земли бывшего Переяславского Александрова монастыря. 1761—1762 гг. (ГАЯО. Ф. 1200. Оп. 2. Д. 371).
- 34 РсФ ГАЯО. Ф. 327. Оп. 1. Д. 518. Л. 17, 17 об.
- 35 Никольский монастырь. Опись церковного имущества 1 июня 1894 г. Л. 7 об. Инв. № ПЗМ-5387.
- 36 От Ростова-Ярославского..., 1884. С. 65.
- 37 Свирелин А.И., прот. Древний запрестольный крест в гор. Переславле-Залесском // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Владимир, 1900. Кн. 2. С. 1—20.
- 38 Здесь: изготовленный из сланца, пирофиллита.
- 39 ЦГА Москвы. Ф. 454. Оп. 3. Д. 26. Л. 105—116.
- 40 Там же. Л. 105.
- 41 РсФ ГАЯО. Ф. 327. Оп. 1. Д. 143. Л. 3.
- 42 ЦГА Москвы. Ф. 454. Оп. 3. Д. 26. Л. 114 об.
- 43 Там же. Л. 115.
- 44 Там же. Л. 117.
- 45 Николаевский женский монастырь в городе Переславле, Владимирской губернии / Сост. свящ. Ф. Делекторский. М., 1904.
- 46 Летопись о монастыре. 1903 г. (РсФ ГАЯО. Ф. 333. Оп. 1. Д. 15. Л. 8, 8 об.).
- 47 ЦГА Москвы. Ф. 454. Оп. 3. Д. 26. Л. 118, 118 об.
- 48 Смирнов М.И. Переславщина. Источники и материалы краеведения. Их систематизация и обзор. Без м. и. 1921.

З.В. Михайлова

Дар священника Иоанна Попова

В коллекции церковного искусства отдела дерева и мебели Государственного исторического музея хранится резная прямоугольная деревянная икона с изображением четырехконечного креста, в центре которого расположен Голгофский крест с орудиями страстей и обычными для иконографии криптограммами¹ (рис. 1). На полях иконы вырезаны тексты из литургических песнопений в праздник Воздвижения Животворящего Креста Господня: «Кресту Твоему поклоняемся Владыко и святое Воскресение Твое славимъ» и «Вознесите Гда Бога нашего и поклоняйтесь подножию ногу Его яко свято есть *ψλγ. [1733] году, августа 10, строен сей крест». На тыльной стороне предмета сохранилась этикетка с надписью: «Прислано 5-го Сентября 1891 г. Священникомъ Иоанномъ Поповымъ, Пустозерскаго прихода, Мезенскаго уезда Архангельской Епархии» (рис. 2). В ГИМ же этот памятник поступил в 1892 г. как дар Императорской археологической комиссии. Местом создания указана Россия.

Кресты, подобные изображенному, являлись традиционными для старообрядческого искусства и были широко распространены в русской деревянной пластике. Создавались они преимущественно в северных областях России. Их иконографическая программа строилась вокруг центрального Голгофского креста, где помещались различные криптограммы с зашифрованными первыми буквами каждого слова молитвы и названиями сакральных предметов. Отсутствие на крестах изображения Распятия позволяло использовать подобные иконы не только в часовнях, домах, молельнях, но и помещать их на стволах деревьев, столбах вдоль дорог, дверях изб, дворовых хозяйственных постройках, на воротах. Даже в настоящее время их можно увидеть в лесных

Рис. 1. Икона с изображением креста

охотничьих избушках. Как правило, они служили надгробными иконами, которые вставлялись в деревянные резные надгробия (голубцы, или голбцы), венчавшиеся двускатной крышей. Ранее исследователи отмечали: «Эта древняя форма надгробий сохранилась на выговских кладбищах, где голубцы устанавливались на высоких деревянных столбиках, а внутри, в киотцах, помещались деревянные или медные иконы, лампадки...»².

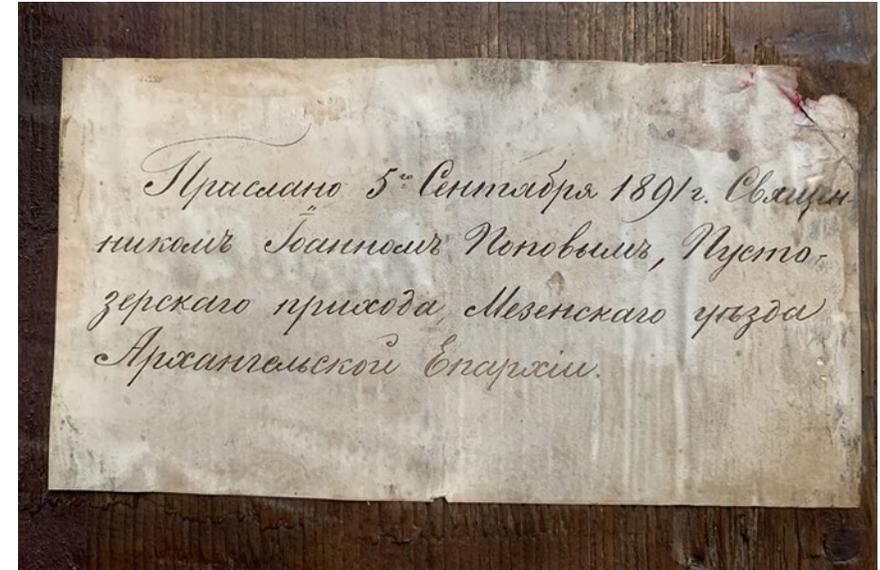

Рис. 2. Надпись на оборотной стороне иконы

В Каталоге собрания древностей Прасковья Сергеевна Уварова относил подобные кресты к разряду поклонных. По сути такое определение абсолютно верно: христиане неизменно поклоняются изображению креста как символу Спасителя. Другое название подобного креста — «Голгофский». Именно к такому типу относится крест из Исторического музея, центром композиции которого является крест, утвержденный на горе Голгофе. В его основании находится череп Адама, а вокруг — орудия страстей: копие и трость, сопровождающиеся соответствующими подписями. Основным лейтмотивом, который прослеживается через изображения — жертва Христа, несущая в себе идеи воскресения и искупления греха через крестные страдания. Голгофа — сакральное место захоронения Адама и распятия Христа.

Согласно христианскому учению, крест с телом Христа оказался прямо над прахом Адама. Кровь Сына Божьего стекала на останки праотца, окрестив его и искупив первородный грех. Объяснение этому можно найти в составе службы Великой Пятницы: «Глаголется убо Адамове главе тамо лежати, идеже и Христос глава всех распятся: Крестися убо Христовою кровию истекшею. Лобное же место глаголется, занеже в потоке востекшей вне

земли Адамове главе, кости точию носиме быти, яко некоему чуду зримому, юже соломон честию праотца, со всем своим воинством, камением множайшим покры. Темже и место то отголе лифостротон, сиесть каменопостланное именовася: Глаголют убо Святых изящнии, от предания имети, и самому Адаму тамо от Ангела погребену быти. Идеже убо труп, тамо и орел прииде Христос, вечный Царь, новый Адам, ветхаго и древом падшаго Адама древом исцеляяй»³.

Необходимо отметить, что произведения старообрядческой резной пластики всегда анонимны. Мастера стремились в своих работах к неукоснительному соблюдению иконографических программ, исключая вольные интерпретации, рассматривая себя только посредниками между миром незримым и миром чувственным. Лишь редкие предметы имеют резные надписи с указанием даты и/или места создания, либо чернильные владельческие надписи на оборотной стороне. Подобные экспонаты всегда чрезвычайно интересны для изучения и важны с точки зрения атрибуции целого ряда других, сходных с ними, безымянных памятников.

Именно таким произведением оказался крест из Исторического музея. Он имеет некоторые особенности, нехарактерные для общей массы старообрядческих поклонных крестов. Во-первых, крест вырезан из цельной доски высоким рельефом, что производит впечатление иконы. Во-вторых, он отличается достаточно большим размером (73 × 42 × 5 см), что позволяет сделать предположение о его использовании в качестве моленного образа, а не для расположения в надгробном памятнике.

Еще одна особенность — это указание времени создания по современному летоисчислению. Обычно на старообрядческих предметах дата приводится от «сотворения мира». И последнее — наличие на верхней перекладине Голгофского креста надписи ИИЦІ, что является достаточно большой редкостью. Например, в коллекции Голгофских старообрядческих крестов отдела дерева и мебели подобную надпись имеют только 16 из 160 экспонатов.

Известно, что среди церковных нововведений, появившихся в России во второй половине XVII в., особняком стоит так называемая пилатова титла, т. е. «Иисус Назорей Царь Иудейский». Такая аббревиатура, появившаяся на никонианских крестах и иконах, попала и в старообрядческую среду, вызвав горячие споры с самого начала раскола. Эта полемика началась в Соловецком мо-

настыре в начале 1660-х годов с выступления дьякона Игнатия. Он настаивал на единственно верной форме титулования Христа как «ИХЦС» (Исус Христос Царь Славы), а принимавших написание «ИИЦІ» («ИИЦІ») (Исус Назорей Царь Иудейский) называл слугами Антихриста и еретиками. По его мнению, «ИИЦІ» не прославляет Христа Сыном Божиим, а исповедует его простым человеком.

Среди защитников пилатовой титлы были федосеевцы, составившие ряд сочинений в защиту написания ИИЦІ. В частности, известны полемические сочинения известных деятелей этого согласия — Игнатия Трофимова и Алексея Самойлова. Именно поэтому логично предположить, что исследуемый крест мог резать один из представителей этого согласия. Также автором предмета мог быть мастер-резчик, пришедший в составе артели из других губерний в поисках заработка и создававший предметы с привычной для него иконографией.

Обратимся теперь к этикетке представленного креста. Он поступил в Исторический музей из Археологической комиссии, куда был прислан священником Иоанном Поповым. Отдавая дань уважения и почтения этому удивительному человеку, сохранившему и давшему нам возможность изучения столь любопытного памятника, мы попытались найти какую-либо информацию о его жизни. Как удалось установить по архивным материалам⁴, Иоанн Андреевич Попов родился в 1848 г. в с. Бестужево Вельского у. Вологодской губ. (ныне Устьянского р-на Архангельской обл.) в семье дьякона; закончил Вельское духовное училище, а затем — Вологодскую духовную семинарию. Он женился на дочери священника Явенгской Покровской церкви села Новое Вологодского уезда Текусе Ивановне. Имел пятерых детей: трех мальчиков — Николая, Феогноста, Палладия — и двух девочек — Александру и Клавдию. Интересно отметить, что старший из детей — Николай — закончил Архангельскую духовную семинарию, стал священником и активно помогал отцу в преподавательской, благотворительной и миссионерской деятельности.

Первым местом служения Иоанна Попова была Верюжская Введенская церковь, находившаяся на его родине в с. Бестужево, где он состоял штатным диаконом, а затем псаломщиком. Необходимо отметить, что в этом храме покоились нетленные мощи праведного Прокопия Устьянского⁵, широко почитаемого на Русском Севере. Вероятно, служение около значимой святыни наложило

отпечаток на жизнь самого отца Иоанна. Стоит упомянуть о дальнейшей судьбе мощей Прокопия Устьянского. Начиная с 1919 г., новая власть несколько раз пыталась уничтожить мощи святого, однако прихожане каждый раз давали мощный отпор, сохраняя свою древнюю святыню. В 1939 г. мощи все же были уничтожены, после чего Введенская церковь просуществовала недолго и была разобрана в послевоенные годы.

В 1885 г. священника Иоанна Андреевича Попова переводят в Архангельскую епархию и назначают настоятелем Куйской Георгиевской церкви. Здесь он активно ищет благодетелей и стараниями одного из них — купца-золотопромышленника Александра Михайловича Серебрякова — открывает церковноприходскую школу в специально построенном отдельном доме. В 1927 г. Георгиевская церковь была уничтожена советской властью.

Через четыре года, в 1889 г., отца Иоанна в очередной раз переводят на новое место — в Пустозерск, где он становится священником Преображенской церкви. В своей епархии Иоанн Андреевич налаживает миссионерскую деятельность, за что получает архипастырскую признательность за обращение язычников в православие. Здесь же, на берегах Пустозерского озера, он ведет активную собирательскую деятельность, отправляя найденные древности на различные выставки и в Императорскую археологическую комиссию. За свои труды И.А. Попов был удостоен Высочайшей благодарности Великого князя Сергея Александровича и искреннейшей благодарности от Комиссии.

В богоборческую эпоху храм, в котором служил Иоанн Попов, оставался последним из действующих в волости. Последняя служба прошла в 1931 г. В 1930-е годы колокольню Преображенской церкви разрушили, а с самого храма скинули все пять глав. Здание переоборудовали под начальную школу, затем — под доминтернат. В 1950-е годы остатки обезображенной Пустозерской Преображенской церкви перевезли в деревню Устье, где приспособили под колхозный склад, позднее — под конюшню.

Последнее известное место службы о. Иоанна — церковь во имя Троицы Живоначальной в Карьепольском приходе Пинежского уезда. До наших дней эта церковь также не сохранилась. К сожалению, этим исчерпывается выявленный нами материал о священнике Иоанне Андреевиче Попове. Но даже в этой краткой истории жизни отца Иоанна проявляется неординарная лич-

ность человека, отдававшего все свои силы служению Богу, людям, своей родине; не прозябающего на дальних северных приходах деревенского священнослужителя, формально исполняющего свои обязанности, а горящего идеями и щедро раздающего свои знания, веру и любовь настоящего пастыря, осененного благодатью праведного Прокопия Устьянского.

¹ ГИМ 25691 / ДУ-1051.

² Жижина С.Г., Попова З.П. Резьба и роспись по дереву // Неизвестная Россия. К 300-летию Выговской старообрядческой пустыни. М., 1994. С. 76.

³ Синаксарь во святую Великую Пятницу. Кондак, глас 8: «Утверждают, что череп Адамов лежал там, где и Христос, Глава всех, распят был, и потому окрещен он истекшею кровью Христовой. Лобным же место это зовется потому, что лобная кость главы Адамовой, освободившись от земли при потопе, одна только и кружилась на воде, словно видимый какой знак. Из почтения к праотцу Соломон руками всего войска своего покрыл то место множеством камней, почему и именовалось оно с тех пор Лифостротон, или Каменнопостланное. Некоторые же святые говорят, будто из предания известно, что сам Адам погребен там ангелом. Но где труп, там и орел явился (ср.: Мф. 24, 28) — Христос, вечный Царь, Новый Адам, Который Адама ветхого и при посредстве древа падшего древом исцеляет».

⁴ ГААО. Ф. 460. Оп. 1. Д. 13. Л. 82 об. — 84 об. Архивные сведения представлены Анной Мозголиной — праправнучкой священника Иоанна Андреевича Попова.

⁵ Праведный Прокопий Устьянский (XVII в.) — святой Русской православной церкви. Его нетленные мощи были обреты в XVII в. близ приходской Устьянской Введенской церкви Вологодской епархии и положены в храм, где находились в течение двухсот лет. О происхождении и житии этого святого сведений не сохранилось. Имя его известно, так как он открыл его в видении одному благочестивому местному жителю. После многих чудесных исцелений мощи Прокопия Устьянского освидетельствовали в 1695 и 1739 гг. Затем в честь праведника освятили придел в храме, где они находились. Также была написана его икона и совершались службы. В 1818 г. установлено празднование памяти святого — 8 (21) июля.

Р.С. Катаев

Работы В.П. Стасова и М. Месмахера в интерьере Смольного собора: исследование и реконструкция

Воскресенский Смольный собор — знаменитый памятник архитектуры России второй половины XVIII — начала XIX в. — сегодня находится в состоянии реконструкции утраченного в середине XX в. исторического интерьера¹. Сведения об утратах сохранили архивные документы. Они свидетельствуют о трудах талантливых архитекторов XIX в. в Смольном соборе — В.П. Стасова и М. Месмахера. Эти мастера создали иконостасы центрального алтаря и двух боковых приделов, большие запрестольные образа, хрустальную балюстраду, киоты с иконами, царское место, кафедру проповедника, мемориальные доски, а также мраморные, лепные и чугунные элементы декора². Наиболее значительными по своим размерам и художественной ценности были иконостасы собора. Их исследованию и результатам работы по реконструкции посвящено настоящее сообщение.

Работа над созданием иконостасов засвидетельствована документально. Строитель собора Ф.Б. Растрелли не успел реализовать свою задумку оформления интерьера, поэтому первый иконостас в нем был сделан мастером Петром Кретаном — вариант по рисунку В.П. Стасова. Работа над ним началась 1 января 1832 г., когда была создана комиссия «докончания» собора. Главным архитектором комиссии стал В.П. Стасов — автор нескольких проектов. Окончательный проект был утвержден императором Николаем I 20 мая 1832 г. и реализован в течение последующих трех лет. Иконостасы Воскресенского, Елизаветинского и Магдалининского алтарей были выполнены в едином классицистическом стиле и соответствовали внутренней архитектуре храма. Центральный по высоте достигал карниза собора, боковые, симметричные друг другу, были ниже³.

В иконостасах располагались в два яруса иконы. Первоначально курировавший строительство собора министр финансов Е.Ф. Канкрин обратился к президенту Императорской Академии художеств А.Н. Оленину с просьбой рассмотреть возможность написания икон для иконостасов и получил ответ: «Академия приложит все старания, дабы художественные работы для Смольного монастыря были достойным памятником нынешнего хорошего состояния художеств в России». Однако назначенная стоимость работ потребовала привлечения иных, частных художников, живущих в столице⁴. К работе присоединились академики: Петр Васильевич Басин, выполнивший композицию «Благовещение» для Царских врат центрального иконостаса; Пауль Эмиль Якобс, написавший для того же иконостаса «Тайную Вечерю»; Федор Павлович Брюллов, создавший, кроме прочих, иконы «Вход Господень в Иерусалим» и «Воскрешение Лазаря»; Алексей Гаврилович Венецианов, чей запрестольный образ южного придела стал единственной сохранившейся иконой собора⁵; Франц Николаевич Рисс, творивший для боковых иконостасов. Среди художников есть менее известные имена Александра Васильевича Нотбека, Николая Михайловича Алексева, Алексея Васильевича Тыранова, Никифора Степановича Крылова, Бориса Артемьевича Чорикова (автор копии «Преображения» Рафаэля), Ефима Тухаринова, Голике, Сысоева⁶.

Иконостасы были завершены к лету 1835 г.; 22 августа собор был освящен⁷. Но на этом работа над ними не прекратилась. В середине XIX в. было решено заменить иконостасы: причиной указывалась ветхость, но отмечается и иная причина, заключавшаяся в изменении стилистических предпочтений. В начале XIX в. барокко считалось «испорченным» стилем в противоположность «чистому» стилю классической архитектуры⁸. Архитекторы второй половины XIX в., наоборот, стали считать, что В.П. Стасов допустил ошибку, избежав подражания барокко в интерьере и создав диссонанс внешнего и внутреннего видов храма. Так, с критикой его творчества выступил осматривавший собор Константин Андреевич Тон⁹.

В результате было решено «...вернуть стиль графа Растрелли» в интерьер собора. Эта задача была поставлена перед Максимиллианом Месмахером, который успешно с ней справился¹⁰. При составлении рисунка учитывалась необходимость сохранить иконы, «...исполненные известными художниками»¹¹, правда, это удалось

сделать только для главного иконостаса. В боковых была исполнена новая живопись художником Фирсом Сергеевичем Журавлевым. Рисунок Месмахера был рассмотрен профессорами архитектуры, давшими ответ: «...при условиях, в которые он был поставлен, [его рисунок] есть произведение, полное художественных достоинств»¹². Главный иконостас был закончен в 1875 г., он был гораздо выше прежнего — 22 м. Оба боковых иконостаса завершили в 1883 г.; они составили единый ансамбль с главным¹⁵.

Предпринятое в настоящее время историческое исследование позволило выявить точные сведения, необходимые для реконструкции иконостасов. В частности, уточнен список икон, в чем помогли ранее неизученные материалы архива Государственного Эрмитажа, связанные с процессом изъятия церковного имущества в 1922 г.¹⁴ На основе привлечения широкого круга источников прослежена история изменений, происходивших в интерьере собора со времени его строительства, что способствовало принятию решения о реконструкции наиболее обеспеченных историческими свидетельствами иконостасов, созданных по проекту М. Месмахера. Проект выполнен ЗАО «СПб-Проект» (генеральный директор С.В. Самусенко).

¹ Катаев Р.С. Реконструкция исторического интерьера Воскресенского Смольного собора // Актуальные проблемы изучения и сохранения памятников архитектуры: Чтения памяти И.И. Кузнецова. Вып. 1. Материалы научной конференции. Москва, 12—13 ноября 2019 г. М., 2020. С. 256—259. URL: <https://disk.yandex.ru/i/NAeU9XR7uvdhiw> (дата обращения: 04.04.2022 г.).

² Хайретдинова М.Е. Интерьер Смольного собора: проектирование, создание, изменения // Кафедра: Мат. науч.-практ. конф. «Сей храм наименован собором всех учебных заведений». СПб., 2010. С. 303.

³ Об окончании собора Воскресения Христа Спасителя (РГИА. Ф. 1293. Оп. 167. Д. 376. Л. 6); О производстве торгов на устройство иконостасов (РГИА. Ф. 758. Оп. 14. Д. 3286. Л. 8, 39).

⁴ О написании картин и образов для иконостаса соборной церкви Христа Спасителя при Смольном монастыре (РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Д. 1579. Л. 1, 22—23 об.); О написании образов для собора (РГИА. Ф. 758. Оп. 14. Д. 271. Л. 17, 17об.).

⁵ Хранится в ГРМ.

⁶ О начале и окончании строительства собора всех учебных заведений при Смольном монастыре в Петербурге (РГИА. Ф. 560. Оп. 6. Д. 830. Л. 18—22).

⁷ Краткое сведение о начатии и докончании собора всех учебных заведений во имя Воскресения Христа Спасителя и о бывшем в оном торжестве. СПб., 1836.

⁸ Там же. С. 3, 4.

⁹ О возобновлении собора всех учебных заведений (РГИА. Ф. 758. Оп. 14. Д. 239. Л. 24—49).

¹⁰ По отношению управляющего собором всех учебных заведений о рассмотрении составленного академиком Месмахером рисунка иконостаса (РГИА. Ф. 789. Оп. 9. Д. 81).

¹¹ Там же. Л. 1.

¹² Там же. Л. 4.

¹³ Хайретдинова М.Е. Интерьер Смольного собора..., 2010. С. 303, 316.

¹⁴ Архив ГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1365.

С.Е. Шуньгина

Археологическое изучение Тихвинского Богородичного Успенского мужского монастыря: краткие итоги

История бытования Тихвинского Богородичного Успенского мужского монастыря насчитывает не одно столетие. До его основания в 1560 г. на этом месте находился Пречистенский погост с церковью Успения, которая была возведена в связи с явлением иконы Божией Матери, что нашло отражение в Сказании¹. Согласно летописным данным, это событие произошло в 1383 г. На сегодняшний день Тихвинский монастырь является одним из важнейших центров православия в России; его архитектурный ансамбль — объект культурного наследия федерального значения.

С середины XIX в. памятник стал предметом исследования специалистов разных направлений: историков, искусствоведов, архитекторов и лингвистов. Прежде всего, к ним относится Я.И. Бередников — один из выдающихся историков и археографов XIX в. Результаты изучения им архива монастыря легли в основу «Историко-статистического описания первоклассного Тихвинского Богородицкого Большого мужского монастыря»². Кроме того, многие архивные документы опубликованы исследователем в академических томах «Актов, собранных в библиотеках и архивах Российской империи»³. Его перу принадлежит публикация истории Введенского Тихвинского женского монастыря⁴, которую впоследствии неоднократно использовали для описания этого монастыря, состоящего в Новгородской губернии⁵.

Большое значение имеет научная деятельность И.П. Мордвинова⁶. Его исторические очерки «Старый Тихвин и Нагорное Обонежье» вышли в 1914 и 1925 гг.⁷ Эти небольшие работы содержат емкую информацию о Тихвинском крае в целом, о становлении монастыря, посада, нравах и обычаях тихвинцев. Им опубликованы наиболее важные с его точки зрения архивные документы⁸.

Кроме того, сохранились рукописи, посвященные истории тихвинских монастырей⁹.

В советский период настольной книгой по истории Тихвина и монастыря стала монография К.Н. Сербиной¹⁰. Труд подготовлен на основе архивных источников, которые позволили всесторонне представить Тихвинский посад с точки зрения экономического развития. В нем дана характеристика Тихвина от этапа его возникновения до преобразования в город. Важная часть исследования посвящена обороне Тихвина. Оно базируется на анализе сказания об осаде монастыря в 1613 г. Подробнейшим образом представлены все виды ремесленной деятельности, торговли, экономические и политические отношения монастыря и посада.

Целый ряд работ посвящен исследованию Тихвинской иконы Богоматери и письменных документов, связанных со святыней. И.А. Иванова представила в своих статьях результаты изучения Тихвинской иконы Богоматери с 24 клеймами чудес (1680 г.)¹¹. По поводу фактического появления иконы в Тихвине автор высказала предположение о связи летописного известия о паломничестве Дионисия Суздальского в Царьград к патриарху Нилу, заказе двух икон Одигитрии для Нижнего Новгорода и Суздаля, а также о его миссии в борьбе со стригольничеством в Новгороде и Пскове и приезде в Новгород в 1382 г.¹²

Монография В.М. Кириллина «Сказание о Тихвинской иконе Богоматери „Одигитрия“» включает в себя обстоятельное исследование всех восьми известных редакций «Сказания» и публикацию нескольких текстов. Кроме того, автор отдельно рассматривает хронологию событий в связи с имеющимися разночтениями в датах пожаров Успенской церкви по редакции А (конца XV в.) и Б (наиболее ранний список относится к 1536 г.). Он допускает склонность автора редакции Б к мистицизму и разбирает символику чисел и зависимую от этого последовательность дат. Важность такого анализа В.М. Кириллин видит в том, что подобные исследования «...возможно, откроют новые пути или подходы к проблеме специфики хронологического мышления человека древней Руси, его представлений о времени как рефлексе исторического движения и, в частности, к проблеме принципов изображения времени в древнерусском художественном произведении»¹³. Монография дополняет и расширяет объем знаний об этом памятнике русской письменности, ставшем предметом исследования И.А. Ива-

новой и А. Яскинен, изучавших литературную историю, а также К.Н. Сербиной, М.И. Мильчика и Г.В. Попова, которые рассматривали «Сказание» прежде всего как источник для изучения социально-экономической истории, вопросов искусствоведения и истории русской архитектуры.

Отдельная тема исследований — период русско-шведской войны и осадное сидение 1613 г. Одной из последних работ является монография Я.Н. Рабиновича¹⁴, подготовленная на основе кандидатской диссертации. В числе объектов исследования — Тихвин периода шведской оккупации. Оно дополняет вышедшие ранее монографии К.Н. Сербиной и О.А. Курбатова. Последний в книге «Тихвинское осадное сидение 1613 г.»¹⁵ восстановил последовательность событий, дал оценку противоборствующих сторон и еще раз обратил внимание на тот немаловажный факт, что именно после обороны Тихвина произошел перелом в войне, завершившейся Столбовским миром 1617 г.

Другое направление изучения Тихвина — исследование архитектурных памятников в связи с их реставрацией и сохранением — является самой разработанной темой среди вышеперечисленных. Особенно это касается ансамбля Большого Успенского монастыря, на территории которого, начиная с 1958 г., проводились реставрационные работы. Одной из важнейших частей проектной документации стали исторические справки по каждому из объектов и по монастырю в целом. Следует отметить работы искусствоведов Л.А. Секретарь, Л.В. Степановой, В.В. Фомина, М.И. Мильчика, архитектора Е.П. Варакина. На основе архивных материалов и иконографии они восстанавливали в подробностях строительную историю памятников и находили имена их создателей и строителей; для уточнения строительных приемов и традиций привлекали аналогичные материалы Северо-Запада. Эти исследования частично опубликованы в виде отдельных статей, реже — монографий.

Впоследствии Л.А. Секретарь систематизировала типы рубленых стен и ворот по материалам Русского Севера (в том числе Тихвина, по данным плана 1678 г., с учетом устойчивости строительных традиций)¹⁶. Статья важна для практического понимания устройства оборонительной линии, сопровождается прорисями миниатюр из житий святых, икон, планов, зарисовок и чертежей. Публикация дополняет статью К.К. Романова 1909 г.¹⁷, посвященную каменным конструкциям ограды и башен Большого Успен-

ского монастыря (большая часть стен и башен были деревянными). По сказаниям об осаде 1613 г., К.К. Романов представил конструктивные особенности укрепления монастыря, определил местоположение трех особо важных при осаде башен (Наугольной, Воротной и Мельницкой), проследил дальнейшую историю и ремонты в относительно мирное время, дал описание остатков стен того времени на начало XIX в.

Е.П. Варакин является одним из авторов проектов реставрации памятников Тихвина (Большого Успенского, Введенского женского, Антониево-Дымского монастырей и др.); им выполнен большой объем научных исследований тихвинских слобод для обоснования проекта зон охраны объектов культурного наследия Тихвина в рамках генерального планирования. Эти материалы частично опубликованы¹⁸.

На сегодняшний день обобщающей работой по итогам реставрации памятников Большого Успенского монастыря стала монография Е.П. Варакина и Т.Н. Пятницкой, посвященная тем, кто трудился на этом большом и сложном объекте¹⁹. Издание содержит историческую информацию о каждом строении, описание методических приемов, а также материалы натурных исследований, картограмм, фотофиксацию — все то, что необходимо для понимания памятника в дальнейшем. В качестве приложения опубликованы рукописные материалы коллег. Это статья Е.В. Кондратьевой, посвященная изразцовому делу по документам XVII в.²⁰, поводом для написания которой стали находки изразцов. Изразец рассматривается не только как артефакт; мы получаем представление об особенностях производства, путях поступления изразцов, в том числе из Иверского Валдайского и близкого к Тихвину Зеленецкого монастырей.

Статья А.А. Никоновой (часть сводного отчета)²¹ опирается на коллекцию кирпичей, собранных при реставрационных археологических работах. Автор обнаружила в архивных материалах информацию об артелях кирпичников, трудившихся по монастырским подрядам, проследила династии на протяжении XVII в., привела статистику кирпичного производства этого периода, классифицировала находки. Третьим приложением к изданию стала глава исторической справки по Святым воротам и церкви Вознесения, подготовленная В.В. Фоминым²². Автор представляет результат исследования традиций обустройства и типологии двухъярусного воротного комплекса, состоящего из ворот и надвратной церкви, известного на территории Руси со времени не позднее XI—XII вв.

Градостроительная история Тихвина, как предмет исследования, впервые представлена в книге М.И. Мильчика²³. Это результат многолетних трудов автора, включающий сведения о дорегулярной планировке посада во второй половине XIV — последней четверти XVIII в. и его изменениях в связи с генеральной перепланировкой после 1770 г. В качестве приложений опубликованы архивные документы, связанные с темой исследования. Среди них большой интерес представляет многолетнее тяжбное дело о землевладении между Большим Успенским и Введенским монастырями, где речь идет об окружающих деревнях. В монографии опубликованы расшифрованные планы Тихвина 1678, 1679 гг. и другие иконографические материалы.

Одним из последних изданий является публикация О.А. Абеленцевой царских указных и жалованных грамот, выписей из писцовых и дозорных книг и других документов, хранящихся в архиве СПбИИ РАН²⁴. Кроме того, ею подготовлен целый ряд статей, посвященных различным сторонам деятельности монастыря по данным письменных источников²⁵.

Таким образом, в научный оборот введен богатейший материал, позволяющий получить информацию о жизни монастыря, его развитии, о системе экономических отношений как в целом, так и в частности, например, о наемных работниках: стоимость выполнения работы, способ оплаты, имена глав артелей и отдельных мастеров. Представленные здесь, а также многие другие опубликованные исследования являются базовыми для понимания специфики археологического изучения Тихвина, в том числе с точки зрения возможности датирования культурных отложений, их взаимосвязей и интерпретации стратиграфических особенностей формирования и накопления культурного слоя²⁶. Несмотря на объем и тематическую многогранность вышеупомянутых публикаций, собственно археологическому изучению Тихвина посвящено лишь несколько статей; основная информация содержится в отчетной документации.

Следует отметить, что все археологические работы в монастыре проводились в связи с реставрацией или хозяйственной деятельностью на его территории, которая требовала вмешательства в культурный слой. Список археологов — исследователей монастыря — невелик. Впервые раскопки на основании открытого листа осуществлены Н.К. Стеценко в 1975—1978 гг. В 1981 г. работы

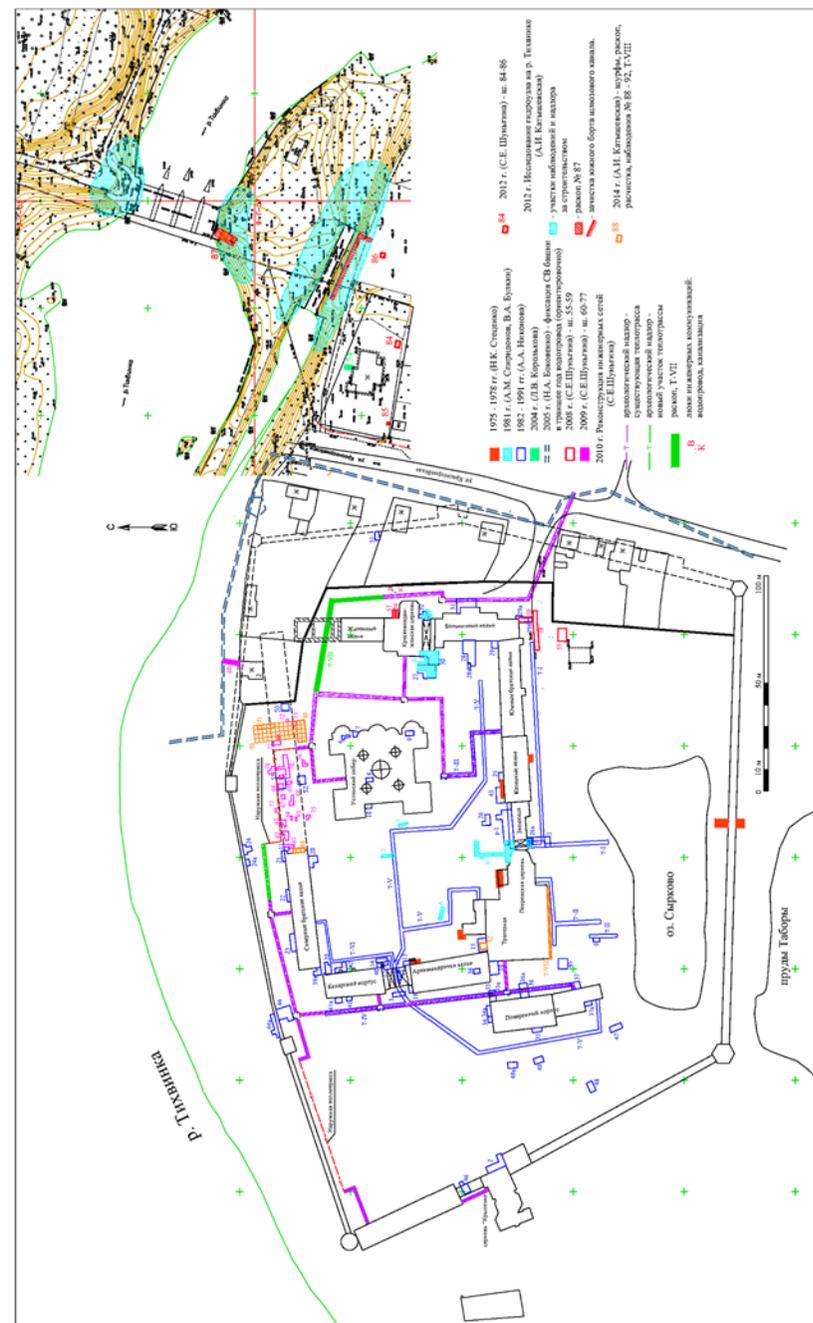

Рис. 1. Сводный план археологических исследований 1975—2014 гг. в границах Тихвинского Богородичного Успенского мужского монастыря и связанной с ним территории

Рис. 2. Расчистка с западной стороны воротного проема Крестовоздвиженской церкви. Вид с севера

продолжились под руководством А.М. Спиридонова и В.А. Булкина, затем, в 1982—1991 гг., — А.А. Никоновой. В 2000-х годах исследованиями руководили автор статьи, Ю.В. Катывский и А.И. Катывская. Небольшие изыскания выполнены Л.В. Корольковой (РЭМ), С.В. Александровым и Н.А. Боковенко (ИИМК РАН).

Территория монастыря и исторически связанная прилегающая к нему прибрежная часть составляет около 7,9 га. За все годы археологического исследования вскрыты напластования в шурфах, траншеях и раскопах общей площадью около 770 кв. м, т. е. около 10% (рис. 1). В результате раскопок собрана значительная коллекция материалов, переданных на постоянное хранение в Тихвинский музей (ТИМАХМ), получены важные сведения о бытовании монастыря и строительной деятельности на протяжении нескольких столетий.

Прежде всего в ходе полевых работ исследователи сталкиваются с отложениями конца XVIII — начала XIX в., которые характе-

Рис. 3. Бочка дренажной системы. Раскоп 55

ризуют жизнь монастыря в период одного из его наивысших подъемов. Результаты исследования напластований и сооружений этого времени вводятся в научный оборот впервые. На этом этапе в монастыре были проведены масштабные строительные работы: прясла стен полностью стали каменными; поновлению, ремонтам или перестройке подверглись практически все здания; были выполнены берегоукрепительные работы для борьбы с ежегодными паводками²⁷.

Тогда же была полностью обновлена дренажная система монастыря, выполнено булыжное мощение и благоустройство его территории, дорожки выложены лещадными плитами. Эти перемены фиксируются при археологических работах. Например, в ходе поверхностных расчисток и в процессе шурфовки фрагменты мощения выявлены у Покровской и Крестовоздвиженской церковью (рис. 2)²⁸, у Звонничных и Святых ворот, а также рядом с другими постройками²⁹.

Подземная дренажная система состояла из деревянных труб, накопительных колодцев, колодцев-отстойников, в том числе в виде бочек без дна (рис. 3)³⁰. Кроме того, на уровне мощения неоднократно фиксировались свободные от булыжника, округлые

в плане, места установки бочек для сбора дождевой воды. Дренажная система просуществовала почти сто лет. Она была нарушена и прекратила свое существование в результате пожара в 1930-е годы, после чего территория монастыря стала подвергаться ежегодным затоплениям и заболачиваться³¹. Ситуация улучшилась лишь в последние годы после воссоздания шлюза на р. Тихвинке, благодаря которому появилась возможность регулировать уровень воды в реке и предотвращать последствия мощных паводков.

Следы последних зафиксированы во время изучения фрагментов северного прясла монастырской стены и северо-восточной башни, сооруженных в конце XVIII в. Прослойки слоистого песка выделены в профилях небольшого раскопа и представляют собой намывы общей мощностью около 100—120 см (рис. 4)³². Этот горизонт примыкает и полностью перекрывает мощный гранитный цоколь и первые ряды кирпичной кладки стены и башни. Таким образом, наблюдается взаимосвязь конструктивных особенностей сооружений и использованных для их строительства материалов, которые способны противостоять водной стихии и надежно защитить территорию монастыря вместе с организованной дренажной системой³³.

К важнейшим итогам археологических исследований объектов, строительство которых относится к XIX в., необходимо отнести результаты изучения шлюза, проводившегося под руководством А.И. Катышевской в связи с его ремонтом и воссозданием³⁴. Шлюз был сооружен в 1810—1811 гг. на р. Тихвинке и входил в состав Тихвинской водной системы, функционировавшей в XIX — первой половине XX в. Ранее эта территория была тесно связана с монастырем: здесь находились его мельницы.

До строительства сооружений Тихвинской водной системы территория под ними являлась частью русла р. Тихвинки. В начале XIX в. на этом месте появился насыпной остров, служащий до настоящего времени водоразделом шлюзовой камеры и плотины. Остров был сформирован за счет насыпи из разнообразного по структуре и цвету грунта; слой представлен песчаными прослойками с включениями гальки, кирпичной крошки, угля, древесной щепы и шлака. Небольшая мощность прослоек свидетельствует о малых разовых объемах сброшенного грунта, для чего использовали носилки, небольшие телеги или тачки; пестроцветность прослоек, предположительно, свидетельствует о нескольких топографически удаленных источниках грунта для устройства насыпи.

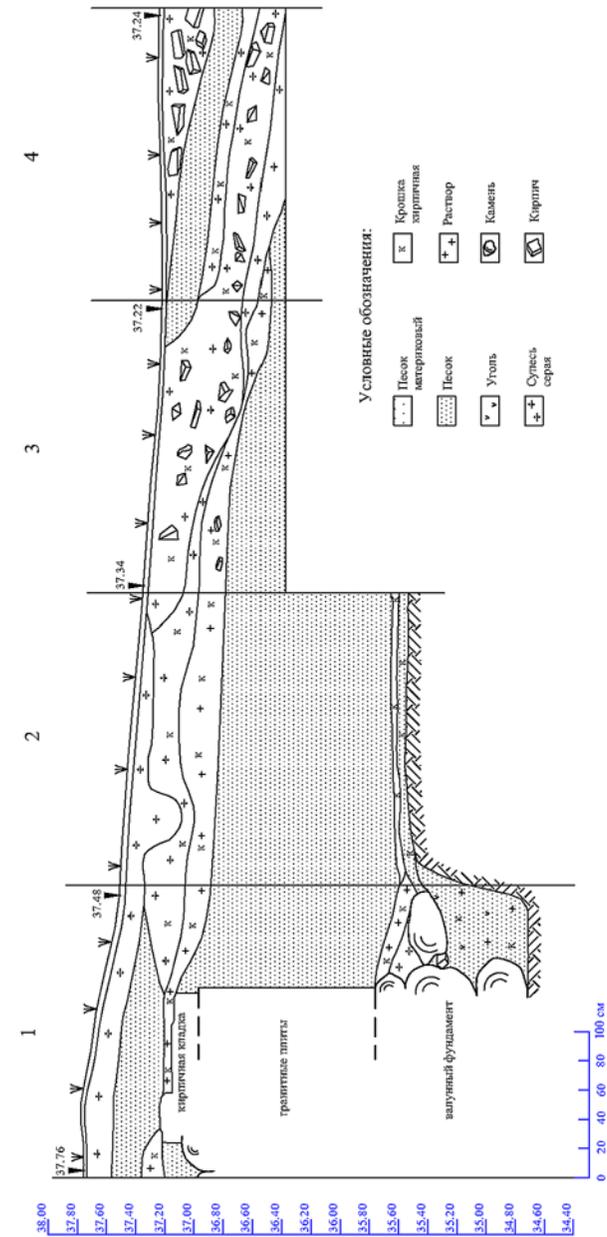

Рис. 4. Западный профиль. Раскоп 60

Рис. 5. Восточный фасад южной стены шлюзового канала. Вид с северо-востока

В ходе наблюдений зафиксированы пять секторов северной стенки на всю сохранившуюся высоту и восточной стенки крайней срубной камеры южного берега шлюзового канала. Они имеют внушительные объемы (рис. 5)³⁵. Деревянные ряжевые конструкции, рубленные «в обло» и «в лапу», заполнены внутри стерильным песком или супесью. Они зафиксированы на высоту 6,71 м протяженностью 10,5 м (пять ряжей). Размеры секций в плане варьируются от 1,90 до 2,16 м. Диаметр бревен составляет 0,18—0,25 м при среднем диаметре 0,20 м. Ряжи установлены на сваи, вбитые в песчаное дно реки, верх свай (он же — низ нижнего бревна ряжей) зафиксирован на отметке $-6,77$ м от репера³⁶, что составляет 32,20 м Балтийской системы высот (БС); при устойчивом в основной период года урезе воды в р. Тихвинке в верхнем бьефе³⁷ разрушен-

ного шлюза — 34,48 м БС. Сваи высотой до 1,5 м вколоты в дно реки «бабами», отметки верха всех обследованных свай, установленных под перекрытие ряж, имеют разницу лишь до 0,05 м. Ряжи рубили из бревен круглого сечения, обтесанных на один и на четыре канта. Короткие стороны ряжи собирались из цельных бревен, длинные стороны — из срошенных, при этом стыковочные швы между ними скрывались в замках секций. Венцы скрепляли между собой посредством вертикальных деревянных вставок; одна из них зафиксирована на первой секции ряжи. Она проходит на 10 венцов вниз от сохранившегося верха конструкции; через три венца после нее идет еще одна вставка.

Кроме наблюдений, был заложен раскоп 87 площадью 40 кв. м. Здесь обнаружены две разновременные ямы, представляющие собой остатки рабочих котлованов и опущенные в них деревянные конструкции: яма 1 рубежа XVIII—XIX вв. в центре раскопа и яма 2 второй половины XIX—XX в. в северной прибрежной его части. Яма 2 частично разрушила яму 1 с южной стороны. В яме 1 зафиксирован ряд параллельно лежащих на расстоянии около 1,75 м друг от друга бревен на подкладках. Они ориентированы по оси СЗ—ЮВ. В яме 2 зафиксированы три секции ряжей, частично находившихся в воде, имеющих аналогичную ориентацию (рис. 6, 7)³⁸, но располагающихся в шахматном порядке. Сооружение имеет значительные повреждения: в частности, верхняя часть сдвинута к западу относительно ряж, зафиксированных на горизонте $-4,85$ м (34,12 м БС), что является результатом половодья 2005 г.

Кроме фрагментов керамики, позволившей датировать открытые конструкции, в культурном слое обнаружено несколько находок, непосредственно связанных по своему назначению с устройством гидротехнического сооружения. К ним относятся два свайных башмака (трехлапые железные наконечники для защиты от расщепления при забивке в плотные грунты с примесью камней, прослойка гравия и других препятствий), которые верхней частью — лапами — крепили к свае — заостренному бревну — гвоздями; два бугеля — железные кольца, надеваемые на верхний конец деревянной сваи для предохранения ее от разрушения молотом («бабой») при забивке; полый кованый четырехгранный наконечник с круглым отверстием для крепления, который, скорее всего, использовали для сбивания наледи; кованая железная четырехгранная связка для соединения деревянных конструкций (рис. 8)³⁹.

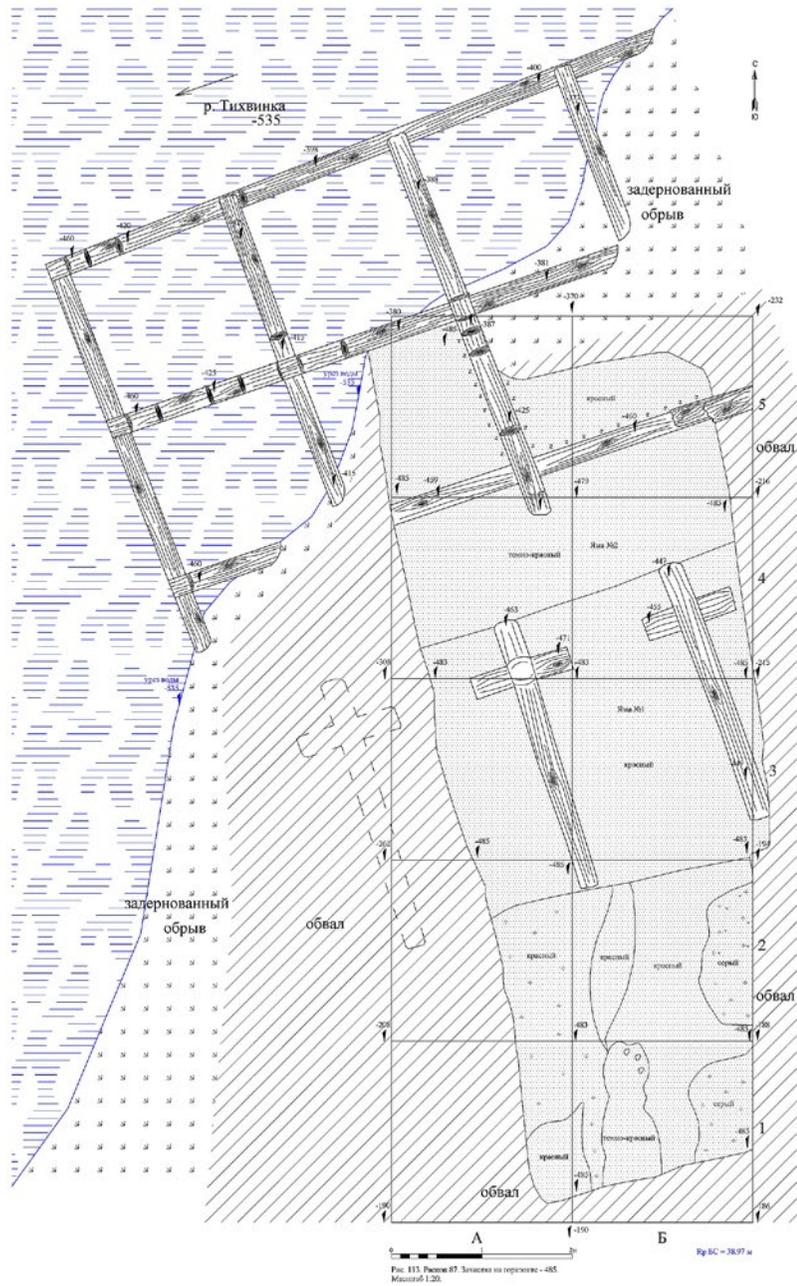

Рис. 6. Тихвинский шлюз: план. Раскоп 87

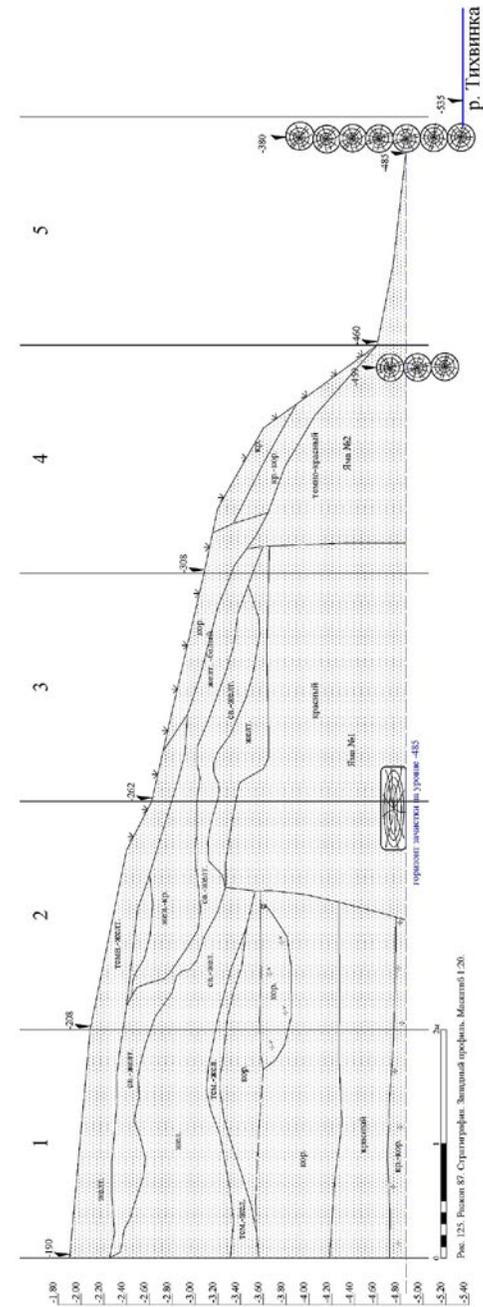

Рис. 7. Тихвинский шлюз: западный профиль. Раскоп 87

Рис. 8. Находки

1, 2 – башмаки свайные; 3, 4 – бугели свайные; 5 – крючок кованый с петлей;
6 – связь четырехгранная; 7, 8 – наконечники
1–8 – железо

Таким образом, были зафиксированы участки конструкций шлюза, выделены этапы их сооружения, собраны находки, переданные на постоянное хранение в ТИМАХМ. Эти работы уникальны в своем роде, поскольку сейчас после воссоздания Тихвинского шлюза конструкции стали недоступны, а часть из них разобрана за ветхостью. Полученный материал является важным источником для исследования подобных сооружений.

К концу XVIII–XIX в. относится бытование кладбища на территории монастыря, часть которого была изучена в ходе полевых работ в 2010 г. в западной части траншеи VII, вырытой для прокладки теплотрассы⁴⁰, и в 2014 г. в раскопе 89, заложенном в связи с воссозданием линии Северных братских келий⁴¹. За два сезона раскрыто и обследовано 93 захоронения. Разрозненные человеческие кости, отнесенные к погребениям раннего периода истории монастыря внутри и рядом с Успенским собором, были обнаружены во время исследований 1980-х годов. Здесь же изучен этап бытования монастырского кладбища, начавшийся с 1778 г., когда по просьбе архимандрита Евфимия Святейшим Синодом было разрешено совершать погребения городских жителей⁴². Как и прежде, это не зависело от социального статуса покойного.

В раскопах прослежено три яруса захоронений в деревянных гробах, в кирпичных склепах и гробах, в могильных ямах. Нижние находятся на глубине около 2,5 м от уровня современной дневной поверхности. Все они располагаются головой на запад,

запад–юго-запад. Выявлены как взрослые, так и детские погребения, два из них атрибутированы как женские с младенцами. Обращает на себя внимание наличие в каждом из раскопов по одной пустой могильной яме. Сохранность погребений различная: раскрыты полные непо потревоженные костяки и сохранившиеся фрагментарно. Лишь в единичных погребениях обнаружены предметы культа (кресты-тельники, образки — четыре находки), флаконы и кружки. Последние зафиксированы в 13 погребениях (шесть — в головах над плечом, семь — в ногах).

По поводу присутствия различного рода сосудов Т.Д. Панова ссылается на сведения, сохранившиеся в ответах митрополита Киприана игумену Афанасию (в списках XVI в.) по вопросам о правилах погребения священнослужителей: «Тело после отпевания крестообразно поливали (или обрызгивали) елеем, а остатки жидкости помещали в гроб в небольшом сосуде. Причем рекомендовалось помещать сосуд в ножной части гроба»⁴³. Автор отмечает, что, судя по наличию сосудов во многих светских погребениях, эта деталь ритуала была обязательной для всех погребаемых, кроме детей. Иногда сосуды помещали не в погребальное сооружение, а в заполнение могильной ямы, на крышке гроба или чуть выше его, под надмогильными плитами. В гробу ритуальные сосуды помещали в головной части, возле плеч, у пояса, у колен и в ногах погребаемых⁴⁴, что мы и наблюдаем в нашем случае.

Среди находок выделяется кипарисовый образок Успения Божией Матери диаметром 4 см. Внизу на нижнем слое лежит фольга под слюдой, образуя фон, верхний слой резной, с изображением Успения. По верхнему контуру вырезана надпись «Успение». Качество резьбы поражает тонкостью и тщательностью исполнения. Сверху образок был накрыт стеклом такого же размера толщиной 1,5 мм с ретушированным краем. Следов крепления или шнурка, связывающего образок и стекло, не обнаружено. Находка датируется XIX в. (рис. 9)⁴⁵.

Изученные захоронения представляют собой пример традиционного христианского кладбища этого периода и соотносятся по обряду, устройству (ярусности) и единичным находкам с подобными объектами Нового времени⁴⁶.

Поскольку исследования на территории монастыря были связаны с реставрацией зданий, большая часть археологических изысканий велась с целью изучения строительных перио-

Рис. 9. Образок Успения Божией Матери
1 – образок и стекло до реставрации;

2, 3 – лицевая и обратная сторона образка после реставрации

дов, конструктивных особенностей построек и поиска следов их перестроек. А.А. Никонова выделила в результате изучения четыре типа фундаментов зданий (рис. 10)⁴⁷. К первому отнесено устройство фундамента Успенского собора (1507–1515), который коренным образом отличается от других более поздних каменных строений. Основание собора покоится на слое серой супеси; по письменным данным, в грунт забивались деревянные сваи. При этом мощность фундамента, сложенного из четырех–пяти рядов валунов, невелика и составляет около 1,5 м; по верху камни пролиты выравнивающим слоем известково-песчаного раствора. Расширение фундамента относительно вертикальной оси стены составляет около 40 см. Неглубокое заложение основания, приме-

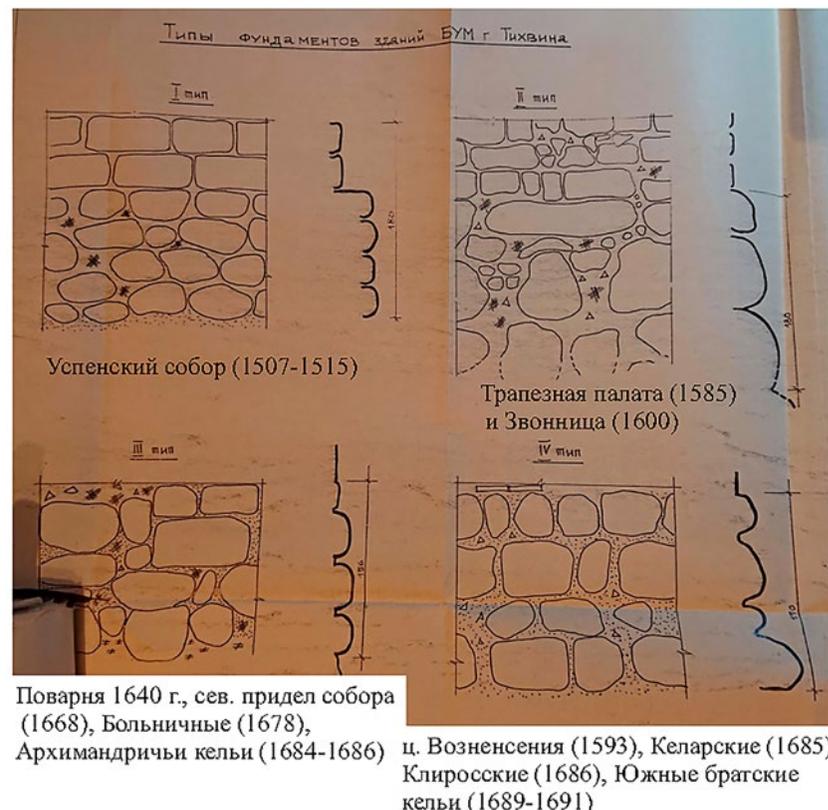

Рис. 10. Типы фундаментов (по А.А. Никоновой)

ненное приглашенным мастером Фрязиным, по мнению исследовательницы, оказалось причиной трещин в стенах собора, появившихся в XVIII в. Фундаменты других зданий, возведенных в конце XVI–XVII в. опущены до уровня материка, либо заглублены в него.

Ко второму типу отнесены фундаменты Трапезной палаты с церковью Покрова (1585) и звонницы (1600), которые имеют идентичные основания глубиной более 2 м, сложенные из крупных валунов (подошва не достигнута в связи с выходом активных грунтовых вод). Свободные пространства между большими камнями заполнены более мелкими, по верху пролит известково-песчаный раствор. Такая мощность фундамента объясняется тем, что в южной части монастыря наблюдалось общее понижение дневной

поверхности и материковых отложений. С внешней стороны фундамент имеет постепенное сужение от основания до уровня его перехода к кладке стен. В слое зафиксирована прослойка глины, выполнявшей функции гидроизоляции, как и при общем исследовании линии построек южной линии монастырского каре.

К третьему типу отнесены фундаменты поварни (1640), северного придела собора (1668), Больничных (1678) и Архимандричьих келий (1684—1686). К нему же относится фундамент Житенных келий (1697—1699). Это кладка высотой до 1,2—1,7 м, состоящая из четырех рядов валунов с глиняной промазкой в нижней части, ровная в разрезе, с выносом относительно плоскости стен на 30 см, заглубленная в материк на 40—50 см. Ширина фундамента в плане составляет около 2,5 м. В заполнении между камнями зафиксирован известковый раствор с кирпичной крошкой и супесью. По верхнему ряду пролит выравнивающий известково-песчаный раствор для дальнейшей кладки стен.

Аналогично устройство фундаментов четвертого типа, отличающееся от предыдущего бóльшим расширением нижнего ряда камней,

Рис. 11. Траншея VII. Фрагмент фасада фундамента западной стены Житенных келий; вид с запада

выступающим на 25—40 см относительно верхних, и заполнением между камнями, которое включает в себя супесь, перемешанную с глиной и кирпичной крошкой⁴⁸. Упомянутые ранее сваи, которые устраивали в основании фундаментов, зафиксированы в траншее VII при изучении восточной траншеи под фундамент разобранной стены Житенных келий после выборки ее заполнения. В ее границах открыто пять рядов деревянных свай диаметром не более 8 см, заглубленных в материк на 8—12 см; какого-либо четкого шага в их размещении не наблюдалось — от 31 до 54 см (рис. 11, 12)⁴⁹.

К более раннему периоду относятся фрагменты предшествующей деревянной застройки, открытые в раскопе 55 в юго-западной части монастыря, где на уровне материка были выделены две ямы 13 и 5, позволяющие предварительно говорить о следах некоего заглубленного в материк сооружения и находившегося рядом плетня (рис. 13)⁵⁰. Кроме стратиграфического положения и собранного сопутствующего керамического материала, особенностью этих сооружений является то, что они, возможно, составляли единый комплекс и были ориентированы по оси ЗСЗ–ВЮВ, отличной от существующего меридионального расположения зданий. Открытые конструкции отнесены к домонастырскому этапу конца XV — первой половины XVI в. — завершающему периоду существования на этом месте Пречистенского погоста⁵¹.

Более ранние материалы, датированные по керамике XII и XIV вв., получены в восточной части монастыря в траншее VII. Здесь зафиксирована часть ямы 32 шириной около 3,34—4,28 м, глубиной около 0,60 м, с отвесными стенками и плоским дном, выкопанная с уровня предматерикового гумусированного песка,

Рис. 12. Траншея VII. Дно траншеи, вырытой под фундамент восточной стены Житенных келий, после выборки забутовки; вид с юго-запада

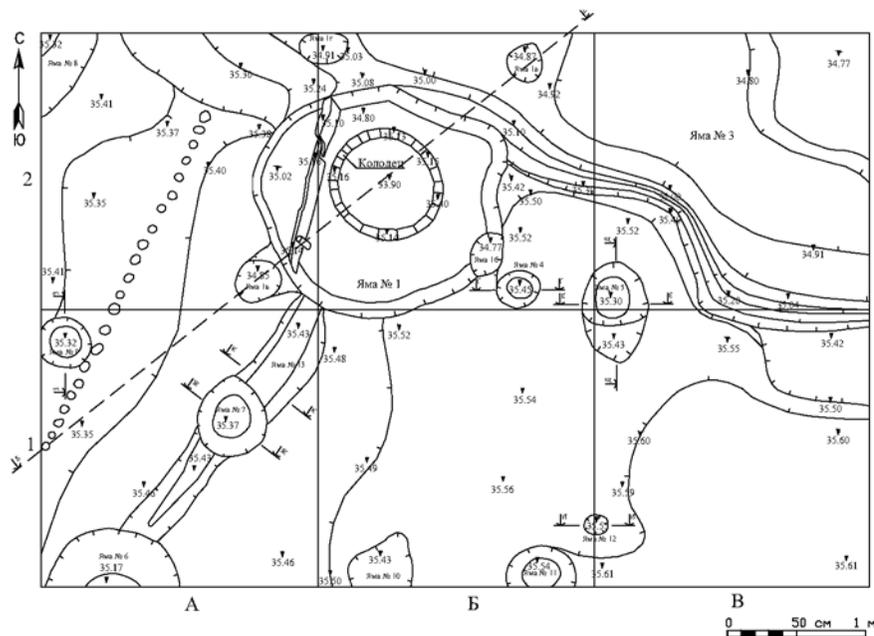

Рис. 13. Раскоп 55. Материк и ямы

находящегося выше материковых отложений примерно на 0,3 м. Общие габариты ее определить не удалось. Возможно, яма являлась частью небольшой заглубленной жилой постройки. Об этом также свидетельствует еще одна раскрытая столбовая яма, которая может быть связана с конструкцией постройки.

В заполнении нижнего горизонта обнаружены фрагменты керамики с верхней датой бытования — конец XII в. В верхней части яма была засыпана темно-коричневым слоем, содержащим керамику XV—XVII вв. К этому периоду относится расположенная рядом яма 34 шириной около 3,90 м, ориентированная аналогично. В ее заполнении собраны кости животных, 14 кованых гвоздей, 4 фрагмента тонкого оконного стекла, 6 фрагментов слюды. Слой насыщен фрагментами сероглиняных керамических сосудов середины XVI — первой половины XVII в. Также найдены два фрагмента белоглиняных толстостенных кувшинов со сливом (вероятно, московского происхождения) того же времени. Помимо массового материала, этот участок богат на индивидуальные находки — кованые железные изделия (рис. 14)⁵²: треугольный навесной замок, личина

Рис. 14. Траншея VII. Находки из ямы 34

1–3 – фрагменты сосудов; 4 – кирпич; 5 – замок навесной; 6 – предмет втульчатый; 7 – предмет цилиндрический, запаянный с одной стороны; 8 – подкова обувная; 9 – кольцо; 10 – нож; 11 – кость; 12 – фрагмент стремени; 13 – личина замка
1–3 – глина; 4–13 – железо

замка, фрагмент стремени, костью, втульчатые предметы, обувная подкова, кольца, одно из которых было изготовлено из гвоздя⁵³.

В целом ямы 32 и 34 имеют некоторые общие черты: примерно одинаковая ширина, дно находится на одном уровне, впущены с одного и того же горизонта. Все это с некоторой степенью вероятности может свидетельствовать об их единовременном сооружении.

Рис. 15. Шурф 2 напротив западного фасада Успенского собора. Восточный профиль; вид с запада

В центральной части монастыря в шурфе 2, заложенном в 1981 г. напротив Успенского собора, в одной из двух западин, заглубленных в материк, заполненной мелкими камнями (рис. 15)⁵⁴, также были обнаружены фрагменты керамики с линейным орнаментом, относящейся к XI–XIII вв.⁵⁵ По мнению исследователей шурфов А.М. Спиридонова и В.А. Булкина, ими был выявлен фрагмент древней дороги, на месте которой сейчас находится главная аллея к собору. Небольшая площадь шурфа не позволяет сделать окончательный вывод, но дает основание говорить о том, что место до строительства Успенской церкви в конце XIV в. не пустовало.

К раннему этапу заселения территории относится находка в юго-восточной части монастыря (в раскопе 55 в предматериковом непо потревоженном слое) фрагментов лепного горшка (рис. 16)⁵⁶. Подобные сосуды датируются довольно широко: последней четвертью I тысячелетия — XII в.⁵⁷

Таким образом, результаты археологических исследований на территории монастыря позволяют сделать следующие выводы. Мощность культурного слоя составляет от 0,6 до 2,7 м. Материк в северной части представляет собой супесные отложения, в юж-

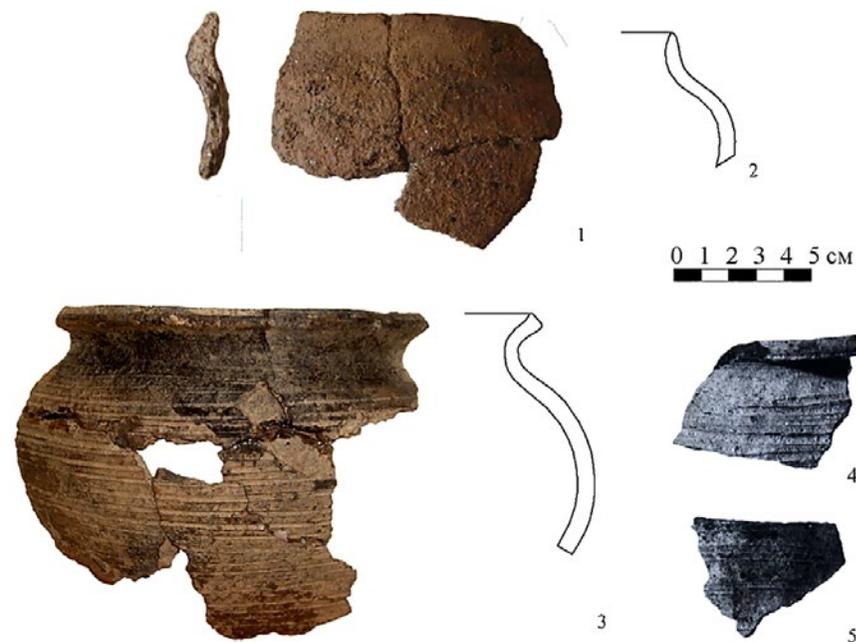

Рис. 16. Фрагменты керамических сосудов, обнаруженные на территории монастыря
1 — фрагмент верхней части лепного горшка из предматерикового слоя, 2008 г., раскоп 55;
2 — профиль венчика лепного горшка из заполнения материковой ямы, 2010 г., траншея VII;
3 — фрагмент верхней части кругового горшка конца XII в. из заполнения материковой ямы,
2010 г., траншея VII; 4, 5 — фрагменты круговых сосудов XI–XIII вв., 1981 г., шурф 2

ной части сменяется на суглинистые, где присутствуют грунтовые воды (верховодка), не способные проникать в толщу материка (поэтому зачастую в этой части не все шурфы были изучены до геологических напластований). Культурный слой содержит в себе прослойки, сформировавшиеся до появления Пречистенского погоста в конце XIV в. и далее вверх до современных.

Ранние слои с находками зафиксированы пока только локально в центральной части внутреннего монастырского каре к западу от Успенского собора, а также за его пределами — южнее Больничных келий и восточнее Житенных келий. Материалы XIV–XV вв. зафиксированы в северной части монастыря на месте восточного крыла Северных братских келий, а находки керамических сосудов этого времени обнаружены практически повсеместно.

Наиболее ярко и четко представлены слои XVI–XVII вв., которые часто нарушали подстилающие отложения в результате ак-

тивизации хозяйственной деятельности, связанной с учреждением монастыря и началом его строительства. К этому времени относятся сохранившиеся следы пожаров, о которых известно по письменным источникам (пожаров было несколько, и работа по датировке этих прослоек еще не проведена), многочисленные индивидуальные находки, фрагменты керамических сосудов. Следует отметить, что на периферии монастыря колонка культурного слоя чаще представлена непотревоженными напластованиями, в то время как на участках, примыкающих к зданиям, зафиксированы различные нарушения, связанные с их ремонтами и реставрацией при усилении фундаментов и неоднократной прокладке коммуникаций, что является закономерным и естественным практически для любого памятника со сложной строительной историей.

- 1 ПСРЛ. СПб., 1859. Т. VIII. С. 48.
- 2 Историко-статистическое описание первоклассного Тихвинского Богородицкого большого мужского монастыря. Репринтное издание. СПб., 2004.
- 3 Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи. Т. I—IV. СПб., 1836.
- 4 Краткое известие о Тихвинском Введенском женском монастыре // Сын Отечества. 1832. № 16. С. 77—88.
- 5 См., напр.: Описание Введенского девичьего второклассного монастыря в г. Тихвине, Новгородской губернии. Тихвин, 1914.
- 6 Об И.П. Мордвинове см.: *Спиридонова Е.К.* Научная и просветительская деятельность Исаакия Петровича Мордвинова (1871—1925 гг.). Дисс... канд. ист. наук. СПб., 2016.
- 7 *Мордвинов И.П.* Старый Тихвин и Нагорное Обонежье // Тихвинец. 1914. № 1. С. 12—16; № 2. С. 31—36; *Он же.* Старый Тихвин и Нагорное Обонежье. Исторические очерки на основе издания Тихвинского УИсполкома 1925 года с дополнениями. СПб., 1999.
- 8 *Мордвинов И.П.* Тихвинская старина. Сборник материалов к истории города Тихвина и Нагорного Обонежья (современного Тихвинского уезда). Новгород, 1911.
- 9 *Мордвинов И.П.* О Тихвинских монастырях // ПФА РАН. Ф. 1049. Оп. 4. Д. 27. Л. 1—21. Рукопись не датирована; создана в начале 1920-х годов. По кончине И.П. Мордвинова (1925) В.И. Равдоникас внес исправления в текст рукописи.
- 10 *Сербина К.Н.* Очерки из социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI—XVIII вв. М.; Л., 1951.

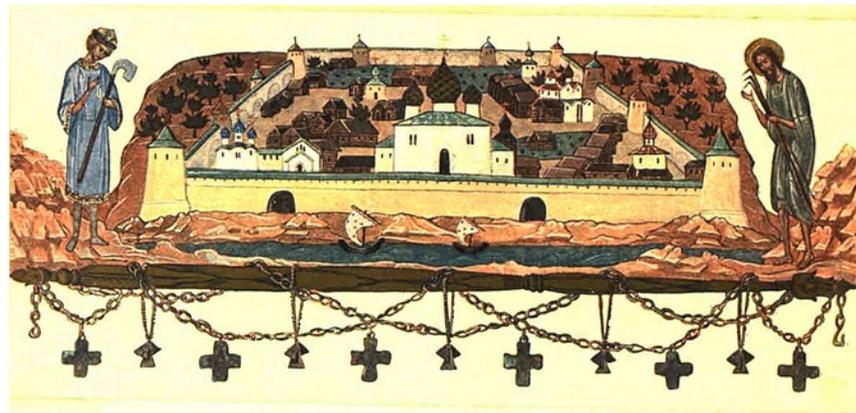
- 11 *Иванова И.А.* Икона Тихвинской Богоматери и ее связь со «Сказанием о чудесах иконы Тихвинской Богоматери» // ТОДРЛ. М.; Л., 1966. Т. 22. С. 419—436.
- 12 *Иванова И.А.* Летописные сведения об иконе «Богоматерь Тихвинская» // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 243.
- 13 *Кириллин В.М.* Сказание о Тихвинской иконе Богоматери «Одигитрия». М., 2007. С. 110.
- 14 *Рабинович Я.Н.* Малые города Новгородской земли в Смутное время. Великий Новгород, 2013.
- 15 *Курбатов О.А.* Тихвинское осадное сидение 1613 г. М., 2006.
- 16 *Секретарь Л.А.* О типологии деревянных рубленых оград монастырей и погостов XVIII в. // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Карелии и сопредельных областей: Межвузовский сборник. Петрозаводск, 1986. С. 59—73.
- 17 *Романов К.К.* Остатки каменных стен XVII столетия в Тихвинском Богородице-Успенском монастыре Новгородской губернии // Известия Императорской археологической комиссии. СПб., 1909. Вып. 35 (Вопросы реставрации. Вып. 4). С. 141—162.
- 18 *Варакин Е.П.* Особенности исторических мест и архитектурно-градостроительных комплексов вдоль реки Тихвинки (в проекте генплана Тихвина 2009 г.). Документы и материалы к 200-летию Тихвинской Водной Системы // Науки о земле и цивилизация: Материалы Международной молодежной конференции. СПб., 2012. Т. 2: Природа и общество. С. 115—126.
- 19 *Варакин Е.П., Пятницкая Т.Н.* Архитектурный ансамбль Успенского монастыря в Тихвине. СПб., 2017.
- 20 *Кондратьева Е.В.* Изразцовое дело в Тихвинском Успенском монастыре по документам XVII века // *Варакин Е.П., Пятницкая Т.Н.* Архитектурный ансамбль Успенского монастыря в Тихвине. СПб., 2017. С. 257—265.
- 21 *Никонова А.А.* Особенности строительной техники (глава VI Сводного отчета по археологическим исследованиям 1982—1989 гг. Архив СПР) // *Варакин Е.П., Пятницкая Т.Н.* Архитектурный ансамбль Успенского монастыря в Тихвине. СПб., 2017. С. 266—271.
- 22 *Фомин В.В.* Региональные типы воротных комплексов и схема их эволюции. Место в типологическом ряду и значение комплекса Святых ворот Успенского Тихвинского монастыря (глава VII из Исторической справки по Святым воротам и церкви Вознесения Успенского Тихвинского монастыря. Архив СПР) // *Варакин Е.П., Пятницкая Т.Н.* Архитектурный ансамбль Успенского монастыря в Тихвине. СПб., 2017. С. 272—287.
- 23 *Мильчик М.И.* Тихвин: город позднего русского средневековья. Очерк градостроительной истории. СПб., 2017.
- 24 *Материалы по истории Успенского Тихвинского монастыря.* М.; СПб., 2015. Вып. 1: Акты и материалы писцового дела. Ч. 1: 1560—1644 гг.
- 25 *Абеленцева О.А.* О времени основания Успенского Тихвинского монастыря: к вопросу об истории малых аскетических сообществ на пого-

- стах Обонежской пятины Новгородского уезда // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2017. № 4 (70). С. 130—142; *Она же*. Структура хозяйства Успенского Тихвинского монастыря в последней четверти XVI в. (по материалам расходной книги 1590—1592 гг.) // Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории. 2018. № 1 (17). С. 7—31; *Она же*. Восстановительные строительные работы в Успенском Тихвинском монастыре в 1623—1633 гг. (по данным монастырских расходных книг) // Петербургский исторический журнал. 2019. № 2. С. 7—26.
- 26 Памятник археологии — культурный слой Тихвина, в том числе на территории монастыря, — поставлен на охрану в 1978 г.
- 27 *Варакин Е.П., Пятницкая Т.Н.* Архитектурный ансамбль..., 2017. С. 119.
- 28 Фотография дана по: *Спиридонов А.М.* Отчет о разведочных археологических работах на территории Большого Успенского монастыря в г. Тихвине. 1981 г. // Архив ИА РАН. 1981. Р-1. № 8163. Фото 24.
- 29 См. напр.: расчистки у Звонничных ворот, Крестовоздвиженской церкви, Покровской церкви и в траншее Б (*Спиридонов А.М.* Отчет о разведочных..., 1981); шурфы 2, 3 (*Никонова А.А.* Отчет об археологических исследованиях Большого Успенского монастыря г. Тихвина Ленинградской области в 1982 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9096).
- 30 *Шуньгина С.Е.* Отчет об археологическом надзоре и исследованиях на территории Большого Успенского монастыря в г. Тихвине Ленинградской области в 2008 г. // Архив ИА РАН. 2008. Р-1. № 43993.
- 31 *Варакин Е.П., Пятницкая Т.Н.* Архитектурный ансамбль..., 2017. С. 105.
- 32 *Шуньгина С.Е.* Отчет об археологических исследованиях в г. Тихвине Ленинградской области по ул. Красноармейской, д.2 в 2009 г. // Архив ИА РАН. 2009. Р-1. № 37165.
- 33 Отчет об историко-культурной (археологической) экспертизе в зоне строительства водопровода у восточного и северного участков стены Тихвинского Успенского монастыря в 2005 г. ИИМК РАН. СПб., 2005 // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области. Инв. № 1394 (7196). Л. 3; *Шуньгина С.Е.* Отчет об археологических исследованиях..., 2009. Л. 25, 26.
- 34 *Катышевская А.И.* Отчет об археологических исследованиях и надзоре на участке строительства Тихвинского гидроузла в г. Тихвин Ленинградской области в 2012 г. ООО «Научно-производственные мастерские „Ника“». СПб.; Тихвин, 2013 // Архив ИА РАН. Р-1. № 34766.
- 35 Там же. Рис. 43.
- 36 Значение высотной отметки, принятой для отсчета относительных глубин (репера) при проведении работ составило 38,97 м БС.
- 37 Бьеф — часть водного объекта, примыкающая к гидротехническому сооружению (в данном случае участок р. Тихвинки, примыкающий к шлюзу).
- 38 *Катышевская А.И.* Отчет об археологических исследованиях..., 2013. Рис. 113, 125.
- 39 Там же. Рис. 136—138, 140, 141, 143.

- 40 *Шуньгина С.Е.* Отчет об археологических исследованиях и археологическом надзоре в 2010 году на территории Большого Успенского монастыря в г. Тихвин Ленинградской области // Архив ИА РАН. 2010. Р-1. № 39712. Л. 26—75.
- 41 *Катышевская А.И.* Отчет об археологических исследованиях на участке реконструкции и приспособления для современного использования объекта «Келья братские Северные. Большой Успенский монастырь» в г. Тихвин Ленинградской области в 2014 г. // Архив ИА РАН. 2015. Р-1. № 45616. Л. 23—54.
- 42 Историко-статистическое описание..., 2004. С. 186.
- 43 *Панова Т.Д.* Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI—XVI веков. М., 2004. С. 157.
- 44 Там же. С. 157.
- 45 *Шуньгина С.Е.* Отчет об археологических исследованиях и археологическом надзоре в 2010 году на территории Большого Успенского монастыря в г. Тихвин Ленинградской области // Архив ИА РАН. 2010. Р-1. № 39713 (альбом илл.). Рис. 149.
- 46 См., напр., исследования в Санкт-Петербурге на 8-й линии Васильевского острова при церкви Богоявления (*Шуньгина С.Е.* К вопросу об исторических кладбищах Санкт-Петербурга (по материалам археологических исследований у ц. Благовещения на Васильевском острове в 2012 г.) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В.В. Седова. Материалы 62 заседания (19—21 апреля 2016 г.). М., 2017. Вып. 32. С. 406—420).
- 47 *Никонова А.А.* Сводный отчет по археологическим исследованиям 1982—1989 гг. // г. Тихвин. Большой Успенский монастырь. Археологические исследования на территории монастыря. Научно-проектная документация. Раздел «Комплексные научные исследования». Л., 1990. Ч. 9. Лист № 30893 // Архив ООО «НИИ Спецпроектреставрация».
- 48 Там же. Л. 30—35.
- 49 *Шуньгина С.Е.* Отчет об археологических исследованиях и археологическом надзоре в 2010 году на территории Большого Успенского монастыря в г. Тихвин Ленинградской области. Т. 2. Кн. 2. Приложение 6 // Архив ИА РАН. 2010. Р-1. № 39714. Илл. 234, 237; *Она же*. Отчет об археологических исследованиях и археологическом надзоре в 2010 году на территории Большого Успенского монастыря в г. Тихвин Ленинградской области // Архив ИА РАН. 2010. Р-1. № 39712. Л. 99.
- 50 Там же. Отчет об археологическом надзоре..., 2008. Рис. 33.
- 51 Там же. Л. 28.
- 52 *Шуньгина С.Е.* Отчет об археологических исследованиях и археологическом надзоре в 2010 году на территории Большого Успенского монастыря в г. Тихвин Ленинградской области. Т. 2. Кн. 2. Приложение 6 // Архив ИА РАН. 2010. Р-1. № 39714. Илл. 322, 325.
- 53 Там же. № 39712. Л. 144—149.

- 54 Отчет об археологических исследованиях в 1981 году на территории бывшего Успенского монастыря в гор. Тихвине. ЛФПИ «Спецпроектреставрация» // Архив ООО НИИПИ «Спецреставрация». Л., 1981. Фото 34.
- 55 Там же. Л. 14, 15.
- 56 Рисунки даны по: Шуньгина С.Е. Отчет об археологическом надзоре..., 2008. Рис. 62, 1; Она же. Отчет об археологических исследованиях и археологическом надзоре в 2010 году на территории Большого Успенского монастыря в г. Тихвин Ленинградской области. Т. 2. Кн. 1. Приложение 6 // Архив ИА РАН. 2010. Р-1. № 39713. Илл. 184, 2; Она же. Отчет об археологических исследованиях и археологическом надзоре в 2010 году на территории Большого Успенского монастыря в г. Тихвин Ленинградской области. Т. 2. Кн. 2. Приложение 6 // Архив ИА РАН. 2010. Р-1. № 39714. Илл. 321, 3; Отчет об археологических исследованиях..., 1981. Фото 52, 4, 5.
- 57 Шуньгина С.Е. Отчет об археологическом надзоре..., 2008. Л. 32.

ИЗ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

И.И. Кузнецов

Святой Прокопий Праведный, Устюжский Чудотворец. Опыт исследования Жития¹

[С. 86]

Лет 15—18 тому назад, когда я работал над своей историко-лагиографической монографией: «Святые блаженные Василий и Иоанн, Христа ради юродивые, Московские чудотворцы» и, в силу этого, попутно изучал Жития других Святых юродивых русских, мое внимание невольно тогда останавливалось на двух из них: Св. Исидоре Твердислове Ростовском и Св. Прокопии Устюжском: оба — иноземцы-пришельцы с иноверного Запада, оба — знатного происхождения, очень богатые — приходят на Русь и принимают на себя подвиг, можно сказать, органически чуждый Западу — юродство Христа ради. Что-то необычайное, неожиданное, таинственное! В особенности Св. Прокопий: если не считать Св. Исаакия, затворника Печерского, юродствовавшего в монастыре, то первым Св. юродивым в России, юродивым в строгом смысле этого слова, подвизавшимся в миру, — надо признать именно Св. Прокопия. Таким образом, начало русскому, если можно так выразиться, народному подвигу кладет у нас ино-

земец с Запада, обладавший великим богатством и притом не купец, каким его считает наша агиография (в Ч.-М. Св. Димитрия Ростовского, в Прологе, Житиях), а лицо, насколько можно заключить из некоторых особенностей при описании чудес Св. Прокопия, гораздо более высокого происхождения! Но так как подробное изучение биографии бл. Прокопия не входило тогда в прямые задачи моего исследования, то я и оставил этот вопрос в то время в стороне, теперь же нахожу нужным возвратиться к нему и попытаться [С. 87]

выяснить, насколько возможно, кто был до принятия на себя юродства бл. Прокопий, этот «первый, — как называет его в своей „Истории Русской Церкви“ (пер. II, стр. 178) архиепископ Филарет, — образец юродства о Христе в России».

В рукописном Житии бл. Прокопия (№ 362, XVII в., Собр. Ундольского, Рум. Музея)² говорится: Сѣй оубо блженный и рѣно поминаемый прокопій: гакже о немъ исперва повѣдають, нѣкотори ѿ члкъ жителіе великаго нова града быти емъ ѿ западныхъ странъ ѿ латинска гзыка ѿ немѣцка земли. Рожденіе же и воспитаніе егво бысть в великомъ богатствѣ, родителъ же і оужикъ и вѣры никтоже вѣсть (л. 12) но токмо единобогъ свѣдѣцъ сѣа. и пришедшъ емъ в совершенный возрастъ. и по томъ времени наполни корабль ѿ имѣній своихъ во Отечествомъ своимъ, и ѿиде ѿ дому и ѿ земли своеа. И не по мнѣзъ же времени во жѣимъ произволѣніемъ прииде кораблемъ съ ѿнѣмъ, ѿвремененнымъ многимъ богатствомъ съавъ, въ великіи новгородъ, с прочею дрзжиною съ латинники. и гакже онъ имѣяхъ обычай тѣ по вса лѣта приходить кзпѣцкимъ обычаемъ, тѣ же и сѣй стѣи прокопій. По прибытии в Новгород, Св. Прокопій... видя... (л. 12 об.) истинную православную вѣру хрѣтіанскую... и поклонаніе стѣимъ икѣнамъ, и звѣнъ велій, и слышитъ стѣе пѣніе и чтеніе, стѣихъ кнѣгъ и множество монастырѣи ѿколо нова града согражденѣ. и мнѣшескимъ чиномъ велимъ оукрашено... (л. 13) Отеческую вѣру возненавидѣ, въ ней же воспитанъ бысть ѿ родителъ своихъ. посемже ѿиде ѿ дрзжины своеа оутависа и сохраниса ѿ нихъ тѣже начатъ ходити по граду и по мѣтремъ, и нача искати севѣ оучителѣ мѣдра... въ вѣре хрѣтове и... прииде [С. 88]

во единъ ѿ монастырѣи именъемъ на хстыню, тогда же въ немъ и гзыменство имѣа гѣпный оцъ ншъ варлаамъ... припадѣ (л. 13 об.). повѣда себѣ пришедца ѿ сѣверныхъ странъ сѣца, ѿ гзыка латинска, і о многомъ своемъ богатствѣ і ѿ помыслѣ сѣрдца своего ко хрѣтіанской вѣрѣ... Преподобный сначала отказывался его принять, но затем принял и стал наставлять в вере, Прокопий (л. 15 об.) вземъ имѣніе свое оу дрзжины своеа и ѿиде ѿ нихъ и нача въ мѣтырѣ неѣстѣпну оу прѣзнаго превывати... и домъ влекъшее латинское мѣдрованіе

вставалетъ и во приѣмлетъ пощеніе и великое о вѣтѣ терпѣніе, повелѣніемъ преподобнаго... оучителѣ и наказателѣ своего. И потомъ приѣтъ сватѣе крещеніе, и раздалъ все имѣніе свое нищимъ и немощнымъ хрѣта ради и в мѣтырѣ прѣзнаго варлаамъ, на оустроеніе церковное бѣгобпаго превращеніа гѣда ншего іса хрѣта (л. 16) а самъ ѿтолъ приѣмле юродственное хрѣта ради житіе. и въ сѣйство (юродство) преложиася (362, л. л. 11 об. — 16) И потомъ начаша егво в новѣградѣ мнози члцы о житій егво и о терпѣніи блажити, гакъ сѣй человекъ великъ есть предъ бѣгомъ. прииде во онъ ѿ сѣверныхъ странъ, ѿ немѣцка земли кораблемъ со многимъ своимъ имѣніемъ. и здѣ оубо все свое имѣніе оадалъ нищымъ сиротамъ и в мѣтырѣ гѣда ради самъ же во юродство претвориса і облечѣса въ раздранныя и непотребныя ризы. Прокопий, уклоняясь от этой мирской хвалы, стал проситься у Варлаама из монастыря: ѿседа оуклонитиса, и ити в пѣтнее шѣствіе к восточнымъ странамъ, и дѣже гѣдъ повелитъ ми быти. Преподобный отговаривал его (л. 17 об.): подвѣдетъ ти изъ мѣтырѣ неисходнъ быти в мѣрѣ, дѣндеже молва члѣва не престанетъ ѿ тебѣ, но превѣди здѣ хотѣ годичное время единъ въ затворѣ. Прокопий же все просил отпустить его, Варлаам согласился (там же, лл. 17 об. — 19). Выйдя из Новгорода, Прокопий пошел по направлению к востоку, шел долго, подвергался многим оскорблениям и лишениям и наконец пришел в Устюг, где поселился (л. 21 об.): изволи жителствовати оу соборныхъ цѣркви оупеніа... в паперти церковнѣи. соборна же цѣрковь тогда древа на вѣ и превысока съавъ, ночи проводя в молитве, днем юродствуя, спал на улицах «на гноище» (навозе) или «на сметьище» (кучах мусора). Много всяких издевательств, обид и даже побоев принял блаженный за свое юродство, но он [С. 89]

с радостью все претерпевал. Много страдал и от лютых зимних морозов, неприютный и едва прикрытый рубищем. В один из таких морозов, когда от сильной стужи птицы падали мертвыми на землю, скот и люди гибли, блаженный попытался было уйти с церковной паперти в хижину нищих, чтобы там хоть сколько-нибудь отогреть свое закоченевшее тело, но нищие его прогнали, лег было около собак, чтобы тут согреться, но и собаки ушли. Блаженный ушел на паперть — свое обычное местопребывание — и стал готовиться к смерти, молясь «да примет Бог его душу». Вдруг он почувствовал теплоту, разливающуюся по его телу, и увидел пред собою ангела, касающегося его лица какою-то необычайно красивою ветвью. Теплота оживила блаженного, он встал и пошел к своему другу Симеону, который уже почитал блаженного погибшим в такой мороз, и по усиленной просьбе Симеона

рассказал ему о своем чудесном спасении, прося его никому о том не говорить «донеле же он (блаженный) не изыдет от жития сего». Симеон (отец Св. Стефана Пермского), почюди́са зъвлѡ... и скръи тайныа глаголы (блаженнагѡ) и никомꙋ же повѣда ѡ житїи ст҃аго проко́пїа і ѡ великомꙋ егѡ терпѣнїи всѧ написѧ по рѧдꙋ, еже видѣ и слы́ша ѿ свѧтѧго полꙋзы рѧди дш҃евныа послѣднимꙋ родѡмꙋ нашымꙋ. Другом, также и собеседником бл. Прокопия был бл. Киприан, основатель Архангельского монастыря близ г. Устюга³. Св. Прокопий любил Устюг и оказывал ему свое покровительство: так, он своими молитвами отвел некогда от города страшную тучу, грозившую разрушением; об ее нашествии блаженный предсказывал раньше, но на его предсказание в свое время не обратили внимание, а когда страшный час настал, когда надвинувшаяся огненная туча обложила город, когда от ударов грома затряслись дома, тогда вспомнили вешее слово блаженного, тогда устремились все в соборный храм к чудотворной иконе Благовещения и с рыданиями и воплями молились о спасении, блаженный уже здесь был, пришел раньше и молился Богоматери о заступлении града... и тучи разошлись и разразились верстах в 25 от города в веси Котовальской: падавшими из туч раскаленными камнями⁴ поломано было много леса, но из людей никто не пострадал, даже скот остался не тронут. От Святой же [С. 90]

иконы Благовещения в соборе истекло тогда много мира. Сподобленный от Бога дара прозрения будущего, бл. Прокопий предсказал о рождении Св. Стефана Пермского: однажды, сидя у церкви, блаженный увидал, что один из горожан («некий Иван зовомый Секирин» — Унд. № 320, л. 31 об.) идет в церковь с своею дочерью, трехлетней Марией; блаженный, никогда не кланявшийся даже знатным и богатым, встал и поклонился Марии до земли и сказал, что от нее родится просветитель языческого края Зырянского, и действительно, Мария впоследствии была матерью Св. Стефана, просветившего Христовой верой этот край.

Блаженный очень любил приходить на берег р. Сухоны (на которой стоял Устюг) и здесь, сидя на камне «зрѧше... превозѧщихса въ малыхъ ладїицѧхъ чреꙋ сѣхонꙋ рекꙋ и плаваюцихъ... і ѡ нихъ молѧшеса гдѣви дабы и́мъ сотвори́лꙋ гдѣ тихое плаванїе». Устюжанам он завещал, чтобы его погребли на этом самом месте берега и камень, на котором обычно сиживал, положить на могиле. И поживѣ оу҃ цркви... оуспѣнїа времена и лѣта доволна (№ 362, л. 53 об.) в зимѣ и в лѣте по градꙋ во едїнои раздрѧ-

ной вѣтхой рїзѣ одежде хождаше, егда оу҃бо сѧ раздирѧшеса, иныа не требоваше, но къ той рїзѣ рѣбы пришиваше и наготꙋ прикрываше. и во едїныхъ сапозѣхъ радꙋрныхъ вѣтхихъ и не в подшвенныхъ. (там же, л. 199, Похвальное слово Кн. Симеона Шаховского бл. Прокопию и Иоанну). в лѣвой рѣкѣ три кочерги ношаше (№ 362, л. 53⁵). В л. 6811 (1303) июля 8 бл. Прокопий мирно отошел ко Господу. Предчувствуя свою кончину, он с паперти Успенского собора ушел к Архангельскому монастырю: здесь по край моста, идучи ѿ собѡра къ монастырю, воспрїѧлꙋ блаженнꙋю кончинꙋ. Въ той день падѣ снѣгꙋ на бѣ плади и покрѣи зѣмлю, къ вечерꙋ разстѧвѣ. Надъ тѣломꙋ блаженнагѡ намелѡ свѡей снѣгꙋ въ бѣ сажени. Когда раскопали снег, нашли тело блаженного, лежащее на голой земле, подъяли его и благолепно похоронили близъ врѣгꙋ рекї сѣхонꙋ, идѣже бѧше онꙋ седѣлꙋ при животѣ [С. 91]

своѣмꙋ на камени, а оу҃ мѡста крѣстꙋ каменный на взрѣвцѣ постѧвиша (там же, л. 59. Ср. № XXXII, Рум. Собр. л. 6). По преставленїи же и погрѣвенїи блженнагѡ не малꙋ вре́ма прѣйде и все егѡ житїе и дѣлїе вес пѧмѧти бѣ. Так заканчивается собственно Житие блаженного, далее идет уже описание чудес его: первая запись о чуде относится к 6979 (1471) году, а перед этим запись о поставлении часовни над могилой блаженного (и образа его в той часовне) в 6966 (1458) году.

Передавать содержание всех записей о чудесах статью эту не имеет в виду; в настоящем случае имеют важность только те, прорывающиеся в записях, указания, которые могут послужить данными к выяснению вопроса о происхождении блаженного и которые будут приведены ниже. Оставив пока эти указания, первоначально постараюсь свести воедино вышеприведенные биографические данные о блаженном, заключающиеся в его Житии.

Составитель Жития точно не известен, не известно же в точности и время написания этого Жития. В «Послесловии» составитель замечает, что уже много лет прошло со времени преставления блаженного и никто о нем ничего не написал (л. 20) во едїно оу҃бо — продолжает он — лѣто... дерзнѣхъ... и написѧхъ ѡ житїи... и ѡ чꙋдесѣхъ егѡ (блаженного) в тайнѣ, а не хвалѧса ни с кѣмꙋ, преписѧхъ сѧ пѧмѧти рѧди достѡйныа на полꙋз слы́шащымꙋ чл҃комꙋ и предѧхъ с стѣмꙋ въ жїимꙋ црквиамꙋ, а иное имѣхъ оу҃ себѣ и црковнїи повѣстницы за многꙋ лѣтꙋ свитцы писаны⁶ приготѡваны быша про такогѡ ст҃ѧ мꙋжа чꙋдеса преписѧти въ книзѣ сѣй, в нихъ же быша мнѡгїа главїны написаны, ѡ чꙋдесѣхъ блженнаго бывѧемыа ѿ грѡба егѡ. Свое бѣ тетрѧтѣхъ, а иное въ свитцѣхъ, а не по рѧдꙋ, прѣднее позади, а заднее напредї (№ 362 лл. 206 об., 207).

Составитель не сумел обработать имевшийся у него материал, и в результате получилось Житие, по замечанию Ключевского («Древнерусские жития Святых как источник истории». М. 1871 г., стр. 277), «плохо написанное, составленное из отдельных эпизодических рассказов, имеющих очень мало литературной связи и разделенных хронологическими противоречиями». Ключевский считает возможным допустить, что Житие бл. Прокопия составлено было тем же лицом, которое составило Житие другого бл. юродивого Устюжского Иоанна, преставившегося 29 мая 1494 года, т. е. спустя 191 год после преставления бл. Прокопия. «В Житие бл. Прокопия, говорит он, внесена повесть о построении церкви во имя Св. Прокопия в Борисоглебской Соль-Вычегодской обители в 1584 г. и о чудесах от его образа, там находившегося». Упомянув об этих [С. 92]

чудесах, автор Жития бл. Иоанна замечает о бл. Прокопии: *єгѡ же чудеса и процѣнїе въ писанїи єгѡ сказа, а ѡ сѣмъ же святѡмъ иванѣ наумѣмъ пакї писати.* «По-видимому, эта неясная заметка дает основания считать оба Жития произведениями одного автора: по крайней мере оба отличаются одинаковыми приемами и одинаковым неумением писать. Биограф (бл. Иоанна) говорит, что писал Житие, живя в Борисоглебском Соль-Вычегодском монастыре у отца своего иг. Дионисия, по распоряжению которого была построена вышеупомянутая Прокопиевская церковь и который до вступления в иночество был священником в Устюжском соборе, лично знал бл. Иоанна и присутствовал при его погребении. Этот Дионисий сообщил сыну сведения о блаженном (Иоанне) и благословил его написать его Житие в 1554 году» (там же, стр. 278). Если Житие бл. Иоанна написано было в 1554 году сыном иг. Дионисия, он же писал и Житие бл. Прокопия, то и написание последнего Жития надо полагать около того же времени, конечно раньше, но вряд ли много раньше: по крайней мере в правление великого князя Василия Иоанновича († 1533 г.) Жития бл. Прокопия, как будто, не имелось: в одной из записей чудес бл. Прокопия говорится, что блаженный, явившись в сонном видении окольничему великого князя Василия Ивановича — боярину Владимиру, исцелил его от болезни. Боярин послал в Устюг гонца с поручением привезти ему оттуда образ блаженного. Соборяне Устюжские *вдѣша гонца и написанныи образ подвѣба блаженнаго прокопїа стїхѣры и канѡнъ* (№ 362, л. 65. Ср. № 39, № 320, л. 38). Если бы тогда имелось и Житие блаженного, то со-

боряне, конечно, не преминули бы послать и Житие, но они его не послали. Очень может быть, что Житие было написано до собора 1547 г., канонизовавшего бл. Прокопия, вместе с другими новыми русскими чудотворцами и установившего: *пѣти и праздновати ємѡ* (а также и бл. Иоанну Устюжскому, тогда же канонизованному) на *дѣстѡѣ*. Обычно, пред канонизацией того или другого Святого, свидетельствовалося по надлежащему ли «образу и подобию» составлены Житие и Служба этого Святого, и если их еще не имелось, они нарочито к тому времени составлялись. Но за сколько времени до собора 1547 г. составлено Житие бл. Прокопия определенного указания не имеется, да в данном случае это и не имеет особого значения: во всяком случае можно считать установленным, что Житие это составлено много спустя после преставления блаженного, приблизительно в конце XV в. — первой половине XVI в.⁶ [С. 93]

Составлено оно «на пользу слышащим человеком... и предано Святым Божиим церквам», так говорит составитель его. Эти слова — отражение тех взглядов на «Жития», их цель и назначение, тех требований к составителям Житий, которые тогда существовали у нас на Руси и предъявлялись и с которыми составители должны были считаться, которым должны были удовлетворить.

Цель составления Жития какому-нибудь Святому у нас издревле почиталась та же, что и написания ему «Службы»: «восхваление», «ублажение» его святой памяти «по достоянию». Поэтому весьма рано у нас Жития стали входить в состав богослужения: вместе с введением в церковное богослужение Службы известному Святому начиналось и чтение за службой Жития того Святого по 6 песни канона вслед за кондаком и икосом. Распространение этого кондака и этого икоса является, так сказать, литературной программой Жития. Этот первоначальный тип господствовал в северной русской агиографической литературе до конца XIV в. Не исчез он и после, только в XV веке под сильным влиянием агиографических трудов известнейших писателей Житий того времени — Епифания и Пахомия — литературная форма Житий получила дальнейшее развитие (Ключевский, стр. 362). Размер Житий стал увеличиваться отнюдь не большей полнотой исторического и биографического материала, а исключительно почти за счет общих мест: рассказ о трудах и подвигах Святого стали сопровождать подходящими текстами из Священного Писания с назидатель-

ными выводами и размышлениями, появились обширные витиеватые предисловия и заключения — большие Похвальные Слова Святому и т. п. Одним словом, Житие стало представлять из себя собственно обширную проповедь, которую по частям читали за богослужением в день памяти Святого (число таких чтений доходило до шести). В XVI веке такое направление агиографии развилось еще больше: усилилось пользование готовым уже агиографическим материалом, свободно бравшимся то в переделке, то и совсем без переделки из ранее составленных другим Святым Житий, свободное обращение с хронологическими датами, крайне широкое употребление общих мест и т. п. Скудость содержания в таких Житиях, недостаток в них биографических сведений о Святых, явная, до несообразности иногда, их подражательность и заимствованность не смущали ни составителей Жития, ни читателей. Назначение Житий оставалось все то же: церковное, для чтения за богослужением: они должны были удовлетворять не исторической любознательности — иметь сведения о жизни такого или иного Святого, а целям нравственного назидания и поучения. Поэтому Жития XVI в. в большинстве даже и не пытаются описывать жизнь Святых во всех ее подробностях, а берут из нее только то, что нужно для церковного чтения, только те черты, которые характеризуют ее святость, сводя их в один общий образ, заранее предносившийся в уме составителя этих Житий, образ подвижника, [С. 94]

Христова, «от мира и от всего яже в мире» отрекшегося. При таком взгляде и зачем было сообщать сколько-нибудь точно и подробно о раннейшей жизни «в мире» Святого, о среде, из которой он вышел, когда в мыслях как составителя Жития, так и слушателей и читателей уже существовало твердое убеждение, что эта жизнь, эта среда — только помеха для спасения, которую посему Святой и отринул, вступив на путь своего подвига. Вполне достаточным признавалось изобразить эту жизнь, эту среду самыми общими чертами. Повесть о Святом, читаемая в церкви, и должна была передавать только святое из его жизни, дабы поучить «святому» слушателей, должна была изображать только торжественные минуты в жизни Святого, обходя будничные промежутки или вскользь бросая на них бледный свет. Поэтому, напр., составитель Жития пр. Корнилия Комельского, едва разговорившись о простых житейских подробностях, спешит оговориться, замечая: «сказания

бо (т. е. изустного рассказа) дело сие, а не Жития повесть». Святых житіа, говорит составитель Жития пр. Варлаама Важского — высказывая, конечно, общий взгляд, — страхъ бжїи всеміотъ въ дшш, безстрашіе ѿгоняютъ, слыхъ престаніе, благоихъ прїатїе ввѣдатъ; тѣхъ во житїа зрїше, въ чѣство своихъ дѣлъ приходатъ, престаніе слыхъ помышляютъ, свѣтъ во єсть святыхъ житїа и просвѣщенїе душамъ нашимъ (Ключевский, стр. 431).

Те же самые цели преследовал, такими же задачами руководился и составитель Жития бл. Прокопия. Как он сам говорит, он составил Житие для церковного употребления: «предать Святым Божиим церквам», с целью поучения, душеспасительного назидания слушателей, «на пользу слышащим человеком». Он писал «Житие Святого» Прокопия, а не жизнь его всю описывал: биография Прокопия не его дело. Точно так же и кн. Симеон Шаховской, составляя свое Похвальное Слово Св. Прокопию (и Св. Иоанну) нисколько не смущается, что не имеет никаких сведений о происхождении блаженного: «не вѣмы ѿ коѣа страны иль кїихъ родителєа произїде блаженнїи» говорит он и сейчас же поясняет, что это ему, как составителю Слова, совершенно и ненужно знать (л. 198): «не во отѣчество блаженнаго взыскѣмъ, но треды и подвиги єго восписѣмъ» (№ 362, л. 198).

Остановиться несколько подробно на выяснении общего характера русской агиографии того времени я считал необходимым, чтобы яснее представить: в каком размере и какого рода биографических сведений о Св. Прокопии можно ожидать от его Жития. Теперь очевидно, что надеяться встретить в этом Житии более или менее подробный и связный очерк биографии Прокопия «мирского», жизни его до [С. 95]

подвига — невозможно: мы должны ждать только самых общих сведений или таких эпизодических фактов из его жизни, которые могут послужить для назидания, из которых составитель может сделать в Житии нравоучительные и душеполезные выводы для слушателей. И только. Хронологической точности тоже нечего ждать: составитель Жития о ней не заботился, и она для него не была и нужна.

Теперь обратимся к Житию, к заключающимся в нем биографическим данным о бл. Прокопии.

Прежде всего, когда блаженный пришел в Новгород? В Житии этого не указывается или, вернее сказать, указывается такое время, к которому приход Прокопия отнести нельзя: именно в Житии говорится, что, когда блаженный пришел в Хутынский монастырь,

«тогда в нем игуменство имеюще преподобный отец наш Варлаам», к которому Прокопий обратился за наставлением в православной вере и у которого он затем и поселился. Преподобный Святой Варлаам Хутынский скончался или в 1193 г. («Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви». П. Строев СПб. 1877 г., ст. 49) или после 1207 года, вскоре («История Русской Церкви» Е.Е. Голубинского. I том, вторая половина. М. 1904 г., стр. 596). Прокопий преставился в 1303 г. Если он прибыл в Новгород, по сказанию Жития, «егда в совершенный возраст прииде», т. е. лет 20—25, если затем он был в Хутынском монастыре, основанном пр. Варлаамом в 1192 году, и если он пользовался наставлениями этого преподобного, то надо допустить, что блаженному ко дню его кончины (в 1303 г.) было по крайней мере 125 лет, но чтобы бл. Прокопий преставился в столь престарелых летах, указаний никаких не имеется. Житие говорит только, что блаженный «поживе в Устюге лета довольна», и только. Если бы он дожил до 125 лет, это врезалось бы в памяти Устюжан и перешло бы в Житие, да и в Подлинники (иконописные образцы), а там при описании наружности блаженного замечено: «средовек», т. е. средних лет, даже не старец. Значит, при преподобном Варлааме Прокопий не мог прибыть в Новгород. Известен еще другой Варлаам в Хутынском монастыре, бывший там немного позднее преп. Варлаама. В 1-ой Новгородской летописи под 1243 г. упоминается, что в Хутынском монастыре скончался Варлаам, не основатель этого монастыря, преподобный, а сын его постриженника — монаха Парфурия (Порфирия), а мирски Прокши Малышевича — Вячеслав Прокшинич в мире (Голубинский, стр. 596, примеч. 4). Если припомнить, что бл. Прокопий в Устюге был и собеседником бл. Киприана, Киприан же преставился в 1276 году («Св. Русь», архим. Леонида, стр. 87, 349; Карамзин, т. III прим. 186; «Месяцеслов Востока» архиеп. Сергия, т. II, ч. I, 261), то предположение, что бл. Прокопий принимал научение в вере православной у этого Варлаама — Прокшинича — хронологически возможнее, чем предположение о преподобном Варлааме, [С. 96]

как учителя блаженного⁷. Сообщение же Жития, что блаженного Прокопия наставлял в вере преподобный Варлаам, можно объяснить так: предание Новгородское сохранило имя этого наставника Прокопиева, но с течением времени Варлаам Прокшинича, ничем особенным в истории Церкви себя не ознаменовавшего, сме-

шали с преп. Варлаамом⁸, основателем монастыря, и бл. Прокопия признали за ученика этого последнего. (Смешали так, что позднее стали на иконах писать блаженного вместе с преподобным Варлаамом и в записях чудес блаженного последний действует, чудотворит вместе с ним). Основываясь на этом, смешавшем личности двух Варлаамов, предании и составитель Жития мог назвать преподобного Варлаама учителем Прокопия. Но и Варлаам Прокшинич, как учитель бл. Прокопия, не особо удобоприемлем, ибо и тогда надо считать блаженного преставившимся в глубокой старости, по крайней мере, лет 80—85: лет 20—25 пришел он к Варлааму, да после того прожил еще в Устюге не менее 60 лет (Варлаам скончался в 1243 г., блаженный в 1303 г., ровно через 60 лет), если даже допустить, что Варлаам наставлял в православии Прокопия, незадолго — и очень незадолго до своей кончины. А если научение в вере принято было от Варлаама задолго до смерти последнего (что вполне возможно), то возраст блаженного опять нужно исчислять чуть не в 100 лет.

Всего вернее признать, что бл. Прокопий наставление в православии принял не у пр. Варлаама (лично), не у Варлаама Прокшинича (лично), а прибыл в Новгород после их смерти, наставлен же был в православии вообще в Хутынском Варлаамовом монастыре: «у пр. Варлаама», как и теперь говорится: «был у пр. Варлаама», «был у пр. Сергия», «ходил к Зосиме и Савватию», у «прр. Антония и Феодосия», т. е. разумеются обители, этими Святыми основанные. Предание сохранило сведения, что бл. Прокопий получил наставление в вере православной в Хутынском монастыре, «у пр. Варлаама»; впоследствии такое общее указание переделали на личное и наставником блаженного в вере стали считать именно самого пр. Варлаама, это мнение постепенно и утвердилось в народном сознании. В виду всех этих соображений прибытие Св. Прокопия в Новгород нужно отнести ко второй половине, пожалуй, даже вернее — к концу третьей четверти XIII века (но до 1276 г., года преставления бл. Киприана). Тогда в Устюг бл. Прокопий мог прийти в 1270—1275 гг., лет 25—30, прожить здесь лет 28—30 (именно «лета довольна») и преставиться в 1303 году — лет 60—65, «средовеком». [С. 97]

Откуда, из какой страны прибыл в Новгород бл. Прокопий? Житие ограничивается обычно довольно общим ответом « ѿ западныхъ странъ, ѿ латинска гзыка, ѿ немецка земль»⁹. Так сказано в самом начале

Жития (№ 362 л. II об.). Немного ниже (л. 13 об.) несколько иначе бл. Прокопий, придя к пр. Варлааму, называет себя «пришельцом от северных страны, от языка латинска»; еще ниже (л. 16 об.) Новгородцы называют Прокопия пришедшим «от северных страны от немецкия земли». Севером по отношению к Новгороду была северная часть Скандинавии и теперешние Финляндия и Лапландия, западом — южная часть Скандинавии, Дания и прибрежные к Балтийскому морю земли Поморья — теперешней северной Германии. Выражение: «от языка латинска», как бы указывает на католическое (латинское) вероисповедание этой страны — «языка». К половине XIII века католичество уже утвердилось и на Балтийском поморье, и в Скандинавии с Данией, и в Финляндии и проникло и в Лапландию. Думается, что противоречия во всех трех показаниях Жития о «стране», из которой пришел в Новгород бл. Прокопий, нет. Новгород к этому времени уже вошел в состав Ганзейских городов, вел обширные торговые сношения с Западом и знал немецкие города Ганзы. «Немецкой землей» он считал именно страны Поморья северной Германии и название в Житии родины бл. Прокопия «немецкой землей» указывает местоположение ее именно там, по юго-восточному побережью Балтийского моря. Выражение же: «от северных страны, от латинска языка», «от северных страны» «от немецкия земли» — если не обмолвка составителя, в географии не сильного и для Жития строгую определенность географических данных обязательно вообще не считавшего нужным, то только более точное указание родины бл. Прокопия: в начале Жития дано, так сказать, общее указание об иноземном происхождении блаженного: «от западных стран» (заметим: не «западных страны»), а потом, более подробное сведение: «от Северных страны» (опять заметим: не «северных страны») «от немецкия земли», т. е. из страны в северной части этой немецкой земли, другими словами с Балтийского побережья, «из Прус», как точнее именуется иногда в наших летописях эта страна, занимаемая в настоящее время Северо-Восточной Пруссией.

Бл. Прокопий, по Житию, прибыл в Новгород исповедающим латинскую веру (католичество): здесь у пр. Варлаама он оставлѣтъ долъ влекѣщее латинское мѣдрованіе и пріемлетъ свѣтѣе крещеніе принимает православие (№ 362, л. 15); за то, что Бог извел его ѿ языка [С. 98]

нечиста латинска и вѣры, (т. е. от народа в нечистой вере латинской пребывающего и посему нечистого), блаженный благодарит Его

и в своей предсмертной к Нему молитве (л. 55). После этих прямых указаний на прежнюю латинскую веру Прокопия странным представляется замечание в начале Жития (л. 11 об.): «родитель егѡ (блаженного) и оужикъ и вѣры никтоже вѣсть, токмо едины бѣ съвѣдѣщѣ». Чьей веры? Прокопия самого? Про нее ведал и Новгород, ведома она и составителю: это — латинская вера. Сказать вначале, что эту веру Прокопия «никто же вѣсть», а через 10—15 строк говорить, что она была латинская, трудно объяснимое запятование составителя Жития. Не нужно ли понимать так, что составитель на л. 11 об. говорит о «вере родителей и ужик» (родственников) Прокопия? И если составитель счел нужным отметить, что этой веры «никтоже вѣсть», не назвал ее латинскою, то этим самым не дается ли повод заключать, что вера родителей Прокопия была не одинакова с верой Прокопия, прибывшего в Новгород, т. е. не латинская вера? И так как, конечно, эти «родители и ужики» не были и «истинной православной веры христианской», то отсюда не напрашивается ли вывод, что они были язычниками¹⁰ и что Прокопий, в Новгороде явившийся католиком, ранее был язычником, как происходивший от языческой семьи?

Сказав, что «родитель (Прокопия) и оужикъ (родных) и вѣры никто же вѣсть», Житие отмечает, что «рожденіе и воспитаніе егѡ (Прокопия) бысть в великомъ богатствѣ», что «пришедшъ емѣ въ совершенный возрастъ и по томъ времени наполни корабль ѿ имѣній своихъ во отечествіи своемъ и ѿиде ѿ домѣ и ѿ земли своеѣ. И не по мнозѣ времени бжѣнмъ произволѣнемъ принде кораблемъ, ѿвременѣннымъ многымъ богатствомъ зѣлѡ, въ великій новградъ, съ прочею своею дружиною съ латинники¹¹ и такоже они имѣху въбычай тѣ по всѣмъ лѣтамъ приходити къспѣтскимъ

[С. 99]

ѡбычаемъ, тѣ и свѣтъ прокопій». (л. 12). Прокопий прибыл в Новгород, видимо, с Ганзейскими купцами, но сам не был купцом или купеческого происхождения. Житие говорит только об его дружине, что «имѣху ѡбычай по всѣмъ лѣтамъ приходити тѣ (т. е. в Новгород) къспѣтскимъ ѡбычаемъ», а о Прокопии замечает, что «ту (тоже в Новгород) и Святой Прокопий» (разумеется: прибыл с ними), но не сказано, что «таковым же» — купеческим обычаем. Но кто же, из какого сословия, из какого класса общества происходил Прокопий, если он не был купцом? Хотя Житие не указывает прямо, что Прокопий был из знатного, «благородна или славна роду», но предположить это необходимо: «рождение и воспитание его бысть в великом бо-

гатстве», он приходит в Новгород «кораблем, обремененным многим богатством зело», корабль этот Прокопий «наполни от имений своих во отечестве своем», — все это указывает в Прокопии очень и очень крупного собственника. Если он был не купец (как это выше и указано), то остается одно: признать в нем очень крупного земельного собственника, а такими были владельцы различных и независимых и полунезависимых поместий — княжеств Балтийского побережья. «В Хронике Петра Аугсбургского (конца XIII и первой четверти XIV ст.) при рассказе о завоевании литовских «Прус» Немцами постоянно упоминается о туземных (литовских) вождях, власть которых простирается на незначительные сельские округа и которые действуют самостоятельно, не подчиняясь один другому. Немцы, не умея применить к этим вождям никакого титула западной феодальной аристократии, называли их безразлично именами: rex, regulus, dux, nobilis, magistratus, castellanus, capitaneus, и т. д.; наши летописи называют князьями, а литовские источники рикасами (rikai) и кунигасами (kunigai). Очень может быть, что некоторые из них были потомками родовых старейшин, происходившими из старших линий разросшегося рода — *nobiles, die edelsten*. Но чаще всего, по всем признакам это были вожди, крупные землевладельцы, имевшие укрепленные усадьбы со множеством челяди, скота, хозяйственных припасов и оружия. Таких именно *praepotentes, potiores dominos* изображает постоянно Петр Аугсбургский в лице прусских вождей. Они являлись, так сказать, естественными предводителями, около которых и под власть которых должно было собираться население волости в случае нападения извне. Весьма возможно, что такие вожди и сами могли подчинять население себе и покорять... По всем признакам в Литве уже в XII веке имелся налицо класс, соответствующий германской и славянской дружине. Генрих латыш в своей Ливонской хронике рассказывает, что в 1204 году подступил к Риге богатый и могущественный (*dives et*

praepotens) литвин Свелъгате с своими дружинниками (*cum suis sodalibus*). Вожди этого класса, обогащавшиеся на войне, опиравшиеся на своих товарищей и сподвижников, становились естественно вождями и в местных обществах. Но могло случаться, что, опираясь на это значение, на свою материальную силу, эти вожди становились и настоящими царьками, властвовавшими над местными обществами. Разнообразие названий, которые дают немцы

местным литовским вождям и представителям, объясняется, по-видимому, разнообразием фактического значения их: в иных местностях это были вожди по народному избранию и согласию; в других традиционные наследственные предводители, князья или царьки» (Проф. М.К. Любавский. Очерк истории Литовско-Русского Государства до Люблинской унии включительно. М. 1910 г., стр. 9—10). Одним из таких владетельных князей, видимо, и был Прокопий. На «владетельное» княжеское достоинство Прокопия указывает, как будто, и то обстоятельство, что он приходит в Новгород с «дружиною своею». Может быть, конечно, составитель Жития употреблял это слово в смысле «спутники, товарищи, друзья», но если принять во внимание, что в конце XV, начале XVI в., когда составлялось Житие, еще были живы понятия о прежней, военной «дружине», то вероятнее допустить, что и тут под наименованием «дружины» составителем Жития разумеется то же самое. Среди подданных Прокопия, были, конечно, и купцы, из них он собрал для своей поездки и охраны как себя, так и своего собранного в корабль имущества «дружину», с которой и прибыл в Новгород, там он от нее «утаився и сохранно от них нача ходити по граду (Новгороду) и по монастырям и искати себе учителя мудра в вере Христовой», когда задумал обратиться в нее из католичества; у этой «дружины» взял он имущество свое «и отиде от них».

Конечно, этому нашему предположению о «владетельном княжеском достоинстве» Прокопия вполне естественно противопоставить молчание об этом Жития. Да, Житие в своем кратком описании жизни Прокопия до юродства ничего об его «знатном» роде прямо не говорит, нет об этом и в речах самого Прокопия в том же Житии, но... тем не менее позволяю себе настаивать на своем предположении, имея в виду чрезвычайно характерные особенности при описании в некоторых чудесах блаженного (имеющихся в его Житии), его внешности, его вида, в котором он являлся в видении разным получившим от него исцеление лицам. Эти особенности, записанные со слов тех исцеленных, настолько необычны и загадочны, что невольно бросаются в глаза и требуют объяснения. Насколько мне известно: ни в Житиях других Свв. юродивых, ни вообще в Житиях русских Святых ни разу не встречается подобных особенностей. [С. 101]

Как уже отмечено выше, по сказанию Жития, блаженный Прокопий «во единой ризѣ хождаше, егда оубо сѧ раздирашеса, иныѧ не трѣбоваше,

Икона Св. Прокопия Устюжского. Из собрания Императорского Российского Исторического музея в Москве

но кз той ризѣ рѣбы пришиваше, и наготѣ прикрываше» (Житие..., л. 199). В «Подлиннике» о внешности блаженного говорится почти то же: «обычай имѣаше по градѣ ходити во единой вѣтхой рѣбицной и раздранной одеждѣ ползаягъ сѣще, въ зимѣ мразѣ и снѣгѣ, въ лѣтѣ же зной и вѣр солнечный претерпѣвал, рѣбицную же одеждѣ имѣа со единая рама (плеча) спущенъ и плечи обнажены, готовы на раны, въ лѣвой же ризѣ своей ношаше три кочерги, на ногахъ лапти раздраны и переть видны, колѣна голы». Таким обычно и писали бл. Прокопия на его иконах.

Но в записях некоторых чудес мы встречаем совершенно иное «описание» 1) чудо 25 (№ 362, л. 112 об.): «Лета 7175 Июня 8 прииде в Устюг ис поморския далняя страны от студеного моря, Богородице Рождественского монастыря нарицаемого Камболовского (№ 39: Кандоловского) некая Евдокия с дочерью своею Февронией и вещь предивну поведана: 12 лет она страдала беснованием, страдали этим и ее дочери: (с ней пришедшая) Февронья и другая — Анна. Молилась Евдокия раньше об исцелении бл. Прокопию и ей стало легче... «со отпущением, не яко же прежде». «И в прошлом 7174 году на 16-ое Ноября нападе болезнь на сына ее Матфея и на нее и на дочерей и в ту ночь в томлении видела во сне демонския мечты (л. 114 об.) «среди храмины (комнаты ее) гакъ столпъ стояше высотою в челоуѣка, и околѣ того столпа всакіа въсѣвскіа мечты всажими виды, дѣвы претворѣющеса в циплѣта, дѣви во пѣ» и т. п. «И нача (Евдокия) призывати в молитве Св. Прокопия», который не замедлил явиться на помощь: и въ то время прииде кз намѣз во храминѣ члѣз нѣбскій незнаемъ въ немецкой краткой (короткой) одеждѣ и сжалиса о наю сѣлѣ: въ ризѣ же своіхъ держаше гакже вердыш острѣ и власы главы своѣа раздвигѣа и раскладываа на вѣѣ страны и въ тотъ члѣз растѣѣ дѣмона на трѣе и вса егѣ въсѣвскіа мечты и столпъ до основаніа искорени и изверже вонъ изъ храмини своіма ризѣма гакже прахъ... и просвѣтиса храмина наша свѣтѣмъ сладкимъ и наполисѣа полна благоуханіа». После этого явившийся Евдокии — Прокопий «бысть не видим», а Евдокия и вся ее семья исцелилась от недуга своего.

2) Некая Матрона «во граде Выборе, бесноватая», приведена была к иконе бл. Прокопия (во храме сему Святому посвященном) и в видении узрела в церкви «мѣжа нѣкоегѣо страшна (т. е. величественного) и [С. 102]

свѣтлости исполнена, скипетръ держаша въ ризѣ своей»; очнувшись, видит Матрона «свет на иконе Прокопия», и после того видения исцелилась (№ 362, л. 218).

3) Некий бесноватый Феодор видел на пути своем к мощам бл. Прокопия сего блаженного, явившегося ему во сне «державшим скипетр в руке» (№ 320, л. 100).

4) Козьма Зиновьев, сын кр. «из вотчины Боярина Федора Ивановича Шереметева Троицкого стану Галицкого уезду от ветлусския страны», в ночь на 1 марта 7145 (1637) года, молясь Св. Прокопию об исцелении от «мучившей его болезни корчетной», увидел его во сне, «яко юношу прекрасна зело (№ 362, л. 99, Чудо 19-ое) и исцелися».

5) Калека, отрок Прокопий, Сухонского стану прихода Благовещенской церкви деревни Рязанова, молясь бл. Прокопию об исцелении, видел во сне: «прииде некий муж, млад образом, в синем одеянии» и велел ему продолжать свои молитвы ко Св. Прокопию и «бысть невидим». Отрок после того исцелел, о своем видении он поведал в Устюге освященному собору 30 августа 7160 (1652) г. (№ 362, л. 106 об. Чудо 22).

6) Бесноватая Соломония так описывает явившегося ей в видении Св. Прокопия: «рѣсъ, власы ѿмѣа долги, брадѣ же прѣстѣ рѣсъ, не зѣлаи мѣлъ, оубѣнїе на немѣ краткѣ, на нозѣхъ [сапоги] въ рѣцѣхъ же кочерги. Святїи же іѡаннѣ (который тоже явился Соломонии в видении) такѡвъ бѣше, ѿкоже ѿ на ікѡнѣ написанѣ, страннїескимѣ образѡмѣ. (Значит Св. Прокопий явился ей не такѡвъ, ѿкоже на ікѡнѣ написанѣ». Далее в рассказе про свое видение, Соломония добавляет, что Св. Прокопий, «на помѡстѣ (соборной Успенской) цѣрквѣ своимъ кочергамъ заклѣ дѣмнѡвъ», которых вынимал из утробы Соломонии бл. Иоанн и передавал бл. Прокопию. (Следовательно, «кочерги», виденные Соломониею в руках у бл. Прокопия, были острые настолько, что ими можно было заколоть демонов).

7) и 8) Есть еще в «чудесах» два описания наружности блаженного: в чуде 26-м некоему Викулу явился в видении бл. Прокопий «стар образом, брада же ему с сединою» (№ 362, л. 117). некоему Афанасию (там же, л. 229 об.) — «в двою ризу неславу, в руке посох». Всего таким образом восемь описаний наружности блаженного и, за исключением двух последних, из остальных шести ни одно не соответствует обычному представлению об юродивых вообще и о Св. Прокопии в частности: о наготе или полунаготе, едва прикрытой рубищем, нет и помина. (Это несоответствие обычному описанию наружности, видимо, сочла нужным отметить и бесноватая Соломония, см. выше). Наоборот Матроне (см. выше 2) он является в виде величественного и светлости исполненна мужа, держаща скипетр в руке своей. «Со скипетром [С. 103]

в руке» является он и бесноватому Феодору (см. выше 3); «в немецкой короткой одежде, в руках своих держащим яко бердыш остр»¹² — видит его Евдокия (см. выше 1); «юношей, прекрасным зело» — Козьма (см. выше 4); «образом млад, в синем одеянии» — отрок Прокопий (см. выше 5); «краткое (короткое) одеяние и сапоги на ногах у него», блаженного, указывает и бесноватая Соломония (см. выше 6)¹³.

Из всех этих описаний можно даже составить общий образ, в котором по преимуществу являлся Св. Прокопий: величественный, светлости исполненный муж (реже: юноша, прекрасный зело), в немецкой короткой одежде (синей отмечено раз), со скипетром, (яко бердыш остр — в одном случае) в руке¹⁴. Скажите: это одеяние юродивого? Конечно, нет. Это одеяние именно владетельной особы: тут и прерогатива власти — скипетр, тут воинское оружие — «яко бердыш остр», особы иноземного притом происхождения — носящей короткую немецкую одежду! Как объяснить такое «видение» блаженного Прокопия? Ведь так видят его простецы, крестьяне отдаленного Севера, у «моря студеного!» Такой «образ» совершенно расходился с их обычными воззрениями, с их взглядом на юродивых, как на «человеков Божиих», смиренных, в рубище одетых и всю славу земную отметших. И, однако, они видят бл. Прокопия в этой славе. Можно только одно сказать, что так являться им возжелал сам блаженный, возжелал открыть теперь свою прежнюю славу, которую на земле прикрыл своим юродством. Другого объяснения всех этих особенностей [С. 104]

не имеется, и вот почему, как раньше указано, в этих особенностях следует видеть подтверждение предположения, что Прокопий до прихода в Новгород был владетельным князем какой-нибудь области иноземной «немецкой» — из «Прус». Владетельной особой являлся в видении блаженный потому, что был такой особой некогда в своей жизни.

Нельзя также не отметить в «чудесах» бл. Прокопия и особого внимания, как бы сказать, отзывчивости блаженного к призывавшим неоднократно его в своих молитвах на помощь русским воинам. Всегда он как бы спешил оказать им эту помощь: Устюжская рать, двинутая по повелению великого князя к Нижнему Новгороду для защиты его от ожидавшегося тогда Татарского набега, тяжело страдает от повальной «трясавицы (лихорадки) и чревной болезни», молят Святого о помощи и он избавляет их от болезни «в скорости». В Польское нашествие блаженный помогает нашим войскам избежать разных опасностей и разбить превосходящих их численностью поляков, невзирая на то, что войска, как и Устюжская рать в первом случае медлили исполнить данный ими раньше обет, поставить храм блаженному. Не прежний ли Прокопий — князь-воин — слышится здесь?

А обычай блаженного сидеть на берегу Сухоны и молиться за плавающих, дабы им Бог сотворил тихое плавание — характерная черта, отмеченная Житием, не подсказывает ли она, что отечеством блаженного была страна или приморская, или вообще обильная водами и что блаженный сам близко знал опасности водной стихии и потому особенно сочувствовал плавающим?

Подводя итоги всем высказанным в настоящем исследовании соображениям, можно с уверенностью предположить, что блаженный Прокопий до прибытия в Новгород и до принятия здесь православия был именно владетельным князем какой либо области из «Прус» на Северном побережье Балтийского моря, исповедовал веру латинскую, но родился, весьма вероятно, в язычестве.

Блаженный Прокопий, по указанию большинства источников, преставился в 1303 году, но некоторые же (напр., архиеп. Филарет в «Русских Святых») относят кончину блаженного к 1285 г., основываясь, вероятно, на показании Устюжского летописца: там, действительно, читаем (№ XXXII, л. 6): «в лето 1285, Июля 8 дня преставился Святой и праведный Христа ради юродивый Прокопий, Устюжский Чудотворец», но далее в том же Летописце помечено (л. 15): «в лето 1494 преставился Святой блаженный Иоанн, Христа ради юродивый, Устюжский Чудотворец, Мая 29. А между преставлением святых праведных Прокопия и Иоанна Устюжских [С. 105]

— 191 год, месяц и осьмь дней», т. е., значит, преставление блаженного Прокопия здесь отнесено к 8 июля 1303 года. Затем, на об. 15 л.: «в лето 1495 поставлена церковь над гробом блаженного Прокопия, деревянная, первая по преставлении его через 192 года», т. е. опять преставление блаженного предполагается в 1303 году. Таким образом и Устюжский летописец присоединяется к общему мнению о 1303 годе, как годе преставления блаженного. В печатных изданиях «Великоустюжской летописи» — годом преставления блаженного везде показан 1303 год.

С какого времени блаженный именовался Прокопием: дано ли ему это имя при крещении или при присоединении к православию или наречено ему в монашестве? Можно думать, что это монашеское имя: хотя в Житии прямых указаний на монашество Прокопия и нет (в рассказе о приходе его в Хутынский монастырь и о пребывании там сказано только, что блаженный прият здесь «святое крещение» и только; нет и в дальнейшем рассказе Жития

упоминаний, что блаженный был в «монашеском чине»), но можно думать, что монашество он в том монастыре принял, и составитель Жития знал это и считал его монахом, иначе бы не было сказано в Житии, что пр. Варлаам, когда блаженный пожелал удалиться из Хутынского монастыря, отговаривая его, заметил, что ему, Прокопию, «подобаетъ изъ монастыря неисходнъ выгнъ въ мръзъ» — так можно говорить только монаху, отрекшемуся от мира — и убеждал «пребыть хотя годищное время в затворе единому». Последние слова заставляют думать, что блаженный, не довольствуясь обычным монашеским послушанием, некоторое даже время пребывал в затворе или готовился к этому. Если же блаженный принял пред выступлением своим на подвиг юродства монашество, то, конечно, и имя его — Прокопий — было дано ему в монашестве, а какое имя он носил до монашества — по принятии православия, Житие не сообщает, равно и те имена, которые блаженный носил в язычестве, в первом крещении в латинскую веру и во втором крещении при принятии православия, пока остается загадкой.

Протоиерей Иоанн Кузнецов¹⁵

¹ Статья опубликована в издании: Летописный и лицевой сборник Дома Романовых: Историко-художественное издание в ознаменование трехсотлетия царствования. М.: Московская художественная печатня, 1913. Вып. 2. С. 86—105. Текст приведен в соответствие с нормами современной орфографии и пунктуации при сохранении ряда индивидуальных особенностей, устаревших слов и стилистики изложения. Сноски 2—14 авторские. Иллюстрации взяты из издания.

² По этому № — наиболее полному из списков Жития бл. Прокопия — издано Общ. Любителей Древней Письменности в 1893 г. «Житие Св. Прокопия Устюжского» (№ СIII), причем список № 362 сличен был с рукописным же Житием блаженного XVIII в. № 39 Велико-Устюжского Прокопиевского собора. Для настоящей своей статьи я пользовался еще: рукописными житиями бл. Прокопия: №№ 104 и 232 — XVII в., Большак. Собр. Рум. Музея, № 133 — Пискарев. Собр. того же Музея, №№ 320, 600 — XVIII в. Собр. Ундольск., № 636 — нач. XVI в. Моск. Син. Библиотеки, № 477 — XVII в. той же Библиотеки, Милют. Ч.-Минеев М. Июнь, той же Библиотеки, №№ CCCLXI — XVI в. и CCCXCVII — XVI в. Рум. Собр., № XXXII того же собр. (Летописец Устюжский, соч. в 1765 г. священником Успенского Устюжского собора Львом Вологдиным).

Из печатного материала в моем пользовании были: «От Вологды до Устюга». Дорожные записки П. Савваитова («Москвитянин» 1842 г.

№ 11); «Устюг Великий». Материалы для истории города XVII—XVIII вв. М. 1883 г.; «Велико-Устюжский Прокопиевский собор», протоиерея Арс. Попова («Волог. Епарх. Ведомости» 1874 г. №№ 19, 20). Описание Устюга («Сев. Архив» 1822 г. № 11); Св. Димитрия Ростовского. Книга Жития Святых; «История Русской Церкви», архиеп. Филарета, «Русские Святые» его же, «Исторический Словарь о Святых, прославленных в Российской Церкви», «Книга глоголемая: описание о Российских Святых», гр. М.В. Толстого М. 1888 г.; «Святая Русь» архиеп. Леонида, «Месяцеслов Востока» архиеп. Сергия; Карамзина: «История Государства Российского», «История Канонизаций Святых Русской Церкви» Е.Е. Голубинского; «История Русской Церкви» его же, «Древнерусские Жития Святых как источник истории» В.О. Ключевского; «Источники русской агиографии», Барсукова, СПб. 1882 г.; А.А. Титова: «Летопись Великоустюжская» (Изд. А.К. Трапезникова) М. 1889 г. и «Летопись Великоустюжская по Брагинскому списку»; Н. Коноплева: «Святые Вологодского края» (Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс., 1895 г., кн. IV) и др.

³ Он основал этот монастырь в 1212 году, подвизался там более 60 лет, преставился 26 сентября 1276 года (Архиеп. Сергий: «Месяц. Востока» т. 2, ч. I, 261. Ист. Карамзина т. III, прим. 186; № XXXII. Рум. Собр. («Устюжский Летоп.» Л. 6)).

⁴ Савваитов в своих записках «От Вологды до Устюга» (см. выше) говорит, что он был на этом месте, видел выпавшие камни: на берегах ручья каменного указывают множество камней с неба (упавших из тучи, отведенной от Устюга молитвами бл. Прокопия). По большей части форма продолговато-круглая, внутри серого зернистого вещества с крапинами кровавого цвета и черными блестящими мелкими пятнышками. Некоторые из камней зеленого цвета с желтыми блестящими крапинками. Величина камней различная, есть очень большие. Так, из одного камня, по рассказам показывавшего Савваитову эту местность, сделано было 7 жерновов на мельницы. Спутник Савваитова к этому добавил, что все содержатели мельниц, где были эти жернова, разорились (стр. 331). В 1668 г. один из камней был принесен в Устюжский Прокопиевский собор и помещен у гробницы бл. Прокопия (см. вышеуказ. статью пр. Попова. «Волог. Епарх. Вед.» 1874 г. № 19, стр. 115).

⁵ В «Похвальном слове» Шаховского „С тремя жезлы хождаше и тѣмъ Свѣтѣю Трѣницъ прообразоваше“ (там же, л. 199). В «Иконописном Подлиннике» под 8 июля о бл. Прокопии отмечено: „Подобіемъ средовѣкъ (т. е. средних лет, во всяком случае, не старец), власи на главѣ рѣсы и терхавы, врада дѣки козмѣна (т. е. как у Св. Козьмы бессребренника), рѣза на нѣмъ днкобагранна, съ прѣвагчъ плеча спѣшена, въ рѣцѣ три кочерги, на ногѣхъ сапоги раздрѣны и пѣреты видны, колѣна голы, Обычай имѣаше ходити по градѣ во единой вѣтхой рѣвицной и раздрѣной одѣждѣ, ползнѣтъ сѣче, въ зимѣ мрѣзъ и снѣгъ, въ лѣтѣ же зной и вѣръ солнечный претерпѣвалъ, рѣвицную же носимую одѣжду имѣвшю со единого рама спѣшенъ и плѣчы обнажены, потѣвы на раны, въ лѣтвой же рѣцѣ своѣй ношаше три кочерги дѣже дѣче въ коѣ лѣтѣ держаше главами простѣрты въ высотѣ тогда бываше изобильство хлѣба и всѣкихъ плодовъ земныхъ, егда же ношаше оныя главами долъ ѡбращенныа, тогда скѣдость и неплодствѣе земли

провлѣше“ (Сводный печатный Подлинник XVIII в. по списку Филимонова — По Палеховской редакци нач. XVIII в.). 1874 г. 385.

⁶ Со второй половины XV в. начинается запись чудес бл. Прокопия. Житие с такою «записью» уже имеется в списке № 636 Синод. библиотеки, так как список этот может быть отнесен к началу XVI в., то и составление Жития в том, по крайней мере, виде — без позднейших чудес, в каком оно помещено в № 636, вполне возможно отнести тоже к началу XVI в. или даже к концу XV в.

⁷ Что и делает архиеп. Филарет в своей «Истории Русской Церкви».

⁸ Смешала даже Летопись Новгородская: отметив уже раньше, под 1193 г. преставление Святого преподобного Варлаама Хутынского. Летопись — далее, под 1243 г. — о смерти Варлаама Прокшинича говорит: «преставился преподобный Варлаам чудотворец Новгородской, иже бе на Хутыни» (Полн. Собр. Летоп, т. III, 129).

⁹ И бл. Исидор Твердислов, Юродивый Ростовский, преставившийся 14 мая 1474 г., тоже «бѣже от латинска языка, земли же немецкия». Пролог добавляет, что «от славна и богата рода бе, яко же глаголют мѣстерского», т. е. из рода магистра, начальника какого-нибудь рыцарского ордена.

¹⁰ Язычество в половине XIII века еще не исчезло на Балтийском побережье. Было оно и в Скандинавском полуострове. Считаю нужным еще отметить, как глухо говорит Житие об отеческой вере Прокопия (на л. 13): оно тут не называет ее латинскую, а только замечает, что, плененный величием и благолепием православия, Прокопий «отеческую (не латинскую, а вообще: отеческую) веру возненавиде, в ней же воспитан бысть», а на л. 15 точно означает, что он «долу влекущее латинское мудрование оставляет».

¹¹ №№ 133 (Пискар. Собр.), 104 (Большак. Собр., л. 5): — «со еллыны»; употреблением этого слова, бывшего в нашей древней церковной литературе синонимом язычества, как будто бы отмечается язычество, языческое исповедание дружины Прокопиевой. Житие говорит, что Прокопий на своем корабле, «прииде в великий Нов град не по мнозе времени» после оставления родины. Следовательно, родина, «отечествие» Прокопия — была в недалеком расстоянии от Новгорода и путь совершался морем, по которому иноземцы обычай «имеяху купеческим обычаем приходити по вся лета» в Новгород. Разумеется, конечно, Балтийское море, торговый путь Ганзы; недалекое расстояние «отечествия» Прокопия от Новгорода скорее всего указывает именно на земли Балтийского побережья.

¹² «Бердыш» — острый и продолговатый, с лезвием в виде полумесяца и с копьём на верху, топор, насаженный на длинном древке, с металлическим втоком или оковкой на нижнем конце. «По Вельтману, у Римлян называлась Lunata Securis, у Славян — «секира» («Описание старинных русских утварей, одежды, оружия, ратных доспехов и кон. прибора» Павла Савваитова. СПб., 1896 г.).

¹³ Описание 7-ое об одеянии бл. Прокопия ничего не говорит, описывает только наружность: «стар образом», но, должно быть, не очень стар:

«брада не седая, а только „с сединою“». Описание 8-ое говорит об одежде Прокопия: «в двою ризу не славну, в руке посох», описание не сходное с вышеуказанным (сводном из шести), но и не сходное с обычным: ризы (одежды) две, только «не славны» — не богатые, но и не рубище.

14 В «Житии» говорится, что блаженный носил в руке кочергу. «Подлинник» отмечает, что блаженный носил в левой руке три кочерги и по тому, как он их держал: «вверх загибами или вниз» — устюжане узнавали: «будет урожай хлеба и прочего — или неурожай». Кн. Симеон Шаховской в своем Похвальном Слове Свв. Прокопию и Иоанну говорит, что тремя кочергами блаженный тайну Св. Троицы прообразовал. Допустим это объяснение, но почему же таким образом воспользовался блаженный для проявления тайны Св. Троицы? Почему избрал именно кочерги? Равным образом, разве и урожай и не урожай он не мог тоже предсказать еще как-нибудь иначе? Если это «прием», так сказать, юродства, пусть! Но опять можно спросить, почему именно такой прием был избран блаженным? Сказать: «так избран» и больше ничего — ничего не объясняет. Попробуем объяснить: блаженный носил их в левой руке, значит не для подпоры, не взамен посоха, который обычно держат в правой руке. В видении Соломонии (см. выше 6) блаженный закаляет этими кочергами демонов, следовательно, они острые, а не обычные с загибами вверху. Если же они с острями на конце, то не то же ли это самое, что видела в руке бл. Прокопия Евдокия (вид[ение] 1) «яко бердыш остр», копье ли, вообще военное ли какое оружие? Блаженный, стало быть, прежде, некогда носил это оружие, иначе он бы не явился с ним в видении. Не в воспоминание ли об этом оружии, некогда им носимом, блаженный избрал кочергу, как нечто похожее (особенно, если верх не особо загнут) на бердыш и потому сделал ее принадлежностью своего юродства, оружием своего нового подвига? Тройное число кочерг не означало ли тройного числа бердышей (или подобного оружия), носимых некогда блаженным, каковое число могло составлять атрибут державной власти? Стало быть, и в этой детали можно бы видеть намек на прежнее — «княжью власть» Прокопия. Но так как в вопросе об атрибутах власти в половине XIII в. в областях «Балтийского побережья» считаю себя совершенно не компетентным, то на своем предположении о «намек» не настаиваю.

15 Автограф.

Список сокращений

БАН	— Библиотека РАН
ВЕВ	— Воронежские епархиальные ведомости
ВМЧ	— Великие Минеи Четьи
ВООПИК	— Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ВСНХ	— Высший совет народного хозяйства РСФСР
ВХНРЦ	— Всероссийский художественный научно-реставрационный центр им. академика И.Э. Грабаря
ВЦИК	— Всероссийский Центральный исполнительный комитет
ГААО	— Государственный архив Архангельской области
ГАВО	— Государственный архив Владимирской области
ГАКО	— Государственный архив Кировской области
ГАОПИ ВО	— Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области
ГАРФ	— Государственный архив Российской Федерации
ГАЯО	— Государственный архив Ярославской области
ГБУТО ГА	в г. Тобольске — Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»
ГИМ	— Государственный исторический музей, г. Москва
Главмузей	— Главный комитет по делам музеев и охране памятников искусства, старины и природы при Наркомпросе РСФСР
Главнаука	— Главное управление научными, музейными и научно-художественными учреждениями Наркомпроса РСФСР
ГМИИ РТ	— Государственный музей изобразительных искусств Республики Татарстан
ГМФ	— Государственный музейный фонд
ГНИИР	— Государственный научно-исследовательский институт реставрации
ГНИМА им. Щусева	— Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А.В. Щусева»
Госкино (Совкино)	— Кино-производственное объединение
ГОСТ	— Государственный стандарт
Госторг	— Государственная импортно-экспортная контора Наркомата внешней и внутренней торговли РСФСР

Госфонд — Государственный фонд
 Гохран — Государственное хранилище ценностей РСФСР
 ГРМ — Государственный Русский музей
 ГТГ — Государственная Третьяковская галерея
 Губисполком — Губернский исполнительный комитет Совета депутатов трудящихся
 ГЦИ СИ ФГУП «ВНИИМ им. Д.И. Менделеева» — Государственный центр испытаний и сертификации средств измерений Федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийский научно-исследовательский институт метрологии им. Д.И. Менделеева»
 ГЭ — Государственный Эрмитаж
 ЗАО — Закрытое акционерное общество
 ИА РАН — Институт археологии РАН
 ИВИ РАН — Институт всеобщей истории РАН
 ИЗО ГИМ — Отдел изобразительных материалов ГИМ
 ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры РАН
 ИМАО — Императорское Московское археологическое общество
 ИППО — Императорское Православное Палестинское общество
 МАМЮ — Московский архив Министерства юстиции
 МВТУ — Московское высшее техническое училище
 МГУ — Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
 МДА — Московская духовная академия
 Моссовет — Московский Совет рабочих и солдатских депутатов
 МСРиКД — Московский Совет рабочих и крестьянских депутатов
 МЦВ — Московские церковные ведомости
 Наркомпрос (НКП) — Народный комиссариат просвещения РСФСР
 Наркомюст — Народный комиссариат юстиции РСФСР
 НВА — Научно-ведомственный архив
 НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
 НМРТ — Национальный музей Республики Татарстан
 ОАО — Открытое акционерное общество
 ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников ГИМ
 ОР БРАН — Отдел рукописей библиотеки РАН
 ОР ГИМ — Отдел рукописей Государственного исторического музея
 ОРПГФ МЗ МК — Отдел рукописных, печатных и графических фондов музея-заповедника «Московский Кремль»
 ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
 ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
 Помгол — Центральная комиссия помощи голодающим при ВЦИК
 ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
 ПСТГУ — Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
 ПФА РАН — Петербургский филиал архива РАН
 ПЭ — Православная энциклопедия
 РАН — Российская академия наук
 РГАДА — Российский государственный архив древних актов
 РГБ — Российская государственная библиотека

РГИА — Российский государственный исторический архив, г. Санкт-Петербург
 РГПУ им. А.И. Герцена — Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
 Реввоенсовет — Революционный военный совет Республики
 РЖД — Российские железные дороги
 РИМ — Российский Исторический музей
 РНБ — Российская национальная библиотека
 РОИИ — Российское общество интеллектуальной истории
 РО НА ИИМК РАН — Рукописный отдел научного архива Института истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург
 РПЦ — Русская Православная Церковь
 РсФ ГАЯО — Ростовский филиал Государственного архива Ярославской области
 РСФСР — Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика
 РТ — Республика Татарстан
 РФА-ЭД — Рентгенофлуоресцентный анализ энергодисперсный
 РЭМ — Российский этнографический музей
 СНК (Совнарком) — Совет Народных комиссаров
 СПбИИ РАН — Санкт-Петербургский институт истории РАН
 СПб ФИРИ РАН — Санкт-Петербургский филиал Института Российской истории РАН
 СПР — ООО НИИПИ «Спецпроектреставрация»
 СССР — Союз Советских Социалистических Республик
 ТАССР — Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика
 ТИМАХМ — Тихвинский историко-мемориальный и архитектурно-художественный музей
 ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы
 ТССР — Татарская Советская Социалистическая Республика
 ФГБНИУ «ГосНИИР» — Федеральное государственное бюджетное научно-исследовательское учреждение «Государственный научно-исследовательский институт реставрации»
 ЦГАМО — Центральный государственный архив Московской области
 ЦГА Москвы — Центральный государственный архив г. Москвы
 ЦГИАМ — Центральный исторический архив г. Москвы
 ЦГИА СПб. — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
 ЦГРМ — Центральные государственные реставрационные мастерские Музейного отдела Наркомпроса РСФСР
 ЦНРПМ — Центральные научно-реставрационные проектные мастерские
 ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских
 ЮНЕСКО — Международная организация при ООН по вопросам образования, науки и культуры

Сведения об авторах

Белозерова Ирина Валентиновна, старший научный сотрудник отдела письменных источников Государственного исторического музея

Берхина Татьяна Гемфриевна, зав. Церковно-археологическим кабинетом храма пророка Божия Илии на Ильинке

Власникова Мария Александровна, кандидат культурологии, научный сотрудник музея «Древлехранилище Александро-Невской лавры»

Житкова Татьяна Владимировна, научный сотрудник Музеев Московского Кремля

Катаев Роман Сергеевич, помощник настоятеля Воскресенского Смоленского собора в Санкт-Петербурге

Коновалов Игорь Васильевич, магистр истории, председатель Общества церковных звонарей

Лубкова Татьяна Николаевна, старший научный сотрудник кафедры геохимии геологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Мальшева Надежда Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела «Покровский собор» Государственного исторического музея

Митоян Роберт Агасиевич, старший научный сотрудник кафедры геохимии геологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Михайлова Зинаида Владимировна, научный сотрудник отдела дерева и мебели Государственного исторического музея

Мокрополова Анастасия Дмитриевна, магистр истории искусств, научный сотрудник Национального музея Республики Татарстан

Облицова Татьяна Юрьевна, кандидат искусствоведения, младший научный сотрудник отдела древнерусской живописи Государственного исторического музея

Островский Павел Валентинович, студент второго курса магистратуры Московской духовной академии

Пак Наталья Викторовна, кандидат филологических наук, специалист по учебно-методической работе Государственного университета морского и речного флота им. адмирала С.О. Макарова

Панова Татьяна Дмитриевна, доктор исторических наук, независимый исследователь

Рахманова Александра Петровна, краевед

Сарачева Татьяна Григорьевна, кандидат исторических наук, зав. отделом «Покровский собор» Государственного исторического музея

Серебрякова Елена Ивановна, старший научный сотрудник отдела рукописей и старопечатных книг Государственного исторического музея

Соболева Александра Евгеньевна, кандидат филологических наук, научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, доцент Московской духовной академии, ведущий научный сотрудник Российской государственной библиотеки

Соболева Маргарита Евгеньевна, старший научный сотрудник Сергиево-Посадского государственного историко-художественного музея-заповедника «Ризница Троице-Сергиевой Лавры»

Троскина Наталья Дмитриевна, искусствовед, член Международного совета по сохранению памятников и достопримечательных мест (ИКОМОС)

Тугус Марина Будиновна, старший научный сотрудник отдела письменных источников Государственного исторического музея

Шадунц Елена Константиновна, старший научный сотрудник Переславль-Залесского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника

Шуныгина Светлана Евгеньевна, руководитель отдела археологических изысканий ООО «НИИПИ Спецреставрация»

Юхименко Елена Михайловна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела рукописей и старопечатных книг Государственного исторического музея

Содержание

Предисловие	3
<i>Берхина Т.Г.</i>	
Протоиерей Иоанн Ковалевский — настоятель Покровского собора в 1918—1921 гг.	5
<i>Рахманова А.П.</i>	
«Бывают странные сближенья...»: исследования И.И. Кузнецова, посвященные святому Прокопию Устюжскому в контексте истории г. Прокопьевска Кемеровской области	42
<i>Юхименко Е.М.</i>	
Обретенная святыня, или Новый памятник в экспозиции Покровского собора	52
<i>Облицова Т.Ю.</i>	
Заметки к образу «Сопрестоліе» из придела святого Василия Блаженного Покровского собора	62
<i>Лубкова Т.Н., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г.</i>	
Парные хоругви конца XIX в. из собрания собора Покрова на Рву: химико-технологическое изучение	72
<i>Троскина Н.Д.</i>	
Об устройении и изменениях фигурных глав Покровского собора на Рву	101
<i>Панова Т.Д.</i>	
Плита из Покровского собора и загадка царского некрополя в Кремле	146
<i>Пак Н.В.</i>	
Еще раз к вопросу об источниках Жития Александра Свирского: Житие Сергия Радонежского	154
<i>Островский П.В.</i>	
Служба в честь перенесения мощей преподобного Александра Свирского	179
<i>Соболева А.Е. Соболева М.Е.</i>	
Миниатюристы XVII в.: какие рукописи оформлял Потап Максимов?	187

<i>Мальшева Н.Н., Сарачева Т.Г.</i>	
Обзор коллекции фотопластинок 1920—1930-х годов из негатеки Покровского собора	199
<i>Коновалов И.В.</i>	
История развития архитектуры церковных колоколов на примере собрания Государственного исторического музея	222
<i>Белозерова И.В.</i>	
Николай Николаевич Померанцев и Покровский собор (по материалам отдела письменных источников ГИМ)	260
<i>Тугус М.Б.</i>	
Н.Н. Померанцев и церковь Троицы в Никитниках, что у Варварских ворот Китай-города в Москве (по материалам ОПИ ГИМ 1918—1929 гг.)	282
<i>Власникова М.А.</i>	
Взаимодействие научного сообщества, государства и Русской Православной Церкви: опыт и перспективы	303
<i>Мокрополова А.Д.</i>	
Деятельность П.М. Дульского в контексте сохранения церковного искусства в Казани в 1920—1930-х годах	314
<i>Житкова Т.В.</i>	
Фреска с изображением преподобного на западной стене церкви Ризположения в Московском Кремле	322
<i>Серебрякова Е.И.</i>	
О малоизвестном лицевом Евангелии апракос XVI в. из собрания Исторического музея: вопросы атрибуции и истории памятника	330
<i>Шадунц Е.К.</i>	
Три сюжета из научной деятельности протоиерея Александра Ивановича Свирелина (1830—1906)	346
<i>Михайлова З.В.</i>	
Дар священника Иоанна Попова	365
<i>Катаев Р.С.</i>	
Работы В.П. Стасова и М. Месмахера в интерьере Смольного собора: исследование и реконструкция	372
<i>Шуньгина С.Е.</i>	
Археологическое изучение Тихвинского Богородичного Успенского мужского монастыря: краткие итоги	376
Из исторического наследия	
<i>Кузнецов И.И.</i>	
Святой Прокопий Праведный, Устюжский Чудотворец. Опыт исследования Жития	405
Список сокращений	429
Сведения об авторах	432

ГИМ
150 ЛЕТ

Научное издание

Актуальные проблемы изучения и сохранения
памятников архитектуры

Чтения памяти И.И. Кузнецова
Выпуск 2

Редакционно-издательский отдел ГИМ
Заведующая *Г.В. Лемигова*
Редактор *С.Н. Романова*
Художник *А.Н. Белов*

Фотоотдел ГИМ
Заведующий *С.В. Милицкий*
Фотограф *Г.Г. Сапожников*

ISBN 978-5-89076-437-9

Электронная версия

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный исторический музей»
109012, Москва, Красная площадь, д. 1

Книги и сувениры Государственного исторического музея можно приобрести
в нашем интернет-магазине **shop.shm.ru**